Непереводимое в переводе

- **Аннотация:**
СЕРГЕЙ ВЛАХОВ, СИДЕР ФЛОРИН Непереводимое в переводе Под редакцией Вл. РОССЕЛЬСА ПРИ ПЕРЕВОДЕ СЛЕДУЕТ ДОБИРАТЬСЯ ДО НЕПЕРЕВОДИМОГО, ТОЛЬКО ТОГДА МОЖНО ПО- НАСТОЯЩЕМУ ПОЗНАТЬ ЧУЖОЙ НАРОД, ЧУЖОЙ ЯЗЫК МОСКВА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ 1980

СЕРГЕЙ ВЛАХОВ

СИДЕР ФЛОРИН

Непереводимое в переводе

Под редакцией Вл РОССЕЛЬСА

ПРИ ПЕРЕВОДЕ СЛЕДУЕТ ДОБИРАТЬСЯ ДО НЕПЕРЕВОДИМОГО, ТОЛЬКО ТОГДА МОЖНО ПО-НАСТОЯЩЕМУ ПОЗНАТЬ ЧУЖОЙ НАРОД, ЧУЖОЙ ЯЗЫК

МОСКВА

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ 1980

ам	-- американский
	[диалект]
англ.	-- английский
араб.	-- арабский

болг.	-- болгарский
венгр	-- венгерский
гол л.	-- голландский
гр.	
ИНД.	-- хинди
исп.	-- испанский
ит.	-- итальянский
кит.	-- китайский
лат	-- латинский
нем.	-- немецкий

Гете
"Международные отношения",

198044--80 4602000000 70104--023 003(01)--80

И НЕПЕРЕВОДИМОЕ ПЕРЕВОДИМО!

(Вместо введения)

Кто мог бы стать Рембо? Никто из нас.
И даже сам Рембо не мог бы лично
Опять родиться, стать собой вторично
И вновь создать уж созданное раз.
А переводчик -- может! Те слова,
Что раз дались, но больше не дадутся
Бодлеру -- диво! -- вновь на стол кладутся,

Та минута хрупкая жива?
И хрупкостью пробила срок столетий?
Пришла опять? К другому? Не к тому?
Та муза, чей приход (всегда -- последний)
Был предназначен только одному?!
Чу! Дальний звон . Сверхтайное творится:
Сейчас неповторимость -- повторится
Новелла Матвеева

Теорию непереводимости опровергла живая переводческая практика, превосходные работы плеяды талантливых переводчиков, и доказывать ее несостоятельность значило бы ломиться в открытую дверь. Уже Пушкин считал, что выраженное автором должно быть п е -ревыражено переводчиком; Гоголь предлагал иногда "отдаляться от слов подлинника нарочно для того, чтобы быть к нему ближе"; А. К. Толстой думал, что "не следует переводить слова, и даже иногда смысл, а главное -- надо передавать в п е ч а т л е н и е" !; К. И. Ч уковский призывал "переводить смех -- смехом, улыбку -- улыбкой"1 (разрядка наша -- авт.) 2. Из опыта мастеров возникла советская школа перевода, создатели которой недвусмысленно показали, что нет непереводимых произведений, что "каждый высокоразвитый язык является средством достаточно могуществен-

1 Русские писатели о художественном переводе. Л : Сов. писатель,

1960, с 187, 321 2ЧуковскийК. И. Высокое искусство М: Сов писатель, 1968, Vс. 61.

ным для того, чтобы передать содержание, выраженное в единстве с формой, средствами другого языка" 1.

Но вместе с тем -- и это не противоречит принципу переводимости (поскольку часть воспринимается лишь в составе целого) -- в любом художественном произведении есть такие элементы текста, которые, условно говоря, перевести нельзя. Мы говорим "условно", так как речь идет о невозможности формального перевода, а для полноценного воссоздания целого нужно последовать совету Гоголя...

Ярким примером непереводимых элементов текста являются реалии. Этим термином мы воспользовались в первой нашей публикации2для обозначения слов, называющих элементы быта и культуры, исторической эпохи и социального строя, государственного устройства и фольклора, т. е. специфических особенностей данного народа, страны, чуждых другим народам и странам.

С тех пор минуло почти двадцать лет. За это время теория перевода ушла далеко вперед. Появилось немало работ, касающихся и нашей темы. Некоторые авторы соглашались с нашими установками, ссылаясь или не ссылаясь на них; другие оспаривали те или иные детали, предлагали те или иные изменения, в том числе и в классификации. Богатый фактический и теоретический мате-риал накопился и в наших картотеках, было сделано немало наблюдений; более четким стало понимание реалий как единиц перевода, их значения в теории и практике перевода, а также в лексической системе языка и в лексикографии. Вообще реалии оказались категорией намного более интересной, а вместе с тем и не такой простой и однозначной, как казалось сначала. Раскрылись чрезвычайно разветвленные их связи со множеством других лексических, фразеологических и экстралингвистических элементов текста, их способность переходить в другие категории. Все это обязывало нас дать более серьезную трактовку вопросов, связанных с переводом реалий; эти разработки составили первую часть настоящей книги.

Мы преследовали в основном чисто практическую цель: облегчить работу переводчика, предоставить ему набор средств для передачи "непереводимого" в разных

'Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М: Высшая школа, 1968, с 144.

2Влахов С, Флорин С. Непреводимото в превода. Реалии.-- Български език, 1960, кн. 2-3, с. 168--187.

VI

контекстах, возможно шире охватив все многообразие его задач. Вместе с тем, однако, мы высказали отдельные теоретические соображения, например, в отношении терминологии в этой области переводоведения, уточнили некоторые понятия и дополнили классификацию реалий, что, на наш взгляд, может способствовать уточнению самого понятия.

При этом мы стали шире рассматривать и смежные категории "непереводимого". Более четкие границы приобрели вопросы перевода фразеологии, имен собственных, тесно связанных с реалиями

внеязыковых элементов, а также обращений, терминов, иноязычных вкраплений, звукоподражаний, таких мало разработанных в теории перевода явлений, как отход от литературной нормы, каламбуры, сокращения. Этот материал оказался настолько обширным и разнообразным, что пришлось ограничиться изложением максимально необходимого, важнейшего и наименее освещенного в литературе. Все вышеперечисленное составило вторую часть книги.

Почти весь наш материал -- вся первая и большая половина второй части -- связан, по сути дела, с передачей колорита, национального и исторического, поскольку не детали перевода отдельных элементов текста, а именно "вопрос о передаче национального своеобразия подлинника, его особой окраски, связанной с национальной средой, где он создан, относится к числу тех основных проблем теории перевода, от которых зависит и ответ на вопрос о переводимости"1. Реалии -- наиболее яркие выразители колорита; поэтому наше внимание было сосредоточено прежде всего на них, поэтому и раздел о реалиях является как бы объединяющим для всех остальных, посвященных рассмотрению более или менее связанных с ними единиц перевода.

Так как особый колорит присущ прежде всего художественной литературе, мы старались не выходить за рамки проблем художественного перевода (не касаясь перевода поэзии как совсем особой области). Однако в художественном произведении можно встретить и все то, что встречается в общественно-политической, научной и технической литературе (даже самой узкоспециальной). Отсюда закономерно, что мы включили в рассматриваемые нами вопросы художественного перевода и элементы, присущие другим жанрам.

1 Ф е д о р о в А В Указ соч, с 352.

VII

Неохваченным остается целый ряд вопросов, также связанных с передачей колорита и реалий: нулевой перевод, стихотворные элементы в прозаическом тексте, ритмомелодика, намеки и аллюзии, проблемы лингвострано-ведения и культуроведения, социолингвистики и психолингвистики. Над многими из этих проблем авторы уже начали работать.

Наша работа осуществляется в рамках общей теории перевода, т. е. перевода с любого языка на любой. Иллюстративный материал охватывает в основном пять языков: русский, болгарский, английский, французский и немецкий, но в ряде случаев приведены примеры и на других языках; однако, поскольку авторы -- болгары, пишущие для русского читателя, то и примеров из этих двух языков оказалось больше.

Наш труд не претендует на совершенную новизну и оригинальность; мы выразили не только собственные взгляды и позиции, но и постарались собрать и подытожить мнения представителей главным образом советской школы перевода, с которыми нас роднит в первую очередь убеждение, что и непереводимое переводимо -- разумеется, в рамках произведения в целом. В том, что мы пишем, может быть, не все бесспорно, не все затронутые вопросы решены окончательно и бесповоротно, да и решение, которое мы даем, может оказаться не самым удачным. Перевод -- искусство, а мы говорим об отдельных приемах, которые меняются от языка к языку, от автора к автору, от переводчика к переводчику и, конечно, от контекста к контексту. Все меняется во времени: новые птицы принесут новые песни, которые и потребуют иных приемов перевода для нового читателя. Быстрое развитие контактов между народами может также внести свои коррективы, например, когда повысится "понимаемость" чужеязычного текста. Но тем не менее хочется думать, что кое-что останется, что наши скромные наблюдения и выводы помогут переводчикам в их работе. Так или иначе, мы будем считать свою задачу выполненной, если по прочтении этой книги вдумчивый переводчик придет к заключению, что на самом деле непереводимого в переводе нет, поверит в свои силы и не будет относить неудачи, обусловленные отсутствием настойчивости и сообразительности, за счет "непереводимой игры слов".

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Основные

БЭЛ -- безэквивалентная лексика
ИЯ --исходный язык (язык оригинала)
ПЯ --переводящий язык (язык перевода)
ФЕ --фразеологическая единица (фразеологизм)

Языки

норв.	-- норвежский
перс.	-- персидский
пол.	-- польский
порт.	-- португальский
рум.	-- румынский
рус.	-- русский
серб	-- сербский
тур.	-- турецкий
тюрк	-- тюркский (тюркские языки)
укр.	-- украинский
фин.	-- финский
фр.	-- французский
чеш.	-- чешский
ЯП.	-- японский

РФС РЧД
сие
слт ее ,
С-СЛТ
ССРЯ
ССФЯ
стря
Уш.
ФРФС
ФСРЯ
эс
ACD COD DQ
FED
RDW
RED SP

Словари и справочники

АРФС -- К У н и н А. В. Англо-русский фразеологический сло варь. Т. 1--2. Изд. 3-е. М.: Сов. энциклопедия, 1967.

БАРС -- "Большой англо-русский словарь". Под ред. И. Р. Гальперина. Т. 1--2. М.: Сов. энциклопедия,

1972.
БАС -- [Большой академический словарь] "Словарь совре
менного русского литературного языка". Т. 1--17.
М.--Л.: Наука, 1950--1965.
БИРС -- "Большой немецко-русский словарь". Т. 1--2. М.:
Сов. энциклопедия, 1969.
БРПС -- "Болгарско-русский политехнический словарь". М.:
Русский язык, София: Техника, 1975.
БРС -- Бернштейн С. Б. Болгарско-русский словарь.
Изд. 2-е, стер. М.: Русский язык, 1975.
БРЧС -- "Большой русско-чешский словарь". Под ред. Л. Ко-
пецкого (и др.). Прага, 1952--1962.
БСЭ -- "Большая советская энциклопедия". Изд. 3-е. Т. 1-- АПТХП
26. М.: Сов. энциклопедия, 1970--1977.
БТР -- "Български тълковен речник". Изд. 3-е. София, 1973.
ИКр. ЛГ МП
рр~ "Кратка българска енциклопедия". Т. 1--5. София, 1963--1969.
-- "Краткая географическая энциклопедия". Т. 1--5. М.: Сов. энциклопедия, 1960--1966.
-- "Краткая литературная энциклопедия". Т. 1--8. М.: Сов. энциклопедия, 1962--1975.
ЛРС --Дворецкий И. X. Латинско-русский словарь.
Изд. 2-е М.: Русский язык, 1976.
МАС -- [Малый академический словарь] "Словарь русского
языка". Т. 1--4. М.: Наука, 1957--1961.
НРРНС -- Г о т л и б К- Г. М. Немецко-русский и русско-немецкий словарь "ложных друзей переводчика". М.: Сов. энциклопедия, 1972.
НСиЗ -- "Новые слова и значения. Словарь-справочник". М.:
Сов. энциклопедия, 1971.
Ож. -- Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 10-е.
М.: Сов. энциклопедия, 1973.
ОСРЯ -- "Орфографический словарь русского языка". Изд.
13-е. М.: Русский язык, 1974.
РАС -- "Русско-английский словарь". Изд. 10-е. Под ред.
О. С. Ахмановой. М.: Русский язык, 1975.
РБПР -- "Руско-български политехнически речник". М.: Рус
ский язык, София: Техника, 1976.
РБР і -- "Руско-български речник". Под ред. на С. Влахов,
А. Людсканов, Г. Тагамлицкая. Т. 1--2. София, 1960.
РБТР -- ГергановП. (и др.). Руско-български технически
речник. София, 1957.
РИС -- Герье С. В., С к в о р ц о в а Н. А. Русско-италь
янский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и над ел.
1953.
РНС -- "Русско-немецкий словарь". Изд. 7-е. М.: Русский
язык, 1976.
РСБКЕ -- "Речник на съвременния български книжовен език". Т. 1_3. София, 1955--1959.
-- "Русско-французский словарь". Изд. 9-е. М.: Сов. энциклопедия, 1969.
-- Милев Ал. (и др.). Речник на чуждите думи в бъл-гарския език. София, 1958.
-- "Словарь иностранных слов". Изд. 6-е. М.: Сов. энциклопедия, 1964.
-- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966.
-- "Словарь синонимов". Под ред. А. П. Евгеньевой. Справочное пособие. Л.: Наука, 1975.
-- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. М.: Просвещение, 1976.
-- "Словарь сокращений русского языка". Под ред. Б. Ф. Корицкого. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. ел., 1963.
-- "Словарь сокращений французского языка". М.: Сов. энциклопедия, 1968.

--• Шилова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата: Наука, 1976.
-- "Толковый словарь русского языка". Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1--4. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. ел., 1947--1948.
-- "Французско-русский фразеологический словарь". Под ред. Я. И. Рецкера. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. ел., 1963.
-- "Фразеологический словарь русского языка". Под ред. А. И. Молоткова. М.: Сов. энциклопедия, 1967. 1 -- "Энциклопедический словарь". Т. 1--2. М.: Сов. энциклопедия, 1963--1964.
-- B a г п h a r t Cl. L. The American College Dictionary. N. Y., 1948.
"The Concise Oxford Dictionary of Current English", 4th ed. Oxford University Press, 1956.
-- "Dictionnaire Quillet de la langue francaise". Paris, 1959.
"Cassel's French-English Dictionary". London, 1966.
B i e l f e l d t H. H. Russisch-Deutsches Worterbuch. 5. Aufl. Berlin, 1965.
Wheeler M. The Oxford Russian-English Dictionary. Oxford, 1972.
"Der Sprach-Brockhaus". Leipzig, 1940.
Сборники и периодика
-- "Актуальные проблемы теории художественного перевода". Материалы Всесоюзного симпозиума (25.2.-- 2.3.1966). Т. I--II. М.: Сов. писатель, 1967.
-- "Известия"
-- "Крокодил"
-- "Литературная газета"
-- сб. "Мастерство перевода", N 1--10. М.: Сов. писатель, 1959--1977.
-- "Русская речь"

РЯШ
РЯНШ
РЯзР
ткп
тп
тпнопп
ФН
Часть I
- "Русский язык в школе"
- "Русский язык в национальной школе"
- "Русский язык за рубежом"
- сб. "Теория и критика перевода". Л.: Изд. ЛГУ, 1962.
- сб. "Тетради переводчика", N 1--14. М.: Междунар. отнош., 1963--1977.
"Теория перевода и научные основы подготовки переводчиков". Материалы всесоюзной научной конференции. Ч. I--II. М.: МГПИИЯ, 1975. "Научные доклады высшей школы: Филологические науки".

В цитатах из переводов не упоминаются фамилии переводчиков, поскольку авторы не обсуждают качества их работы, а лишь пользуются их переводами для иллюстрирования тех или иных теорети-ческих установок.
*
Пропуски в цитатах обозначаются двумя точками в горизонтальном положении (..), в отличие от многоточия (...), которое принадлежит авторам цитат.

Глава I

ПОНЯТИЕ "РЕАЛИЯ"

Перевод реалий -- часть большой и важной проблемы передачи национального и исторического своеобразия, которая восходит, должно быть, к самому зарождению теории перевода как самостоятельной дисциплины. Не ставя себе целью дать исторический обзор, приведем только некоторые факты и имена, связанные с разработкой данной проблемы в переводоведе-нии.

Этой области в той или иной степени, с той или иной точки зрения касались и касаются все теоретики перевода, из нее переняли свои доводы сторонники непереводимости, их опровергали теоретики-реалисты, указывая и доказывая возможности передачи колорита путем отхода от

перевода "буквы". Немало о "передаче национального своеобразия" подлинника, "народного духа" и "национальной специфики", о "чертах времени и места", о "сохранении стилистического своеобразия подлинника", о передаче текста "в его национальной одежде" писал и Ив. Кашкин 1.

О реалиях, как о показателях колорита, конкретных, зримых элементах национального своеобразия, заговорили, по-видимому, лишь в начале 50-х годов. У Л. Н. Собо лева ' уже в 1952 г. мы находим не только употребление термина "реалия" в его современном понимании, но и до-статочно выдержанную дефиницию (см. гл. 4). О реалиях пишет также Г. В. Чернов 2, который, однако, пользуется преимущественно названием "безэквивалентная лексика", ссылаясь на кандидатскую диссертацию Г. В. Шат-кова и работы М. П. Алексеева, А. В. Федорова, Я- И. Рецкера и И. Келлера3. Очень серьезно, главным образом с лингвистической точки зрения, вопрос о реалиях ставится в статье А. Е. Супруна4, рассматривающего их как "экзотическую" лексику, а за несколько лет до этого Вл. Россельс намечает некоторые из основных черт реалий как переводовеческой категории5.

Реалия, как слово, обозначающее важное понятие в теории перевода, к сожалению, не зафиксирована (как, впрочем, и близкие к ней "безэквивалентная лексика", "экзотизм" и др.) в первом такого рода словаре переводческих терминов А. Д. Швейцера6. Уже это дает нам основание подробнее остановиться на самом слове "реалия", а затем и на обозначаемом им понятии.

Реалия-предмет и реалия-слово

Само слово "реалия" -- латинское прилагательное среднего рода множественного числа (realis,-e, мн.

'Соболев Л. Н. Пособие по переводу с русского языка на французский. М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1952, с. 281. 2Чернов Г. В. К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык. -- "Ученые записки" 1-го МГПИИЯ, т. XVI, М., 1958, с. 223--224. 3Шатков Г. В. Перевод русской безэквивалентной лексики на норвежский язык. Канд. дисс., ВИИЯ, М., 1952; Алексеев М. П. Проблема художественного перевода. Иркутск, Изд. Иркут. ун-та, 1931; Федоров А. В. Введение в теорию перевода. М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1953; РецкерЯ. И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык. -- Сб. Вопросы теории и методики учебного перевода. М.: АПН РСФСР, 1950 -- все цитаты по работе Г. В. Чернова (см. выше сноску 2); К е 11 е г J. Die Grenzen der Obersetzungskunst. Karlsruhe, 1892.

4 Супрун А. Е. Экзотическая лексика. -- ФН, М., 1958, N 2, с. 50--54.

5 Россельс Вл. О передаче национальной формы в художественном переводе (Записки переводчика). -- "Дружба народов", М.: 1953, N 5, с. 257--278; Перевод и национальное своеобразие подлинника.-- Сб. Вопросы художественного перевода. М.: Сов. писатель, 1955, с. 165--212; "Реалия", статья в КЛЭ, т. 6.

бШвейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973, с. 270--275.

realia -- "вещественный", "действительный"), превратившееся (в русском и болгарском языках) под влиянием аналогичных лексических категорий в существительное женского рода. Им обозначают (главным образом в филологических текстах) предмет, вещь, материально существующую или существовавшую, нередко связывая по смыслу с понятием "жизнь"; например, "реалии европейской (общественной) жизни". Согласно словарным определениям, это "всякий предмет материальной культуры", "в классической грамматике разнообразные факторы... такие как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка и т. п. с точки зрения их отражения в данном языке", "предметы материальной культуры, служащие основой для номинативного значения слова"'.

С другой стороны, в переводоведении термином "реалия" обозначают большей частью слова, называющие упомянутые предметы и понятия. В терминологии, связанной с реалиями, это далеко не единственное несоответствие. О других терминологических расхождениях пойдет речь дальше (см. гл. 3), здесь же хочется уточнить только этот конкретный вопрос.

Реалия-предмет, даже в рамках страноведения, имеет широкое значение, которое далеко не всегда укладывается в рамки реалии-слова, будучи элементом внеязыковой действительности (см. также ч. II, гл. 10); реалия-слово как элемент лексики данного языка представляет собой знак, при помощи которого такие предметы -- их референты -- могут получить свое языковое обличие. По-видимому, чтобы внести ясность в этот вопрос, некоторые авторы2 стараются уточнить понятие, употребляя наряду с термином "реалия" и "реалия-слово".

На наш взгляд, термин "реалия" в значении "реалия-слово" достаточно укрепился в переводоведении (это не мешает ему существовать в предметном своем значении в других отраслях лингвистики), чтобы не уточнять его при каждом употреблении; так что в настоящей работе "реалия" -- это везде только лексическая (или фразеоло-

1 См. СИС, ЭС, СЛТ, С-СЛТ. В. Д. Андреев, Б. И. Репин, В. Г. Гак и др.

гическая1) единица, а не обозначаемый ею объект (референт).

Отсутствие четкости в терминологии, употребляемой переводчиками и теоретиками перевода, лингвистами и лингвострановедами в отношении этого понятия, зыбкие границы между реалией и "нереалией", между реалией в переводоведении и реалией в литературоведении и лингвистике, между реалиями и другими классами лек-. сики требуют в первую очередь хотя бы приблизительно го выяснения содержания реалии как переводоведческо- го термина. Удобнее всего такое ориентировочное уточне ние понятий начать с сопоставлений и проти вопоставлений. \

Реалия и термин

В первую очередь бросается в глаза сходство реалии с термином. В отличие от большинства лексических единиц, термины обозначают точно определенные понятия, предметы, явления; как идеал -- это однозначные, лишенные синонимов слова (и словосочетания), нередко иноязычного происхождения; среди них есть и такие, значения которых ограничены исторически. Все это можно сказать и о реалиях. Более того, на стыке этих двух категорий имеется ряд единиц, которые трудно определить как термин или как реалия, а немало и таких, которые можно "на законном основании" считать одновременно и терминами и реалиями. У А. Д. Швейцера есть даже название "термин-реалия"2.

Не менее значительны, однако, и расхождения между ними. Реалии без колебания относят к безэквивалентной лексике (БЭЛ), в то время как термины принадлежат в основном к немногим языковым единицам, имеющим полное языковое покрытие в ПЯ, т. е. единицам, переводимым эквивалентами.

Термин -- элемент подъязыков науки спе-

1 Наряду с реалией-словом возможна и реалия-словосочетание (о форме реалий см. гл. 2).

2 Швейцер А. Д. Указ, соч., с. 253. О зыбкости границ между реалией и термином говорит и А. Е. Супрун (подразумевая под "экзотической лексикой" реалии, а слово "реалия" употребляя в предметном значении): "В географических и исторических описаниях, где имеется необходимость в обозначении соответствующих реалий, употребление экзотической лексики закономерно, причем здесь ее роль сближается с ролью терминологической лексики" (см. указ, статью, с. 51).

8циальной научной литературы -- в подавляющем большинстве случаев выполняет назывную функцию; попадая в текст иного жанра, он приобретает, кроме того, и роль средства для осуществления тех или иных стилистических задач (см. ч. II, гл. 7). Реалия же большей частью связана с художественной литературой, где представляет собой одно из средств передачи местного и временного колорита; в научном тексте реалии нередко играют роль заурядных терминов.

Термин обычно распространяется с распространением предмета, наименованием которого он является. Как к себе домой он входит в язык каждого народа, который тем или иным путем знакомится с его референтом. От термина нельзя требовать "национальной принадлежности": независимо от своего происхождения он -- достояние всего человечества, которое и пользуется им, как своей законной "собственностью". Реалия же всегда принадлежит народу, в языке которого она родилась. В отличие от терминов, она проникает в другие языки в общем независимо от знакомства соответствующего народа с обозначаемым ею объектом, чаще из литературы и/или по каналам средств массовой информации. Ее принимают на время, и она гостит у принявшего ее народа иногда день, иногда год, а бывает, обживается настолько, что превращается в заимствованное слово, обогащая или засоряя язык.

Более того. Есть реалии, и их немало, которые, не будучи терминами, имеют международное распространение (см. гл. 5) и употребляются практически так же широко, как и термины. Но и здесь от

последних их отличает сфера их применения, как было сказано выше, и "неистребимый", даже если он едва заметен, национальный или исторический оттенок.

Термины отличаются от реалий и по происхождению. Многие создаются искусственно для наименования тех или иных предметов (в качестве строительного материала часто используются средства латинского и греческого языков) или путем опять-таки сознательного переосмысления уже существующих слов, в то время как реалии возникают всегда путем естественного словотворчества. И это вполне понятно: реалии -- народные слова, тесно связанные с бытом и мировоззрением создающего их народа.

Важной чертой реалий, на которую еще в 1958 г. указывал Г. В. Чернов, является, в отличие от терминов, их

общеупотребительность1, популярность, "зна-комость" всем или большинству носителей исходного языка (ИЯ) и, наоборот, "чуждость" (В. П. Берков) 2 носителям принимающего их языка перевода (ПЯ).

Рассматривая возможность некоторой детализации в отмежевании реалий от терминов (а также и других категорий лексики), постараемся изложить ход наших размышлений на примерах с наименованиями племен и растений-- двух семантических групп, очень близких к терминам.

В прекрасных очерках Л. В. Шапошниковой "Австра-лоиды живут в Индии" (М.: Мысль, 1976) встречаются десятки наименований племен: анади, панья, аранаданы, вишаваны, каникары, муллу-курумба и т.д., -- и все эти наименования выглядят типичными реалиями. Однако логическое размышление должно привести нас к выводу, что такое впечатление обусловлено лишь непривычностью этих слов. В самом деле, чем отличается наименование племени "каникары" от народности "масаи" или нации "болгары"? Все три -- наименования этнических общностей, для каждой из которых характерна их связь с точно определенным по месту и времени объектом, то есть их уникальность; вместе с тем они обладают признаками и имени собственного, и термина. Но в таком случае, если считать реалией "ямади", казалось бы реалией должны быть и "французы"...

Так же приблизительно обстоит дело и с растениями (а по существу и с любыми наименованиями из области естественных наук -- названиями животных, минералов и т. д.). Сравним некоторые названия в следующих текстах: "..Поспевает морошка и шикша, кое-где встречаются брусника, голубика и американская княженика"3 и "Из Мозамбика при ко-

1 "С точки зрения принадлежности к тем или иным пластам словарного состава всю анализируемую группу лексических единиц (в терминологии автора -- "безэквивалентную лексику") можно охарактеризовать следующим образом. Подавляющее большинство., носит терминологический характер.. Однако характерной особенностью, не позволяющей отнести их безоговорочно к чистому термину, является их широкое вхождение в общенародный язык, их общеупотребительность.." (Указ, соч., с. 226--227)

2 Берков В. П. Вопросы двуязычной лексикографии. Л.: Изд. ЛГУ, 1973.

3Стоценко В. Командорские встречи. -- Сб. Бригантина. М.: Молодая гвардия, 1973.

10

лонизаторах, -- говорит министр, -- вывозилось исключительно сырье -- орехи кэшью1, сахарный тростник, сизаль, хлопок, копра"2. (Разрядка наша -- авт.) В первом тексте перечислены названия ягод, во втором -- растительного сырья, то есть в каждом -- имена одного уровня. Однако в то время как для русского ягоды более или менее знакомы (за исключением, может быть, шикши и американской княженики, которой, кстати, не оказалось и в ботаническом словаре), для болгарина, у которого нет даже слова, соответствующего русскому "ягода" (или английскому berry, немецкому Beere), как, вероятно, и для любого южанина, все эти названия -- сплошная экзотика. Хлопок и сахарный тростник, хотя и производятся далеко не везде, не удивят никого, да и слова-то русские, а вот остальные три названия знакомы не каждому: копру и отчасти сизаль знают читатели литературы о путешествиях; орехи кэшью только в последнее время стали более или менее известны в Болгарии благодаря ввозу из Индии (характерный для термина, а не для реалии способ проникновения в язык). Следует ли считать реалией "банан", "ананас"? А плоды "мугонго" или "мерулы"? Все это наименования, так сказать, одного ранга -- на уровне "яблоко" или "груша". Они отличаются тем, что одни имеются в нашей стране и соответственно наименованы, другие (банан, ананас) у нас не произрастают, но мы их знаем относительно давно под их оригинальным именем, о существовании же остальных мы узнали недавно или слышим впервые.

А что даст отнесение этих признаков к терминам? Принято считать, что специальная терминология -- область специальных наук и дело узких специалистов. Однако в наш век научно-технической революции это мнение можно считать несколько устаревшим даже по отношению к некоторым терминам весьма узких отраслей науки. Благодаря интенсивному развитию средств массовой информации, сближающих не только континенты, но и людей науки с остальной частью человечества, для нашего времени "характерна одновременная тенденция к терминологичности и к деспециализации", обусловленная "широким проникновением терминов в народную

1 Это слово удалось обнаружить только в БАРС, но в другой транскрипции: "орех кешу".

2 И, 30.1.1975; ."--. . ; ,. 5.,;^.,. ,. ,

11

жизнь"'. Получается так, что, в конечном счете, и показатели "знакоместа" и "чуждости" в качестве ограничительных критериев не слишком надежны.

Если добавить к этому частый и легкий переход реалий в термины и терминов в реалии, то наиболее убедительными средствами отличения реалий от терминов следует считать местную и/или историческую окраску, характер литературы (художественной, научной), в которой употребляется данная лексическая единица, и, разумеется, узкий и широкий контекст.

Реалия и имя собственное

Некоторые реалии обладают и признаками имен собственных, другие стоят на границе между обеими категориями, и не менее правильно было бы сказать, что многие из имен собственных могут быть и реалиями. В самом деле, близкие черты многих реалий и имен собственных в ряде случаев делают почти невозможным их размежевание. Нередко границу приходится проводить, опираясь лишь на орфографию: с прописной буквы пишется имя собственное, со строчной -- реалия; а в отно-шении немецкого языка, где с прописной пишутся и нарицательные имена, отпадает и эта "соломинка".

Однако, как большинство отличий формального характера, и это в общем нельзя считать особенно надежным; непоследовательность в написании ряда единиц на разных языках, а зачастую и в границах одного языка, может свести его на нет.

От типичных имен собственных некоторые реалии отличаются в плане содержания лишь наличием собственного значения (семантики) и по этому признаку их можно было бы приравнять к так называемым "говорящим" или "значащим" именам собственным. Например, среди наименований праздников есть вполне понятные: День учителя, Международный женский день, а есть и такие, которые ничего не говорят читателю -- нала, малиду и др., попадающиеся, например, в упомянутом выше сочинении Л. В. Шапошниковой; по той или иной причине она не сочла нужным раскрыть их семантику, и в переводе, как, впрочем, и в оригинале, они останутся в роли скорее имен собственных (несмотря на написание со

'Семенова О. Н. Архаическая лексика в романе А. Толстого "Петр I" и способы ее перевода на эстонский язык. -- ТКП, с. 57.

12

строчной буквы), чем реалий (см. об этом еще ч. И,

гл. 2).

Таким образом, и здесь можно повторить тот вывод, который мы сделали при сопоставлении реалий с терминами: границы между некоторыми именами собственными и (некоторыми) реалиями зыбки, иногда они вовсе отсутствуют, иногда одна категория переходит в другую, и причислять данные слова к той или другой можно (весьма условно) только опираясь на орфографию. Тем не менее мы не склонны включать имена собственные в категорию реалий, а исходя из критериев теории перевода, рассматриваем их как самостоятельный класс "безэквивалентной лексики", которому присущи свои признаки и приемы передачи при переводе, разумеется, нередко совпадающие с приемами "перевода" реалий. С реалиями их роднит большей частью и яркое коннота-тивное значение, обусловливающее способность передавать национальный и/или исторический колорит, которое, кстати, и заставляет ряд авторов причислять их к реалиям.

:'|

Реалия и обращение '

Особую группу реалий составляют обращения. В нашей старой классификации они были лишь вскользь упомянуты в одном ряду с должностями, званиями, титулами, но в дальнейшем более

детальное их рассмотрение выявило ряд отличий, обусловивших выделение их в самостоятельную главу (ч. II, гл. 3) настоящего исследования: во-первых, далеко не каждое обращение можно считать реалией, во-вторых, многие из них играют двоякую роль и, в-третьих, что гораздо важнее, они требуют особого подхода с точки зрения перевода и переводимо-сти.

Реалия и отход от литературной нормы

Многие из реалий могут представлять собой и отход от литературной нормы. Последнее понятие значительно шире, поскольку реалиями мы считаем только лексические (редко фразеологические) единицы, а литературная норма может быть нарушена (в зависимости от авторского замысла) на любом уровне языка и речи.

Сопоставляя выше реалии с терминами, мы искали главным образом границы между обеими категориями

13

(опираясь на их функции в речи, на характер текста, в котором они употребляются), здесь же мы постараемся указать возможность реалий принадлежать и к "нелитературной" лексике.

Так, реалии могут оказаться в числе слов ограниченного употребления, в первую очередь -- диалектизмов (включительно и лексики областных говоров). Это вполне естественно: ведь многие реалии обозначают местные предметы; сравнительно немногие принадлежат к элементам сниженного стиля -- просторечию и жаргонной лексике, а еще меньше их среди других лексических отступлений от литературной нормы (возникших как стилистический прием автора), таких как ломаная речь, детская речь, дефекты речи и т. п.

Любопытный материал в этом отношении дают "Казаки" Л. Толстого. Выборочная проверка по БАС некоторого количества слов, которые мы считаем реалиями, показала следующее.

Судя по пометам в словаре, большинство из них соответствует литературной норме, т. е. лишено запретительных помет, но в их толкованиях имеются указания на некоторую ограниченность употребления в связи с местной и/или исторической принадлежностью их референтов. Например, чихирь определяется как "кавказское красное неперебродившее вино", чивяки -- "кожаные туфли с мягкой подошвой у жителей Кавказа и Крыма", кизяк -- "высушенный в виде кирпичей навоз с примесью соломы, служащий топливом на юге.." (разрядка наша-- авт.); подобные толкования имеют и слова аул, буза, драбант, купей, сотник, станица, хорунжий, бешмет и т. д.; историческими реалиями можно считать слова сотник, станичный (атаман), хорунжий, абрек, но только последнее слово имеет помету "ист." (снятую в последнем издании Ож.).

Из лексики областных говоров к реалиям относятся крига, каймак, поршни (помеченные как "обл."); диалектизма ми, по всей вероятности, следует считать и те слова, которых в БАС нет: монет (муж. р.), чамбары, чапура, урван, лопазик, флинта; из них первые два есть у Даля, чапура и урван есть там же, но в несколько иной форме ("чапарка", "чапаруха", "ур-ванец", "урвен", "урвиголова"), а последних двух, к счастью, объясненных автором, нет и у Даля.

Такого типа реалии мы назовем локальными в 14

отличие от национальных (см. гл. 5). К ним, пожалуй, относятся и слова, русские по форме и вполне литературные, но с непривычным для литературного языка содержанием, по существу диалектные слова, обозначающие типичные для казацкого быта предметы и понятия: няня (=друг), закуска (= пряники и конфеты), избушка (помещение для хранения и обработки молока у казаков) и т. д. С точки зрения перевода, эти слова нужно отмечать особо, поскольку они относятся иногда к "ложным друзьям переводчика".

Локальными, видимо, можно считать и такие слова, как мамука, бабука, дедюка, нянюка, употребляемые в качестве обращений, которые также являются носителями местного колорита.

Реалий из элементов сниженных стилей в рассматриваемом произведении оказалось мало (просторечные закута и осьмуха); это объясняется отчасти характером повествования, но по-видимому, отражает и закономерное в этом отношении положение.

Реалия и иноязычное вкрапление

"Иноязычными вкраплениями" для нас являются все слова и выражения, которые автор оригинала дает на другом, не своем, языке в их исконном написании или в транслитерации, т. е. без каких-либо морфологических изменений. Таким образом, в состав подобных вкраплений могут попасть и чужие для языка автора реалии (см. гл. 5), которые переводчик, в свою очередь, переносит тоже в

иноязычном написании или транслитерации, послушно исполняя поставленные автором стилистические задачи.

Итак, реалиями являются только отдельные иноязычные вкрапления. Когда персонаж мешает "французскую речь с нижегородской" или вставляет в русские реплики украинские слова, то это обычно не реалии. Однако в аналогичном случае, когда говорит, допустим, русский,-долго живший во Франции, пересыпая свою речь названиями предметов, характерных для французского быта, -- "зайдем в бистро", "цены в нашем призюнике" -- или когда аналогичные слова, типа "с л а д к а р н и ц а", "к е б а п ч е" и т. п., проскальзывают в речь жившего, иногда даже недолго, в Болгарии русского, или когда Дядя Ерошка из "Казаков", рассказывая о своей щедрости, упоминает "пешкеш, подарок" (разрядка наша --

15

авт.), который он везет своему кунаку, то здесь обычно имеет место употребление реалий в их привычной функции -- передаче колорита, а отчасти и в целях речевой характеристики героев.

Таких промежуточных категорий, конечно, немало, но слишком четкая классификация их не имеет обычно практического значения для перевода. Исключением являются те случаи, когда приходится переводить на язык, из которого взято это слово.

С лингвистической точки зрения многие из иноязычных вкраплений, в том числе, может быть, и реалий, следовало бы отнести к "варваризмам", о которых пойдет речь ниже. С другой стороны, предложенный В. П. Бер-ковым термин для обозначения одного из видов экзотиз-мов -- "алиенизм" -- можно было бы использовать вместо термина "иноязычное вкрапление". Однако здесь, чтобы не усложнять терминологию, мы не будем употреблять ни этот термин, ни "варваризм".

В конечном счете, установление разграничительного критерия между реалиями и иноязычными вкраплениями зависит в основном от того, какое содержание автор вкладывает в эти понятия (см. ч. II, гл. 6).

Реалия и внеязыковая действительность

Реалия теснейшим образом связана с внеязыковой действительностью, на что указывает хотя бы этимология самого термина. Будучи наименованием отдельных предметов, понятий, явлений ..быта, культуры, истории данного народа или данной страны, реалия как отдельное слово не может отразить данный отрезок действительности в целом. Многое из того, что нужно "читать между строк" и что, тем не менее, выражено или подсказано так или иначе языковыми средствами, не вмещается в узкие рамки отдельных слов-реалий. Таковы характерные иносказания, намеки, аллюзии, все "сказанное" языком жестов и, шире, весь внеязыковый фон, детали которого можно было бы назвать "ситуативными реалиями" и который должен непременно найти отражение в тексте перевода. Приведем один пример. Герой Лермонтова Грушницкий, судя по переводам на болгарский язык дневника Печорина, был деревенским парнем или, по меньшей мере, происходил из крестьян. Это, правда, не особенно вяжется с его аристократическими знакомствами на водах, но к такому именно заключению должен

16

прийти любой болгарин, прочтя об отъезде юнкера "из отцовской деревни" ("от бащиното му село"1). Дело в том, что болгарину, несмотря на пять веков турецкого рабства в собственной стране, непривычно представление о крепостничестве, о том, что какому-то человеку может принадлежать деревня со всеми ее жителями; вот почему этот отрезок действительности -- деревня-имение Грушницкого-отца -- воспринимается болгарским читателем не как недвижимая собственность помещика, а как место рождения героя: раз он родился в деревне, значит он никакой не дворянин, а крестьянин. Этого одним словом-реалией не выразишь: нужны объяснения, страноведческий комментарий или, по меньшей мере, оговорка в самом тексте; даже лучше будет, видимо, "деревню" заменить "имением".

Вопрос об отражении внеязыковой действительности реалиями (и иными средствами) --один из самых сложных в теории перевода и вместе с тем исключительно важный для любого переводчика художественной литературы. В нем сплетается целый ряд разнородных элементов, таких как переводческий аспект страноведения, культура переводчика, учет фоновых знаний (знакомство с соответствующей средой, культурой, эпохой) читателя перевода по сравнению с привычными восприятиями и психологией читателя подлинника и, наконец, немало литературоведческих и лингвистических моментов (подробнее см. в ч. II, гл. 10).

Глава 2 '

РЕАЛИИ В ЛИНГВИСТИКЕ

Как языковые средства художественного изображения, реалии представляют собой языковые единицы, которыми в одинаковой степени пользуются как писатели, авторы оригинальных художественных произведений, так и переводчики беллетристики. Приступая к разбору реалий как языковых единиц, мы должны уже здесь разделить их на "свои" и "чужие" (см. гл. 5). "Свои реалии"-- это большей частью исконные или давно освоен-

: Лермонтов М. Ю. Собр. соч. в 4-х томах. Т. 4. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1962, с. 360. В двух переводах (Х. Левенсона и Хр. Ра-девского) одинаково фигурирует "бащиното село" -- "точное" соответствие подлиннику. Пример подсказан К- Андрейчиной.

17

1 Статья "Ложный принцип и неприемлемые результаты" печаталась в журнале "Иностранные языки в школе" (1952, N 2), но, согласно комментарию в книге Ив. К а ш к и н а "Для читателя-современника" (М : Сов. писатель, 1977, с. 554), в ней автор "развивает мысли, высказанные ранее в статье "Мистер Пиквик и другие" ("Литературный критик", 1936, N 5). См. в той же книге (с 444 и ел.) статью "Вопросы перевода". Глава II. "Черты времени и места", которая печаталась в сб. "В братском единстве" (М.: Сов. писатель, 1954).

ные языком слова, не отличающиеся по форме от любых других; такие слова не нуждаются в особых объяснениях. Поэтому предметом настоящей главы являются прежде всего "чужие реалии".

Будучи чужими, они нередко могут представлять трудность для переводчика своей формой, лексическими, фонетическими и морфологическими особенностями, возможностями словообразования и сочетаемостью, а также механизмом заимствования и своим поведением в качестве заимствованных слов. Мы не собираемся делать обширные экскурсы в лексикологию и грамматику, но есть ряд вопросов, от правильного решения которых иногда зависит успех работы переводчика. И успех не строго переводческой-работы. Переводчик, как и писатель, участвует в обогащении (или обеднении) языка, на который он переводит. Даже, пожалуй, больше, чем писатель, потому что многие иностранные слова, прежде чем укрепиться в языке и попасть в словарь, проходят через переводы. Так что совсем не лишне отметить и некоторые моменты работы переводчика с реалиями -- этого процесса потенциального обогащения или, напротив, засорения родного языка.

Форма реалии как языковой единицы

На вопрос, к какой категории языковых средств следует отнести реалии, специалисты не дают однозначных ответов. Например, М. Л. Вайсбурд, который вообще толкует реалии довольно широко (см. его дефиницию на с. 44), считает, что "понятия, относящиеся к числу реалий, могут быть выражены отдельными словами (маевка, декабристы, щи, пятак), словосочетаниями (Мамаев курган, дом отдыха), предложениями (не все коту масленица, что скажет свет, княгиня Марья Алек-севна), сокращениями (ЦПКиО, ОПН, КВБ, гороно, комсомол)" 1. Большинство других авторов2 говорят о "словах", "лексических единицах", добавляя иногда "словосочетания", к чему присоединяемся и мы.

'Вайсбурд М. Л. Реалии как элемент страноведения. -- РЯзР, 1972, N 3, с. 98 (здесь мы не считаем нужным останавливаться на некоторых неточностях и непоследовательности в примерах).

2 Л. Н. Соболев, Г. В. Чернов, А. В. Федоров и др.

18

1. В нашем понимании реалии -- только слова; добавление в этом случае (в скобках) "и словосочета-ния>> -- означает, что к реалиям на общем основании можно отнести, по выражению Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, "номинативные словосочетания"', то есть такие сочетания слов, которые семантически равны слову: если мы считаем реалиями такие слова, как стортинг или кортесы, то логично причислить к ним и болгарское Народное собрание и монгольский Великий народный хурал. Из 132 единиц, приведенных в "словариках" Н. В. Гоголя (списки украинизмов), имеется только 4 таких сочетания: лысый дидько (домовой), голодная кутья (сочельник), петровы батоги (трава) и тесная баба (игра).

Реалией может быть номинативное, то есть назывное, словосочетание еще и потому, что к реалиям мы обычно приравниваем кальки, нередко представляющие собой именно такие словосочетания.

Часто, когда идет речь о фразеологических единицах (ФЕ) в качестве реалий, подразумевают и 1) обычные устойчивые словосочетания всех типов, в том числе идиомы, пословицы и поговорки, многие из которых обладают сами по себе характерной национальной и/или исторической окраской, и 2) ФЕ, в компонентном составе которых имеются реалии (см. ч. II, гл. 1).

Другой формой реалий являются сокращения (аббревиатуры). Включение их в число реалий также логично, поскольку они представляют собой стянутые в одно "слово" (многие и стали словами -- вуз, собес, загс) номинативные сочетания (см. ч. II, гл. 9).

2. Говоря о форме, следует упомянуть также о ф о -нетическом и графическом облике транскрибируемых реалий. Транскрипция предполагает перенесение слова в текст перевода в форме, фонетически максимально приближенной, если не идентичной той, которую оно имеет в исконном для него языке, но не непременно ИЯ -- языке, откуда его берет переводчик.

Решение вопроса о форме заимствованной реалии зависит от того, фигурирует она в словарях ПЯ (словарная реалия) или нет. Словарные реалии входят в лексический состав ПЯ и, стало быть, уже обладают определенной формой, официально зафиксированной правилами

1 Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Изд. 2-е. М.: Русский язык, 1976, с. 71.

19

фонетики и орфографии данного языка. Эта форма, однако, может в той или иной мере отличаться от исконной-- хотя бы уже из-за неодинаковых фонетических систем языков, различных алфавитов и т. д.

Практический вывод в этом отношении один: чтобы не изобретать велосипеда заново, транскрибируя реалию в уже утвердившейся в ПЯ форме, переводчик должен чаще обращаться к словарям.

Не будем касаться случаев, когда принятая, утвердившаяся форма реалии слишком далека от оригинальной или по другим причинам не удовлетворяет переводчика: изменения в раз принятой транскрипции имеют свои "за" и "против", обсуждение которых не входит в задачи нашей работы.

3. Говоря о фонетической форме реалий, следует сказать несколько слов об ударении. Вводя в текст новую реалию, незнакомую читателю, переводчик хорошо сделает, если хотя бы при первоначальном ее употреблении отметит ударную гласную; в противном случае бывает, что у читателя на всю жизнь остается в памяти искаженное иностранное слово.

Эта "акцентологическая сторона" формы реалии очень важна для перевода с близкородственных языков, так как в сознании среднего читателя лексическая близкость единиц как бы предполагает и близость фонетическую, и слово в результате произносится по законам не ИЯ, а ПЯ, причем, естественно, ударение может оказаться не на месте. Попадая в тексты средств массовой информации, искаженные реалии получают массовое же распространение и закрепляются в ПЯ настолько, что исправить произношение обычно невозможно. Таким приблизительно путем вошли в болгарский язык баба яга (с ударением на первом слоге), трепак и гопак (с ударением тоже на первом слоге), кикимора (с ударением на предпоследнем слоге) и т. д.

Сказанное об ударении касается отчасти и словарных реалий-- тех, которые, по мнению переводчика, читатель может не знать.

Грамматическая форма реалий

Грамматическая форма реалии связана в первую очередь с определением ее принадлежности к данной части речи, к различным грамматическим категориям, и, естественно, с возможностями формообразования. jtllv, 20

1. Все наблюдения показывают, что как часть речи реалия, подобно термину, в подавляющем числе случаев -- имя существительное. На это указывает наличие одних лишь существительных в "словариках" Н. В. Гоголя, так же как в подобном списке японских слов, приложенном к сборнику произведений Я. Кавабата ', в ряде комментариев к русским переводам с болгарского и т. п. Это обусловлено предметным содержанием реалий как особого класса лексики, что хорошо видно из нашей дефиниции и классификации.

В отличие от терминов, среди реалий почти не встречаются отглагольные существительные, что объясняется отсутствием в содержании реалий "опредмеченного действия" (С-СЛТ).

При таком положении вопрос принадлежности реалий к другим частям речи представляется в следующем виде.

Самостоятельные, непроизводные реалии среди других частей речи нам не встречались, а реалию-служеб-ное слово даже трудно себе представить. Что касается производных от реалий частей речи, какие бы они ни были, то они, разумеется, должны сохранить, если не полностью, то хоть отчасти свой национальный или исторический колорит, независимо от того, будем мы их называть реалиями или нет.

Особую группу таких производных составляют отыменные прилагательные, генетически связанные с реалиями. Возьмем прилагательные от некоторых характерных реалий-мер: вершковый, аршинный, саженный, верстовой, фунтовый, пудовый и реалий-денег: копеечный и рублевый. В общем, значение большинства из них непосредственно связано со значением реалии, от которой оно произведено: "длиною (весом, достоинством, стоимостью) в один вершок (аршин, фунт, пуд, рубль) или одну сажень (копейку)". В прямом значении это относительные прилагательные, большей частью не имеющие эквивалентов-прилагательных в других языках; на каждый язык они переводятся в зависимости от его грамматической системы: на болгарский, французский и иногда на английский -- самой реалией (обычно в транскрипции) с предлогом "от", de и of, на

Кавабата Я. Тысячекрылый журавль. М.: Прогресс, 1971.

21

английский и немецкий -- реалией в качестве компонента сложного слова, иногда со словами: фр. valant, англ, worth, нем. wert ("рублевые папиросы", англ, one-rouble cigarettes, фр. cigarettes d'un rouble, нем. Rubelzigeret-ten, болг. "цигари от една рубла"). Так как в данном случае существительное рубль не отличается от прилагательного рублевый по своему семантическому содержанию, а национальный колорит остается неизмененным, трудно оспорить принадлежность таких слов к классу реалий.

Таково же приблизительно положение с притяжательными прилагательными; семантически они не отличаются от форм "родительного принадлежности"-- типа совхозный, помещичий, канцлерский, фара-онский, балалаечный (оркестр), былинный (склад), махорочный (дым). И здесь в переводах подавляющего большинства прилагательных будут фигурировать реалии-существительные (или, как в английском, прилагательные, имеющие форму существительного): shock worker achievement, болг. "дим от махорка" и т. д.

Положение существенно меняется, когда прилагательное получает значение качественного (точнее -- качественно-относительного) , то есть употребляется в переносном значении.

Следует отметить, что далеко не от всех реалий можно образовать прилагательные, которые имели бы и прямое, и переносное значение. Из приведенных выше вершковый и фунтовый могут значить только "длиною в один вершок" и "весом в один фунт" соответственно и употребляются редко; с другой стороны, копеечный, наряду с прямым значением "достоинством в одну копейку" (копеечная монета), имеет еще два, а то и три переносных значения: "стоящий недорого" (копеечная вещь), "низкооплачиваемый" (копеечные уроки) и "мелочно-расчетливый" (копеечный ум). При этом довольно трудно вывести определенную закономерность: переносные значения получают, с одной стороны, названия "мелких денег", разменной монеты (копейка, су, стотинка, пенни), с другой -- крупные меры (пуд, ока); от них не отстают и какие-то "средние" -- аршин и сажень. Возможно, что это связано с их большей употребительностью. Между тем, такие реалии послужили основой для образования множества фразеологических единиц.

Здесь, однако, важнее отметить, что в некоторых, даже, может быть, в большинстве прилагательных, приоб-

22

ретших переносное значение, оно как бы преобладает над прямым и часто настолько, что прямое почти перестает чувствоваться; это в свою очередь отражается на яркости колорита: он "выцветает" иной раз до такой степени, что переводчик серьезно подумывает об употреблении данного слова просто как синонима к прилагательному, определяющему его качество. Например, пудовый значит просто "очень тяжелый", и никому из русских, наверное, не придет в голову взвешивать сапоги, о которых сказано, что они "пудовые"; аршинный и сажен-ныи -- "очень большой" ("писать аршинными буквами", "саженные шаги"); "богатырский рост" не обязательно связывать с героями былин и т. д. Приблизительно такая же картина наблюдается в отношении сложных прилагательных стопудовый и тысячеверстный.

Итак, независимо от того, будем мы считать прилагательные, произведенные от реалий, реалиями или нет, обращаться с ними при переводе следует чрезвычайно осмотрительно: даже при утрате значительной доли национальной окрашенности или временной патины, в самих словах сохраняется достаточно аромата места и эпохи, чтобы заставить переводчика отказаться от нейтральных замен.

2. Войдя в ПЯ, одни из чужих реалий полностью акклиматизируются на новом месте и, чувствуя себя как дома, начинают пользоваться всеми правами и исполнять все обязанности хозяев, т. е.

получают определенный род (существительные) и способность изменяться, в зависимости от роли в предложении, по падежам и числам (ср. такое относительно новое в русском языке слово, как хунвейбин). Другие, благодаря своей форме, отличающейся от формы, присущей словам ПЯ, оказываются менее гибкими и "контактными", приживаются труднее и остаются в категории несклоняемых, как например, дацзибао; большинство этих слов -- среднего рода.

Многие транскрибированные реалии получают в ПЯ вполне правильные формы рода и числа: рубль в английском множественном числе roubles, в немецком Rubels, во французском roubles; копейка приобрела во французском форму мужского рода kopeck и, соответственно, множественное число kopecks. Правильно транскрибированное на болгарском кану употребляется с постпозитивным артиклем в единственном числе кануто, а во множественном числе канутата, что звучит достаточно нескладно.

23

Если все это -- словарные реалии, то переводчик легко справится с их "грамматическим оформлением"; если же ему приходится вводить такое слово, то, согласно нашим наблюдениям, может быть два пути: либо слово подгоняется под какую-нибудь модель ПЯ, так сказать, русифицируется грамматически (если речь идет о русском языке), либо независимо от оригинальной формы принимается как несклоняемое, т. е. употребляется в именительном падеже на протяжении всего текста. Впрочем, так же поступает и автор, вводя в свое произведение любые заимствованные впервые слова. Таким образом поступила Л. В. Шапошникова в упомянутых выше очерках, вводя, например, некоторые этнические реалии; рассказывая о мифическом происхождении своего племени, старейшина говорит: "Пусть будут отныне роды. Род мы назовем иллом (разрядка наша -- авт.) и добавим к нему названия тех частей оленя, которые получили наши охотники"'. При такой конструкции фразы русский читатель должен считать, что род -- это илл, поскольку "-ом" каждый примет за окончание творительного падежа. Однако из дальнейшего следует, что "так и возникли первые десять родов: Мут иллом, Каи иллом, Мен иллом и т. д."; так что оказывается, что это не илл, а иллом.

Бывает, что чужая реалия входит в язык не в своей исходной форме, иногда по причине неупотребительности этой исходной формы, но, пожалуй, чаще по недосмотру или незнанию переводчика. В "словариках" Н. В. Гоголя встречаются существительные во множественном числе (дрибушки, клепки, чумаки, дивчата, наряду с дивчина и т. д.), введенные в такой форме вполне сознательно; естественно дать во множественном числе имя существительное, не имеющее единственного (джинсы или близкое к ним болг. дынки]. Любопытна в этом отношении реалия комикс. Англ, comics (по существу множественное число от прилагательного comic) принято в русском языке со значением существительного в единственном числе, как и приведено в НСиЗ; однако там не дается ни одного примера в форме этого мнимого единственного: везде употребляются комиксы -- прямо-таки множественное в квадрате. Если верить БАРС, то это правильно; будем считать, что слово прижилось в таком виде. Но уже явно неправильно транскрибировать в переводе на болгарский множественное число германской административно-тер-

1 Шапошникова Л. В. Указ, соч., с. 224. " 7

24

риториальной единицы Land (в русских переводах -- "земля", например, "земля Гессен") в значении единственного числа -- "лендера Хессен". Думается, что это исключение. Как правило, нет основания вводить заимствованные реалии во множественном числе, когда вполне употребительно и единственное. Как употребляется в русском языке степь (единственное число) или близкая к ней венгерская пушта, так же нужно употреблять и пампа, не превращая ее в пампасы. Такие примеры нам встретились преимущественно в заимствованиях из испанского: "пончос" вместо пончо, "гаучос" вместо гаучо, "боде-гонес" вместо бодегон (своего рода харчевня) и пр.

В интересной статье В. Д. Андреева говорится, в частности, о склонении болгарских имен существительных в русских переводах и высказывается пожелание оставлять в именительном падеже слова типа пара (мелкая монета) и ага (господин -- почтительное о турке) ввиду их "невразумительности" при изменении формы в русском тексте: "А мне папа дал пять пар (разрядка наша -- авт.), или родительный падеж множественного числа от ага -- "аг"]. С этим нельзя не согласиться, но следует сделать небольшое уточнение. Решающим фактором в этих случаях является не грамматика ИЯ, т. е. тот факт, что эти слова "не знают падежных окончаний" в своем родном

языке, а правила ПЯ: в русском языке существительные, оканчивающиеся на гласную, типа бистро, альпака (с ударением на окончании), маки и др. относятся, в силу своей графической и фонетической структуры, к несклоняемым. В остальных случаях, например, если существительные оканчиваются на согласную, оставлять их несклоняемыми можно лишь в порядке исключения.

3. Одним из показателей "освоенности" чужой реалии в ПЯ может быть ее способность к репродукции. Примером может служить слово ковбой. Войдя в русский язык как существительное мужского рода первого склонения (по правилу -- как существительные с окончанием на -и), оно, вместе с тем, образовало прилагательное ковбойский (например, "ковбойская рубашка") и существительное ковбойка (в том же значении). Более интересным случаем является слово хиппи, когда слово само по себе недостаточно "обрусело" (осталось нескло-

Андреев В. Д. Некоторые вопросы перевода на русский язык болгарской художественной литературы. --ТКП, с. 141.

2-747 25

няемым), но тем не менее дало целый ряд отпрысков-производных; представим их цитатой из очерка В. Аксенова "Асфальтовая оранжерея": "Хиппи кончаются. Между тем за прошедшее восьмилетие даже и у нас в сленге появились слова, производимые от этого странного слова: "хиппую", "захипповал", "хиппово", "хиппари"..; если добавить к коллекции его же "старая хиппица" 1 и взятое из "Крокодила" прилагательное "хипповатый" ("Гоша длинноволос и хипповат"), окажется, что от одной только этой реалии у нас образовался чуть ли не полный набор частей речи.

у

Заимствование реалий

Здесь мы коснемся лишь некоторых общих положений, связанных преимущественно с местом чужих реалий в языке.

Говорить о заимствовании реалий можно только с точки зрения переводоведения, т. е. рассматривая их в плоскости пары языков. Между тем, распространенное мнение о том, что реалии представляют собой непременно заимствования, в известной мере противоречиво: заимствования уже являются элементами лексики данного языка, следовательно, слово, однократно введенное в текст перевода (таких среди реалий немало), можно назвать заимствованием лишь условно: пока это только своеобразный неологизм или окказионализм. С другой стороны, при многократном повторении, когда реалия прижилась настолько, что ее включают в словари заимствующего языка, она может превратиться в заимствованное слово, утратив до некоторой степени статус реалии. (Подробнее об утрате реалией колорита см. гл. 7.)

О заимствовании реалий можно говорить еще в тех случаях, когда они получают, так сказать, международное признание. Об этом мы упоминали, сравнивая реалии с терминами, но подробно рассмотрим этот парадоксальный на первый взгляд вопрос ниже (см. гл. 5).

Любопытный пример заимствования представляет собой употребление русских, характерных, главным образом, для жизни дореволюционной России, и советских реалий в иностранных языках (см. гл. 10).

1 ЛГ, 1.1.1976. 26

Описывая путь проникновения русских слов в английский язык, В. И. Фадеев пишет: "По возвращении в Англию купцы и предприниматели в своих отчетах подробно рассказывали о впечатлениях от всего увиденного в России, часто употребляя в своих докладах русские слова для'обозначения предметов и понятий русской жизни Некоторые из них получили широкое распространение в английском языке". И далее автор приводит своеобразную предметную классификацию этих слов: "Среди первых заимствований -- наименования, связанные с государственным устройством (царь, воевода, указ), обозначение мер веса, расстояния и денежных единиц (верста, аршин, пуд, рубль, копейка), названия предметов одежды и продуктов питания (кафтан, квас, кумыс), а также и бытовые слова (самовар, тройка, дрожки) и др." '. Нетрудно увидеть, что приведены одни лишь реалии, причем их "широкое распространение в английском языке" обусловлено отнюдь не появлением в английском быту их референтов, что и является одним из характерных различий между реалиями и терминами.

Реалии и культура речи

Это одна из тем, мимо которых не имеет права пройти ни один переводчик. Рассмотреть ее уместно именно здесь, когда мы говорим о заимствовании.

В борьбе за "чистоту языка" следует руководствоваться общеизвестным высказыванием В. И. Ленина о вреде употребления "без надобности" иностранных слов и задаться прежде всего вопросом, необходимо языку данное иноязычное слово или нет. Одним словом, "право заимствования" обусловливается потребностью, о которой, как считает К. Ф. Яковлев, "забывают почему-то иные теоретики.., безмерно усердствуя в заботах о все новых и новых "наслоениях" в нашем языке. Наслоение наслоению рознь, -- продолжает автор. -- Революция и коммунизм, алгебра и физика, космос и электроника -- это одно, а босс и бизнес, шейк и твист, сервис и круиз -- другое"2. Как бы общие вопросы очищения языков от "иноязычной скверны" ни интересовали нас, они остают-

'Фадеев В. И. Русские слова в английском языке. -- РР, 1969, 2 N 3, с. 91--92.

Яковлев К. Ф. Как мы портим русский язык. М.: Молодая гвардия, 1976, с. 52--53.

2* 27

ся за пределами нашей темы, так что мы не будем вступать в полемику с данным автором. Да и не книга в целом, а более узкий вопрос, подсказанный приведенными примерами, заинтересовал нас своей тесной связью с проблемой заимствованных реалий, и в частности, с вопросом о потребности в них или их ненужности. Здесь полезно будет заметить, что вопрос необходимости или ненужности заимствованной лексики нашел свое отражение в специальных терминах: нужные-- в болгарском "заем-ки", в английском loan-words, в немецком Lehnworter, а ненужные, нежелательные -- в болгарском "чужди-ци", в английском foreign words, в немецком Fremdwor-ter. Итак, любопытно для нас в этих примерах то, что все шесть нежелательных, по мысли автора, заимствований представляют собой реалии, причем не эпизодически или по недосмотру введенные в текст одного какого-нибудь перевода, а элементы русской лексики, зафиксированные различными словарями русского языка: все шесть имеются в ОСРЯ, пять -- в наиболее кратком из русских толковых словарей -- Ож., три, в том числе и отсутствующее в Ож. слово босс, -- в МАС (слов шейк и твист, появившихся после выхода МАС, искать в нем, разумеется, нельзя).

Разберем эти слова с точки зрения потребности в них. Первые четыре -- босс, бизнес, шейк и твист -- не имеют соответствий в русском языке за отсутствием обозначаемых ими предметов. Босс и бизнес -- слова с ярким американским колоритом. Первое нельзя передать ни одним из приведенных в БАРС соответствий: босс -- это не "хозяин" и не "предприниматель"; подчеркнутая экономическая и социальная характеристика не позволяет поставить между ними знака равенства. Шейк и твист тоже непереводимы: это новые (для того времени, когда они вошли в язык) понятия; назвать их сочиненными, исходя из этимологии, словами тоже трудно ("тряска" и "сучение" для танца и музыки как-то не годится); единственным путем оставалась транскрипция. Ведь точно таким же путем в русский язык вошли "вальс" и "танго"; быть может, в то время и против них возражали, но время показало, что слова эти нужные.

На то, что упомянутые слова не имеют эквивалентов в русской лексике, указывает и способ раскрытия их содержания в Ож.: все они приведены с полными толкованиями, без синонимов, за исключением сервис, приравниваемого к "обслуживанию". Приведем здесь мнение

28

Л П. Крысина об этом слове; сервис, пишет он, при исконном обслуживание относится к словам, которые своим значением вносят "дополнительный семантический оттенок (или оттенки) в "поле" значений соответствующей группы исконных слов (или одного слова) " 1, т- е- сервис имеет более узкое значение: отнюдь не каждое обслуживание назовешь "сервисом".

Что касается последнего из этих примеров -- круиз, то мы согласны, что без него можно было бы обойтись, несмотря на то, что это не любое "морское путешествие" (БАРС), а лишь туристическое, увеселительное (Ож.); значит, и это слово может обогатить русскую лексику. Недавно оно попалось нам на глаза в "Крокодиле", подтвердив наше предположение: "Вот вернется иной из заграничного крюиза и спросит...", "Крюизные сведения сыплются из него, как пшено из худого мешка" (разрядка наша -- авт.) 2; слово получило юмористическую окраску, а это ли не обогащение языка?

С другой стороны, не следовало бы "критерием потребности" считать одну лишь возможность или невозможность замены заимствованного слова исконным. Например, среди указанных в работе К. Ф. Яковлева "нужных" заимствований фигурирует космос; содержание которого в том же словаре Ожегова раскрыто при помощи исконных русских слов "вселенная" и "мир". Несмотря на наличие

двух синонимов, космос прочно вошел в русскую лексику и отвоевал в ней свое, присущее только ему место; произошло обогащение русского языка третьим нелишним синонимом.

Вопрос о потребности/ненужности заимствований, исключительно важный для культуры языка, небезразличен и для теории перевода, во-первых, из-за близости заимствований к реалиям и, во-вторых, в связи с возможностью засорения языка лишними, избыточными реалиями, а также "мнимыми реалиями", словами, возводимыми в ранг реалий без достаточного основания и соприкасающимися очень тесно с "чуждицами" вообще.

1 См. сб. Развитие лексики современного русского языка. М.: Наука, 1965, с. 114.

2 Кр., 23.XI.1978.

29

Глава 3

РЕАЛИЯ ИЛИ НЕРЕАЛИЯ

Проведенное последовательно сопоставление реалий с терминами, именами собственными, обращениями, отступлениями от литературной нормы, иноязычными вкраплениями, а особенно с элементами внеязыковой действительности и заимствованиями приводит нас к естественному вопросу: как отличать реалии от нереалий и где граница между ними и перечисленными классами слов?

Сразу же отметим, что это совсем не риторический вопрос. Распознавание реалий путем отграничения их от иных слов не только представляет немалый теоретический интерес, но и имеет большое практическое значение: от его правильного решения зависит в значительной степени выбор пути, по которому пойдет переводчик при передаче данного слова и его окружения.

В плане содержания отличительной по сравнению с другими словами чертой реалии является характер ее предметного содержания, т. е. тесная связь референта-- обозначаемого реалией предмета, понятия, явления -- с народом (страной), племенем или, реже, с другой социальной общностью, с одной стороны, и историческим отрезком времени, с другой; отсюда соответствующий национальный (местный) и/или исторический колорит. При более пристальном рассмотрении окажется, что этот признак требует ряда коррективов, что необходим учет иных особенностей реалий уже не в "общем плане", а в зависимости от того, что у нас, в нашей стране, есть и чего нет, что мы знаем или что нам чуждо, что для нас свое и что чужое?

Эта точка зрения, которая, казалось бы, должна сузить границы реалий, внести некоторое уточнение, дает обратный результат: границы реалий делаются еще менее определенными. Возьмем, к примеру, такое дерево, как пальма. В Болгарии пальмы не растут "на воле"; для нас это экзотическое дерево, уводящее мысль в страны вечного лета, на коралловые острова среди безбрежного океана; не менее экзотичной будет пальма и для эскимоса, никогда, быть может, не видевшего ее. Но для жителей этих самых коралловых островов, тропиков и субтропиков это обычное дерево, очень полезное и нужное, но столь же привычное, как для нас, скажем, слива.

30

С ДРУг®й стороны, для жителя пустыни или индейца с Амазонки такой же экзотикой будет снег -- заурядное понятие для нас, не говоря уже о жителях Заполярья.

Представляя для теории перевода немалый интерес, вопрос о зависимости определения реалии от показателей "свой" и "чужой" не является тем не менее решающим: нельзя на основании чуждости объекта причислять к реалиям такие слова, как пальма или снег, только потому, что в той или иной стране они не имеют "материального покрытия" (а следовательно, и названия). На наш взгляд, такие слова, лишенные эквивалентов в том или ином языке, можно отнести к безэквивалентной лексике (БЭЛ) в плоскости данной пары языков и назвать их "экзотизмами" (но не реалиями), поскольку они, не являясь носителями колорита страны или народа ИЯ, придают лишь экзотический оттенок тексту на ПЯ (об экзотизмах см гл. 4).

Интересен и обратный случай, когда это "материальное покрытие" несомненно есть, но в разных языках выражено различными по широте охвата средствами. Здесь речь идет о несовпадении семантических полей двух языков, когда неизбежно ставится вопрос о так называемой недифференцированной лексике. Не останавливаясь на вопросе в целом (он довольно подробно разработан в работе Л. С. Бархударова '), коснемся лишь тех его сторон, которые относятся к

реалиям. Здесь как будто прежде всего в голову приходят термины родства и "экзотический иероглиф" Вл. Россельса: азербайджанская "хала", оказавшаяся попросту "тетей"2 (см. ч. II, гл. 3).

В самом деле, поскольку речь идет об эквивалентах (.шла = тетя), вводить такую сомнительную реалию, скорее, опять-таки экзотизм, не имеет смысла. Но если учесть, что термины родства нередко при одном наименовании могут обозначать разные родственные отношения, для которых на ИЯ есть самостоятельные названия, то в каждом отдельном случае придется решать: всех ли, допустим, болгарских дядьев -- чичо, вуйчо, свако (и вдвое больше диалектных и областных) -- нужно переводить, или же тех или иных желательно сохранить в качестве

'Бархударов Л. С. Язык и перевод. М.: Междунар. отнош., 1975, с. 78 и ел.

Россельс Вл. Перевод и национальное своеобразие подлинника, с. 169.

31

референтов реалий, имея в виду, что чичо -- это брат отца, вуйчо -- брат матери или муж тети, а свако -- муж тети (сестры отца или матери), муж сестры? Или как быть, когда на ИЯ "есть два разных слова для отца девочки и отца мальчика"', или же особое слово бате (болг.) --для старшего брата, содержащее, кроме всего прочего, и характерную коннотацию (уважение к старшему) и высокую частотность употребления (в том числе и в обращении)?

Вопрос о принадлежности этих слов к реалиям и соответственно об их переводе следует решать с учетом некоторых черт, характерных для обозначаемых ими понятий. Во-первых, это повсеместное существование одинаковых или приблизительно одинаковых родственных отношений (едва ли нужно говорить об исключениях, например, о племенах, где родителями детей считаются все члены рода), присущих человеческому обществу вообще; более или менее дробное, дифференцированное их обозначение обычно не связано с какими-нибудь особенностями, присущими реалиям. Во-вторых, они называют, подобно терминам, довольно точно эти родственные отношения; различия можно отнести главным образом за счет дифференцированности или недифференцированно-сти понятия в том или ином языке. И, в-третьих, благодаря этому они допускают довольно верный перевод, если не эквивалентом, то путем описания и при помощи родово-видовой замены.

Все это приближает термины родства именно к терминам и позволяет руководствоваться при переводе правилами перевода терминологической лексики. Но и это, разумеется, нельзя принимать за канон. Чтобы передать колорит казачьего быта, Л. Толстой вводит в свой текст диалектные бабуки, мамуки, дедуки и пр. (мы назвали эти слова локальными реалиями), мастерски вплетает их в ткань повествования, передавая вместе с тем различные родственные (и неродственные) отношения. Например, младший брат Марьянки обращаясь к ней, называет ее нянюкой. В болгарском языке этот оттенок можно сохранить, но при переводе на другой язык, в котором нет слова, обозначающего "старшая сестра", придется переводить бесцветным "сестра", теряя, таким образом, характерную деталь казачьих взаимоотношений -- уважение младших детей к старшим.

'Калашникова Е. Голос из-за океана. -- МП, 1965, N 5, с. 479. 32

Вот характерный пример из болгарской действительности: старший брат подкупает младшего конфетами, стараясь заставить его обращаться к нему уважительным бате в присутствии девушек; отказ от передачи этой подробности при переводе явно нарушит колорит (об обращениях см. ч. II, гл. 3).

В плане выражения вопрос о различиях между реалиями и нереалиями, об их разграничении, связан со следующими соображениями. Во-первых, далеко не все понятия, явления, отношения, связанные с данным народом или данной эпохой, можно выразить при помощи одних лишь реалий. На примере из романа "Герой нашего времени" (с. 16--17) мы пытались указать на эту разницу между реалиями и элементами внеязыковой действительности, также играющими заметную роль в правдивой передаче как смыслового содержания, так и колорита произведения (подробнее см. гл. 10).

Во-вторых, мы везде говорим о реалиях-словах, но реалиями могут быть и фразеологические единицы.

Чтобы отличить реалии от нереалий в контексте -- важная задача для переводчика, требуется иногда немало усилий. Успешное решение обычно зависит от двух предварительных вопросов: 1) реалия ли это как лексическая единица и 2) если реалия, то своя или чужая? Ответ на первый вопрос мы постарались дать выше: были намечены параметры реалий путем их последовательного сопоставления с близкими понятиями; единицы, не отвечающие этим параметрам, обычно реалиями

не считаются -- это мнимые реалии (ложные реалии, псевдо-, квази- или лжереалии), которые, в отличие от истинных, являются скорее лишними экзотизмами, не отражающими действительный колорит \ а употребляемыми, по выражению Ив. Кашкина, в качестве "орнаментальных ненужностей"2.

Второй вопрос -- зависимость реалий от понятия "свой или чужой" -- уже упоминался (с. 30, подробнее см. гл. 5). Забегая вперед, отметим только, что трудности распознавания связаны большей частью со своими реалиями: чужие в достаточной мере "торчат над строкой", чтобы не остаться незамеченными.

Мнимые реалии не следует смешивать с реалиями избыточными. Последние представляют собой истин-

з См. Финке ль А. М. Об автопереводе. -- ТКП, с. 112--1,13. Кашкин Ив. Для читателя-современника, с. 471.

33

ные реалии, обладающие всеми качествами этого класса слов, но лишние, ненужные по той или иной причине в переводе данного конкретного текста, где их введение является следствием неправильного решения вопроса "транскрибировать или переводить?" в пользу транскрипции. Хорошим примером такой избыточной реалии является в приведенном Л. Н. Соболевым примере махорка -- "слово непереводимое, но от того, что Теркин будет курить не махорку, а просто табак, изменится очень мало"1. Впрочем, в другом контексте, может быть, и потребуется введение ее в транскрибированном виде.

Что касается основного вопроса -- реалия ли это в данном контексте, то следует признать, что однозначно ответить на него нельзя; он решается переводчиком в каждом отдельном случае с привлечением всех знаний и немалой дозы интуиции. Поэтому о нем будет идти речь ниже, в главе, где он разбирается в плоскости пары языков. Здесь же мы дадим некоторые предварительные сведения о распознавании реалий в ИЯ.

Так, слово атаман, будучи реалией, связанной с казацким бытом, имеет вместе с тем и значение главаря, предводителя (атаман разбойников); наряду с обычным наименованием числительного, слово сотня может быть и реалией, обозначающей войсковую единицу, причем в двух аспектах -- в древней Руси и в казачьих войсках, и т. д.

Неудачи переводчика, не учитывающего зависимость слова как реалии от контекста, можно проиллюстрировать следующими примерами из "Казаков" Л. Толстого:

а) ...наш папенька сам сенатор; тысячу, больше душ мужиков себе имел. (с. 212)

б) ...шея, руки и лицо [немой] были жилисты, как у мужика, (с. 231)

в) ...будь джигит, а не мужик. А то и мужик лошадь купит, денежки отвалит и лошадь возьмет, (с. 228)2 (Разрядка наша -- авт.)

Даже из этих довольно узких контекстов ясно видна разница в употреблении слова "мужик". В первом случае речь идет о крепостных, во втором говорится о мужчине вообще, в то время как в третьем существенным является

'Соболев Л. Н. О переводе образа образом. -- Сб. Вопросы художественного перевода. М.: Сов. писатель, 1955, с. 293.

2 Толстой Л. Н. Собр. соч. в 20-ти томах. Т. 3. М.: Рос; изд. худ.
лит., 1961. . ...

'34

пренебрежение к мужику при сопоставлении его с джигитом как носителем всех казацких добродетелей. Следовательно, при переводе на любой иностранный язык "мужик" б'удет реалией только в первом из приведенных примеров, где замена его словом "крепостной" не привела бы к заметному искажению. В болгарском переводе "мужик" оставлен как реалия во всех трех случаях. Неудача переводчика в этом примере обусловлена не только многозначностью слова мужик. Даже не зная всех значений, хороший переводчик должен почувствовать различия в употреблении этого слова, а это приведет его к мысли, что не во всех случаях его следует транскрибировать.

Многозначность не особенно характерна для реалий. Поэтому интереснее случаи изменения объема значений реалий, обусловленные в первую очередь контекстом. Слова водка, виски, ракйя -- названия напитков, которые пьют русские, англичане, болгары. Но эти слова употребляются, пожалуй, чаще расширительно, просто в значении крепкого алкогольного напитка, теряя в той или

иной степени свои специфически национальные черты. Вот почему так странно звучит в болгарском тексте транскрибированное слово водка, употребленное именно в расширительном значении, как родовое понятие. Передавая рассказ И. Эренбурга (газета "Народна култура") о том, как Ж. Амаду угощал его "с някаква отвратител-на водка "кашаса" (т. е. какой-то отвратительной водкой "кашасой"), которую он в шутку назвал "амадовкой" на манер зубровки и перцовки, автор должен был учесть, что такой словесный коктейль будет явно не по нутру читателю.

Глава 4

ТЕРМИН "РЕАЛИЯ"

Более стройному определению понятия "реалия", наряду с не очень четкими границами самого предметного значения, препятствуют и заметные расхождения в терминологии. "Гейне., заполнял свои стихи огромным количеством собственных имен, географических названий и многих других реалий, т. е. того, что ничем заменено быть не может, что при всех условиях должно сохраниться в переводе", -- писал известный поэт-переводчик Л. Пень-35

ковский !, приравнивая таким образом реалии к понятию "безэквивалентная лексика" в трактовке Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова и даже расширяя его границы. В. П. Берков считает, что "к экзотизмам, как, впрочем, в равной степени и к иноязычным вкраплениям... можно отнести передачу специфических иноязычных приветствий, междометий, обращений и т.п."2; А. А. Реформатский3, называя реалии варваризмами ("иноязычные слова, пригодные для колористического использования при описании чуждых реалий и обычаев"), относит к этой категории и "личные собственные имена", ономастику. Примеров такого обозначения одного понятия разными названиями немало, но и этих достаточно, чтобы прийти к заключению о необходимости точнее определить содержание термина "реалия" в переводоведении, по крайней мере в нашем понимании.

1. Чаще всего в литературе встречаются термины "безэквивалентная лексика" и "экзотическая лексика" или "экзотизм" и наряду с ними, нередко в том же или близком значении -- "варваризм", "локализм", "этногра-физм", "алиенизм", "фоновые слова", "кошютативные слова", "слова с культурным компонентом", "пробелы", или "лакуны". Роднит эти понятия определенная -- национальная, историческая, местная, бытовая -- окраска, отсутствие соответствий (эквивалентов) в ПЯ, а в отношении некоторых -- и иноязычное происхождение. Чтобы несколько упростить задачу, постараемся в первую очередь "отсеять" термины, уже знакомые в закрепившихся за ними значениях, а также те, которые можно было бы вообще элиминировать как ненужные синонимы. Тогда легче будет уточнить содержание оставшихся нескольких наименований, уточняя таким образом и семантический круг "реалии".

Употребление термина "локализм"4 в качестве синонима реалии, с одной стороны, смещает ее значение как лексической единицы, приближая к обозначению стилистической характеристики (ср. "диалектизмы", "об-

'Пеньковский Л. Взаимодействие и взаимообогащение литератур. -- Сб. Художественный перевод. Ереван: Изд. Ерев. ун-та, 1973, с. 522--523.

2 Берков В. П. Вопросы двуязычной лексикографии, с. ПО; автор употребляет термин "экзотизм" приблизительно в значении "реалии".

3 Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Просвещение, 1967, с. 137--139. 4Финкель А. М. Указ, соч., с. 112.

36

ластная лексика"), а с другой, если допустить, что "локализм" стоит в одном ряду с таким словом, как "экзо-изм", сильно сужает представление о действительном содержании понятия: отнести его можно было бы лишь к незначительной группе реалий, обозначающих "местные предметы", но лишенные национального и/или исторического колорита; специальное обозначение в этом случае едва ли нужно.

То же касается и вопроса присвоения реалии названий бытовое слово1, или этнографизм2, что, по существу, еще уже, чем "локализм".

И. И. Ревзин и В. Ю. Розенцвейг, цитируя А. Маль-блана 3, отмечают употребляемое им понятие пробел (lacune) по отношению к случаям, "когда ситуации, обычные для культуры одного народа, не наблюдаются в другой культуре"4 ("пробел", видимо, в смысле отсутствия соответствий в другом языке). Те же авторы употребляют в одной плоскости с реалией слово неологизм, правда, в лексикографическом плане. О неологизмах говорят также Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров 5 в

значении соответствий, подыскиваемых переводчиком для передачи БЭЛ (т. е. в нашем понимании, реалий). Разумеется, с точки зрения теории перевода пробел и, тем более, неологизм не могут быть ни синонимами, ни признаками реалий.

В словарях и в специальной литературе не удалось обнаружить термина алиенизм, который В. П. Берков предлагает для обозначения слов "из малоизвестных языков", подчеркивающих "стилистическую функцию экзотизмов" (т. е. реалий). Таким образом, "алиенизм" является видовым понятием по отношению к родовому "экзотизм" (в терминологии В. П. Беркова). Необходимость данного термина в таком значении весьма сомнительна. Во-первых, его исходное значение от лат. alienus-- "принадлежащий другим, не свой..; иноземный.., заимствованный" (ЛРС) -- не подсказывает связи с редкими языками, а, во-вторых, группа реалий, называемых "алиенизмами", не обладает принципиальны-

'Левый И. Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974, с. 128. з Кинкель А. М. Там же.

м a I Ь 1 a п с A. Stylistique comparee du francais et de I'allemand.

t Pans, 1961. ч ^ v

Ревзин И. И. и Розенцвейг В. Ю. Основы общего и ма-5 ?инного перевода. М.: Высшая школа, 1964, с. 184. оерещагин Е. М., Костомаров В. Г. Указ, соч., с. 28.

37

ми отличиями от остальных, поскольку никто, вероятно, не смог бы сказать, что, с точки зрения перевода, отличает язык малоизвестный от языка известного1. Таким образом, вопрос, видимо, нужно ставить так: известный или малоизвестный кому? Читателю? Реалиями-экзотиз-мами или реалиями-алиенизмами будут, к примеру, болгарские слова баница (кушанье из слоеного теста), кавал (народный музыкальный инструмент наподобие свирели), читалиште (просветительное общество, своеобразный клуб культуры)? Думается, что все это делает термин "алиенизм" малопригодным для обозначения той группы реалий, о которых говорит В. П. Берков.

2. Совсем коротко остановимся на "с л о в а х с к у л ь-турным компонентом", обозначающих в лингво-страноведении лексические единицы, "своеобразная семантика которых отражает своеобразие нашей культуры"2. К ним, наряду с реалиями, названными БЭЛ, точнее, составляющими часть фигурирующих в этой группе единиц, относятся фоновые и коннота-тивные слова. С точки зрения теории перевода эти понятия интересны потому, что, во-первых, они серьезно и целенаправленно сосредоточивают внимание переводчика на внелингвистической стороне значения многих слов, которой часто пренебрегают, и, во-вторых, многие из этих слов либо представляют собой истинные реалии, либо обладают некоторыми чертами, общими с реалиями.

Понятие "коннотативные слова" мы толкуем несколько расширительно. "Коннотация" -- это добавочное содержание слова, дополнительное к основному смысловому значению, наряду с выражением эмоционально-экспрессивной окраски и тоном торжественности, непринужденности, игривости и т. д. На наш взгляд, в понятии "коннотация" содержится и понятие колорита, тем более что национальная и историческая окраска тесно связана с самыми разнообразными "эмоционально-экспрессивно-оценочными обертонами"3, а нередко и обусловливает их. Наиболее типичным для реалий признаком является

1 В качестве слов малоизвестных языков автор приводит лексические единицы "экзотических языков, а к известным причисляет скандинавские. Но ведь для болгарина слова норвежского языка будут столь же незнакомы (и "экзотичны"), сколь для норвежца болгарские слова.

2 Верещагин Е. М. Костомаров В. Г. Указ, соч;, с. 68,

3 См. дефиниции в СЛТ и С-СЛТ. '"•'

38

именно их колорит, и, стало быть, в нашем понимании все они являются в той или иной мере носителями кон-нотативных значений.

3. Термин "в а р в а р и з м", переплетающийся у ряда авторов (в том числе и в БСЭ) с "экзотизмом", нельзя, к сожалению, элиминировать в качестве избыточного синонима "реалии", опираясь лишь на мнения лингвистов и данные словарей, так как большинство дефиниций, наряду с определениями "слово, образованное неправильно", "слово, чуждое языку по своей структуре", "иноязычное слово", не получившее прав гражданства, и т. п., включают и "описание чужеземных обычаев, особенностей жизни и быта (реалии)", "создание местного колорита" и др.1; все это, по существу, чуть ли не прямое перечисление характерных для реалий показателей. По-видимому,

"варваризм" следует считать термином только лексикологии (и стилистики), не имеющим соответствия в переводоведении: реалии, в отличие от варваризмов, 1) могут быть и исконными, не заимствованными словами, 2) не обязательно чужды языку по своей структуре и 3) не имеют, как правило, "слов-двойников, равноценных по смыслу", а, следовательно, не могут быть легко переведены2; кроме того, 4) многие из них фигурируют в словарях, в том числе и толковых. Так что реалия может быть варваризмом только как исключение; к этой лексической категории, однако, следует отнести многие сложные реалии.

Теперь уже можно уточнить границы и точки соприкосновения понятий "экзотическая лексика" ("экзотизм"), "безэквивалентная лексика" и "реалии".

4. В первую очередь особого внимания заслуживает термин "экзотическая лексика" ("экзотизм") как наиболее серьезный конкурент термина "реалия" в специальной литературе. Исследователи отмечают, что экзотизм-- это 1) иноязычное слово, причем некоторые добавляют, 2) "из малоизвестных языков, обычно неин-

1 См. дефиниции в СЛТ, С-СЛТ, БСЭ; К р ы с и н Л. П. в сб. Развитие лексики современного русского языка, с. 106; Современный русский язык. Под ред. Д. Э. Розенталь. Т. I. М.: Высшая школа, 1976, с. 25.

а Даже в плоскости одного языка как лексикологический (и стилистический) термин "варваризм" нуждается в уточнении. Дефиниция могла бы быть близкой к предложенной в С-СЛТ с тем добавлением, что "варваризм" представляет собой вместе с тем родовое понятие по отношению к понятиям "галлицизм", "германизм" и т.п.

'39

доевропейских", или 3) вид варваризма (БСЭ), 4) слово, "обозначающее реалию -- явление быта, социальных отношений, природы", "жизни, быта, обрядов, обычаев отдельных народов", и 5) слово, употребляемое "для придания речи особого (местного) колорита". Что термин этот недостаточно устоялся в лингвистической литературе со своим точно определенным значением, видно еще из различных оговорок и уклончивых дефиниций: "под экзотизмом в работе., подразумевается..", "часто подобные слова называют экзотической лексикой", "в том же значении нередко употребляется также термин "варваризм", "среди варваризмов иногда выделяются экзотизмы" и т. д. А. Е. Супрун, одним из первых уделивший экзогизмам особое внимание, все же употребляет этот термин как бы с опаской: ставит слово "экзотическая" в кавычки уже в заголовке статьи, отмечает, ссылаясь на Е. М. Галкину-Федорук, что "слова такого рода относят иногда к так называемой "экзотической" лексике"1 и что он, этот термин, удобнее по сравнению с описательными терминами вроде "лексика, характеризующая быт (и не только быт) разных стран и народов", как указывается у А. Н. Гвоздева2.

Не только неустойчивость и возможность смешивания с "варваризмом", но и узость значения делает термин "экзотизм" в значении реалии неприемлемым. Экзотизм, во-первых, подобно варваризму, является только иноязычным словом для ПЯ; значит, своя для ИЯ реалия экзотизмом быть не может; во-вторых, в отличие от варваризма, это слово, уже вошедшее в лексику соответствующего языка, тогда как реалии могут быть и своего рода окказионализмами. И, наконец, определения, которые мы встречали в литературе, не включают в содержание понятия "экзотизм" исторические реалии, рассматривая эту лексику только с точки зрения местной, но не временной отнесенности.

Имеется еще одно возражение, обратное приведенному А. Е. Супруном и достаточное, чтобы - воздержаться от использования термина "экзотическая лексика" в его прямом значении -- "иноземный, чужестранный" (ЛРС): само по себе слово "экзотический" гораздо чаще используется и воспринимается в своем пе-

реносном значении как "причудливый, диковинный поражающий своей странностью" (Ож.), такой, который "кажется необычным, причудливым для иностранца" (БАС), а нередко и связанный с какой-то романтической привлекательностью.

Это приводит нас к мысли о возможности иного, в отличие от реалии, применения термина экзотизм, исходя из обоих его значений -- прямого и переносного. Таким образом, в рамки его содержания войдут слова -- реалии и нереалии, 1) на которых лежит налет экзотики, 2) в том числе и коннотативные слова, слова из национального или международного "экзотического реквизита", 3) целенаправленно используемые для придания произведению определенного колорита, 4) нередко с

юмористическим или неодобрительным оттенком; экзо-тизмами в этом значении можно считать и те слова, которые переводчик неосновательно принимает за реалии -- мнимые реалии.

5. Совсем иначе обстоит дело с "б е з э к в и в а л е н т-н о и лексикой". Термин этот встречается у многих авторов ', которые, однако, трактуют его по-разному: как синоним "реалии", несколько шире -- как слова, отсутствующие "в иной культуре и в ином языке", несколько уже -- как слова, характерные для советской действительности, и, наконец, просто как непереводимые на другой язык слова.

Говорить о БЭЛ, рассматривая ее в плоскости одного языка, в принципе, вообще не следовало бы, поскольку этот термин можно считать обоснованным лишь для науки, для которой сравнение категорий одного языка с категориями другого или других языков является ведущим методом исследования; таковы переводоведение, сопоставительное языкознание, контрастивная, конфрон-тативная лингвистика, отчасти методика преподавания иностранных языков, отчасти лингвострановедение. Подтверждает это и сделанное, правда, по другому поводу, высказывание А. Н. Ониани: "В каждом конкретном языке выделение лингвистических единиц и установление лингвистических понятий осуществляется не путем сопоставления с другими языками, а путем сравнения с другими единицами того же языка, путем установления

1 Супрун А. Е. Указ, соч., с. 51.

-2 Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. Изд. 2-е М.: Учпедгиз, 1955, с. 85--86.

40

' d' г' ,ЧеРнов' Я. И. Рецкер, А. Д. Швейцер, Е. М. Верещагин и ь. 1. Костомаров, А. А. Брагина, Л. С. Бархударов, В. Н. Круп-нов и др.

41

их внутренней природы"1. Согласно этой логике, определять безэквивалентность нужно, опираясь на принятое в теории перевода представление об эквиваленте, в частности на дефиницию, которую дает понятию "эквивалент" Я- И. Рецкер2. При этом положении БЭЛ будут лексические (и фразеологические) единицы, не имеющие постоянных, не зависящих от контекста, эквивалентов вПЯ.

Однако если это определение верно, то придется признать, что выделение группы единиц на основе такого критерия не имеет ни теоретического, ни, тем более, практического оправдания. Поскольку "эквивалент" предполагает тождество, т. е. полное покрытие между соответствующими единицами двух языков в плане содержания (семантика, коннотация, фон), БЭЛ окажется совершенно необъятной группой слов (и словосочетаний), практически включающей чуть ли не всю лексику (и часть фразеологии) данного языка; исключение составят большинство терминов, небольшое количество общеязыковой лексики (обычно однозначные слова) и некоторое число имен собственных. Нетрудно увидеть, что такой необозримый материал не может ни для теории, ни для практики перевода служить источником исследований или опыта.

Чтобы добиться практического решения, идеальный "логический" критерий (эквивалентный = равнозначный, тождественный) придется несколько модифицировать в целях снижения его потолка до практически достижимого. Для этой цели можно позаимствовать у В. Н. Комиссарова термин "переводческая эквивалентность" на уровне языковых знаков3, несколько уточнив его используемым Я. И. Рецкером4 делением эквивалентов на полные и частичные, абсолютные и относительные. По-лученная в результате дефиниция БЭЛ -- лексические (и фразеологические) единицы, которые не имеют переводческих эквивалентов в

1 О н и а н и А. Л. Фразеологизм и слово. -- Сб. Труды Самаркандского Гос. ун-та. Вопросы фразеологии. III. Самарканд. 1970, с. 140.

2 "Эквивалентом следует считать постоянное равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от контекста". (Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Меж-дунар. отнош., 1974, с. 10, 11)

'Комиссаров В. Н. Слово о переводе. М.: Междунар. отнош., 1973, с. 75.

4 Рецкер Я. И. Указ, соч., с. 11.

42

г-* а _ уступает предыдущей по точности, но зато заметно сужает границы БЭЛ.

В частности, в теории перевода, на наш взгляд, нужно более четко отграничить БЭЛ от реалий. Мы предложили бы следующую схему взаимоотношений (и расхождений) между ними, а также между ними и остальными понятиями, затрагиваемыми в нашей работе.

Наиболее широким по своему содержанию является понятие БЭЛ (в приведенном выше значении). Реалии входят, как самостоятельный круг слов, в рамки БЭЛ. Отчасти покрывают круг реалий, но, вместе с тем, отчасти выходят за пределы БЭЛ термины, междометия и звукоподражания, экзртизмы, аббревиатуры, обращения, отступления от литературной нормы; с реалиями соприкасаются имена собственные и фразеологизмы (и те, и другие -- со множеством оговорок); большинство упомянутых лексем и выражений (исключение составляют главным образом термины) обладают и коннотативными значениями разного рода и различной степени, что позволяет причислять их и к коннотативным словам. Все в тех же границах БЭЛ значительное место занимают слова, которые мы назвали бы собственно безэквивалентной лексикой или БЭЛ в узком смысле слова1-- единицы, не имеющие по тем или иным причинам лексических соответствий в ПЯ; обычно они также, подобно терминам, лишены коннотаций.

Нам хотелось бы здесь отметить еще один момент, отличающий реалию от безэквивалентного слова: в общих чертах слово может быть реалией по отношению ко всем или большинству языков, а безэквивалентным -- преимущественно в рамках данной пары языков, то есть, как правило, список реалий данного языка будет более или менее постоянным, не зависящим от ПЯ, в то время как словарь БЭЛ окажется различным для разных пар языков.

Эта схема, вероятно, не исчерпывает вопроса; найдутся, конечно, примеры, которые,- не ложась послушно на соответствующие полочки, покажут, таким образом, несовершенства схемы. Тем не менее она необходима, чтобы уточнить терминологию и расставить по местам различные категории "непереводимого", наметив вместе с тем и взаимоотношения между ними.

Л. С. Бархударов называет их "случайными лакунами"--'термин, который нам кажется неудачным (указ, соч., с. 95).

43

После этого сравнения близких категорий и после отсева синонимов, истинных и мнимых, можно уже составить себе более или менее четкое мнение о той своеобразной категории слов (и словосочетаний), которые мы назовем реалиями. Однако прежде чем формулировать свою концепцию, полезно привести дефиниции других теоретиков перевода.

Многие из авторов, говорящих о реалиях, дают приблизительные, неполные определения, отмечая лишь те или иные из признаков, тот или иной вид этого класса, употребляя неодинаковые, как мы видели, термины для их обозначения 1. Для одних в группу БЭЛ "входят слова, обозначающие иностранные реалии, как, например, особенности государственного строя, быта, нравов и т.д."2; отсюда следует, что к собственно реалиям относятся только чужие реалии. Другие толкуют реалии непомерно широко, выходя даже за пределы "непереводимого в переводе": "К числу реалий можно отнести события общественной и культурной жизни страны, общественные организации и учреждения, обычаи и традиции, предметы обихода, географические пункты, произведения искусств и литературы, имена исторических личностей, общественных деятелей, ученых, писателей, композиторов, артистов, популярных спортсменов, персонажей художественных произведений, явления природы (в последнем случае реалии носят региональный характер), а также множество разрозненных фактов, не поддающихся классификации"3. Значительно ближе к нашему толкования некоторых из крупнейших специалистов. Так, у Л. Н. Соболева "термином "реалии" обозначаются бытовые и специфически национальные слова и обороты, не имеющие эквивалентов в быту, а следова-

ельно, и в языках других стран1, и слова из национального быта, которых нет в других языках, потому что нет тих предметов и явлений в других странах"2. Вл. Рос-лье вИдИТ в реалиях "иноязычные слова, которые обозначают понятия, предметы, явления, ..не бытующие в обиходе того народа, на язык которого произведение переводится"3, т. е. рассматривает их с точки зрения ПЯ, а в К.ЛЭ дает уже значительно более развернутую дефиницию, выходящую даже за рамки теории перевода (поскольку толкуется реалия вообще, как понятие): "Реалия.. -- предмет, понятие, явление, характерное для истории, культуры, быта, уклада того или иного народа, страны, не встречающееся у других народов; Р. -- также слово, обозначающее такой предмет, понятие, явление; также словосочетание (обычно -- фразеологизм, пословица, поговорка, присловие, включающие такие

слова)". Некоторые авторы, принимая реалию как "реалию-предмет", не толкуют особо "реалию-слово". А. В. Федоров пишет о словах (не давая им никакого названия), "обозначающих реалии общественной жизни и материального быта"4, т.е. таких, которые обозначают "чисто местное явление, которому нет соответствия в быту и в понятиях другого народа"5, а в другом месте6 предлагает обозначать их как "названия реалий" или "слова-реалии"; Я- И. Рецкер говорит о "безэквивалентной" лексике, представляющей собой "прежде всего обозначение реалий, характерных для страны ИЯ и чуждых другому языку и иной действительности"7. В таком же духе толкуют реалии Г. В. Чернов8 и А. Д. Швейцер9, первый -- как экзотическую, второй -- как безэквивалентную лексику. Довольно широко охватывающая, но не особенно

1 Для внесения ясности нужно оговориться: во-первых, в большинстве работ материал о реалиях не занимает центрального места, так что нельзя и требовать от них исчерпывающих дефиниций; во-вторых, исходя из других критериев, многие авторы дают реалиям другие наименования ("БЭЛ", "экзотическая лексика"), причем нельзя ожидать совпадения определений; в-третьих, мы приводим определения не только теоретиков перевода, но и других специалистов, которые, естественно, толкуют понятие с учетом своей специальности; наконец, в-четвертых, на характере дефиниций не могла не отразиться и заметная эволюция во взглядах на реалии со времен первых публикаций.

2Левицкая Т. Р., Фитерман А. М. Теория и практика перевода. М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1963, с. 116.

3 В а и с б у р д М. Л. Указ, соч., с. 98.

44

'Соболев Л. Н. Пособие по переводу с русского языка на французский, с. 281.

2Соболев Л. Н. О переводе образа образом, с. 290.

3 Россельс Вл. Перевод и национальное своеобразие подлинника, с. 169. Федоров А. В. Основы общей теории перевода, с. 175.

Там же, с. 160.

См. рецензию на книгу Л. С. Бархударова "Язык и перевод". -- ТП, 1977, N 14, с 131

; Р е ц к е р Я. И. Указ, соч., с. 58.

Чернов Г. В. К вопросу о передаче безэквивалентной лексики Ж* пеРев®Де советской публицистики на английский язык, с. 223--

Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика, с. 250 ("предметов или явлений, связанных с историей, культурой, экономикой и бытом").

45

четкая дефиниция "безэквивалентной лексики", которую Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров приводят в первом издании своей работы ', не фигурирует во втором издании, где на основе примеров отмечается только, что эти слова "отражают советскую действительность и культуру, т. е. именно их лексическим понятиям присущ своеобразный, специфический культурный компонент"2 и что они "не имеют смысловых соответствий в системе содержаний, свойственных другому языку; их существование в конечном итоге объясняется расхождением двух культур"3. У В. П. Беркова "под экзотизмом., подразумевается употребляемое в данном конкретном языке слово, обозначающее реалию -- явление быта, социальных отношений, природы и т. п., -- специфическую для иного языкового коллектива и чуждую для данного языкового коллектива"4, но также и "реалии, которые ранее были характерны для жизни данного языкового коллектива, но которые впоследствии исчезли", а также "кальки", поскольку "экзотизмы выделяются именно по признаку чуждости обозначаемого ими понятия для данного коллектива"5. Здесь особенно важно указание на временной фактор (намек и на исторические реалии), а также подчеркнутое значение элемента чуждости, весьма характерного для "чужих реалий". Очень сжатую дефиницию реалий дает Л. С. Бархударов: "слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке"6, развивая ее дальше путем перечисления возможных референтов ("предметы материальной и духовной культуры..", например, "блюда национальной кухни", виды "народной одежды и обуви", "народных танцев", "политические учреждения и общественные явления" и т.д.), аналогичного резюме перечисления объектов в нашей работе (1960); с нашей постановкой вопроса совпадает и причисление группы реалий к безэквивалентной лексике в качестве ее подгруппы.

1 Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М.: Изд. МГУ, 1973, с. 53.
2 Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Указ. соч. Изд. 2-е, с. 71--72.
3 Там же, с. 73.
4 Берков В. П. Указ, соч., с. 109.
5 Там же, с. 111. • ...;,.;;- .-••-•
6 Бархударов Л. С. Указ, соч., с. 95. м ." • :
46
Из всего вышеизложенного вырисовывается облик
лий как особой категории средств выражения.

В нашем понимании это слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) других языках, а, следовательно, не поддаются переводу <ша общих основаниях", требуя особого подхода.

Поскольку почти каждое слово этого краткого определения нуждается в комментарии (например, "объекты характерные для жизни народа" столь многообразны', что любое перечисление оказалось бы недостаточ^-ным), естественным продолжением и развитием нашей дефиниции логично будет считать приведенную ниже классификацию реалий.

Глава 5
КЛАССИФИКАЦИЯ РЕАЛИИ

Прежде чем приступить к изложению собственно классификации реалий, необходимо дать несколько ссылок на литературу и сделать некоторые оговорки.

1. О видах реалий, о делении их по тем или иным признакам упоминается у многих из писавших по этим вопросам, но более или менее оформленные классификации созданы лишь несколькими авторами.

У А. Е. Супруна реалии делятся, главным образом, по предметному принципу на "несколько семантических групп"1, которые мы учли уже в первой нашей работе.

Таблица А. А. Реформатского2, составленная для курса введения в языкознание, построена на предметно-языковом принципе: отмечается, из каких языков в русскую лексику вошли иноязычные слова, означающие: 1) имена собственные, 2) монеты, 3) должности и обозначения лиц, 4) детали костюма и украшения, 5) кушанья и напитки, 6) обращения и титулы при именах. Все это достаточно подробно было отражено в наших

'Супрун А. Е. Указ, соч., с. 52--53. Реформатский А. А. Введение в языковедение, с. 139.
47

работах, за исключением имен собственных, которые мы предпочитаем выделить в самостоятельную группу (см. ч. II, гл. 2), не считая их реалиями; здесь мы обособили и обращения (ч. II, гл. 3).

Интереснее в этом отношении статья В. Дякова'. Разбирая в деталях нашу классификацию (за объективную и доброжелательную критику мы ему глубоко благодарны), он делает ряд ценных замечаний и приводит свой вариант в пяти пунктах. Мы воспользовались отдельными его предложениями, в частности разукрупнили и переставили некоторые из рубрик; что же касается его классификации в целом, то в ней многое нам кажется спорным, причем основным недостатком мы считаем отсутствие единого разграничительного критерия; в результате получается некоторое смешение не только различных видов реалий и планов их подачи, но и реалий с нереалиями, с иноязычными вкраплениями, со словосочетаниями афористического характера, реалий с их референтами и т. д. На наш взгляд, автору не удалось уточнить и "место, занимаемое реалиями во временном аспекте", к чему он стремился, приводя свой вариант классификации.

2. Как любая классификация единиц, не поддающихся слишком четкой "регламентации", и наше деление реалий на основе нескольких показателей в значительной мере условно и схематично, не претендует ни на абсолютную полноту, ни, тем более, на окончательную закрепленность отдельных единиц за соответствующими рубриками; впрочем, это достаточно ясно вытекает и из нашего сопоставления реалий с другими переводовед-ческими категориями. Резюмируя, хотелось бы только отметить, что многие из реалий можно отнести одновременно 1) к нескольким рубрикам предметной классификации, 2) к различным делениям классификации -- местному и временному (II и III), 3) к

другому или другим классам переводоведческих единиц, рассмотренных в части II нашей работы (обращения, иноязычные вкрапления, отступления от литературной нормы и т. д.), 4) к обычной, общеязыковой лексике, к "нереалиям", например, при многозначности, или 5) к словосочетаниям.

3. В рамки этой работы мы сознательно не включили

1 Д яков В. Още веднъж за реалиите (Еще раз о реалиях).-- Език и литература, 1974, N 3, с. 69--76.

48

некоторые языковые и, в особенности, внеязыковые ка-егории, предложенные теми или иными авторами. На-Т мер' мы не занимались "психологическими реалиями" предлагаемыми в качестве самостоятельной группы единиц В. Д. Уваровым'. Автор настолько расширил границы понятия "реалия", что включил в него особенность национального характера, "черты психологического склада нации", "то, что присуще восприятию только одного народа". "Еще одной итальянской психологической реалией,-- пишет автор, -- является возвышенность стиля", и это напоминает нам сказанное по этому поводу И. Левым: "Трудности в переводе порождает также романская импульсивность, чувствительность, приносящая в текст экзальтированные выражения в превосходной степени, которые звучат в переводе неестественно.. Еще менее приемлем для нас в иных ситуациях испанский пафос"2. Рассматриваемое В. Д. Уваровым явление чрезвычайно интересно с точки зрения как перевода, так и лингвострановедения, но не относится к реалиям в нашем понимании.

Приблизительно на том же основании мы не причисляем к реалиям и предложенные В. Н. Крупновым "рек-. ламные реалии" и "политические реалии"3. Первые представляют собой по большей части всевозможные клише и штампы, которые можно отнести к узуальным фразам, отчасти к фразеологии, отчасти к торговому жаргону. Кроме того, мы не причисляем эти единицы к реалиям по той причине, что в нашей работе мы старались не выходить за пределы художественной литературы.

Та же аргументация относится и к "политическим реалиям". По-видимому (мы не знаем, что точно имеет в виду автор), в значительном большинстве случаев это будут либо термины (политические, экономические) типа эносис, военно-промышленный комплекс, либо реалии общественно-политических рубрик, или же советизмы. Например, слово ударник (реалия, названная автором политической) следует, по нашему мнению, отнести к рубрике "Люди труда" и к советизмам (см. гл. 11).

Уваров В. Д. Материальные и психологические реалии и их значение для перевода. -- Сб. Учебно-методические разработки к курсу теории перевода. М.: Изд. МГПИИЯ, 1972, с. 68. Левый И. Указ, соч., с. 129.

Крупнов В. Н. В творческой лаборатории переводчика. М.: Междунар. отнош., 1976, с. 150.

49

4. Старую классификацию реалий мы строили почти исключительно на предметном принципе, то есть исходя из смыслового содержания, семантического значения единиц, с учетом признаков их референтов. Полученные в результате новых исследований и из литературных источников данные позволили добиться более детального освещения материала, что и потребовало рассмотрения его под разными углами зрения, а это, в свою очередь, привело к расширению классификации, на этот раз за счет деления реалий по их коннотативным значениям, т. е. в зависимости от местного (национального, регионального) и временного (исторического) колорита. Наряду с этим учтены и некоторые другие показатели, такие как язык, степень освоенности (знакоместа), распространенность, форма и, разумеется, приемы перевода и способ их выбора.

В результате общая схема новой классификации реалий приобрела следующий вид:

I. Предметное деление.

II. Местное деление (в зависимости от национальной и языковой принадлежности).

III. Временное деление (в синхроническом и диахрони-, ческом плане, по признаку "знакомости").

IV. Переводческое деление.

Первые три деления (МП) приведены в настоящей главе, а четвертому (IV) посвящена глава 6 и последующие главы.

Быть может, с точки зрения лингвистической, стоило бы выделить особо деление реалий по признаку освоенности, или знакомости, или распространенности. Поскольку такая категоризация едва ли будет иметь большое значение для переводчика-практика, а также учитывая относительность

разграничительных критериев (в частности, наличие или отсутствие единицы в словарях), мы предпочли рассматривать этот вопрос в рамках временного деления, тем более, что освоение чужой реалии опять-таки тесно связано с продолжительностью ее употребления.

Иллюстрируя соответствующие категории нашей классификации, примеры реалий мы подбирали с таким расчетом, чтобы показать разнообразие включаемых единиц. При их размещении в отдельных рубриках и подрубриках мы старались придерживаться также их

50

зко тематической принадлежности, не соблюдая при lom алфавитного порядка, практически не имеющего данном случае никакого значения. Полезными могли бы быть сведения о значении и происхождении каждой из приведенных реалий, но это значило бы создавать целый словарь, что не входило в наши задачи и значительно увеличило бы объем книги.

I. Предметное деление

Упомянутое выше расширение классификации распространяется и на предметное деление. Изменения, внесенные в него, сводятся к большей детализации, соответственно увеличению числа рубрик, к изменению отнесенности отдельных единиц к той или иной из них, к перенесению реалий в другие категории "непереводимого" (при сохранении за многими их статуса реалий).

А. Географические реалии

1. Названия объектов физической географии, в том числе и метеорологии: степь, прерия, пампа, пушта; сопка, сырт; солончак; фиорд; вади, кобы, крики; самум, мистраль, горняк, южняк, развигор, торнадо.

2. Названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью: польдер, крига, язовир, грид, арык, чалтык.

3. Названия эндемиков: киви, снежный человек, йети, пицундская сосна, секвойя, корковый дуб.

Реалии группы географических (связанных в первую очередь с физической географией и ее разделами или смежными науками -- ботанической географией, зоогеографией, палеогеографией и т. п.), в особенности п.п. 1 и 3, стоят ближе всего к терминам; поэтому и четкое их отграничение практически невозможно. Возьмем следующий пример. Степь, согласно определению КГЭ, -- это "тип растительности, представленный травянистыми сообществами из более или менее ксерофильных.. растений". "Степи свойственны умеренным поясам обоих полушарий" [стало быть, "степь" нельзя считать реалией?]., "в пределах Венгрии степи называются пушта-ми" [значит, типичная реалия!].. "Степи Сев. Америки., подразделяются на луговые прерии, настоящие прерии, низкозлаковые прерии [тоже реалии!].. Степь Южной Америки называется пампа" [типичная реалия!]. Полу-

51

чается, во-первых, что степь, как родовое понятие, не реалия, а термин; ее виды -- пушта, прерия и пампа -- реалии. Во-вторых, как географическое понятие степь путем транскрипции вошла в другие языки (англ, и фр. steppe, нем. Steppe) --т. е. типичный как для терминов, так и для реалий способ передачи (!). И, наконец, в-третьих, Чехов, когда писал "Степь", имел в виду отнюдь не "тип растительности в обоих полушариях", а характерный русский ландшафт, иными словами, без-условную реалию.

Близок к этому пример с джунглями: санскритское "джангала" перешло во многие языки мира в приблизительно одинаковом фонетическом облике: англ, jungle, фр. jungle, нем. Dschungel, рус. "джунгли", болг. "джунгла", являясь международным термином или реалией. В словарных толкованиях, при некоторых различиях по существу, везде фигурирует Индия ("заросли, типичные для Индии", "встречаются главным образом в Индии", "в некоторых частях Индии" и т. д.), т. е. дается указание на "национальную принадлежность" как характерный признак реалии. С другой стороны, в известных нам языках развилось еще одно, расширительное значение джунглей; "густые заросли", "густой болотистый лес" вообще или "местность такого типа", а в некоторых языках -- и переносное значение (например, "в джунглях бюрократии", "каменные джунгли") -- признак, мы бы сказали, обыкновенного заимствованного слова общего значения.

Все это лишний раз указывает на чрезвычайно зыбкие границы географических реалий и необходимость сугубо индивидуального подхода к их передаче при переводе; приходится учитывать множество показателей: данные словарей (в том числе и отсутствие данных), степень "знакомости" и

"распространенности" как самого слова, так и его референта, колорит и контекст, прежде всего широкий, но, в первую очередь, может быть, степень "освещенности" слова в переводимом тексте.

Б. Этнографические реалии

Толкуя слишком узко понятие "этнография", в нашей прежней классификации мы недостаточно обоснованно связали этнографические реалии с географическими. Поскольку этот термин намного более емок, здесь мы сочли возможным включить в группу этнографических

52

пеалий большинство слов, обозначающих те понятия, которые действительно принадлежат науке, "изучающей быт и культуру народов", "формы материальной культуры, обычаи, религию", "духовную культуру", в том числе искусства, фольклор и т. д. (Кстати на этот недостаток нашей классификации указывал в своей статье и В. Дяков.')

1. Быт:

а) пища, напитки и т. п.: щи, чебуреки, баница, пирог, пай, спагетти, эмпанадос, кнедли; мате, кумыс, эль, бо-за, 'сидр, цуйка, чихирь; бытовые заведения (общественного питания и др.): чайхана, таверна, пирожковая, салун, драгстор, бистро, шкембеджийница; хамам, сауна, термы.

б) Одежда (включая обувь, головные уборы и пр.): бурнус, кимоно, куладжа, дхоти, сари, саронг, сукман, тога, чембары; варежки, унты, мокасины, лапти, царву-лы, улы, черевики; сомбреро, кубанка, шлык, купей, мурмолка, чалма, фередже, паранджа; украшения, уборы: кокошник, фибула, пафты, верик, синцы, пендара.

в) Жилье, мебель, посуда и др. утварь: изба, хата, юрта, иглу, вигвам, чум, бунгало, сакля, тукуль, хасиенда (гасиенда); горница, одая, девичья, буржуйка (печка); ракла, софра; гювеч, амфора, ибрик, чапура, бомбилья; кубышка, куманец, стомна.

г) Транспорт (средства и "водители"): рикша, фиакр, кэб, тройка, нарты, ландо, паланкин, пирога, катамаран, джонка; рикша, ямщик, каюр, кэбмен, гондольер.

д) Другие: саквы, махорка, ароматные палочки, базовый санаторий, дом отдыха, путевка, кизяк.

2. Труд:

а) Люди труда: передовик, ударник, бригадир, табельщик, фермер, гаучо, консьержка, дворник, дхоби, беркут-чи, феллах, грум, теляк.

б) Орудия труда: кетмень, мачете, бумеранг, кобылка, губерка, лассо, болеадорас.

в) Организация труда (включая хозяйство и т. п.): колхоз, ранчо, латифундия, главк, агрокомплекс, бригада, еснаф, гильдия; лапаз, керхан, зенн, мандра.

1 Дяков В. Указ, соч., с. 69--76.

63

3. Искусство и культура:

а) Музыка и танцы: казачок, гопак, лезгинка, краковяк, тарантелла, хоро, раченица, хоруми, хорал, канцонетта, блюз, конфу, рил, хали-гали, хоппель-поппель.

б) Музыкальные инструменты и др.: балалайка, тамтам, гусли, гусла, кавал, кастаньеты, най, банджо, гаме-лан, сямисэн, сэрге, хура.

в) Фольклор: сага, былина, руна, касыды, баяты, газели, частушки; витязь, богатырь, батыр. (Фольклорные понятия тесно переплетаются с мифологическими -- см. п. "и".)

г) Театр: кабуки, но, комедиа дель арте, мистерия, хэппенинг, арлекин, коломбина, петрушка, каспер, панч, полишинель.

д) Другие искусства и предметы искусств: икэбана, сино, маконда, чинте, пеликены, халище.

е) Исполнители: миннезингер, трубадур, акын, менестрель, скальд, кобзарь, бард; скоморох, гейша, гетера, ояма.

ж) Обычаи, ритуалы: мартеница, проштапалник, коляда, конфирмация, баннз, вендетта, церемония тя-но-ю (чайная церемония); сурвакар, кукер, ряженые, тамада; заговезни, масленица, маттанца, задушница, рамазан.

з) Праздники, игры: Первомай, День Победы, холи, джатра, мела, пасха, коледа, День благодарения, лапта, городки, крикет, тарок; городошник, питчер.

и) Мифология: леший, Дед Мороз, тролль, валькирия, гурия, сомодива, таласым, вурдалак, эльф, гном, Баба Яга, ракшас, пена, Сынчо, песочный человечек, вер-вольф, ковер-самолет, жар-птица.

к) Культы -- служители и последователи: лама, ходжа, ксендз, аббат, шаман, бонза; гугеноты, хлысты, мормоны, богомилы, квакеры, дановисты, дервиш, хадж; хультовые здания и предметы:

мечеть, пагода, костел, синагога, скит; распятие, мани, молитвенное колесо.

л) Календарь: вайшак, саратан; вересень, червень, баба марта, голям сечко, санкюлотиды, горештници, бабье лето.

4. Этнические объекты:

а) Этнонимы: апах, банту, гуцул, кафр, копт, ремба-ранка, тотонаки, баски, нганасаны, казах.

б) Клички (обычно шутливые или обидные): кацап, хохол, кокни, помак; бош, фриц, шваб; лингурин, гринго, горилла, ястребы, ангрез.

54

В1 Названия лиц по месту жительства: тарасконец, габровец, абердинец, овернец, кариокас, канака, шоп.

5. Меры и деньги:

а) Единицы мер: аршин, фут, сажень, ярд, ли; пуд, ока, чи; десятина, акр, морген; кварта, четверть, бушель; локоть, гаш, чоперек.

б) Денежные единицы: лев, стотинка, рубль, копейка, лира, талант, франк, сантим, песета, песо; тугрик, куруш, меджидия.

в) Просторечные названия тех и других: осьмуха, сотка юзче, четвертинка, четвертная, половинка; целковый, пятак, п'етаче, двушка, трешка (трешница), полушка, червонец, гривенник, дайм, никел.

В. Общественно-политические реалии

1. Административно-территориальное устройство:

а) Административно-территориальные единицы: губерния, область, департамент, графство, арат, джилла, околия, кааза, вилайет, кантон, воеводство.

б) Населенные пункты: аул, станица, махала, хутор, бидонвиль, стойбище.

в) Детали населенного пункта: аррондисман, сук,ме-дина, кремль (не московский), зума, променад(а), кор-зо, старгало, ларго, ряд, чаршия.

2. Органы и носители власти:

а) Органы власти: Народное собрание, Великий народный хурал, стортинг, кнессет, кортесы, меджлис, сейм, риксдаг; вече, дума, рада; муниципалитет, исполком, верхняя палата; панчаят.

б) Носители власти: канцлер, хан, царь, шах, дож, фараон, инка; лорд-мэр, шериф, визирь, гетман, аль-ка(ль)д, кмет, кабака, сарпанч, капитан-регент.

3. Общественно-политическая жизнь:

а) Политическая деятельность и деятели: большевики, эсдеки, троцкисты; перонисты, тупамарос; ку-клукс-клан, бэрчисты; виги, тори, круглоголовые, пресвитериане, индепенденты, левеллеры.

б) Патриотические и общественные движения (и их Деятели): партизаны, гезы, хайдуты (не "гайдуки"),кар-

55

р^РИР'

бонарии, маки, клефты; слависты, западники, славянофилы; Красный Полумесяц.

в) Социальные явления и движения (и их представители) : прогибишн, паблисити, бизнес, военно-промышленный комплекс; нэп, нэпман, лобби, лоббист, толкач; болельщик, запалянко, тиффози, торсидор, навияч; стиляга, петитерос, суинг, хиппи, рагар, кибиц (нем.), кибик (болт.).

г) Звания, степени, титулы, обращения: кандидат наук, бакалавр, заслуженный деятель культуры, народный учитель, лисансье, агреже; князь, принц, граф, барон, герцог, лорд; столбовой дворянин, статский советник; мистер, сэр, сир, мадам, барышня, фрекен, герр, масса; попечитель, бидл, уип.

д) Учреждения: облоно, наркомпрос, загс; торгпредство, комитет искусства и культуры, золотой стол, пробирная палатка.

е) Учебные заведения и культурные учреждения: десятилетка, изба-читальня, колледж, келийное училище, лицей, медресе; кампус, аула.

ж) Сословия и касты (и их члены): дворянство, мещанство, купечество; юнкерство, третье сословие, джентри; гранд, юнкер, дворянин; варна, брахман, кшатрия, вайшия, шудра, пария, или неприкасаемый; самурай; барин, мужик, феллах.

з) Сословные знаки и символы: красное знамя, пятиконечная звезда, белая лилия (fleur de lis); полумесяц, свастика, конский хвост; данеброг, юньон джек.

4. Военные реалии:

а) Подразделения: легион, чета, фаланга, табор, сотня, орда, легия, когорта.

б) Оружие: арбалет, аркебуза, мушкет, ятаган, катюша, фау, ханджар, таран, финка.

в) Обмундирование: шлем, кольчуга, кивер, ментик, темляк, гимнастерка, китель, бушлат, чекмень.

г) Военнослужащие (и командиры): атаман, есаул, сотник, десятник, севастократор, катепан, сардар, прапорщик, гардемарин, янычар, башибузук, драбант, унтер, фельдфебель, урядник, станичный; драгун, кирасир, пластун.

В конце предметной классификации хотелось бы напомнить, что дальнейшее распределение -- по месту и по времени -- касается тех же реалий, только рассмотренных под другими углами зрения.

56

II. Местное деление

Наименование классификации "по месту" несколько условно, поскольку реалии отнесены к той или иной рубрике не строго по местному признаку, а с учетом двух неразрывно связанных и взаимообусловленных критериев: 1) национальной принадлежности обозначаемого реалией объекта -- ее референта -- и 2) участвующих в переводе языков. Несмотря на схематичность постановки вопроса, эта часть нашей классификации может дать некоторое представление об обусловленности перевода реалии местом (в самом широком смысле слова -- страна, народ, город, племя и пр.) и языком (ИЯ и ПЯ)-

Б. В плоскости пары языков:

1. Внутренние реалии

2. Внешние реалии

Опираясь на специфику перевода -- "средство общения в плоскости двух языков" -- и логическую последовательность переводческого процесса -- "воспринять -- воспроизвести", -- можно сказать, что наиболее целесообразной основой для такого деления представляется не строго местный, т. е. экстралингвистический, а скорее языковой принцип, который позволяет в первую очередь рассматривать реалии 1) в плоскости одного языка, т. е. как свои и чужие, и 2) в плоскости пары языков, т. е. как внутренние и внешние. В зависимости от широты ареала, т. е. от распространенности, употребительности, свои реалии могут быть национальными, локальными или микрореалиями, а чужие -- интернациональными или региональными. Таким образом, наша схема деления реалий по месту и языку приобретает следующий вид:

А. В плоскости одного языка:

1. Свои реалии:

а) Национальные

б) Локальные

в) Микрореалии

2. Чужие реалии:

а) Интернациональные

б) Региональные

А. В плоскости одного языка

В плоскости одного языка реалия представляет собой лексическую единицу с указанными выше качествами. Здесь первый практический вопрос касается ее распоз-

57

навания в ИЯ, причем свои реалии распознать бывает намного труднее.

1. Свои реалии -- это большей частью исконные слова данного языка. Таковы в рус. самовар, боярин, совет, комсомолец; в болг. баклица (своеобразной формы фляга для вина), гега (длинная пастушья палка с крючком на конце), кавал (народный духовой инструмент наподобие свирели); в англ, хиит (heath --пустошь, болотистая местность, поросшая вереском), эль, правильнее эйл (ale -- светлое английское пиво); в нем. бюргер, хойриге (Heurige -- молодое вино и связанные с ним празднества в Вене), вермахт (Wehrmacht); во фр. фиакр (fiacre -- легкий экипаж, извозчик), бош (boche -- презрительная кличка немцев) и т. д.

Нередки, однако, и заимствования из других языков, вошедшие в язык в разное время и разными путями, которые по их восприятию читателем подлинника ничем не отличаются от исконных. Характерными в этом отношении являются, например, турецкие (и персидские) слова в болгарском языке, обозначающие типично болгарские объекты: чорбаджия, гювеч, ямурлук; русские слова тюркского происхождения: тарантас, тайга, сырт, саксаул, кибитка. Нетрудно было бы указать аналогичные случаи и в других языках.

2. Чужие реалии -- это либо заимствования, т. е. слова иноязычного происхождения, вошедшие в словарный состав языка, либо кальки, то есть поморфемные или пословные переводы наименований чужих для данного народа объектов, либо транскрибированные реалии другого языка, часто своего рода окказионализмы или неологизмы. Примерами чужих реалий могут быть рум. брынза в русском языке, ам. бизнес --в русском и болгарском, рус. спутник -- чуть не во всех европейских языках и т. д.

Б. В плоскости пары языков

В плоскости пары языков реалии рассматриваются главным образом с точки зрения перевода, являясь, следовательно, предметом всей первой части работы. Кроме того, вопрос этот тесно связан и с лексикографией и с любым сопоставительным изучением языков. Отмечаем это по поводу удачного, на наш взгляд, деления В. П. Берковым чужих реалий (в терминологии авто-

58

оа -- "экзотизмов") на внешние и внутренние1, целесообразное, по его словам, "для теории двуязычного словаря", но полезное, как мы считаем, и для целей

перевода.

1. Внешние реалии одинаково чужды обоим языкам; например, фиорд -- внешняя реалия для русского, болгарского или любого другого, за исключением норвежского языка.

2. Внутренние реалии -- слова, принадлежащие одному из пары языков и, следовательно, чужие для другого; если фиорд -- внешняя реалия для русского и болгарского языков, для пары русского -- норвежского или болгарского -- норвежского она будет внутренней. То есть в плоскости одного языка она будет, по нашей теоминологии, своей для норвежского и чужой для всех остальных языков. Таким образом, для целей теории перевода реалии можно рассматривать в двух планах: а) с точки зрения ИЯ, т. е. реалии в подлиннике-- реалии свои и чужие, б) с точки зрения ПЯ -- реалии внешние и внутренние; но при переводе на исходный для реалии язык -- реалии только внутренние. Таким образом, совпадающие в обоих языках реалии региональные и интернациональные будут всегда чужими, внешними для обоих языков, и обычно перенесение их из ИЯ в ПЯ происходит, так сказать, автоматически.

Собственно местное деление требует несколько более детального освещения. Приведем его в некотором логическом порядке, без учета того, рассматриваются ли реалии в плоскости одного или пары языков, отмечая, однако, каждый раз их место в приведенной выше схеме.

1. Национальные реалии называют объекты, принадлежащие данному народу, данной нации, но чужие за пределами страны: таково подавляющее большинство реалий, тем более что национальная принадлежность референта является одним из категориальных признаков реалии вообще. Имеются, однако, и исключения; поэтому название "национальные реалии" не следует считать плеоназмом.

Наличия в тексте национальной реалии порой бывает Достаточно, чтобы породить ассоциации, связанные с Данным народом и данной страной. Яркими националь-

1 Верков В. П. Указ, соч., с. ИЗ. 3*

59

ными реалиями можно считать укр. бандура, галушки, гопак, рус. опричник, дьяк, сельпо, комсомолец, ударник, болг. сукман, кавал, царвули, англ. пай, кэб, ам. лобби, ленд-лиз, фр. консьерж, санкюлот,- нем. шнапс, ландтаг, ит. спагетти, гондола, йен. фанданго, сиеста и т. д.

Национальная реалия является исходным пунктом для местного деления: прежде чем стать интернациональной или региональной, она должна была иметь национальный характер; локальные реалии и микрореалии в той или иной степени также обладают национальной окраской.

Национальным колоритом реалии референт тесно связан с соответствующим народом или страной даже в тех случаях, когда он, как исключение, принадлежит другому народу или другой стране. Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. раненых размещали не только в жилых помещениях, но и в палатках и чумах. Тогда же, непосредственно после окончания войны, подполковник П. Т. Редькин, один из командиров болгарских ополченцев, остается в Болгарии в качестве "начальника Тырновского воинского губернского управления". Чум -- это классическое жилище саами, ненцев, эвенков и других северных народов, губерния -- яркая русская реалия; и несмотря на то, что дело происходит в Болгарии, встретив эти слова, читатель невольно связывает их с соответствующим народом (разумеется, если они не вошли в употребление, не укрепились в значении терминов).

2. Региональными реалиями мы называем те, которые перешагнули границы одной страны, не обязательно соседней в географическом отношении, или распространились среди нескольких народов, обычно вместе с референтом, являясь, таким образом, составной частью лексики нескольких языков1. Характерны в этом отношении единицы, которые Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров собрали в седьмую группу своей классификации: "Слова нерусского происхождения, так называемые тюркизмы, монголизмы, украинизмы и т. д.", которые "можно было бы назвать дважды безэквивалентными: сначала они не имели эквивалентов с точки зрения русского языка, и это обусловило их заимствование; теперь они не имеют эквивалентов уже с точ-

зрений иностранных языков по Отношению к русскб-' v" 1 Многие из них можно считать своими реалиями для большинства народов СССР.

С не меньшим основанием региональными реалиями
можно считать и множество советизмов, являющих-
я своими реалиями уже не только для советских народов,
и _ в более широких границах -- для большинства народов социалистических стран; такие слова, как большевик, райсовет, ударник, смотр художественной самодеятельности, агитпункт и пр., транскрибированные или скалькированные, вошли в соответствующие языки вместе со своими референтами. С точки зрения других языков (несоциалистических стран), это интернациональные реалии, фигурирующие в соответствующих словарях и сохраняющие свой советский колорит. Таковы реалии совет (англ, soviet, фр. soviet, нем. Sowjet), колхоз (англ, kolhoz, фр. kolkhoze, нем. Kolchos), большевик (англ, bolshevik, фр. bolchevik и bolcheviste, нем. Bolschewik и многие другие советизмы.

К региональным относятся также группа латиноамериканских реалий, группа африканских реалий (может быть, на основе суахили), группа реалий англоговорящих стран, в частности Великобритании и США, а с другой стороны, вероятно, группа реалий стран Британского Содружества, группа скандинавских реалий, дальневосточных реалий и др.

3. Интернациональные реалии, как показывает термин, 1) фигурируют в лексике многих языков и вошли в соответствующие словари, 2) обычно сохраняют вместе с тем исходную национальную окраску. Если учитывать характернейший признак любой реалии -- национальный колорит, противоречивым кажется уже само сочетание слова "реалия" с эпитетом, отвергающим эту национальную обусловленность. И тем не менее, "бывает так, что экзотические слова (у автора, а в нашей терминологии реалии -- авт.) выходят за рамки одного языка и распространяются (вместе с предметами, обозначаемыми этими словами) в целом ряде языков, становятся интернациональными словами"2. Автор данной статьи, объясняя распространенность в балканских странах реалии гювеч, отмечает ее вхождение в различные языки

1 А. Е. Супрун говорит о "межнациональных группах слов" (указ, соч., с. 52).
60
'Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Указ. соч. Изд. 2-е, с. 82-83.
Добродомов И. Г. Гювеч. -- РР, 1969, N 3, с. 95.
61

"вместе с предметом, обозначаемым этим словом". Этот
путь более характерен для заимствования терминов, реа-
лип же, как правило, поступают в лексику другого языка
в отрыве и независимо от отсутствия соответствующего
референта у принимающего народа -- через литературу и
в первую очередь, переводную. ' '

Возьмем такое слово, как ковбой. Несмотря на то что всевозможные пастухи имеются, вероятно, в любой стране земного шара, а ковбой -- лишь на юге, юго-западе США, слово это известно повсеместно.

И еще одна особенность интернациональных реалий: их содержание может отличаться от первоначального, исходного. Тот же ковбой -- этимологически (cow+boyj и по существу пастух, гуртовщик, не более; от других пастухов его отличает то, что он "конный", хотя конными пастухами могут быть не только ковбои. Но везде, где ковбоев нет (а теперь, пожалуй, и у них на родине), они почти полностью утратили свой исконный пастушеский образ жизни, превратившись в

"бесстрашных" авантюристов, "героев" бесчисленных американских боевиков -- вестернов и приключенческих романов.

Слово сомбреро -- по-испански просто "шляпа", головной убор вообще; но для всех нас это головной убор особого покроя, с характерными широкими полями, кстати, то же, что ковбойка во втором значении (БАС), или ковбойская шляпа; ср. "из стружки осины создаются модные головные уборы для пляжа типа "сомбреро" (из газеты). Шляпу же, по-нашему "типа сомбреро", в Испании зовут "кордовским сомбреро" (sombrero cordobes).

4. Локальные реалии (их можно было бы назвать еще "местными" и "областными") мы приводили и выше (гл. 1), в примерах из произведений Л. Толстого. В отличие от национальных, они принадлежат не языку соответствующего народа, а либо диалекту, наречию его, либо языку менее значительной социальной группы. С другой стороны, будучи диалектизмами, они обозначают и специфические для данной области объекты или отношение к ним, обладая поэтому признаками типичных реалий.

К таким реалиям, наряду с укр. кобзарь, болг. гаду-лар и др., можно, пожалуй, отнести и местное название лаутар -- певец-музыкант в Молдавии. В словарях и энциклопедиях его нет. Но в статье "Молдавская ССР" в БСЭ мы нашли объяснение его: "Носители традиций молдавской народной музыки лаутары (от "лэута" или 62

та>> _ название старинного лютневидного инстру-* нта) -- neB1J-bI и инструменталисты". В 1971 г. был ме авлен кинофильм "Лаутары", точно так же переве-"енный и на болгарский язык. Это -- молдавские труба-Дуры или менестрели, которые, однако, в любом тексте останутся лаутарами.

5 Микрореалии -- совсем условный термин, ко-орым мы обозначаем такие реалии, социальная или территориальная основа которых уже даже самых узколокальных: слово может быть характерным для одного города или села, даже для семьи, не теряя своих особенностей и, следовательно, требуя такого же подхода при переводе.

Так, жители Софии используют нередко своего рода эвфемизм -- "четвертый километр" -- в смысле сумасшедшего дома или, в том же значении, "Карлуково" (в 4 км от Софии и близ села Карлуково находятся крупные психиатрические больницы); такую же роль для Москвы играет "Канатчикова дача".

Рабочих в солеварнях г. Галле (ГДР) звали в прошлом халлоре (Hallore -- от г. Halle). В БИРС это слово с пометой "ист." толкуется так: "солевар, рабочий на солеварне (в г. Галле)", хотя лучше было бы сохранить его облик реалии. Кстати, в настоящее время в Галле везде есть куклы и другие сувениры, изображающие солевара -- халлоре.

В Низких Татрах канатная дорога, "по-здешнему "лановка", подвозит туристов., к вершинам"; лановку можно тоже считать реалией, как, впрочем, и иноязычным вкраплением.

Над "семейными реалиями" у нас наблюдений мало, но по-видимому они теснее всего соприкасаются с именами собственными. Например, в знакомой семье был неопределенной формы и неопределенного назначения шкаф -- не шкаф, буфет -- не буфет, который звали "каракатицей"; слово "Щекотун" в "Больших надеждах" Ч. Диккенс пишет с прописной буквы и обозначает им не просто розгу, а точно определенную "трость с навощенным концом, до блеска отполированным частым щекотанием моей спины".

Обобщая сказанное о "местном делении" реалий, хочется лишний раз подчеркнуть некоторую условность всего деления в том смысле, что нередко та или иная реалия Может быть отнесена к разным рубрикам. По-видимому,

63

в уточнении места реалии играет роль и знакомость/не-знакомость (по отношению к чужим реалиям -- степень освоенности), показатель, который тесно связан с временным фактором и отнесен нами к следующему разделу классификации.

Интересно в этом отношении сопоставить в границах местного деления две довольно далекие группы, такие как интернациональные и локальные реалии, на примере двух очень близких референтам слов: зеннер и гаучо (оба слова в оригинальном написании -- Senner, gaucho). Senner и Senn мы находим в БНРС: первое с пометами "бав." (баварский), "австр." (австрийский) и отсылкой ко второму, где после пометы "швейц." (швейцарский) дается перевод -- "альпийский пастух". Слово gaucho в том же словаре транскрибируется, но почему-то во множественном числе -- гаучос; объяснение -- "южноамериканский скотовод, пастух". В другом словаре (БАРС) гаучо, также

транскрибированное, но уже правильно, в единственном числе, имеет более пространное, но не особенно точное толкование: "скотовод испано-индейского происхождения, живущий в прериях" 1. В толковых словарях русского и болгарского языков нет ни гаучо, ни зеннер; нет их и в СИС и в РЧД, и даже в ЭС и КБЕ. Тем не менее, мы склонны считать, что зенн(ер)--локальная реалия, а гаучо -- интернациональная, почти наравне с ковбоем, несмотря на большую популярность последнего (фигурирует в большинстве словарей). Гаучо мы нашли в английских, французских и немецких толковых словарях; несмотря на его отсутствие в болгарских справочниках, вероятно, нет ни одного болгарского, да и советского мальчика, который не знал бы этого слова; есть популярная сербская песенка о гаучо (композитор Рамбо-сек), переведенная и исполнявшаяся в Болгарии. Известность слова гаучо, точно так же, как и ковбоя, связана, разумеется, не со спецификой его профессии -- одной из самых древних и распространенных в мире, а с присущим ему налетом романтики ("Идеализированный романтический образ свободолюбивого Г. вошел в лат.-амер. лит-ру в 19 в." -- БСЭ); такая же идеализация характерна и для его североамериканского коллеги ковбоя.

И зенн(ер), и гаучо и ковбой -- пастухи, правда, в пазных странах и на разных континентах, на различной высоте над уровнем моря. В болгарском языке имеется множество наименований всевозможных пастухов, главным образом в зависимости от вида скота: овчар, козар, биволар, говедар, кравар, воловар, коняр, магаретар, му-летар, пастир, чобан и т. д., но реалий среди них нет. д вот наименования альпийского, аргентинского и, скажем, техасского пастухов мы принимаем в лоно реалий. ц это несмотря на то, что, например, в Болгарии, пастухи (чабаны) ведут приблизительно такой же, как у зен-н(ер)ов, образ жизни, тоже на высокогорных пастбищах, подобно им, производят сыр (между прочим, немецкий глагол sennen означает "делать сыр" -- БНРС). Тем не менее, при переводе на немецкий язык произведения из жизни таких болгарских пастухов мы не употребили бы слова зенн из опасения придать болгарской действительности не присущий ей колорит. А вот зенн(ер) в переводе на болгарский язык, в зависимости от случая, либо превратился бы в говедара, утратив часть колорита, но не приобретая нового (это болгарское слово, как было сказано, лишено коннотации), либо сохранил бы свою немецкую форму.

III. Временное деление

На основе временного критерия все реалии можно условно разделить в самых общих чертах на 1) современные и 2) исторические. Чтобы такое деление приобрело реальное содержание, рассмотрим следующие, обусловленные фактором времени, вопросы: 1) связь реалий по предмету и времени и 2) по месту и времени, 3) поступление чужих реалий в язык и 4) один из основных путей такого поступления -- через художественную литературу и, наконец, 5) вопрос о знакомости/незнакомости реалий, тесно связанный с употреблением реалий вообще и освоением чужих реалий.

65

1 Во-первых, "гаучо" -- не скотовод, т. е. "специалист по скотоводству" (МАС), а пастух или батрак на скотоводческой ферме (БСЭ), и, во-вторых, "прерии" имеются только в Северной Америке, тогда как в Южной бывает "пампа".

64

Связь реалий по предмету и времени

О том, что статус реалии не всегда является постоянным качеством слова, мы писали в самом начале главы. Изменение этого статуса во времени видно на примере перехода терминов в реалии и наоборот -- реалий в термины и другие, нетерминологические единицы.

Некоторые термины, по той или иной причине, обычно связанной с изменением референта (например, устаревание машины), постепенно отходят в область истории, превращаясь в своего рода исторические реалии. Обратный процесс связан также с референтом: для вновь созданной машины, детали для входящего в обиход предмета потребовалось наименование, и его находят в старой, освященной годами реалии, которая, таким образом, становится названием нового референта, иногда утрачивая, а иногда и сохраняя связь с прежним; старое слово начинает новую жизнь в виде термина.

Уже хрестоматийным стал пример с самолетом. Бывший в свое время лишь ковром (сказочная реалия), он нежданно-негаданно набрал высоту в значении летательного аппарата (термин), а теперь, наряду с гораздо более совершенными своими братьями и сестрами -- ракетами и спутниками -- превратился в элемент обыденной, повседневной речи.

Не менее ярким примером может служить тот же спутник. Разница только в сроках освоения: если в отношении самолета от летающего ковра до повседневного транспорта прошло немало времени, то спутник развился в гораздо более сжатые сроки. От первоначального общеязыкового слова до астрономического термина он прошел, правда, довольно длинный путь, но зато уже у нас на глазах вошел в разряд реалий; причем реалия получилась весьма своеобразная: для ИЯ это был термин ("искусственный спутник Земли"), а в любом иноязычном словаре его можно обнаружить в качестве типичной советской реалии: англ, sputnik, фр. spoutnik, нем. Sputnik, чеш. sputnik, болг. спътник -- то есть слово, обозначающее не сателлит вообще, не любой искусственный спутник Земли, а именно запускаемый Советским Союзом '. Впрочем таково было положение до 1969 г., когда при состав-

1 Ср., например, DQ (1963): "Слово, принятое во всех языках для обозначения искусственных сателлитов, запускаемых Советским Союзом".

66

нци международного многоязычного космонавтиче-ле о словаря была "достигнута договоренность, соглас-с которой термин "спутник" применяется к искусствен-н м спутникам Земли, запущенным в любой стране" ?БСЭ). По существу же слово это -- уже не термин, поскольку едва ли есть люди, не знающие и не употребляющие его.

Вот еще несколько примеров. Для своего времени шлем был военным термином (в средневековье), теперь это военная и историческая реалия, но в последнее вре-мя _ и термин, только с иным значением'; а головной убор доблестного рыцаря на голове современного воина обычно называют по-русски и по-болгарски каской.

Аналогичен случай с бригадиром -- в прошлом военный чин (от ефрейтора и старшего жандарма до генерала), и в этом смысле теперь -- историческая реалия. В Советском Союзе и в Болгарии, а также в других социалистических странах он приобрел значение "руководителя бригады (коллектива, выполняющего определенное производственное задание)" (МАС), а в Болгарии, кроме того, и члена коллектива, выполняющего определенные задачи, обычно на общественных началах -- школьники, студенты; и здесь уже трудно причислить слово к терминам.

Любопытной реалией, пробивающейся в термины, является сауна -- яркая финская реалия. Судя по словарям, в том числе и СИС (1964), в русском языке это слово почти незнакомо; в переводе англ, sauna и нем. Sauna БАРС и БИРС не дают транскрипции, а объясняют его как финская парная баня; в советской печати мы встретили это слово в 1967 г. с достаточно хорошим объяснением: "..грешно было бы не посетить финскую баню-сауну. "Мое первое "саунское крещение" состоялось в одной из таких бань"2. В английский и немецкий языки сауна, по-видимому, вошла также сравнительно недавно: в более старых словарях (нем. -- 1936, англ. -- 1956) мы ее не нашли. В болгарских словарях ее тоже нет, но слово широкой публике знакомо, и, по нашим сведениям, сауна войдет в новое издание словаря иностранных слов в бол-

"•'Специальный головной убор летчиков, танкистов, лыжников и др... (Кожаный ш. и Пробковый ш.)", а также и "Специальное устройство, предохраняющее голову и изолирующее ее от внешней среды. 2 Водолазный ш. Кислородный ш." (Ож) "1. o.V. 1967.

гарском языке. В западных языках, а в последнее время и в болгарском, сауна уже относительно слабее связана с финской действительностью, приобретая все больше характер "типа бани", как, допустим, "турецкая баня".

Тога представляется многим лишь одеждой римского гражданина, но в некоторых странах ее носят и в наши дни профессора, адвокаты, судьи при исполнении служебных обязанностей, и это переводчик не должен упускать из виду.

Слово легион, обозначая 1) крупную войсковую единицу в Древнем Риме и, позже, 2) различные "войсковые формирования во Франции, Великобритании, Германии, России" (например, Иностранный легион, главным образом, в Северной Африке в XIX -- середине XX вв., Польские легионы в XVIII--XX вв. при иностранных армиях), является вместе с тем 3) наименованием созданной и поддерживаемой правительством фашистской молодежной организации в Болгарии до 9 сентября 1944 г., а также, уже в наши дни, 4) названием реакционных гражданских организаций в США (КБЕ), например, "Американский легион"; все эти легионы не имеют никакого отношения к 5) болгарским легиям в Белграде (1862 и 1867 гг.).

Связь реалий по месту и времени

Исторические реалии редко бывают оторваны от своего национального источника. Это случается лишь когда чужая реалия относится, например, к глубокой древности (Древний Рим, Древняя Эллада): тога, амфора, архонт, остракизм и т. п., когда исторический колорит как бы преобладает над национальным: патина времени как бы скрадывает специфически национальный оттенок. Кроме того, многие из этих реалий приобрели со временем переносные значения, перешли во фразеологию, что еще больше ослабило отнесенность их к определенному месту.

Однако многие реалии можно рассматривать в историческом плане, не теряя из виду национальной принадлежности, вернее, такие слова представляют одинаково исторические и национальные реалии. Слова прапорщик, губерния, земство, обозначая понятия, связанные с русским народом, ограничены и рамками соответствующей эпохи -- дореволюционной; к другой эпохе в России •-- времена Ивана IV -- относятся опричник, местничество, земщина, опала, к той же или более поздней -- дьяк, боярин, дума; о ранних годах советской эпохи говорят

68

историзмы ликбез, реввоенкомат, батрачкам, раскулачивание, нэпман и др. исторические советизмы.

Изменения в значениях реалий по времени и месту -- исключительно важная их особенность, незнание которой существенно искажает в восприятии самого переводчика, а'в результате, разумеется, и в глазах читателя описываемую действительность (см. гл. 8 "Аналоцизмы и анахро-низмы" и гл. 10 "Перевод исторических реалий").

Введение чужих реалий

Пополнение чужими реалиями лексики соответствующего языка происходит обычно регулярно и равномерно (разумеется, с соответствующим ускорением, связанным . с увеличением контактов между народами), но нередко и "толчками" или "волнами", в зависимости от тех или иных политико-исторических событий в жизни страны, социальных взрывов, а также часто бывает обусловлено новыми течениями в литературе и связано с периодически меняющимися вкусами и интересами общества. Историки языка и культуры могли бы в ряде случаев наметить и некоторую периодизацию поступления этих элементов по историческим эпохам, наряду с поступлением заимствованных слов вообще. Например, в русской литературе и языке можно было бы указать на следующие периоды:

-- крещение Руси: проникновение древнеболгарских реалий, связанных главным образом с православием и богослужением;

-- эпоха Петра I: волна западноевропейских терминов и реалий;

-- Великая Октябрьская революция: множество политических и экономических терминов и реалий;

-- годы Советской власти: поток многоязычных бытовых и других этнографических реалий народов СССР, а наряду с этим -- и западноевропейских терминов и реалий.

Подобные периоды можно наметить и в отношении поступления реалий в болгарский язык и литературу:

-- крещение болгар: церковные реалии главным образом византийского происхождения, а также реалии, связанные с государственной властью;

-- византийское иго: греческие общественно-политические и бытовые реалии;

-- оттоманское иго: турецкие реалии из всех областей
жизни; . ,... .: .-• .' . •

69

-- эпоха болгарского Возрождения; общекультурные русские и западноевропейские реалии;

-- освобождение от оттоманского ига: множество русских реалий -- военных, общественно-политических, бытовых;

-- период германского влияния (между двумя мировыми войнами) -- немецкие реалии (относительно малочисленные по сравнению с заимствованными терминами);

-- после 9 сентября 1944 года: русские, главным образом общественно-политические реалии, советизмы, принятые вместе с их референтами, и множество реалий всех видов.

Литературные пути проникновения реалий

Они кажутся нам особенно характерными для этого класса лексики, когда реалии вводит мастер -- писатель или переводчик. Ярким примером такого мастерства введения реалий в оригинальную литературу могут послужить "украинские" произведения Н. В. Гоголя, "кавказские"-- М. Ю.Лермонтова и Льва Толстого, произведения современных писателей из "чужой" жизни (А. Е.

Супрун упоминает И. Эренбурга и К. Паустовского1); множество новых реалий можно встретить в современных произведениях типа путевых заметок. Много реалий, главным образом из тех, которые мы назвали бы локальными, вошли в литературный язык через произведения таких писателей, как В. Г. Короленко, Д. Н. Мамин-Сибиряк, П. И. Мельников-Печерский.

Немало, если не большинство, чужих реалий поступает и через переводы. Впрочем, следует, вероятно, отметить, что это характернее для работы более современных переводчиков. Известно, например, что старые переводчики-- судим по И. Введенскому -- нечасто транскрибировали реалии, а старались больше русифицировать текст по Гердеру: "чужое сделать своим".

Раз проникнув в язык или хотя бы в речь, реалия либо приживается, порой даже теряя колорит, либо уходит в историю. Попытаемся на примере введенных в литературу Н. В. Гоголем слов проследить дальнейшую судьбу таких реалий. В качестве исходного пути возьмем "словарик украинских слов", который он предпослал в конце вводного слова Рудого Панька "Вечерам на хуторе

1 Супрун А. Е. "Экзотическая" лексика, с. 51. : '*"""

70

г

близ Диканькй", И проследим Их развитие по словарям различных лет (см. таблицу).

"Словарики" Гоголя заслуживают самого пристального внимания и самостоятельного исследования с переводческой точки зрения. Такой цели мы перед собой не ставили. Хотелось лишь на этом примере объясненных самим автором слов показать реалии в диахроническом

плане.

Из восемнадцати произвольно отобранных нами слов

шестнадцать (без макогона и пейсиков) имеются и у Даля; все снабжены пометами, указывающими на их областной характер -- "юж", "млрс." и др.

УД. Н. Ушакова, т. е. в первом толковом словаре советской эпохи, отсутствуют четыре из этих слов: буханец, книш, макитра и макогон; четыре других -- бублик, галушки, каганец и рушник -- помечены как областные, а в толковании восьми оговорена их связь с Украиной ("украинский", "на Украине", "у украинцев") --украинские реалии: галушки, кобза, кунтуш, оселедец, плахта, свитка и чумаки; пейсики имеются только "у патриархальных евреев" (так дано во всех словарях; к ним больше возвращаться не будем); жупан имеет помету "ист."; пометой "спец." характеризуются слова плахта и смушки ("смушка"). "Нейтральное" толкование получил только хутор: в словаре не отмечено его значение как "крестьянский поселок", специфическое для Украины (в данном

случае).

В М А С нет только двух слов -- буханец и макогон; первое уже не встречается и дальше, так что его следует считать выбывшим, а макогон, наоборот, появляется в БАС (том 6 БАС вышел на год раньше тома 2 МАС) без помет, но как украинская реалия; мы его встречали и в периодической печати. Областных слов осталось только три -- каганец, рушник и хутор (в его значении реалии); украинских реалий стало девять (за счет макитры), а без помет на этот раз идут бублик и смушка.

В словаре С. И. О ж е г о в а из всех восемнадцати слов не представлены семь -- очевидно, менее употребительные, находящиеся на периферии или за пределами современного литературного языка: буханец, каганец, книш, макитра, макогон, пейсики и рушник; по существу это областные слова, поскольку среди приведенных одиннадцати нет пометы "обл.". Украинских реалий тоже девять; бублик и смушка также даются без помет.

Итак, галушки, жупан, кобза, кунтуш, оселедец, плах-

71

та, свит(к)а, хутор и чумаки можно считать на сегоднящ ний день утвердившимися украинскими реалиями.

Рушник (во всех словарях "ручник") везде имеет помету "обл.", а в БАС -- "устар. и обл.". Мы считаем его единственным не принадлежащим к числу реалий словом поскольку не видим никаких специфически национальных черт (быть может, они и были -- размеры и форма, вероятно материал -- лен?, ручная выработка и "оформление", вышивки и т. п., -- но все это стерто временем, утеряно для современника); слово не вошло в словарь русского языка.

Интерес представляет также развитие "нейтральных" бублик и смушки. У Даля и Ушакова бублик -- областное слово, областным оно помечено и в БАС (1950): "южное и украинское". Однако в МАС

(1957) и, дальше, у Ожегова оно приведено без помет. Тем не менее мы имеем основание считать его также реалией, но, может быть, шире распространенной -- не только украинской, а скорее русской, на что косвенно указывает его подача в русско-иноязычных словарях1. Смушки (во всех словарях единственное число -- "смушка") у В. Даля помечено "кур. пек.", т. е. это явно областное слово; у Д. Н. Ушакова это термин: помета "спец."; в остальных словарях оно дано без помет, но самый характер толкования подсказывает, что речь идет о специализированном понятии и что его наименование относится скорее всего к терминологической лексике.

Стоит остановиться и на исторических р е а л и -я х. По существу, все приведенные слова могли бы иметь пометы "ист." или "устар.": такое сегодня не употребляют, не носят, не едят; на это указывают и слова "старинный", "в старину" в толкованиях; такое указание Гоголь дает единственно к слову кунтуш ("верхнее старинное платье"). Только хутор по Ож. и БАС -- слово современ-

1 В РАС, так же как и в Оксфордском RED, бублик транскрибирован [boublik] и в скобках объяснен почти одинаковыми словами. В других словарях даются близкие понятия: в РНС Kringel (явный "крен-

. дель") и в РФС craquelin -- "баранка, сушка"; при таком переводе утрачиваются даже чисто предметные приметы бублика, не говоря уж о коннотативном значении. Болгарское "геврек" лучше отражает содержание бублика, но у нас геврек большей частью обсыпан кунжутом, очень редко маком и никогда тмином. В БРЧС бублик..значится как preclik, что в переводе обратно на русский язык будет "крендель", "бублик", "баранка", а по сути дела--ни то, ни другое' ни третье.

76

ное, несмотря на то, что теперешние хутора "на Украине, на Дону и на Кубани" наверняка утратили характерные черты даже шолоховских и лишь по традиции называются хуторами да станицами.

Вопрос освоения чужой реалии

Это тоже вопрос времени. В зависимости от степени освоенности реалии можно условно разделить на 1) знакомые и 2) незнакомые. Понятия эти, крайне относительные и растяжимые, можно несколько уточнить. Качество "знакомости" чужая реалия приобретает в ходе употребления: знакомым становится иноязычное слово, которое часто встречается в литературе, популяризируется (вольно или невольно) средствами массовой информации, употребляется многими носителями принявшего его языка и -- под конец уже -- представляет интерес для массового читателя, -- все это в течение достаточно продолжительного времени. В результате слово становится частью лексики данного языка и попадает в его словари. Таким образом, данное деление можно условно представить в виде двух категорий чужих реалий: 1) реалии, принадлежащие к словарному составу принявшего их языка, и 2) реалии, еще не вошедшие в его лексику. А поскольку общепринятым признаком принадлежности данной лексической единицы к языку является ее присутствие в словарях, знакомые, полностью освоенные чужие реалии будем для удобства называть "словарным и", а незнакомые, неосвоенные -- "в н е с л о в а р н ы м и".

Такое разделение, конечно,'весьма схематично, формально-- черно-белый снимок многоцветной натуры. Если проследить по словарям и в литературе, то окажется, что по существу между полностью освоенными чужими (для русского языка) реалиями типа джунгли, прерия, бизнес, аул, сакля, кимоно, пагода, миля, доллар и впервые вводимыми переводчиком или автором, такими как, скажем, берик (туркменское украшение), пафты (своеобразная пряжка на женском поясе в Болгарии), родильеро (шерстяной плед в Южной Америке), рагар (шведский хиппи) и т. п., можно расположить множество групп реалий, в различной степени адаптировавшихся в новой для них языковой среде.

С другой стороны, и лексикографическая практика еще, к сожалению, не достигла совершенства в своевременном отражении в словарях новых языковых поступле-

77

ний. Бывает, что в толковом словаре встретишь редкую реалию, а не находишь употребительных. Отличную идею периодического пополнения толковых словарей новыми словами, в том числе и заимствованными, следовало бы развить дальше, участив периодический выпуск таких словарей-справочников.

Особую, третью группу чужих реалий по признаку "знакоместа", в еще более значительной степени обусловленных фактором времени, составляют "модные реа-л и и".

Выше мы говорили о толчкообразном поступлении чужих реалий в тот или иной язык в различные исторические эпохи соответствующего народа. Здесь же пойдет речь также о периодическом (хочется сказать, "пароксиз-мальиом") поступлении или даже нашествии реалий, но не в государственном и не в "эпохальном" масштабе, не в отношении жизненно важных объектов, а скорее в области моды (в широком смысле слова). Эти модные поветрия отличаются тем. что завладевают вниманием широких кругов общества, чаще всего молодежи, но на сравнительно непродолжительное время; приходит новая мода, и вчера еще бывшие у всех на устах словечки уходят в небытие: суинг вытесняет рок-н-ролл, будучи в свою очередь вытесненным каким-нибудь конфу или бэнгом, вместо причесок бокс, полубокс или "я у мамы дурочка" появляются модные сэссун или гаврош, битники уступают свое первенствующее положение "детям-цветам" хиппи 1, которые также сходят на нет и забудутся за счет следующих за ними детей мгновения; отзвучало легкомысленное постукивание шпилек и гвоздиков русских модниц, вставших на платформы и танкетки.

Такие модные реалии исчезают из памяти современников, но часто не бесследно: даже самые недолговечные однодневки этого типа продолжают для переводчика быть реалиями, то есть нередко более трудными головоломками, чем другие, -- ведь некоторые из них закрепляются в том или ином произведении, которое нужно переводить. Другие попадают в словари. Такова, например,

болгарская реалия суинг (в значении "стиляга"), пришедшая с американским танцем, которую мы находим в словаре иностранных слов (РЧД); в США этот танец давно забыт. Любопытен другой случай, когда болгарская реалия-однодневка сохранилась не в болгарском, а в русском словаре. В Болгарии в середине 60-х годов усердно рекомендовали созданный по болгарским мотивам танец и-ха-ха, которого в нашей литературе, в том числе и в справочниках, мы не нашли; а в словаре-справочнике "Новые слова и значения" (в обоих изданиях -- 1971 и 1973 гг.) он представлен толкованием: "Парный танец свободной композиции, созданный в Болгарии, отличающийся простотой и современной пластикой", и двумя примерами из советских же периодических изданий.

Иногда мы употребляем и термин "эпизодические реалии", которые не следует смешивать с модными. Это внесловарные реалии, которые переводчики, в зависимости от требований контекста, вводят в перевод, однократно или несколько раз, но которые распространения не получают, в языке не закрепляются, а, следовательно, не попадают и в словари. Таковы, например, многие из реалий в упомянутой выше книге Л. В. Шапошниковой.

От других внесловарных реалий их отличает короткая жизнь: это однодневки, которые умирают, не успев родиться, в отличие от таких, как болг. запалянко (болельщик) -- исключительно распространенного в речи слова, не нашедшего, однако, места в толковых словарях болгарского языка.

Эпизодические реалии не следует смешивать с экзо-тизмами (см. гл. 4).

Глава 6
ПЕРЕВОД РЕАЛИЙ

1 Слово хиппи является хорошим примером недолговечности модных реалий, обусловленной, разумеется, преходящим характером их референтов: в 1967 г. В. Аксенов застает в Лондоне расцвет движения "детей-цветов", а уже в 1975 г., будучи в Калифорнии, обнаруживает, что тихо замирает его последний аккорд (см. ЛГ, 1.1.1976).

78

Понятие "перевод реалий" дважды условно: реалия, как правило, непереводима (в словарном порядке) и, опять-таки как правило, она передается (в контексте) не путем перевода. "Если говрить о непереводимости, -- пишет Л. Н. Соболев, -- то именно реалии,.как правило, и

79

непереводимы"1. Так что не зря И. Левый упоминает реалии в числе cruces translatorum, то есть крестных мук переводческих2.

И тем не менее "нет такого слова, которое не могло бы быть переведено на другой язык, хотя бы описательно, т. е. распространенным сочетанием слов данного языка"3-- это в отношении словарного перевода, и "то, что невозможно в отношении отдельного элемента, возможно в отношении сложного целого" 4, т. е. в отношении контекстуального перевода. Так что вопрос сводится не к тому, можно или нельзя перевести реалию, а к тому, как ее перевести.

Основных трудностей передачи реалий при переводе две: 1) отсутствие в ПЯ соответствия (эквивалента, аналога) из-за отсутствия у носителей этого языка обозначаемого реалией объекта (референта) и 2) необходимость, наряду с предметным значением (семантикой) реалии, передать и колорит (коннотацию) -- ее национальную и историческую окраску.

Дело значительно осложняется еще необходимостью учитывать целый ряд обстоятельств, мешающих дать один на все случаи жизни ответ. Безусловно лишь одно: рецептов и здесь, как в переводе вообще, нет, и переводчик, учитывая общие теоретические положения и опираясь на владение языками, на фоновые знания, на свой опыт, чутье и картотеку, но, в первую очередь, на "контекстуальную обстановку", в каждом отдельном случае выбирает наиболее подходящий, иногда единственно возможный путь.

Осмысление реалии в подлиннике и в переводе

К этим важным обстоятельствам, которые нельзя упускать из виду при выборе наиболее подходящего приема перевода, принадлежат место, подача и осмысление незнакомой реалии в подлиннике.

Незнакомой чаще всего является чужая реалия. Автор вводит ее в текст художественого произведения главным образом при описании новой для носителя данного

по переводу с русского язывд на:

1 Соболев Л. Н. Пособие французский, с. 281.

2 Левый И. Искусство перевода, с. 149.

3 Федоров А. В. Основы общей теории перевода, с. 182.

4 Т а м же, с. 144.

80

языка действительности, например, в романе из жизни такого-то народа, в такой-то стране, повествуя о чужом для читателя быте в том или ином эпизоде. Эти малознакомые или вовсе незнакомые читателю подлинника слова требуют такой подачи, которая позволила бы воспринять, не затрудняясь, описываемое, ощутив вместе с тем тот специфический "аромат чуждости", характерный местный или национальный и исторический колорит, ради которого и допущены в текст эти инородные элементы. При недостаточно умелом их введении, если автор переступил какую-то трудно уловимую границу меры и вкуса, они разорвут гомогенную ткань произведения, и читатель воспримет их как самоцельную экзотику.

1. Наиболее удачным нужно считать такое введение в текст незнакомой реалии, которое обеспечило бы ее вполне естественное, непринужденное восприятие читателем без применения со стороны автора особых средств ее осмысления. Например: "-- Вот мани. -- Кунжен протянул мне медный колокольчик.-- Я звоню в него, когда пророчествую"1. (Разрядка наша -- авт.) Значение загадочного иначе мани (= медный колокольчик) раскрывается здесь же, в самом тексте, первыми связанными с ним словами.

2. Не требуют по большей части объяснений и те р е а-лии, которые знакомы читателям (из литературы, печати, культурного общения). Таковы, например, вошедшие во многие языки интернациональные реалии типа сомбреро, пампа, коррида, гондола, феллах; о каждой из них у читателя давно сложилось соответствующее представление, так что писатель, вводя данное слово в свой текст, довольно точно знает, что его поймут.

Однако при переводе, несмотря на интернациональный характер этих реалий, а может быть, именно в связи с ним, существует опасность ошибок: не рассчитывая в сомнительных случаях на память или интуицию, переводчик должен тщательно проверить, 1) существует ли это слово и в ПЯ, 2) соответствует ли оно по значению переводимому в ИЯ и 3) каков его фонетический и графический облик в ПЯ.

3. С еще большим основанием не требуют объяснения и региональные реалии. Таковы в советской художественной литературе названия многих объектов, ха-

Шапошникова Л. В. Указ, соч., с. 185.

81

Т

рактерных для быта и культуры народов Советского Союза. Вот почему, говоря о чахохбили ("Махатадзе отбыл к себе.., вырвав у супругов Петровых обещание приехать в гости, на чахохбили"), "Крокодил"1 не объясняет его значение, явно рассчитывая, что одно упоминание этого блюда

вызовет у читателя обильное слюноотделение. Что касается нас, иностранцев, то требуемого эффекта не получилось, точнее, рефлекс сработал с заметным опозданием -- после справки в "Книге о вкусной и здоровой пище": до этого мы могли только догадываться о значении по тому, что подсказывал контекст -- какое-то (восточное, кавказское, грузинское -- одним словом, экзотическое) кушанье.

4. Очень часто в соображения писателя и переводчика входит расчет на контекстуальное осмысление, на то, что читатель поймет введенную реалию "по смыслу". В следующий текст автор ввел две реалии: "..когда гитарист., узнал, что в его ресторанчике, остужая острую пищу мексиканской текилой, сидят два амигос из России, грянул "Эй, ухнем!", нам в первомайский вечер стало весело в Лос-Анджелесе.."2 (разрядка наша--авт.). В словарях, в том числе и в СИС, эти слова отсутствуют; но если амигос довольно популярно в значении "приятели" (йен.), то текилу читатель, вероятнее всего, прежде не встречал, а только улавливает, что речь идет о мексиканском напитке, должно быть, вине, но что это за вино, чем оно отличается от других вин, красное оно, наконец, или белое, остается неизвестным. Просто автор считает, что этих данных достаточно, чтобы создать необходимую атмосферу и вместе с тем не особенно затруднить читателя.

Несколько больше осведомленность читателя того же произведения о битлах: "Там-то между ежегодной скотоводческой выставкой и гастролями четырех лохматых б и т л о в из Ливерпуля, там-то и разыгрывался главный спектакль", -- пишет автор3, не считая нужным давать пояснения: нашему современнику "лохматые битлы" хорошо знакомы. Однако уже в следующем изднии этой книги, вероятно, потребуются комментарии, введение каких-либо средств осмысления: мы уже отмечали, как быстро модные слова вытесняются более модными.

1 Кр., 1975, N 8, с. 2.

2 Кондратов С. Н. Свидание с Калифорнией, с. И.

3 Т а м ж е, с. 95. :

82

5. Нередки случаи переоценки фоновых знаний читателя, когда автор не объясняет реалию, чужую или свою, но явно незнакомую читающей публике. Р. Са-батини, например, описывая события, эпоху, среду, быт времен французской революции конца 18 века, не приводит никаких средств осмысления соответствующих реалий. То же можно сказать и о других авторах, в том числе и пишущих на исторические темы.

Ярким примером в этом отношении может быть такой крупный художник, как А. Н. Толстой. В "Петре Первом" содержится масса исторических реалий, очень далеких от современного читателя и явно незнакомых большинству. Об этом упоминает и О. Н. Семенова, приводя пример с реалией терлик: "А. Толстой, вводя в текст незнакомое русскому читателю слово "терлик", не считает нужным раскрывать его значение ни сноской, ни пояснениями, органически вплетенными в текст, как он это делает в ряде других случаев". Далее автор указывает на разницу в восприятии такой реалии читателем перевода в отличие от читателя подлинника, "который в случае недоумения мог обратиться к помощи словарей, справочных пособий, к памятникам эпохи, чего совершенно лишен читатель перевода"1.

Что читатель, встретивший незнакомую реалию в подлиннике, находится в несколько более благоприятном положении по сравнению с читателем перевода, это верно. Но едва ли верно приведенное автором объяснение: вряд ли А. Н. Толстой рассчитывал, вводя тот же терлик, что читатель будет справляться о его значении в словарях и "памятниках эпохи". Во-первых, и читатели перевода могут обращаться к словарям, а во-вторых, маловероятно, чтобы читатель (не научный работник или исследователь), взявший книгу для удовольствия, стал рыться в словарях, разыскивая незнакомое слово. Дело, конечно, обстоит гораздо проще: А. Н. Толстой и не собирался уточнять для читателя значение некоторых реалий, которые вводит как синхронизированный с описываемой эпохой орнамент, что уже на следующей странице признает сама О. Н. Семенова, несколько противореча себе: "..полное раскрытие семантики слова [тегилеи] не входит в художественную задачу; архаизм сохраняет для читателя новизну, экзотичность, является элементом историчес-

'Семенова О. Н. Архаическая лексика в романе А. Толстого "Петр I" и способы ее перевода на эстонский язык, с. 62.

83

Кой стилизации"1. Не до конца раскрытое значение реалии, а лишь намек на него, конечно, понятнее читателю подлинника -- слово здесь в своей среде, и он улавливает интуитивно больше, чем поймет из перевода читатель-эстонец, для которого транскрибированные тегилеи не больше, чем совершенно лишенный смысла египетский иероглиф.

6. Приведенных примеров достаточно, чтобы показать опасность непонимания или недопонимания значения незнакомой реалии, введенной в текст подлинника или перевода: смысловое содержание чужого слова не доходит до сознания читателя или доходит в несколько ущербленном виде, что ставит вопрос по меньшей мере о выделении этих реалий при помощи соответствующих средств. Например, в "Казаках" многие из слов, обозначающих характерные для местного быта объекты, Л. Толстой дает курсивом. Некоторые авторы ставят чужие реалии в кавычки, как, например, "в стране индустриального потока и пресных "хэмбургеров"..."2, другие сохраняют даже оригинальное их написание (например, латиницей), приближая, таким образом, к иноязычным вкраплениям.

7. Но одного выделения, т.е. просто привлечения внимания читателя к тому, что это слово "особенное", недостаточно для восприятия смыслового содержания реалии. Поэтому авторы и переводчики прибегают к целому ряду средств, целенаправленно используемых для осмысления чуждого пониманию читателя слова. Их подбор неизменно зависит от стилистических задач автора и в конечном счете связан с учетом значимости, "степени активности", "смысловой нагрузки"3, которую несет та или иная реалия. В "Казаках" Л. Толстой4 пользуется обычно несколькими способами, характерными, в сущности говоря, и для других писателей: дает в самом тексте объяснение или элементы толкования, выделяя их или саму реалию скобками, запятыми или тире, или же прибегает к сноскам: "Оленин надевал... размоченную обувь, называемую поршнями.." (с. 256), "к нему поеду, подарок, пешкеш, свезу.." (с. 228), "Красивая голова Марьяны, повязанная одним красным платком (называемым сорочкой)..." (с. 259), "Бал, то есть пирог и собрание девок" (с. 261).

'Там же, с. 63.

2 Кондратов С. Н. Указ, соч., с. 11.

3 Выражение А. Д. Швейцера. См. указ, соч., с. 254.

4 Толстой Л. Н. Собр. соч. в 20-ти томах. Т. 3.

84

В подстрочное примечание выносятся, как правило, реа-" лии, требующие более пространных объяснений, или же,'по-видимому, такие, которые по той или иной причине, например, при употреблении в прямой речи -- трудно объяснить в самом тексте.

В тех случаях, когда на данной реалии сосредоточено внимание автора (а, следовательно, и читателя), когда она несет более значительную смысловую нагрузку, автор может и в самом тексте дать более детальное объяснение, до этимологии включительно, если это необходимо по ходу действия. Например: "..взяв чапуру (деревянную чашку, вмещавшую в себя стаканов восемь), налил вина и выпил почти всю"1. Реалия чапура и до этого встречается в тексте, но только здесь Л. Толстой приводит детальное . описание, подчеркивая ее емкость в связи с количеством выпитого Олениным вина. Вот другой пример осмысления реалии в тексте, взятый из "Известий", -- случай, когда реалия имеет высокую степень активности: "Здесь самое ходовое слово "матабиш", понятное на любом из десятка языков.. Его значение слабее английского слова "взятка", так как в нем нет намека на незаконность или правонарушение. "Матабиш" -- это просто неизбежные расходы, благодаря которым все получается так, как нужно". И еще: "Но что же, конкретнее, фривей, этот вещественный и символический образ Лос-Анджелеса? Free way -- свободный путь. Свободный от светофоров и других ограничений скорости"2.

Довольно распространенным способом объяснения реалии является употребление ее нейтрального синонима или родового понятия в качестве приложения, т. е. связывание обоих слов дефисом: "помещик и-д ж е н м и силой отбирали землю", "посетить финскую б а-н ю-с а у н у", "ю б к и -л о н д ж и на школьниках" и т. д. Например, таким же образом Г. Лонгфелло раскрывает в "Песне о Гайавате" значения индейских реалий.

Подача и толкование реалий в особых словарях, комментариях, глоссариях и т. п. в конце книги, части, главы значительно затрудняет читателя, отрывая его от повествования (обрывает нить), заставляя искать значение незнакомого слова где-то в другом месте, добраться до которого удается не сразу: нужно перевернуть не одну страницу; иногда затруднение усугубляется еще и тем, что непонят-

'ТолстойЛ. Н. Собр. соч. в 20-ти томах. Т. 3, с. 267. 2 Кондратов С. Н. Указ соч., с. 23.

85

"мое слбво ничем Не отмечено, как и точное место, где его искать, а поиски могут оказаться тщетными. Прежде к этому методу осмысления прибегали чаще. Такие словари мы находим у Г. Лонгфелло и его переводчика И. А. Бунина; выше мы отметили "словарики" Н. В. Гоголя в его "Вечерах"; список морских терминов имеется в конце романа А. Степанова "Порт-Артур" (но ни морских терминов в комментариях, ни особых глоссариев нет у такого мастера морского рассказа, как К- М. Станюкович). Чаще к такому приему осмысления болгарских реалий прибегали и в более старых переводах на русский язык1. Однако в более поздних переводах болгарской литературы на русский язык таких комментариев встречается меньше; в сборнике рассказов Элйна-Пелйна2, выпущенном в 1975 г., их нет вообще.

Вопрос о подаче и осмыслении реалий очень важен для пер еводчика: введение реалии обусловлено, с одной стороны, ее местом в подлиннике и, соответственно, ее осмыслением автором (обычно в отношении чужих реалий), а, с другой, средствами, которыми воспользуется переводчик для раскрытия ее (обычно своей реалии) содержания, если он вообще не решит, что смысл ее в достаточной степени ясен из окружающего ее контекста. Такое решение, однако, можно принять, только взвесив очень тщательно значимость реалии и ее зависимость от словесного окружения: ведь дело в том, что в одном случае читателю достаточно знать, что данное слово обозначает "предмет одежды", а в другом мало будет и информации о ткани, из которой эта одежда сшита3.

1 См., например, Болгарские повести и рассказы XIX и XX веков. Пер. с болг. М.: Гослитиздат, 1953; В аз о в И. Под игом. Роман. Пер. с болг. М.: Гослитиздат, 1954.

2 Псевдоним болгарского классика Дмитрия Иванова обычно транскрибируется по-русски ошибочно -- Елин-Пелин, что ведет к

. совершенно неправильному его произношению [Иёлин-Пёлин] с ударением на первых слогах.

3 Упрекая А. В. Федорова в том, что он склонен якобы "приписывать контексту всеразъясняющую силу", Ив. К а ш к и н пишет: "Из контекста романа едва ли можно заключить, какое же, собственно, помещение подразумевается во фразе: "станем теперь у дверей теплой оды". Что это такое -- теплая сакля, натопленная баня, жаркая кузня?" И заключает, что довольствоваться такими общими разъяснениями "едва ли резонно в реалистическом переводе, предполагающем конкретность". (Указ, соч., с. 467) Не зная оригинального материала, о котором идет спор, трудно сказать, так ли важно в данном контексте знать, что это за помещение. Если для одного контекста это обязательно нужно, то в другом такая конкретиза-

86

Приемы передачи реалий

Их можно, обобщая, свести в основном к двум: транскрипции и переводу.

Эти два понятия, по словам А. А. Реформатского, "могут .быть друг другу противопоставлены, так как они по-разному осуществляют формулу Гердера: "Надо сохранять своеобразие чужого языка и норму родного", а именно: 1) перевод стремится "чужое" максимально сделать "своим"; 2) транскрипция стремится сохранить "чужое" через средства "своего".

Таким образом, в плане практическом перевод и транскрипция должны рассматриваться как антиподы"1. С "формулой Гердера" нам согласиться трудно, так как целью перевода является отнюдь не сохранение своеобразия языка подлинника -- мы стараемся передать своеобразие стиля автора, но средствами "сво-е г о" языка; а что касается противопоставления транскрипции переводу, то мысль эта кажется нам интересной, хотя бы уже потому, что представляет собой еще один из парадоксов в работе переводчика с реалиями.

I. Транскрипция2 реалии предполагает механическое перенесение реалии из ИЯ в ПЯ графическими средствами последнего с максимальным приближением к оригинальной фонетической форме: рус. пельмени по-болгарски "пелмени"; немецкой земельной мере Morgen будут соответствовать рус. и болг. "морген"; англ, whig--рус. "виг" и болг. "уиг"; фр. taverne будет одинаково "таверной" и по-русски и по-болгарски, как одинаково или приблизительно одинаково будут транскрибироваться на все языки (как указано выше) советизмы Совет, спутник, колхоз.

Желательность, а часто необходимость применения транскрипции при передаче реалий обусловлена тем, что таким образом переводчик может получить возможность

ция может оказаться лишней. А кроме того, каким бы реалистическим перевод ни был, он не может, не имеет права выставлять ту или иную деталь в более ярком свете, чем в оригинале, а

дополнительная информация, возможно, и оказалась бы таким избыточным освещением для данного текста.

'Реформатский А. А. Перевод или транскрипция? -- Сб. Восточно-славянская ономастика. М.: Наука, 1972, с. 312.

2 На правилах транскрипции и ее отличии от транслитерации в переводческой практике мы остановимся в ч. II, гл. 2, так как этот метод перенесения лексических единиц в текст перевода наиболее характерен для имен собственных,

87

сразу преодолеть обе указанные выше трудности, но при неудачно сделанном выборе между транскрипцией и переводом может и серьезно затруднить читателя.

II. Перевод реалии (или замена, субституция) как прием передачи ее на ПЯ применяют обычно в тех случаях, когда транскрипция по тем или иным причинам невозможна или нежелательна. Прежде чем говорить об этих причинах (см. ниже "Транскрипция или перевод"), приведем используемые приемы передачи реалии при переводе.

1. Введение неологизма -- по-видимому, наиболее подходящий после транскрипции путь сохранения содержания и колорита переводимой реалии: путем создания нового слова (или словосочетания) иногда удается добиться почти такого же эффекта. Такими новыми словами могут быть, в первую очередь, кальки и полукальки.

а) Кальки -- "заимствование путем буквального перевода (обычно по частям)' слова или оборота" (СЛТ) -- позволяют перенести в ПЯ реалию при максимально верном сохранении семантического содержания, но далеко не всегда без утраты колорита. Классический пример -- скалькированные с англ, (ам.) skyscraper рус. небоскреб (в отличие от "высотного здания"; благодаря этому противопоставлению чувствуется "западный колорит" кальки), болг. небостъргач, фр. gratte-ciel, нем. Wolkenkratzer; ам. lend-lease передается болгарской калькой заем-наем (по русски транскрибируется -- ленд-лиз); слово тореадор можно встретить в болгарском тексте как бикоборец и т. д.

Калек-слов в работе с реалиями встречается в общем намного меньше, чем калек-словосочетаний (за исключением преимущественно слов немецкого языка, обладающего почти неограниченной возможностью словосложения). Так, нем. Volkskammer мы переводим сочетанием народная палата, англичане калькируют красноармейца сочетанием Red Army man, французы -- soldat de ГАгтёе Rouge, а немцы -- Rotarmist; японские чайная церемония и чайный домик -- также кальки; кальками передаются и наименования ряда праздников с достаточно "прозрачным" содержанием: Первое мая, или Первомай -- болг. Първи май -- англ. May Day -- фр. le Premier-Mai -- нем. Erste Mai; таковы также реалии День Победы, День химика, Софийские музыкальные недели и т. п.

б) Полукальки -- своего рода частичные заимствования, тоже новые слова или (устойчивые) словосоче-

тания, но "состоящие частью из своего собственного материала, а частью из материала иноязычного слова"1. По-видимому, в русском и болгарском переводе полукаль-ки -- тоже большей частью словосочетания. Таковы, например, третий рейх (с нем. der Dritte Reich), здание бундестага (с нем. Bundeshaus); рус. декабрист англичане передают полукалькой Decembrist (декабрь = De-Cember), французы -- тоже полукалькой Decembriste или же транскрибируют его Decabriste; полукалькой можно считать и "чайную церемонию" при сохранении одного из компонентов путем транскрипции: церемония тя-но-ю.

К полукалькам-словам можно отнести американский историзм саквояжник (с англ, carpet-bagger) в значении "северянин, добившийся влияния и богатства на Юге (после войны 1861--1865 гг.)" (БАРС), от carpet-bag = "саквояж" с русским суффиксом "-ник", а также, на том же основании, реалии духанщик, берчист и т. д. Удачным переводом на болгарский можно считать полукальку -- болгарское прилагательное от нем. Burger в словосочетании "бюргерска епоха" (нем. Burgerliches Zeitalter); для этого сочетания не подошли бы ни "гражданский", ни "мещанский" или "обывательский", ни "буржуазный".

в) Освоением мы называем адаптацию иноязычной реалии, т. е. придание ей на основе иноязычного материала обличил родного слова: рус. пирожок, рубль, ватник перешли в болгарский язык как пирожка или перушка, рубла, ватенка; пол. p?czek -- рус. пончик -- болг. поничка; нем. Walkure превратилась в рус. валькирию; фр. concierge в жен. р. -- рус. консьержка и т. д. Этот прием нужно, однако, оговорить в том смысле, что тут реалия не только меняет свою форму, но обычно

теряет и часть семантического содержания: между рус. пирожок и болг. перушка разница не только в плане выражения, но и в плане содержания.

г) Семантическим неологизмом мы назовем условно новое слово или словосочетание, "сочиненное" переводчиком и позволяющее передать смысловое содержание реалии. От кальки его отличает отсутствие этимологической связи с оригинальным словом. Для болгарина, например, "игра в поддавки" -- пустой звук; поэтому, когда во фразе "Это он, стало быть, с нами хотел

'Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1972, с. НО.

4-747 89

в шашки-поддавки сыграть" реалия переведена несуществующей игрой "к о и т о г у б и, п е ч е л и" (кто проиграл-- выиграл), мы считаем, что переводчик хорошо справился со своей задачей. И еще один пример: нужно было перевести на болгарский "прорубные деньги" -- на- " лог на проруби (историческая реалия)--не существующее и не существовавшее в болгарском быту понятие (у болгар нет и слова "прорубь"); контекст мог подсказать читателю, о чем идет речь, однако надо было сохранить и исторический колорит, "правдоподобность" такого налога. И переводчик, по подобию названий, существовавших в былые времена болгарских податей и налогов -- "тревнина", "димнина", "мостнина" и др., сочинил новое слово, понятное и естественное для читателя перевода -- ледосечнина.

Нужно сказать, что прием перевода реалий неологизмами наименее употребителен; причина достаточно очевидна: творцом языка является народ и очень редко -- отдельный автор.

2. Приблизительный перевод реалий применяется, судя по собранному нами материалу, чаще, чем любой другой прием. Обычно этим путем удается, хотя часто и не очень точно, передать предметное содержание реалии, но колорит почти всегда теряется, так как происходит замена ожидаемого коннотативного эквивалента (его, разумеется, быть не может) нейтральным по стилю, т. е. словом или сочетанием с нулевой коннотацией. Возможны несколько случаев.

а) Принцип родо-видовой замены позволяет передать (приблизительно) содержание реалии единицей с более широким (очень редко -- более узким) значением, подставляя родовое понятие вместо видового. По сути дела, заменяя вид родом, более частное более общим, переводчик прибегает к известному в теории перевода приему генерализации. Так, в переводе предложений: "..Я же предпочитаю сухое вино или боржоми"1 (разрядка наша -- авт.] или "..попрошу чего-нибудь по-мягче -- нарзану или же лимонаду"2 (разрядка наша -- авт.), переводчики отказались от транскрипции и правильно заменили и нарзан и боржоми родовым понятием "минеральная вода" -- в данном контексте разница

'ПарновЕ. И. Ларец Марии Медичи. М.:< Детская лит-ра,

1972, с. 318. 23ощенко М. Рассказы. М.: Худож. лит., 1974, с. 86.

90

мало чувствительна. По тому же принципу, при определенных предпосылках, можно переводить реалии изба, хата, сакля, коттедж и др. "домом", "черевики и чувяки, царвулы и лапти -- "обувью", ямщика и кэбмена -- "возницей"; названия болгарских игр табла и дама могут появиться в русском переводе как "игры" или "настольные игры", а в немецком -- как Brettspiele, большинство культовых зданий -- и церковь, и пагоду, и кирку, и мечеть, и синагогу -- можно назвать, опять-таки если позволяет контекст, "храмом".

б) Функциональным аналогом (по-видимому, модифицированный термин болгарского ученого А. Людсканова "функциональный эквивалент") А. Д. Швейцер называет "элемент конечного высказывания, вызывающего сходную реакцию у русского читателя"1. Этот путь перевода реалий позволяет, например, одну игру, незнакомую читателю перевода, заменить другой, знакомой: "Петя и Ваня играли в шашки" -- "Петя и Ваня играеха на дама" (разрядка наша -- авт.), где "дама" на шашки не похожа, но тоже играется на доске (когда делался перевод, шашек в Болгарии почти не знали). Таким же образом можно один музыкальный инструмент заменить другим, "нейтральным", не окрашенным в национальные цвета ПЯ, одну снасть заменить другой, например, неизвестную читателю кобылку -- более нейтральным "капканом", один сосуд другим, лишь бы аналог действительно представлял функциональную замену переводимой реалии. Часто функциональный аналог удобен для передачи реалий-мер, в частности, когда они предназначены для создания у читателя каких-то качественных представлений: столько-то ли -- очень далеко, сто пудов -- очень тяжелый, ни копейки -- ничего, никаких денег, пара фунтов -- немного и т. д. (см. гл. 13).

в) Описание, объяснение, толкование как прием приблизительного перевода обычно используется в тех случаях, когда нет иного пути: понятие, не передаваемое транскрипцией, приходится просто объяснять. Лапту можно было бы транскрибировать -- как название характерной русской игры, это слово ярко колоритно; но если контекст не позволяет, то "играть в лапту" можно передать как "играть в мяч" ("играя на топка"); такой же перевод встречаем в примере из Дж. Д. Сэлинджера: "Two boys were playing flys up with a soft ball" --

4*

Швейцер А. Д. Указ, соч., с. 251.

91

"Мальчики играли в мяч"'. Таким же образом удобно бывает передавать армяк "одежой из Грубой шерсти", кулебяку -- как "тестяное кушанье с начинкой", немецкое puff -- "игрой в кости" и т. д.

Как показывают примеры, этот тип перевода довольно близко подходит к родо-видовым заменам -- ведь "игру" можно считать родовым понятием по отношению к лапте. Различие, по-видимому, следует искать в большей или меньшей степени удаленности видового от родового: лапта -- народная игра -- игра с мячом -- спортивная игра -- вид спорта и т. д. Нередко объяснительный, как описательный перевод, является по существу переводом не самой реалии, а ее толкования: кизяк -- это "высушенный и спрессованный говяжий навоз", и переводчик приблизительно так и пишет: "сушен говежди тор".

Обобщая, нужно отметить, что приблизительный перевод реалий, как подсказывает само название, не является адекватным, передает не полностью содержание соответствующей единицы, а что касается национального и/или исторического колорита, то о нем читатель может догадываться, лишь если мастер-переводчик сумел подсказать это своим выбором средства выражения.

3. Термин "контекстуальный перевод" обычно противопоставляют "словарному переводу", указывая, таким образом, на соответствия, которые слово может иметь в контексте в отличие от приведенных в словаре. Здесь мы несколько сужаем его содержание, чтобы приблизить, с одной стороны, к описанному О. Н. Семеновой положению, при котором контекст "становится ведущим, доминирующим фактором при переводе"2, а с другой -- к приему смыслового развития по Я- И. Рецке-ру, который "заключается в замене словарного соответствия при переводе контекстуальным, логически связанным с ним"3. Так что при этом характерно отсутствие каких бы то ни было соответствий самого переводимого

1 Пример взят из книги Н. И. Сукаленко "Двуязычные словари и вопросы перевода" (Харьков: Вища школа, 1976, с. 115). Несмотря на то, что перевод "Над пропастью во ржи", сделанный Р. Райт-Ковалевой, согласно критике, отличается высокими качествами, в этом конкретном случае фраза нам кажется слишком урезанной. Судить по такому узкому контексту, правда, трудно, но здесь от образа почти ничего не осталось.

2Семенова О. Н. Указ, соч., с. 77.

3РецкерЯ. И. Теория перевода и переводческая практика, с. 45.

слова (нулевой перевод) -- его содержание передается при помощи трансформированного соответствующим образом контекста.

Удобной иллюстрацией контекстуального перевода является пример А. Д. Швейцера с реалией путевка1: на английский язык фразу "Сколько стоит путевка (разрядка наша -- авт.) на советский курорт?" можно перевести, элиминировав, казалось бы, центральное смысловое звено путевка -- "How much are accommodations (разрядка наша -- авт.) at Soviet health resorts?"

В обоих случаях -- приблизительного и контекстуального перевода, -- при всей их правильности и удовлетворительности, в результате всегда получается нейтральный, довольно бесцветный заместитель оригинала, реалия исчезает, скрашивается. Налицо лишь относительное знание, понимание и умение переводчика справиться с реалией как таковой в ИЯ, но отнюдь не в ПЯ-

Таким образом, общая схема приемов передачи реалий в художественном тексте получит следующий вид:

I. Транскрипция.

II. Перевод (замены).

1. Неологизм:

а) калька,

б) полукалька,

в) освоение,

г) семантический неологизм.

2. Приблизительный перевод:

а) родо-видовое соответствие,

б) функциональный аналог,

в) описание, объяснение, толкование.

3. Контекстуальный перевод.

Весь этот перечень возможностей справиться с трудной переводческой задачей будет лишен практического значения, если не указать некоторые ориентиры, которые позволят переводчику, экономя время на поиск, остановиться на оптимальном для конкретного случая приеме. Стало быть, нужно ставить вопрос, не который из приемов лучше и который хуже вообще -- каждый, употребленный не к месту, плох!, -- а какой путь приведет к наилучшему результату в данном конкретном случае.

Швейцер А. Д. Указ, соч., с. 253--254.

93

92

Выбор приемов передачи реалии

Реалии каждый раз ставят переводчика перед альтернативой: тр а нскр и б ир о в ать или переводить? Транскрипция или перевод приведут к лучшему восприятию текста и его колорита? Транскрипция или перевод позволят наиболее мягко и ненавязчиво раскрыть перед читателем новое для него понятие, не разорвав канвы повествования? Наконец, транскрипция или перевод приведут к минимальным потерям и максимальным шансам их компенсировать, т. е. окажутся меньшим из двух зол?

Выбор пути зависит от нескольких предпосылок: I -- от характера текста, II -- от значимости реалии в контексте, III -- от характера самой реалии, ее места в лексических системах ИЯ и ПЯ, IV -- от самих языков -- их словообразовательных возможностей, литературной и языковой традиции, и V -- от читателя перевода (по сравнению с читателем подлинника).

I. Выбор в зависимости от характера текста делают с учетом жанровых особенностей соответствующей литературы: в научном тексте реалия чаще всего является термином и переводится соответственно термином. В публицистике, где, по данным некоторых исследователей, чаще прибегают к транскрипции, и в художественной литературе выбор зависит от самого характера текста. Например, в обычной прозе, транскрибируя, можно рассчитывать дать пояснения в сноске, что в принципе невозможно для драматического произведения; при переводе рассказа решение может быть иным, чем при переводе романа; в детской повести следовало бы максимально воздерживаться от транскрипции или, вводя в текст чужую реалию, тут же пояснять ее; в приключенческом романе транскрипция может оказаться хорошим решением -- элемент экзотики, присущий этому жанру, -- но, опять-таки, это не должно быть самоцелью; в научно-популярном произведении уместны были бы и достаточно исчерпывающие комментарии в соответствии с познавательной направленностью произведения.

Наблюдения показали, что в "гладком" художественном тексте, в авторской речи, в описаниях и рассуждениях транскрипция принимается легче, шире возможности раскрытия содержания реалии, в то время как в прямой речи, в диалоге, лучше искать иных решений.

94

II. Выбор в зависимости от значимости реалии в контексте.

Решающими в выборе между транскрипцией и переводом реалии являются та роль, которую она играет в содержании, яркость ее колорита, т. е. степень ее освещенности в контексте. В зависимости от того, сосредоточено ли на ней внимание читателя, стоит ли она на виду или же является незаметной деталью в тексте подлинника, по-разному будет решаться вопрос о выборе. А это, в свою очередь, нередко зависит от того, своя это для подлинника реалия или чужая.

Чужая реалия в плане выражения, как правило, уже выделяется из своего словесного окружения, а в плане содержания обычно нуждается в осмыслении: автор подлинника должен найти средства, которые позволят ему максимально полно и конкретно раскрыть значение этого слова,

обозначающего чужое для читателя понятие. Сказанное в одинаковой степени относится и к тексту перевода с той лишь разницей, что при подборе средств переводчик в значительной мере связан авторским текстом.

Своя реалия ставит перед переводчиком значительно более сложные задачи в отношении как распознавания, так и выбора между транскрипцией и переводом в данном конкретном тексте; именно к ним, внутренним реалиям -- своим для подлинника и чужим для перевода,-- главным образом и относятся приведенные выше предпосылки и, в первую очередь, вопрос о том, каким образом место, положение, значимость или малозначительность реалии в контексте подлинника сохранить и в переводе.

При транскрипции "обычные и привычные в языке оригинала, эти слова и выражения в языке перевода выпадают из общего лексического окружения, отличаются своей чужеродностью, вследствие чего привлекают к себе усиленное внимание"', а это нарушает равновесие между содержанием и формой, которым отличается адекватный перевод. При передаче же их иным путем теряется характерная окраска, носителем которой они являются: исчезает какая-то частица национального или исторического колорита -- произведение "сереет". Поэтому совершенно логично будет заключить (сказанное выше, так же как и наши наблюдения и многочисленные источники

1 Финке ль А. М. Об автопереводе, с. 112.

подтверждают это), что меньшим злом транскрипция реалии будет в тех случаях, когда и в подлиннике на ней сосредоточено внимание, когда она так или иначе стоит на виду или является носителем более интенсивной семантической нагрузки. Иллюстрируем это положение выдержкой из "Фрегата "Паллады", в которой И. А. Гончаров принуждает переводчика на любой язык сохранить старые сибирские реалии:

"Где я могу купить шубу?" -- спросил я одного из якутских жителей.

"Лучше всего вам кухлянку купить, особенно двойную..", -- сказал другой.. "Что это такое кухлянка?" -- спросил я. -- "Это такая рубашка, из оленьей шкуры шерстью вверх. А если купите двойную, то есть и снизу такая же шерсть, так никакой шубы не надо".

"Нет, это тяжело надевать, -- перебил кто-то, -- в двойной кухлянке не поворотишься. А вы лучше под оди-накую кухлянку купите пыжиковое пальто, -- вот и все". -- "Что такое пыжиковое пальто?" -- "Это пальто из шкур молодых оленей".

"Всего лучше купить вам борловую доху, -- заговорил четвертый, -- тогда вам ровно ничего не надо". -- "Что это такое бордовая доха?" -- спросил я. -- "Это шкура с дикого козла, пушистая, теплая, мягкая: в ней никакой мороз не проберет"..

.."Т орбасами не забудьте запастись, -- заметили мне, -- и пыжиковыми чижам и". -- "Что это такое тор-басы и чижи?" -- "Торбасы -- это сапоги из оленьей шерсти, чижи -- чулки из шкурок молодых оленей"1. (Разрядка наша -- авт.).

Все это, конечно, не значит, что нельзя транскрибировать и "менее заметные" реалии. Напротив, есть положения, при которых это можно сделать вполне безболезненно, но скорее как исключение.

Часто переводчик, распознав в тексте реалию, порывается ее транскрибировать, не взвесив хорошенько, является ли здесь именно транскрипция меньшим из двух зол. Таким образом, нередко получается, что, стараясь передать колорит, он не передает смыслового содержания

реалии, упускает решение основной, коммуникативной задачи перевода; или, наоборот, что случается, пожалуй, чаще, сосредоточивает внимание читателя на малозначащей детали явно вразрез с замыслом автора. Например, в несомненно хорошем болгарском переводе "Войны и мира", сделанном К. Константиновым, мы находим перенесенную из подлинника (и даже оговоренную в подстрочном примечании) реалию рейтузы, которую в этом контексте можно было передать иначе: "На подложенной шинели была кровь, в которой запачкались рейтузы и руки Ростова" '. Здесь "рейтузы" -- совершенно ничтожная деталь; вместо того, чтобы заменить их, допустим, "брюками", или даже "одеждой", или даже вместо того, чтобы вообще опустить это слово, переводчик отвлекает внимание читателя толкованием военной реалии ("узкие брюки для верховой езды") и уводит его от самого факта наличия крови на орудии -- предмета дальнейшего разговора. Другой пример -- с характерной "русской печью". В реплике Марьи Дмитриевны, аристократки, вероятно, никогда на печи и не лежавшей, это слово имеет чисто фигуральный характер: "На все воля божья: и на печи лежа умрешь, и в сражении бог помилует.."2. Что у русских можно было лежать на печи, болгарский читатель в общем знает, но едва ли когда-нибудь привыкнет к этому; так что вводить без надобности

эту реалию -- значит вызывать совершенно не отвечающие содержанию текста и замыслам автора ассоциации. А печь можно было совершенно безболезненно заменить хотя бы "собственной постелью".

Другим соображением против введения реалии в текст перевода может быть необходимость соблюдения меры в смысле количественном, т. е. опасность загружения текста избыточными реалиями. Об умеренности в этом отношении пишут и выдающиеся переводчики, и теоретики перевода. Л. Пеньковский сообщает о сохранении в тексте перевода "известного числа казахских слов", причем таких, "которые несут на себе печать особенностей национальной специфики"3; М. Лозинский, пишет А. В. Федоров, "исключительно скупо прибегает к лексическим заимствованиям: он делает это лишь тогда,

Гончаров И. А. Фрегат "Паллада". Т. II. М.; Гос. изд-во худ. лит., 1957, с. 368--369, :

96

1 Толстой Л. Н. Собр. соч. в 20-ти томах. Т. 4, с. 263.

2 Т а м ж е, с. 88.

'Пеньковский Л. Статья и заметки. -- Сб. Художественный перевод. Ереван: Изд. Ерев. ун-та, 1973, с. 514.

97

когда дело касается общеизвестных реалий.." 1. "..Перегрузка необязательными реалиями не сближает читателя с подлинником, а отдаляет от него", -- пишет и Ив. Каш-кин2; если увлекаться транскрипцией с комментариями, "если ограничиваться переписыванием текста русскими буквами, то к чему тогда перевод, -- лучше просто комментированное издание оригинала"3, заключает он.

III. Выбор в зависимости от характера реалии предполагает учет ряда ее особенностей как единицы в лексических системах соответствующих языков и в том числе таких показателей, как ее знакомость/ незнакомость, литературная и языковая традиция, ее отнесение к тому или иному классу по предмету, времени, месту.

1. Начинать, видимо, нужно с того, что уже было сказано о знакомости реалии. Наиболее высокой "степенью знакомости" для носителя ПЯ обладают интернациональные реалии, вслед за ними -- региональные. В принципе так и есть: чужие внешние реалии, они же, в другом разрезе, -- словарные реалии, транскрибируются чаще всего. Конечно, нет четких границ и здесь: если, допустим, термидор и льяносы окажутся непонятными для одних читателей, а якобинец и буш -- для других, то рубль, большевик, тореадор, миля, франк, рейхстаг и т. п., вероятно, не затруднят никого, не потребуют никакого толкования и будут совершенно беспрепятственно приняты в текст перевода.

Итак, словарные реалии сравнительно чаще транскрибируются, т. е. в отношении выбора приема перевода вопрос в значительной мере решается принадлежностью их к этой категории. Но окончательное решение требует еще учета формы, которую приобретает в тексте перевода транскрибированная реалия (см. гл. 2).

Таким образом, вопрос о выборе между транскрипцией и переводом реалий касается главным образом еще незнакомых для носителя ПЯ слов, большей частью несловарных реалий, т. е. в первую очередь, своих для носителя ИЯ -- национальных, локальных и микрореалий.

2. Из этих реалий, повторим, транскрибируются те, которые отвечают правилу высокой "семантической активности" и стилистической яркости; многие из них быва-

ют в этом отношении как бы помеченными автором. Ч у-ж и е в таких случаях получают то или иное объяснение: слово баскалия в тексте "пыльная рыночная площадь, за которой начинается унылая, выжженная солнцем баскалия, -- так сомалийцы называют опустыненную саванну"'-- явно подлежит транскрипции, потому что 1) обозначает местное название, 2) не фигурирующее в словарях ПЯ, 3) достаточно индивидуализированного объекта и, что особенно важно, 4) содержание которого раскрыто в тексте самим автором (при помощи другой, интернациональной, словарной реалии).

Говоря о выделенное? в тексте своей реалии, мы имеем в виду не объясняющий ее текст, как при чужих, а сосредоточенность внимания на ней. "Уж у них идет работа страшная. Вы знаете, из чего делается пирог? Из теста с свининой и виноградом", -- пишет Л. Толстой2, и этот пирог, гвоздь бала, должен остаться таким же "гвоздем" и в переводе. Значит, его нужно транскрибировать. Но этого

мало: для русского читателя пирог -- обычное слово, и чтобы в переводе для болгарского читателя оно заняло свое адекватное место, переводчик должен осветить его несколько ярче, например, воспользовавшись необычной начинкой, подчеркнуто указав на странное сочетание свинины с виноградом, и уж, конечно, никак не превращать в баницу.

3. Есть реалии, которые транскрибируются, так сказать, по традиции, несмотря на то, что у них есть полноценные соответствия в других языках. Если, с одной стороны, город и село считаются обычными словами и переводятся на все языки мира, такое слово, как болг. околия, в общем соответствующая рус. "району", англ, district, фр. district, нем. Kjeis, в русском тексте обычно транскрибируется (см., например, БРС); во многих языках не заменяются "равнозначными" и советский колхоз, болг. ТКЗХ (трудовое коллективное земледельческое хозяйство), нем. LPG (Landwirtschaftliche Produktionge-nossenschaft) и др. Различия между ними, конечно, есть, но, как с основанием замечает В. Дяков3, вероятно, не больше, чем между городами и селами других стран. И тем не менее, это вряд ли приведет нас к тому, что американские города мы будем называть "таун" и, добавим,

99

1 Федоров А. В. Указ, соч., с. 354.

2 К а ш к и н Ив. Указ, соч., с. 453.

3 Т а м ж е, с. 461.

98

1 И, 8.XI.1975.

з Толстой Л. Н. Там же, с. 263. Дяков В. Още веднъж за реалиите, с. 72.

крупные, важные -- "сити", как опасается автор (хотя центр Лондона и останется, наверно, навсегда "Сити" -- через прописное "С"!). В частности, в отношении этих двух понятий аргументом не может служить абсолютное содержание референтов: трудно сравнить многомиллионный японский город с небольшим итальянским городком или благоустроенное болгарское село с африканской деревенькой; разница будет скорее относительная -- в соотношении между городом и городским образом жизни и селом, сельской действительностью. Но прав автор в другом: в "административных реалиях" труднее, чем где-либо, провести резкую черту между реалией и общеязыковым словом. И многое здесь придется объяснять просто силой традиции. Таким образом переносятся в текст перевода по традиции хутор (англ. Khutor, фр. Khoutor) и станица (англ. Stanitsa, фр. stanitza, нем. Staniza), по-видимому, мало чем отличающиеся в настоящее время от других населенных пунктов в Советском Союзе.

IV. Выбор в зависимости от ИЯ и ПЯ. Решение вопроса о выборе между транскрипцией и переводом зависит также и от ИЯ и ПЯ, от их грамматичес-ких и словообразовательных особенностей, от культуры речи и традиционного для них принятия или непринятия реалий. Приведем несколько наблюдений.

1. Есть грамматически обусловленные группы единиц, которые обычно не транскрибируются, а передаются иными приемами. Так как подавляющее большинство реалий -- имена существительные, очень редко встречаются транскрибированные слова, принадлежащие к другим частям речи. Это объясняется отчасти и тем, что образованные от реалий-существительных прилагательные нередко в той или иной мере утрачивают колорит; например, прилагательное от богатырь -- "богатырский" приобретает больше переносное значение, и мы скорее склонны переводить его -- "могучий, сильный, несокрушимый" (Ож.), чем транскрибировать; пуд -- реалия, но "пудовый" чаще только -- "очень тяжелый" (Ож.). Больше того, даже ярко колоритные слова, такие, как девичья или водяной, городовой -- субстантивированные прилагательные, нечасто можно увидеть в транскрипции (о прилагательных в значении реалий см. гл. 2).

2. По наблюдениям А. В. Федорова, в русских переводах западноевропейской литературы "упрочивается тенденция избегать., транслитерированных обозначений иностранных реалий, кроме ставших уже привычными",

100

и, напротив, при переводе "с языков Востока транслите
рация используется достаточно часто.."1. На наш взгляд,

однако, вопрос здесь касается главным образом не язы
ков, а "степени знакомости" объектов соответствующих
реалий: японский быт нам, естественно, менее знаком,
потому и количество отображающих его реалий будет
больше. Но если переводится книга из мало знакомой
нам жизни басков или черногорцев, написанная, кроме
того, в историческом ракурсе, то, вероятно, придется то
же вводить в перевод немало реалий путем транскрипции.
3. Это -- с точки зрения ИЯ. Что же касается ПЯ, то
здесь имеет значение давно замеченное неодинаковое от
ношение разных языков к иностранным заимствованиям,
каковыми в языке или в речи являются чужие реалии лю
бой степени освоения. По утверждениям самих англичан,
если взять латинский словарь, положить на него фран
цузский и немецкий словари и добавить словари запад
ных и восточных народов, то получится в результате
английский словарь; такой язык легко и просто
"присваивает", "впитывает в себя" иностранные слова,
в том числе и реалии. Можно сразу добавить, что англий
ский язык в общем охотно принимает ориентальные
реалии и сравнительно труднее -- славянские (то же
относится и к некоторым другим западным языкам).
Русский язык более критичен в этом отношении, и
чужие реалии в нем, по нашим наблюдениям, сохраня
ют очень надолго свою оригинальную специфическую
окраску. Немецкий же язык наименее гостеприи
мен к реалиям, принимая их большей частью как ино
родные тела (даже общепринятые международные тер
мины, такие, как "телефон" и "телевидение" немцы
предпочитают "переводить": Fernsprecher, Fernsehen).
В известной степени это обусловлено наличием в нем
очень удобного средства калькирования путем словосло
жения. (Но обусловленность эту можно толковать и с
обратным знаком: нежелание осваивать иноязычную лек
сику привело к созданию удобного средства для кальки
рующего перевода). Так или иначе, благодаря этой черте
языка, траскрибированная реалия в немецком переводе
еще больше бросается в глаза, чем в других языках --
заколдованный круг, объясняющий в значительной сте
пени небольшой процент чужих реалий в немецких пере-
•водах. ..---.,.

'Федоров А. В. Указ, соч., с. 184--185.

101

4. Имеется любопытное наблюдение над переводом (соответственно -- транскрипцией) некоторых реалий, обозначающих лиц и употребляемых главным образом в качестве обращений, которые, скажем, с языка А на язык Б переводятся, а обратно -- транскрибируются (подробнее см. ч. II, гл. 3).

5. Желательная л а кон ичн ость при передаче реалии также зависит в значительной степени от ПЯ. Как уже было сказано, средствами любого развитого языка можно передать любую реалию, но нужно при этом добиваться и максимальной сжатости; в связи с этим мы упоминали о словообразовательных возможностях немецкого языка. Максимальная краткость достигается при транскрибировании, и это одно из его преимуществ, но краткость обязательна и для любого перевода, и для средства осмысления реалий, если одной транскрипции в данном тексте мало. Поэтому не последнюю роль играет здесь и возможность языка выразить лаконично то или иное понятие: переводя на свой язык, англичанин будет рассчитывать на односложность и богатый

словарь, русский -- на гибкость грамматики, неисчерпаемые ресурсы суффиксального и префиксального словотворчества и свободный порядок слов, болгарин -- на исключительно разветвленную глагольную систему и т. д.

6. Иногда выбор приема зависит и от "субъективного" фактора. По нашим наблюдениям, чаще транскрибировать склонны переводчики с родного языка на иностранный, а также "двуязычные" переводчики, в том числе и обжившиеся в стране ИЯ.

V. Выбор в зависимости от читателя пе-р е в о д а. Здесь решающую роль играют факторы, характеризующие "среднего носителя" ПЯ по сравнению с аналогичными факторами носителя ИЯ- Это уже неоднократно подчеркивалось, и здесь остается только сделать небольшое обобщение.

Перевод делается для "своего" читателя; если транскрибированные в тексте реалии остались за пределами его восприятия, это значит, что коммуникативная цель перевода не достигнута. Если реалии переданы иными средствами и утрачен колорит, то эффект по существу, тот же. Следовательно, все средства передачи реалий в переводе нужно увязывать и с тем, в какой степени вводимые слова знакомы читателю; если они незнакомы, то не подсказано ли их значение контекстом, если нет, то какого характера осмысление необходимо? "Поясне-

ние уместно там, где для читателя перевода пропадает нечто легко уловимое читателем подлинника"', -- пишет И. Левый, но если то же можно передать иными средствами, то, быть может, и транскрипции не нужно. Ведь основное -- это чтобы сохранилось такое же впечатление.

В сущности говоря, это самое важное! Зная описываемую действительность, умея взглянуть на нее глазами читателя подлинника, с одной стороны, а с другой, зная своего читателя и представляя себе, как он примет ту или иную реалию (или те средства, которые использованы в тексте перевода для ее перевыражения), переводчик должен неизменно поддерживать равновесие между ними; любое отклонение нужно компенсировать всеми доступными средствами. Переводить реалию реалией, как общее правило, нельзя, противопоказано, как сказали бы медики. Но, как в медицине, парадоксальные явления наблюдаются и здесь.

Итак, термин переводится термином, а реалию реалией не передают. И это вполне понятно: термин не связан с определенной страной и лишен экспрессивности, что и позволяет ему в числе немногих переводческих единиц претендовать на эквиваленты, полные и абсолютные, в других языках; реалия -- прямая ему противоположность, яркая представительница БЭЛ даже при очень большой близости референтов (см. гл. 7). А если это не референты, близкие или одинаковые, а один референт, один объект, имеющий на разных языках свои названия?

В качестве реалий с близкими референтами возьмем "серию", к каждой единице из которой подойдет толкование МАС "Страстный любитель спортивных состязаний, остро переживающий их ход" с добавлением, что по большей части этот спорт -- футбол: рус. болельщик -- болг. запалянко -- ит. тифози -- исп. инча -- порт, (бразильская) тореадор (торсида) -- англ, и нем. фан -- чеш. фанушек (фанда) -- серб, навияч. Реалиями эти слова делает не уникальность референтов, не различная этимология (болезнь -- рус. и ит., зажигаться -- болг., надрываться -- исп., фанатизм -- англ., нем., чеш., сторонник -- порт., взвинчиваться -- серб.), а национальные особенности, может быть, степень темпераментности, а с другой стороны -- привычность самого слова в национальном масштабе. Ввиду недостаточной распространенности в

1 Левый И. Указ, соч., с. 135.

103
102

межнациональном масштабе советские авторы, употребляя соответствующую реалию, считают нужным пояснить ее русской: "Итальянские тиф ф оз и (разрядка наша -- авт.) (болельщики) буквально потеряли рассудок в день проигрыша итальянцев сборной Польши", "Бразильская сборная продолжает выступать в чемпионате мира, но это., не снимает напряжения по отношению к команде со стороны привыкших к ее абсолютным и бесспорным победам., как всегда темпераментных тор-сидоров (разрядка наша -- авт.) (болельщиков)"'. Но чужую реалию все же вводят, явно считая, что это характерное слово должно придать тексту соответствующий колорит. И тем не менее, это один из тех случаев, когда замена одной реалии другой в общем допустима.

Интересны также случаи, когда, "переводя" чужую или свою внешнюю реалию, переводчик прибегает к другой чужой реалии или заимствованному слову. Так, переводя фр. concierge, болгарский переводчик использует слово "портиер" (фр. portier); то же происходит с его русским собратом: швейцар в болгарском переводе также будет "портиер". Английская морская реалия spars переводится на болгарский русским рангоут (толЛ. rondhout). И еще напомним ам. carpet-bagger, удачно переданное в русском переводе как саквояжник -- от фр. sac de voyage.

Повторим еще раз, что здесь не идет речь о правилах или указаниях; мы постарались лишь отметить возможности представить реалии средствами, идущими вразрез с основным направлением. В конечном счете, последнее слово в любом случае остается за контекстом.

Глава 7

КОЛОРИТ И "СТИРАНИЕ" КОЛОРИТА

Понятие "колорит" пришло в литературоведческую терминологию из искусствоведения (лат. color = цвет; ср. англ, local color), где оно имеет достаточно определенное значение, в отличие от колорита литературных произведений, о котором ничего конкретного, видимо, сказать

1 И, 27.VI.1974. 104

нельзя: "Особое (разрядка наша -- авт.) свойство литературного произведения, речевой характеристики персонажа и т. п." (СЛТ), "особый (разрядка наша -- авт.) картинный, эмоциональный или языковой облик отдельного литературного произведения или творчества писателя" (Речник на лит. термини. София, 1969), одним словом, все особое и своеобразное -- "Своеобразие, характерная особенность чего-либо" (БАС), "Отпечаток чего-нибудь, совокупность особенностей (разрядка наша -- авт.) (эпохи, местности)" (Ож.).

Такой обзор нам понадобился не только для того, чтобы отметить расплывчатость определений, но и чтобы отобрать те из элементов понятия "колорит", которые подошли бы к нашему определению термина "реалия". Это важно потому, что именно колорит делает из нейтральной, "неокрашенной" лексической единицы реалию. Колорит, в нашем понимании, -- это та окрашенность слова, которую оно приобретает, благодаря принадлежности его референта -- обозначаемого им объекта -- к данному народу, определенной стране или местности, конкретной исторической эпохе, благодаря тому, что он, этот референт, характерен для культуры, быта, традиции, -- одним словом, особенностей действительности в данной стране или данном регионе, в данную историческую эпоху, в отличие от других стран, народов, эпох.

Национальная (местная) и историческая окрашенность реалии является значением новым, точнее -- дополнительным, добавочным к основному, смысловому значению. А. С. Пушкин вводит в текст "Бахчисарайского фонтана" реалии евнух, гарем, гяур,, чубук, шербет (СЛТ); их специфическая окрашенность, разумеется, наряду с характерными собственными именами, и в первую очередь всем тоном повествования, и создает "восточный колорит" поэмы. Согласно словарям, шербет -- это "восточный фруктовый прохладительный напиток"; от любых других прохладительных напитков, скажем, "лимонада", шербет отличается своей региональной принадлежностью, обозначенной в толковании эпитетом "восточный", -- будем считать его показателем колорита. Слово это, судя только по семантическому значению -- нейтральное по стилю (не разговорное, не жаргонное и т. д.), превращается в реалию .благодаря связи с данным регионом. Но представим себе, что слово это попало на глаза сезонному работнику-турку, проживающему на Западе. Наряду с материальным содержани:

105

ем -- напиток, вкусный, освежающий, -- своим колоритом шербет вызовет у него еще множество ассоциаций, связанных с родиной, личных воспоминаний и переживаний, различных в зависимости от читателя и обстоятельств, при которых происходит чтение.

Такой приблизительно ход мыслей, характерный для обсуждения той или иной реалии, заставляет нас считать колорит, каков бы он ни был, частью коннотативного значения реалии (об этом мы бегло упоминали, говоря о словах с культурным компонентом-- с. 38). , Е !

По этому поводу уместно будет сопоставить реалии -- слова со специфической национальной и/или исторической окраской -- с коннотативной лексикой -- словами, лишенными такого колорита.

Воспользуемся двумя чрезвычайно популярными примерами, которые приводит и Ив. Васева1. Черемуха и грач -- ничем не примечательные детали живой природы: первая -- "род деревьев и кустарников", которые "дико растут в Сев. Америке, Европе и Азии", и второй -- "птица сем. вороновых", которая "встречается в Европе и Азии" (ЭС). Эти слова нельзя причислить к реалиям хотя бы уже из-за широкого ареала распространения их референтов, отсутствия связи с определенным народом или страной. Однако ассоциации, связанные у русского человека с черемухой (разгар весны) и грачом (предчувствие, ожидание весны), одно упоминание о которых заставляет ускоренно биться каждое русское сердце, связывают их "коннотативно" с реалиями, не превращая их, однако, в реалии.

Другой пример касается затруднений, возникших при переводе названия известного кинофильма "Летят журавли" на французский язык: так как в разговорном французском языке grue (журавль) употребляется и в значениях "дура" и, того хуже, "женщина легкого поведения" (как деликатно выражаются французы в словарях, говоря о проститутках), журавлей пришлось заменить аистами2.

Характерно, что в этих примерах коннотативные слова, в отличие от реалий (!), имеют полные и абсолютные

1 Васева Ив. Отново за реалиите. -- Език и литература, 1976, N 4, с. 61.

2 Пример заимствован у Я. И. Рецкера, указ, соч., с. 53. ' ;

106

смысловые эквиваленты в соответствующих ПЯ, которые, однако, совершенно негодны в данном контексте, так как либо не передают коннотативных значений этих слов, либо заменяют их другими, не предусмотренными автором переводимого текста, а, следовательно, в обоих случаях искажающими его.

Выход находят чаще всего в замене "неудобного" слова функциональным аналогом. Например, черемуху можно заменить любым рано цветущим деревом или кустарником-- для Болгарии черешней или сливой или даже сиренью; место грача может занять другая подходящая птица -- опять же для болгарской действительности подойдет кос (черный дрозд); ср. начальные строки стихотворения Элйина-Пелйна для детей: "Добре дошел кос, наш пролетен гост!" (Здравствуй, дрозд, наш весенний гость!); в зависимости от контекста можно ввести и ласточек, и аистов, или иные признаки наступающей весны. Все сводится к тому, чтобы эти слова вызвали у читателя перевода такие же, как у читателя подлинника, или близкие к ним ассоциации. Поэтому тщательно избегаются такие замены, которые являлись бы реалиями ПЯ или же обозначали реалии, не совместимые с жизнью носителей ИЯ.

Передача коннотативных слов приемами, характерными для передачи реалий, приводит обычно к нежелательным результатам: ведь соответствующее слово должно вызвать точно определенную реакцию у читателя, а какой отзвук в душе болгарина может найти транскрибированное слово грач"? Только неудоумение, что и получилось при переводе повести С. Д. Мстиславского "Грач -- птица весенняя" под болгарским заглавием "Грач, птица пролетна". Случай, правда, не совсем обычный, так как грач в данном случае -- не птица, а кличка: имя собственное, да еще исторического лица! И тем не менее его нельзя было оставлять хотя бы в заглавии; книгу можно было назвать "Птица пролетна", а уже в содержании тем или иным путем оговорить грача.

В классификации реалий мы отмечали, что фигурирующие в предметных (смысловых) рубриках реалии вторично распределены по месту и/или по времени. Практически получается так, что реалии, расположенные рядом в данной предметной рубрике и -- даже больше того -- обозначающие одинаковые или близкие материальные понятия, могут оказаться и нередко оказываются в совершенно различных местах и исторических рубри-

107

ках, т. е. отличаются друг от друга только по коннотатив-ному значению, по колориту1. Подобный пример мы приводили, сравнивая такие реалии, как зеннер, гаучо и ковбой (с. 64). В том же плане верховными органами власти являются в Польше сейм, в Советском Союзе Верховный Совет, в Испании и Португалии кортесы, в Турции меджлис, в Болгарии Народное собрание, в ФРГ бундестаг, в Швеции риксдаг, в Норвегии стортинг, в Дании фолькетинг, в Израиле кнессет; все это парламенты, сходства и различия между которыми не больше, чем, допустим, между английским парламентом и парламентом французским, но их традиционные названия представляют собой характерные национальные реалии. Точно так же англ, лендлорд, нем. юнкер, болг. чорбад-жия, рум.

чокой, инд. джагирдар и заминдар -- крупные землевладельцы и эксплуататоры, родственные души любого плантатора или русского дореволюционного помещика. У каждого есть свои, присущие только ему одному (национальные, исторические), черты. Однако, если бы их даже и не было, если бы они по своему содержанию были так же похожи друг на друга, как только что отчеканенные монеты, национальный и исторический колорит не допустил бы замены при переводе одного другим, хотя бы в двух соседних и даже родственных странах: чокой не годится в описании болгарского быта времен османского владычества вместо чорбаджии, как и стортинг никак нельзя заменить риксдагом; такая замена разрушила бы колорит, точнее -- заменила бы одну окраску другой, а это привело бы к анахронизмам и аналоциз-мам, в конечном счете -- к разрушению гармонии, называемой жизненной правдой.

Это хорошо видно при сопоставлении таких близких по семантическому содержанию слов, как хайдутин и клефт. И тот, и другой -- "крестьяне-партизаны, боровшиеся против турецкого господства"; и тот, и другой "нападали главным образом на местных турецких феодалов и представителей турецкой администрации, а также и на своих землевладельцев, которые и дали им прозвище "воры" или "разбойники"", и те и другие действовали в одну и ту же историческую эпоху -- время османского владычества на Балканах. Эти сведения о клефтах, по-

1 Ср. у. А. Д. Швейцера: "Культурно-этнографическое различия нередко лежат в основе существенных расхождений в конно-тативном значении денотативно эквивалентных знаков". (Перевод и социолингвистика. Тезисы. -- ТПНООП, ч. I, с. 68)

108

черпнутые из БСЭ, как показано, вполне относятся и к хайдутам; только в одном они различны: хайдутин -- болгарин, а клефт -- грек. Но этого вполне достаточно, чтобы в переводе, скажем, с греческого на болгарский язык клефта нельзя было перевести хайдутином и наоборот.

При таких "сериях" близких в предметном отношении, но разных по колориту реалий решающим при переводе является колорит, в последнем, как и в большинстве случаев, национальный, а реже -- исторический. Поэтому йети -- снежного человека в Гималаях -- нельзя поселить в Австралии, где он называется йови, как нельзя послать саскаватча -- североамериканского снежного человека Скалистых гор -- в Гималаи.

Коннотация, а в том числе и колорит, является частью значения, а следовательно, подлежит переводу наравне с семантическим содержанием слова. Если этого сделать не удалось, если переводчик сумел передать только семантику лексической единицы, то для читателя перевода утрата колорита выражается в неполноте восприятия образа, т. е., по существу, в его искажении. Яркий пример такой утраты колорита подлинника приводит О. Н. Семенова', говоря о переводе на эстонский язык слова бармы, утратившего при этом значение символа царской власти.

Впрочем, об утрате колорита при переводе, т, е. в плоскости двух языков, мы говорили и выше, а здесь ставится вопрос об утрате уже попавшей в другой язык реалией колорита в плане этого языка, т. е. в том случае, когда по тем или иным причинам коннотация данной реалии как бы угасает, стирается, как изображение на старой монете. Такое стирание колорита должно бы логически привести к тому, что реалия перестанет быть реалией и превратится в рядовое, неокрашенное слово.

Чтобы отличить это явление от утраты колорита при переводе, мы пользуемся термином "стирание" колорита или коннотации ("стертая реалия" -- по аналогии с понятием "стертая метафора"), как наиболее выразительным для обозначения описываемого явления.

"Некоторые слова, принадлежавшие к экзотической лексике [в нашей терминологии -- реалиям], могут быть в дальнейшем совершенно освоены языком и утратить свой экзотический характер. Ср. ит. макароны, вос-

1 Семенова О. Н. Указ, соч., с. 65.

109

точное тюбетейка и др." (разрядка наша -- авт.)1. Прежде чем рассматривать это довольно категоричное суждение, попробуем выяснить, какие причины приводят к стиранию колорита и как оно отражается на переводе текста.

Чтобы утратить свой статус, реалия должна лишиться качества, отличающего ее от "рядового" слова, т. е. лишиться колорита. Приведем несколько случаев.

1. Чтобы своя реалия, допустим, пирожок в русском языке, могла превратиться в национально неокрашенное, нейтральное слово, войдя в кухню и язык многих народов и утвердившись в них

настолько, чтобы забылось даже ее русское, более того, ее иноязычное происхождение, потребуется, вероятно, немало времени.

В отношении чужой реалии, очевидно, тоже необходим подобный процесс, но на этот раз в одном -- принявшем ее -- языке: превратиться в обычное заимствование типа карандаш или мебель она может в результате интенсивного применения соответствующего объекта в быту и обращения самого слова в языке, лишаясь, таким образом, не только оригинального национального колорита, но и вообще налета "чуждости".

Казалось бы, интернациональные и региональные реалии благодаря своему широкому распространению первыми должны потерять статус реалий. Многие интернациональные реалии "имеют хождение" во всем мире, не утрачивая своего национального своеобразия, например, названия денежных единиц некоторых стран (рубль, доллар, лира). С региональными реалиями дело обстоит несколько иначе, их региональный колорит, по сути дела, тот же национальный, но в рамках соответствующего региона -- нескольких, иногда многих стран: например, "восточный колорит" одинаково или приблизительно одинаково близок сирийцу, и турку, и египтянину и т. д. (Наряду с этим в каждой стране имеются, конечно, и свои, национальные реалии.) Так что сказанное выше о своих реалиях касается в одинаковой степени и национальных, и региональных (последних -- по отношению к входящим в регион странам).

2. Это -- как бы общие соображения о стирании или сохранении колорита в зависимости от народов и стран. Но есть положения, при которых можно ожидать стира-

1 Супрун А. Е. Указ, соч., с. 52. 110

ния колорита уже в зависимости от самой реалии и ее функции в речи.

В контексте реалии нередко могут иметь расширительное значение. Мы отмечали, например, употребление слов водка, ракия и виски в смысле просто крепкого алкогольного напитка, не связанного непременно с бытом русского, болгарского или английского народа (ср. также фр. eau-de-vie, нем. Schnaps). В предложениях "...нужно знать до мельчайших подробностей каждый вершок ее [реки Чусовой] течения"' и "этот маленький эпизод напомнил мне, что пройден только вершок необъятного, ожидающего впереди пространства"2 (разрядка наша -- авт.) вершок воспринимается отнюдь не как русская мера длины =4,4 см, а как "очень небольшое расстояние", так же как и дюйм в переводе фразы из Дж. К. Джерома "Пусть меня повесят, если удилище подалось хоть на дюйм"3. (Разрядка наша -- авт.) То же наблюдается при употреблении многозначного слова в контексте, указывающем на его нейтральное значение: ср. упоминавшееся выше слово мужик как "мужчина", а не как реалия -- крепостной крестьянин (в дореволюционной России).

3. Бывает, что реалия употреблена в тексте не в прямом, а в переносном значении. Тот же шербет, о котором шла речь выше, употребляется в болгарском языке в значении прилагательного, когда идет речь о чем-либо приторно сладком, приблизительно как синоним рус. "сироп" ("это же не чай, а сироп"). То же самое происходит с болг. чорбаджия и рум. чокой (в болгарском языке), которые употребляются не только в своем историческом значении, но и переносно -- о лице, эксплуатирующем чужой труд, и близко к рус. удельному князю (ср. "Он ведет себя в управлении, как удельный князек: хочу с кашей съем, хочу масло пахтаю").

Вообще об употреблении реалий в переносном значении можно говорить во всех случаях использования их в качестве разных тропов и, в первую очередь, метафор и сравнений. Когда автор говорит о шляпке гриба "сдвух-

'Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. в 10-ти томах. Т. 4. М.: Правда, 1958, с. 44.

2 Гончаров И. А. Фрегат "Паллада". Т. I, с. 56.

3 Джером Дж. К. Трое в одной лодке. М.: худож. лит., 1970, с. 166.

111

копеечную монету", он имеет в виду не Денежную единицу, а лишь два ее признака: величину, прежде всего, и круглую форму, так что от самой копейки остается лишь ее словесная оболочка.

В отличие от этого вполне конкретного употребления, реалия может появиться в более отвлеченном сравнении, как, например, в заголовке романа С. Моэма "The Moon and Sixpence". (Правда, здесь это скорее противопоставление "луны" -- символа возвышенного, поэтического, "шестипенсовику" -- чему-то мелкому, низкому, пошлому.) При буквальном переводе русский читатель в шестипенсовой монете не нашел бы ничего из вложенного в нее автором, так как в романе она является лишь символом, в отношении "луны" вполне понятным. Поэтому считается

удачным перевод романа под заглавием "Луна и грош"-- слово "грош" значительно ближе к подлиннику (ср. "грошовый заработок", "отдать за гроши", "ни гроша не стоит").

Когда автор пишет о земле "плоской как блин", у "блина" он берет один только признак1 -- его "плоскость", "ровность", а самого блина в представлении русского читателя уже нет, да и вряд ли о нем вообще кто-нибудь подумал, прочтя это сравнение, -- здесь только совершенно плоская земля, образ которой автор ему подсказал при помощи тропа.

Аналогичны случаи с "каменными джунглями", "ковбоями холодной войны" и т. п.

Вплотную к художественным сравнениям и метафорам подходят и довольно немногочисленные прилагательные, образованные от реалий, о которых уже шла речь. При употреблении таких слов, как богатырский, стопудовый, аршинный, саженный, на передний план выходит не их качество реалий как таковых, а их переносные значения, отдельные признаки: пудовый -- это только "очень тяжелый", копеечный -- "очень дешевый", "незначительный", "мелкий", так же как и грошовый.

4. Среди приведенных примеров были и устойчивые сочетания, фразеологические единицы ("плоский как блин", "ни гроша"), в которых реалии также в той или иной мере теряют свой статус, и даже в большей степе-

1 Подобное устойчивое сравнение в англ, flat as a pancake настолько близко, что может считаться эквивалентом русского.

112

ни, чем в других из упомянутых случаев. (О реалиях в составе фразеологизмов будет сказано в ч. II, гл. 1).

Во всех четырех случаях (пп. 1--4) реалии должны, логически рассуждая, утратить свой колорит и, соответственно, статус реалий, превратиться в общеязыковые, ничем не замечательные лексические единицы. Однако этот беглый обзор положений, при которых должно произойти такое "обесцвечивание", показывает закономерно, что полного стирания коннотации не получается, а если и получится, то как исключение: как аромат хороших духов, колорит оказался качеством чрезвычайно стойким, и заключения ряда исследователей об "утрате специфичности", о "совершенном освоении" реалий несколько поспешны.

Приведенные в качестве иллюстрирующих это заключение примеров макароны (интернациональная реалия) и тюбетейка (региональная реалия) не особенно убедительны: макароны, как в последнее время и спагетти, вошли путем транскрипции во множество языков (в том числе даже в немецкий), появившись в меню их носителей, и тем не менее сохранили свое значение национального блюда итальянцев; довольно показательна в этом отношении пренебрежительная кличка "макаронники". Тюбетейка, несмотря на широкое распространение в Советском Союзе, тоже не утратила своего восточного колорита и даже на голове Горького и Куприна напоминает Восток.

Изложенные соображения следует учитывать, выбирая прием перевода в перечисленных случаях.

При первом положении (п. 1), ввиду "освоения референта" и привычности формы, обычный путь перевода -- транскрипция: и рубль, и макароны, и тюбетейка (последняя как региональная реалия) в подавляющем большинстве переводов сохраняют свою форму.

Иначе ставится вопрос, когда реалия употреблена, так сказать, "не по назначению" или в составе фразеологизма. При расширительном употреблении (п. п. 2, 4) правильный перевод обусловлен нахождением наиболее верного соответствия, в том числе и эквивалента, обычно лишенного колорита, как при переводе обычной лексической единицы. Так, в примере из И. А. Гончарова вершок в болгарском переводе заменен "ничтожной частью", а "каждый вершок течения" можно перевести как "всяка педя от течението", т. е. "каждую пядь". Зато дюйм является переводом англ, инч -- реалией, но также из чис-

113

ла тех, которые могут иметь и расширительное значение.

Сохранение реалии в функции тропа (сравнение, противопоставление, метафора и т. д., п. 3) значило бы одним неизвестным определять величину другого неизвестного. Ведь если бы двухкопеечную монету, которой мы определяли размеры шляпки гриба, в роли сравнения встретил испанец в испанском переводе русского произведения, он так никогда бы и не узнал величины гриба. Здесь реалия действительно почти полностью утратила свой национальный колорит: в плоскости одного языка читатель практически не воспринимает ее во всей полноте ее значения, видя только

данный показатель качества. В плоскости двух языков транскрипция возможна только как исключение, например, при интернациональной реалии, показатели которой хорошо известны и носителю ПЯ. В остальных случаях, однако, предпочитается перевод нейтральным функциональным эквивалентом, тем более, что и в первообразе реалия употреблена без учета ее коннотативного значения.

И все же реалии сохраняют и в положениях по пп. 3 и 4 какой-то отблеск коннотации. Переводя, например, сравнение, обычно нежелательно реалию чужую заменять реалией же (своей для ПЯ): "поле, равно като теп-с и я" (разрядка наша -- авт.) не особенно уместно передавать при помощи привычного русского сравнения "как блин" и наоборот. То же, но еще категоричнее, относится к реалии в составе фразеологизма.

В заключение следует особо подчеркнуть, что, передавая теми или иными средствами реалию, нежелательно при этом утратить троп и, соответственно, фразеологизм. Тропы следует передавать тропами, фразеологизмы -- фразеологизмами; только "наполнение" их здесь будет отличаться от оригинального.

5. Распространены, однако, случаи перевода реалий в сравнениях, в которых не только не теряется колорит, а, напротив, получается избыточная коннотация. Дело здесь в следующем. Чтобы подсказать читателю содержание чужой для ИЯ реалии, автор сравнивает ее со своей; при переводе такого текста получается, что одно понятие обозначено двумя реалиями -- одной внешней и другой внутренней.

Что же должен сделать переводчик, чтобы, не утратив колорита, довести до сознания читателя содержание реалий?

Теоретически возможны несколько вариантов.

114

Во-первых, оставить все как есть, т. е. переводя, транскрибировать каждую реалию в отдельности. В русском переводе с чешского читаем: "Вечером., молодая учительская пара... пригласила нас на барбекю. Это напоминает наши вечера у лагерного костра, когда на огне жарят ш п е к а ч к и"1. Итак, барбекю и шпекачки, т. е. объяснение одного неизвестного другим, не менее неизвестным.

Можно, во-вторых, следуя примеру автора, заменить внутреннюю реалию, свою для ИЯ, собственной, своей для ПЯ. В таком случае шпекачки пришлось бы, за неимением подходящей национальной реалии, заменить региональной, например, кавказским шашлыком. В результате читатель получил бы более верное представление об австралийском блюде (барбекю -- гаитянское слово, попавшее через испанский в английский язык и привившееся в австралийской речи), но немало удивился бы, услышав в устах чеха о "наших вечерах" (разрядка наша -- авт.) с шашлыком. Теоретически этот вариант наиболее порочен, так как приводит к смешению различных по национальной принадлежности реалий.

Третья возможность -- отказаться от транскрибирования обеих реалий, просто передав их содержание своими словами, -- описательный перевод, который прозвучит приблизительно следующим образом: ".. пригласила нас на своеобразный пикник, напоминающий наши вечера, когда у лагерного костра угощают жаренным на вертеле мясом". Но это начисто лишает австралийский быт его колорита.

Наконец, четвертый вариант сведется к введению транскрипции внешней реалии и передаче внутренней ее функциональным эквивалентом или видо-родовой заменой. Получится, скажем, так: "Вечером., молодая учительская пара пригласила нас на барбекю. Это напоминает наши вечера у лагерного костра, когда едят жаренное на вертеле мясо". (Приводя эти варианты, мы не имели чешского подлинника; возможно, что при наличии его перевод приобрел бы иной вид.)

Последний вариант мы считаем наиболее удачным, так как при верном переводе содержания удалось сохранить и колорит путем транскрибирования основной реалии -- носителя этого колорита.

В путевых заметках Маргариты Алигер "Чилийское

1 Б ринке И. Окно в каменный век. М.: Мысль, 1975, с. 91.

115

лето" находим несколько более сложный случай: "...тут можно поесть, одна женщина печет пирожки -- эм-панадос -- на продажу" и "Э м п а н а д о с оказались похожими на наши чебуреки, очень вкусные с пылу с жару и довольно большие"1 (разрядка наша -- авт.), т. е. в данном примере имеются три реалии: основная внешняя -- испанского происхождения -- эмпанадос объясняется

одной русской, национальной -- пирожки и одной региональной, кавказской (тюркского происхождения) -- чебуреки. Думается, что и здесь, в переводе, например, на болгарский, как в предыдущем примере, следует сохранить основную реалию: она стоит в центре внимания автора, а остальные две заменить иными, нейтральными средствами.

Колорит, как важнейший признак реалий, теснейшим образом связанный и с передачей реалий при переводе, будет основной темой следующих нескольких глав.

Глава 8

АНАЛОЦИЗМЫ И АНАХРОНИЗМЫ

Предположим, переводчик, работая над произведе нием из индийской жизни, решает пользоваться исключи тельно средствами своего языка, не допуская в текст иноязычных реалий, и педантично заменяет пагоду "хра мом", сари -- "платьем" или "национальным костюмом", дхоби -- "мужчиной-прачкой" и т. д. в том же духе. В ре зультате такого вытравливания национальной окраски из произведения исчезнет то, что специфично для Ин дии: местом действия можно будет считать любую, а по существу никакую --аморфную, бесцветную, безымян ную страну. Такой "метод" приводит к утрате коло рит а, о которой уже неоднократно говорилось и которая серьезно портит любой перевод. Оценка такого перево да -- "плохо". i, | 1

Хуже, однако, когда переводчик заменяет реалии подлинника другими, обычно своими для ПЯ реалиями, заменяя таким образом и колорит переводимого произведения не присущим ему, чуждым колоритом. Если одеть

1 А л и г е р, Маргарита. Возвращение в Чили. Чилийское лето. М.: Сов. писатель, 1966, с. 48--49.

116

казака в болгарскую абу или антерию, обуть в царвулы, накинуть ему на плечи ямурлук, заставить его пить вино из быклицы и есть баницу, то читатель узнает в нем скорее софийского шопа, чем казака.

А того хуже, пожалуй, будет, когда употребленные автором реалии переводчик передаст пестрым набором слов различной окраски и когда произойдет смешение реалий, которое читатель должен, но не может принять как отражение быта и истории носителей ИЯ. Характерен в этом отношении русский перевод романа Ст. Ди-чева "За свободу" (София, 1957). С легкой руки -- на этот раз не переводчиков, а редактора, болгарские, турецкие, греческие и другие реалии заменены реалиями, характерными для различных национальностей и областей Советского Союза, а исторические реалии -- современными или не свойственными описываемой эпохе словами. Болг. гадулка превратилась в укр. бандуру, а ямурлук -- в кавказскую бурку; пастарма передана опи- . сательно, как "вяленое мясо" (распространенное главным образом среди азиатских народов), а из болг. баницы редактор сделал чисто рус. пирог; от болг. дисаг, для которых существует нейтральное соответствие переметные сумы, осталась лишь половина -- одна сума. Полностью утратили в переводе свое национальное содержание несколько исторических понятий, тесно связанных с болгарской культурой, в том числе столь характерные для эпохи болгарского Возрождения келийное, взаимное и классное училища, подмененные "начальной школой" и ни с чем не сообразными "народной школой" и "средним училищем". В результате такого в корне порочного отношения к переводу реалий читатель, естественно, получает неясное, противоречивое представление об описываемой действительности, роман утрачивает и познавательное значение и яркую национальную окраску, а стало быть -- значительную часть своих художественных достоинств.

Итак, речь идет об искажении образов подлинника в результате замены национальных и исторических реалий не свойственными ему реалиями, иными словами -- о введении в текст перевода аналоцизмов и анахронизмов: реалий, не совместимых с местной и временной обстановкой оригинального произведения. Поскольку об этом довольно частом в' переводческой практике явлении, типичном для переводов художественной литературы, говорено немало, а результаты явно не со-

117

ответствуют усилиям теоретиков, попытаемся эффект подмены чужих реалий своими показать на примерах, которым следовать нежелательно.

Удобнее всего, пожалуй, начать с кальдероновского "Астольфо, герцога Московии", о котором С. Липкин пишет: "...Так мало знали в начале XVI века в Испании, да и во всем мире, о Руси, что могли запросто поверить, будто в Московии правят герцоги и будто Астольфо -- русское имя"'. Фигурируя, правда, не в переводе, а в оригинальном классическом произведении, Астольфо может играть роль как бы символа незнания и нежелания считаться с национальной и исторической спецификой описываемой действительности, а в переводе -- с колоритом переводимого произведения.

Приблизительно к той же эпохе Кальдерона относится и изобретение гильотины. Нет, мы не оговорились: вот несколько доказательных примеров, взятых из болгарского перевода романа-биографии Шекспира. "Ты знаешь, где строят гильотину?", "...ему удалось проникнуть во внутренний двор, где была построена гильотина вдоль длинной стены церкви "Святого Петра", "отряд алебардистов торжественно вошел во двор и окружил гильотин у", "Эссекс медленно поднялся по ступенькам к гильотине"2. (Разрядка наша -- авт.)

Ошибка с точки зрения временной отнесенности не так велика, как кажется. Машина для экзекуций, основанная на том же принципе, существовала уже в XVI -- начале XVII века в Италии и Шотландии, а также во Франции, где в 1632 г. с ее помощью был обезглавлен герцог де Монморанси. А знаменитый д-р Жозеф Игнас Гийотен, профессор анатомии, только предложил Учредительному собранию применять машину для обезглавливания как средство "менее варварское и более быстрое". Так что промах переводчика с гильотинированием Эссекса (он был обезглавлен, но не машинным путем, в 1601 г.) заключается главным образом в употреблении имени (эпонима) жившего чуть не 200 лет спустя после этого события Гийотена. Дело, в общем, сводится к незнанию переводчиком ИЯ истории: в тексте речь идет, конечно, не о гильотине, а об "эшафоте", на что достаточно ясно указывает узкий контекст: "строить" гильотину, да еще "вдоль длинной стены", никак нельзя.

В древности тоже можно обнаружить "Астольфов". Надпись на цоколе гранитной статуи египетского фараона в переводе с французского и, нужно думать, с древнеегипетского, согласно утверждению переводчика, высеченная сыном Хапи, великого фиванского архитектора, гласит: "Я руководил установкой статуи огромного роста. ...Она высечена в каменоломне из монолита в сорок кубических метров"'. Итак, выходит, что метрическая система мер была известна египтянам тысячи за две лет до введения ее в употребление современными европейцами.

В переводах рассказов Чехова на болгарский язык встречаем заглавие "Кавал". Кавал -- это "болгарский народный духовой музыкальный инструмент" (К.БЕ). Что бы это могло быть в оригинале? В переводе на русский язык значится опять-таки "кавал" (БРС), но есть пояснение-- "(род свирели)". Вот! Очевидно, "свирель".Так и есть, несмотря на то, что свирель в этом рассказе -- "русский музыкальный инструмент, род двуствольной продольной флейты" (БСЭ). Но это еще не беда, так как слово свирель имеет и более общее значение как название родового понятия: "бытовое название духовых музыкальных инструментов типа одноствольных и двуствольных флейт" (БСЭ); это слово связано и с древностью: изобретателем свирели считается козлоногий бог Пан. Более вопиющий случай приводит В. Д. Андреев -- превращение саза, старинного струнного инструмента, в "свирель"2. (Разрядка наша -- авт.) Колорит в одинаковой мере смещен и здесь и там, тем более что старик-пастух у Чехова, игравший на свирели, оказался одетым в "окъсана аба" -- это в подлиннике сермяга, та самая аба, которая для посредственного переводчика стала чуть не универсальным заменителем любой крестьянской одежды, в том числе и армяка, хотя и является яркой болгарской реалией.

Лапти и царвулы, пожалуй, одинаково устарели, приобрели исторический, наряду с национальным, колорит, но это никак не сблизило их ни в отношении смыслового содержания, ни, тем более, колорита. Когда в "Войне и

1 Липкин С. Перевод и современность. -- МП, 1963, 4, с. 16--17.

2HaemmerIing К. Der Mann, der Shakespeare. Berlin -- Grun-newald, 1938. Хемерлинг К. Човекът който се назваше Шекспир. София, 1946. (Перевод с болг. наш -- авт.)

118

'Дави А. По Нилу на каяках. М.: Изд. вост. лит., 1962, с. 234. 2Андреев В. Д. Некоторые вопросы перевода на русский язык болгарской художественной литературы. -- ТКП, с. 140.

119

мире" говорится, что Прокофий, выездной лакей, "сидел и вязал из покромок лапти" ', каждый русский читатель, как бы он ни был далек от этого дела, как бы мало ни знал о лаптях и покромках, знает, что лапти плетут (обычно из лыка), но болгарский читатель этого не знает, и для него выражение "плетеше цървули" -- чистый абсурд, поскольку болг. цървул делается из цельного куска кожи и вязать его, стало быть, нельзя. "Царвулы" с "лаптями", -- пишет В. Д. Андреев, -- имеют только одну "общность" -- их тоже надевают" 2.

К эпохе лаптей и царвулов относятся также рус. помещик, пол. пан и рум. чокой; о них выше уже было сказано, что они не взаимозаменяемы, что каждый из них, как кулик, только в своем болоте велик. Но здесь нужна оговорка. Помещик в русском языке имеет более широкое значение, включая землевладельцев "также в странах, где существует частная собственность на землю" (MAC), а паны были и на Украине и в Белоруссии. Это и должен был учесть переводчик "Старой крепости" Вл. Беляева и не превращать пол. пана в чокоя или даже в помещика; транскрибируя эти слова, мы принимаем их в значении реалии русской и румынской. Получилось так: "Особенно привлекателен се виждал нашият край на съседните полски чокои" (в оригинале: "Особенно сладким казался наш край соседним польским по-мещи-кам"; разрядка наша -- авт.), а уже далее: "...полският помещик пан Янчевски..." (в оригинале: "...пол ьски и пан, п о м е щ и к (разрядка наша-- авт.) Янчевский...")3. Не хватило только для полноты комплекта ввести в перевод еще и болг. чорбаджию.

Разбирая случаи аналоцизмов и анахронизмов, как-то не хочется говорить о "высоком искусстве" перевода. Спустя почти пятнадцать лет после того, как С. Липкин познакомил нас с "герцогом Московии", уместнее всего будет снова напомнить о его присутствии в переводах и призвать переводчиков к бдительности, предложив им разрешение небольшой математической задачки. В пре-

1 Толстой Л. Н. Сочинения в 20-ти томах. Т. 5, с. 8.

2Андреев В. Д. Указ, соч., с. 139. Любопытно в связи с этим отметить толкование болгарской реалии в первом издании БРС (1947): "род примитивной крестьянской обуви из кожаных ремешков" (разрядка наша -- авт.) -- подсознательный отголосок лаптей.

'Беляев В. П. Старая крепость. М. -- Л.: Гос изд. детской лит.,

1953, с. 8. .ь.,,,..,.

120

красной книге Б. Гржимека "Среди животных Африки", переведенной с немецкого языка, встречаем следующее предложение: "Однажды в герцогстве Бранденбургском на площади в две тысячи гектаров было собрано 4425 четвериков саранчи, что составляет ровно 250 тысяч литров"1. Как неисправимых крохоборов, нас заинтересовала старинная мера, причем в трех аспектах (так теперь модно говорить). Во-первых, чисто количественном. Из словарей выяснилось, что старая русская мера четверик составляет около 26 л; следовательно, 4425x26 должно дать указанные тысячи литров саранчи; но полученная сумма составила меньше половины. Деление литров на четверики также не дало желаемых результатов: не получилось ни равного, ни хотя бы близкого числа. Во-вторых, очень хотелось выяснить, какую меру употребил автор в подлиннике. Не располагая оригиналом, мы воспользовались выпущенным в Болгарии переводом и обнаружили болгарскую (но вовсе не древнюю, как указано в БРС) меру сыпучих тел крина (= около 15 л), которая и помогла нам добраться до нем. Scheffel (через РНС сделать этого не удалось, так как четверик там фигурирует, как и следовало ожидать, только в транскрипции). Третье наше "почему" касалось "мирного сосуществования" метрического гектара с древним, как нам казалось, шеффелем (в БИРС транскрипция дается на первом месте перед переводом "четверик"). Последняя точка в этой задачке была поставлена после проверки по старым немецким справочникам; выяснилось, что в Пруссии, где находится Бранденбург, мера вместимости шеффель = 54,962 л.

Задачка эта позволяет сделать несколько полезных для практики перевода выводов: 1) старые единицы народной метрологии в современных художественных текстах употребляются чаще как носители колорита -- реалии, а не как меры, тем более, что их величины большей частью не особенно устойчивы (например, шеффель мог означать несколько величин от 23 до 223 л -- разных для разных немецких земель); 2) эти меры переводятся обычно как реалии, каковыми они и являются, т. е. либо транскрибируются, либо заменяются функциональным аналогом; 3) поскольку для читателя перевода немецкая мера шеффель не намного понятнее как мера, чем четверик, в принципе логичнее было употребить ее, чтобы пе-

'Гржимек Б. Среди животных Африки. М.: Мысль, 1973, с. 132.5--747

редать ее колорит; но это только в принципе, а конкретно, 4) так как в немецком тексте для немца соседство шеффеля с гектаром не так сильно "шокирует", гораздо лучше было подобрать более нейтральную замену; саранчу собирали, должно быть, в ведра -- вот и подходящий аналог; правда, ведро не может содержать около 60 л, но чтобы снять это несоответствие, число ведер можно было бы увеличить, а в крайнем случае, даже оставить одни литры: потеря в колорите будет незначительной -- он здесь же отчасти компенсируется немецкими географическими названиями, зато не получилось бы этого неприятного аналоцизма.

Можно указать на любопытный случай появления анахронизмов и аналоцизмов, вызванных пренебрежением к примату своих реалий, встреченных в чужом тексте (см. следующую главу). В испанском журнале прошлого века "La ilustracion Espanola y Americana" сто лет тому назад появились превосходные корреспонденции испанских журналистов с фронтов русско-турецкой войны 1877--1878 гг. Этот материал был недавно обнаружен болгарскими историками, и в печати ("Литературен фронт", 8/20.2.1975) появились переводы отрывков из этих "хроник", как они их называют. Под титулом "великий герцог" здесь фигурирует главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, но наряду с ним встречаем и князя (Церетелева) и графа (Игнатьева); вместе с совершенно правильным "две сотни кубанских казаков" появляются уже знакомые (с. 68) "болгарские легионы"; путь, пройденный войсками, приводится в километрах, и тут же толщина дерева измеряется в футах. Что бы ни писал автор, переводчик, зная, к чему конкретно относятся его описания, обязан был учитывать русские и болгарские реалии того времени.

Примеры аналоцизмов и анахронизмов встречаются, к сожалению, слишком часто: герои Дж. К. Джерома берут с собой в дорогу пирожки, пирог с телятиной и лепешки; русский мальчик несет "бохчичка, завита в салфетка, от която още от пет крачки мирише на топли бухти и банички с извара"1 (разрядка наша -- авт.] -- совершенно невозможное стечение болгарских и иных реалий для обозначения предметов русского быта; впрочем, пирог по воле переводчиков так часто превращаётся в баницу, что в сознании болгарского читателя она, вероятно, стала неотъемлемым для русской кухни понятием.

И в заключение приведем два характерных примера анахронизмов, взятых А. Н. Гвоздевым из ученических сочинений как образец неуместного употребления неологизмов: "Беликов запугал весь педколлектив" (разрядка наша -- авт.) и "чиновники, приняв Хлестакова за ревизора, боялись чистки"1 (разрядка наша -- авт.) (А. П. Чехов и Н. В. Гоголь, наверное, были бы в восторге!)

Нередко грешат в этом отношении и авторы, вводя в грех многих переводчиков. Не давая себе в этом отчета, автор употребляет анахронизмы и аналоцизмы, прибегая просто к привычным иностранным словам, вполне естественным для его слога. Так, описывая французскую действительность эпохи феодализма XIII--XIV вв., Е. Пар-нов говорит о маркграфах, ленных владениях, рейтарах. В относительно старом французском толковом словаре находим только margrave -- "титул некоторых суверенных князей в Германии". (Разрядка наша -- авт.) Все три слова -- немецкого происхождения. В другом месте той же книги, описывая уже современный пейзаж на севере Франции, одна из героинь употребляет слово мыза, типичную прибалтийскую (эстонскую) реалию (МАС).

Причины этих погрешностей против национального и исторического колорита в основном связаны с личностью переводчика (или автора) -- недостаточной его сосредоточенностью, незнанием реальных фактов, отсутствием сообразительности, а иногда и незнанием некоторых основных положений теории перевода, таких, например, как нежелательность передавать реалию чужую реалией своей. Следовательно, и рекомендации касаются непосредственно методов работы и подготовки переводчика.

1 Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. Изд. 2-е. М.: Учпедгиз, 1955, с. 87. -

123

1 Гайдар А. Сърбата на барабанчика. -- В кн.: Гайдар А. Ти

мур и неговата команда. София, 1977. ,- . • .

122 ~

Глава 9

ПРИМАТ СВОИХ РЕАЛИИ В ЯЗЫКЕ ПЕРЕВОДА

Под этим заголовком мы объединили два в известной мере противоположных положения, тесно связанных с колоритом -- его утрато.й и его сохранением при переводе:

1) чужие реалии, а) заимствованные ИЯ и употребленные автором в подлиннике для описания своей действительности или б) отобранные в целях создания колорита описываемой им чужой действительности, попадают при переводе в родной язык или в язык, из которого они заимствованы;

2) в подлиннике рядовыми средствами ИЯ (исконными словами и словосочетаниями) о'писаны факты, предметы, понятия, явления из жизни носителей ПЯ, в котором для них имеются собственные названия-реалии, подлежащие при переводе "восстановлению".

Объединяет эти положения первенствующее для верности перевода значение, или примат, своей реалии в ПЯ, а различие заключается в том, что в первом случае, возвращаясь в родной язык, реалия, как правило, из чужой превращается в свою, входит в строку, а вместе с тем утрачивает в переводе ту или иную долю колорита; во втором случае, напротив, становясь в переводе на свое естественное место, она восстанавливает вольно или невольно смещенный в подлиннике колорит; в обоих случаях выигрывает правдивость повествования.

В первом случае прижившаяся в ИЯ реалия может попасть в текст подлинника на правах рядового слова или же в качестве художественного средства, необходимого автору для описания данного положения, для построения образа (например, русский любит характерное итальянское кушанье или боец интернациональной бригады употребляет в речи испанские реалии).

"Погостив" в ИЯ и вернувшись в ПЯ, эти, в конце концов чужие для ИЯ, реалии неминуемо теряют свой экзотический характер, не играют уже роли показателей колорита, уменьшая таким образом и колоритность произведения в целом. Так будет, например, с рикшей в китайском или японском переводе, то же произойдет и в том случае, когда текст, содержащий консьержа, переводится с любого языка на французский. То же бывает со многими прижившимися в болгарском языке реалиями -- турцизмами и эллинизмами -- при переводе соответственно на турецкий и на греческий и с украинскими реалиями в русском произведении при переводе его на украинский язык: в своей естественной среде они уже не бросаются в глаза -- сугубо свои, исконные реалии воспринимаются как обычная лексика.

Бывает так, что прижившаяся в ИЯ реалия с течением времени подвергается известным изменениям в отношении как формы (фонетической, графической, морфологической), так и содержания, точнее -- сущности своего референта. Возьмем к примеру рус. пирожок, превратившийся в болг. "перушку"; изменились не только артикуляция (в том числе и ударение), написание и род слова, но и сам пирожок: в Болгарии у него другой внешний вид и вкус, приготовлен он по-иному, не так, как русский; и тем не менее слово, обозначающее это изделие из теста, при перенесении обратно в русский язык придется оставить пирожком: существенной смысловой и стилистической утраты для произведения, в общем, не будет, изменений в информации и колорите произойдет не больше, чем при использовании приблизительного перевода, скажем, путем родо-видовой замены (см. с. 90).

Бывают, однако, и случаи, когда употребленная автором заимствованная реалия -- не национальная, а региональная -- полноправно бытует и в ПЯ, хотя и использована в описании очень далекой по месту и даже по времени действительности. Такую реалию будем считать на равных правах своей для ПЯ, и отношение к ней будет таким же, как и к реалии, возвращающейся в родной язык.

Вводя такую реалию, автор подлинника нередко использует (мы об этом уже говорили) ряд средств ее осмысления-- в самом тексте, в сносках, в комментариях. Когда она попадает обратно в родную среду, все эти объяснения, направленные на раскрытие ее содержания читателю, которому она чужда, оказываются лишними для читателя перевода, для которого это свое слово, обозначающее свое, близкое понятие. Мы считаем, что переводчик вправе опустить эти объяснения '.

1 У А. Д. Швейцера аналогичное изъятие объяснения связано с иноязычным вкраплением шоппинг, что, по сути дела, не меняет в принципиальном отношении картины (Перевод и лингвистика,

125

Примером двух последних положений может послу* жить часть описания И. А. Гончаровым ("Фрегат "Пал-лада") японской действительности сто двадцать лет тому назад: "В доме поставили мангалы (разрядка наша -- авт.), небольшие жаровни, для нагревания воздуха"1. Слово мангал у Даля дается с пометкой "кавк."; в БАС отмечается "(на Юге и Востоке)", но помет не дается. Тем не

менее современному читателю слово это, видимо, мало знакомо, а во времена Гончарова его, вероятно, знали еще меньше; для болгарина же, несмотря на то, что референт почти исчез из быта, слово мангал живо, что и позволило переводчику опустить пояснение автора.

В приведенных случаях чужие реалии попадают в текст подлинника, так сказать, неумышленно, в ходе повествования, даже когда автор отбирал их для обрисовки образа. Так же естественно употребляет их и Ч. Диккенс в "Повести о двух городах"; описывая эпоху французской революции конца XVII века, он использует реалии довольно скупо: гильотина, карманьола и еще несколько характерных для французской действительности того времени слов.

Немного иначе обстоит дело, когда автор, описывая жизнь другой эпохи и не своей страны, сознательно и планомерно подбирает связанную с этой жизнью лексику для окрашивания в соответствующие тона произведения в целом. Вот несколько примеров.

Весь пласт французских исторических, бытовых и других реалий в романах Александра Дюма-отца (возьмем для примера "Анж Питу") является для оригинала своим, не бросается в глаза. Реалии того же слоя в романе Р. Сабатини "Скарамуш", тоже из эпохи французской революции, являются чужими для подлинника, так же как реалии в романах Ирвинга Стоуна "Страдание и восторг" (о Микеланджело) и "Жажда жизни" (о Винсенте ван Гоге), поскольку и английский и американский писатели описывают "дважды чужую" для

с. 249); ср. также у Л. А. Черняховской: "Изменения в смысловой структуре выражаются, главным образом, в расшире-_ нии или сужении передаваемой информации. Сужение информации "• имеет место тогда, когда раскрываемая в ИЯ реалия является более знакомой для получателя на ПЯ". (Некоторые закономерности речевой деятельности применительно к теории перевода. -- ТП, 1971, N 8, с. 9)

'Гончаров И. А. Фрегат "Паллада". Т. II. М.: Гос. изд. худ. лит., 1957, с. 172.

126

своих читателей действительность: в национальном и историческом плане. При переводе этих произведений на русский или на болгарский язык все реалии -- свои Дюма и чужие Сабатини и Стоуна -- будут в равной степени чужими.

Положение в корне изменится при переводе, например, "Скарамуша" на французский язык: те самые реалии, которые, как яркие флажки, отмечали для читателя-англичанина колорит буржуазной революции, привлекут внимание французского читателя лишь как историзмы. И если автор подлинника рассчитывал, что специфическую национальную окраску роман получит единственно от введенных в текст чужих реалий, то при переводе произведение может очень заметно "поблекнуть", "посереть".

Аналогичны случаи с переводами на болгарский книг "Птицы летят из гнезд" С. Н. Голубова 1 о крупном болгарском поэте и революционере Христо Ботеве и "The Apostle of Freedom" ("Апостол свободы") англичанки Мерсии Макдермотт2 о национальном герое Болгарии Василе Левском.

Описывая быт, историю, нравы народа -- носителя ПЯ, авторы иногда передают колорит не путем введения реалий, а при помощи калек, описаний, объяснения или иных средств; опускают реалии, где они кажутся несущественными, или употребляют ошибочно, не по назначению, реалию с иным содержанием или, наконец, не подозревая о ее существовании для данного объекта, дают понять о ней с помощью нейтральной лексики.

Все эти положения ставят переводчика перед сложным выбором. Каким путем идти: восстанавливать истинные черты описываемой действительности, возвращая скрытые реалии на их места, или же оставаться верным автору, но нарушить жизненную правду путем сохранения "скрытости" реалий?

Предпосылкой к решению этой задачи является другая: заметить, уловить эти "скрытые реалии", которые в подлиннике представлены ничем не замечательными словами, словосочетаниями или предложениями, а то и просто пробелами, -- ведь в противном случае читатель перевода непременно почувствует неполноту или фальшивую нотку, как чужой акцент в речи иностранца, в остальном неплохо говорящего на его языке.

1 Голубов С. Н. Птицы летят из гнезд. М.: Детгиз, 1958. 2MacDermott, Mercia. The Apostle of Freedom. London, 1967.

127

Что же касается решения вопроса: восстанавливать скрытые реалии или нет, то с нашей точки зрения, восстанавливать обычно надо, за исключением тех случаев, когда переводчик ясно видит, что автор сознательно пользуется для выражения данного образа иными средствами: ведь в принципе он старается дать реалистическое описание действительности, независимо от своих идей, намерений, атмосферы, которые вкладывает в текст, и если реалий не употребляет, то это либо по незнанию, либо по нежеланию перегружать текст незнакомыми словами. Случай такой же, как при обычном переводе реалий, только здесь, в ИЯ, реалия зашифрована иными средствами, а в ПЯ она должна (или не должна) появиться в своей реальной форме: если она достаточно ярко освещена, то должна, если нет, то может оставаться в том же скрытом виде в переводе. (Мы, конечно, не говорим о случаях, скажем, намеренной романтизации текста, когда реалии не служат целям реалистического изображения, или о произведениях тенденциозных, имеющих целью искажение действительности.)

За примерами обратимся к упомянутым переводам книг С. Н. Голубова и М. Макдермотт.

Оперируя очень осторожно и экономно болгарскими реалиями, М. Макдермотт использует описательные и нейтральные их замены, создающие, однако, серьезные затруднения для переводчика. "My friends gave me a loaf of sweet white bread and come grapes" (c. 167) (дословно: "Друзья дали мне сдобную булку и [немного] винограда"), -- пишет она, а переводчик, учтя историческую и бытовую обстановку, совершенно правильно заменяет "сдобную булку" характерным болгарским (точнее турецким) словом: "Приятели ми дадоха симид и грозде". В другом месте -- опять описание: "On one side of the court-yard there was a 1 i 111 e gate leading into a school" (c. 142) (дословно: "Во дворе с одной стороны была калитка, ведущая в школу"); эту "калитку" (между соседними дворами) гораздо лучше, с точки зрения точности и привычности описываемой обстановки, перевести не общим словом "врата" (с. ИЗ), как сделал переводчик ("От другата страна на двора имало врата.."), и даже не "порта", "портичка", а характерной реалией комшулук. В предложении "When he emerged he took a sackful of books and rode round the villages selling them" (c. 193) (дословно: "Когда его пустили, он взял мешок книг и поехал по деревням продавать

их") (разрядка всюду наша -- авт.) совсем нейтральный у автора "мешок" переводчик правильно заменил "переметной сумой" -- болг. дисаги (ведь ехал-то поп Матей на осле), восстановив действительный образ (с. 155). Точно так же, опуская реалию пастарма -- совершенно правильно с ее точки зрения, так как это лишь деталь, которую можно дать описанием "dried salted meat" (c. 237), -- автор, облегчая восприятие своего читателя, затрудняет читателя болгарского перевода: "вяленое соленое мясо" -- понятие, которое не примет ни один болгарин; к счастью, переводчик возвращает его в болгарский быт в его естественной форме (с. 198). Любопытно, что в этих случаях неправильный, т. е. буквалист-ский подход даже к мелким деталям нанес бы довольно чувствительный урон переводу.

Вполне беллетристический характер (в отличие от документальной до некоторой степени книги М. Макдермотт) произведения С. Н. Голубова предоставляет своему автору .большую свободу, что отчасти и приводит к большему числу неточностей. Реалий "явных" у него намного больше, но есть и скрытые, количество и разнообразие которых причинили, видимо, немало неприятностей переводчику. С. Голубов также прибегает к описаниям, сравнениям и другим средствам "замены" реалий, но по ним не всегда легко догадаться о референтах. Например, он пишет о герое "в широких, как парус, штанах" (с. 30), что должно быть "широки потури", как догадывается переводчик (с. 34); у автора -- "Пол., застеленный рогожкой и шерстяными ковриками домашней работы" (с. 79), а у переводчика -- "Подът.. постлан с рогозка и вълнени черги" (с. 81). До сих пор все идет хорошо, но переводчику далеко не всегда удается расшифровать описание, причем часто не по вине автора. Например, в подлиннике описана яркая болгарская реалия "во сьм идневны е праздники в честь с а-модив" (с. 142); русскому читателю самодива мало что говорит, но болгарский читатель хорошо знает мифических, подобных русалкам или нимфам, существ, знает также, что праздник, о котором идет речь, называется русалска неделя, или русаля -- реалия, которая была бы понятнее и русскому читателю (с. 144). В некоторых случаях переводчик поправляет автора. Например, у С. Н. Голубова -- "По углам -- сундуки и одеяла" (с. 79), а у переводчика -- "сандъции черги" (с. 81), что является лучшим вариантом, так как "одеяла" не соот-

йёТСтвуют быту той эпохи; диван ("присел Ни диван", с. 29) звучал бы совсем не к месту, если бы переводчик оставил его "диваном" -- по времени и месту это миндер (с. 34). Встречаются и механически перенесенные из подлинника в перевод ошибки -- случаи, когда переводчик должен был "поправить" автора, например, путем устранения анахронизма. Так, С. Н. Голубов пишет о сайдере ("сидели, попивая сайдер", с. 147), а переводчик вторит ему -- "пиеха сайдер" (с. 148), упустив из виду, что в те времена такого напитка в Болгарии не было; герои, вероятно, попивали шербет (о котором уже шла речь выше). И еще один пример такого же "инородного тела": "...на ученой книге будет печатными буквами обозначено его имя как " с п о м о щ н и к а" (с. 33) -- стоит у автора, а переводчик этого "спомощника" оставляет в той же форме (с. 37). Такого русского слова нет, нет его и в болгарском языке; правильная историческая форма, действительно написанная печатными буквами на многих болгарских старопечатных книгах -- спомоществовател (кстати, у Даля есть старое русское слово "помощест-вовать"). (Разрядка всюду наша -- авт.)

В "Петре Первом" А. Толстого есть несколько случаев скрытых реалий, о которых автор, видимо, не подозревал и которые характерны для описываемой эпохи и, в данном случае, для турецкого народа. Переводчик, разумеется, не мог пройти мимо них. Направляясь в Царьград, русские послы прибывают в Керчь; тамошний паша, видя их корабль, по словам автора, "затопал туф-ля ми"; на турецком адмиральском корабле повар приносит послам "...блюдо со сладкими заедками, кофейник и чашечки, чуть побольше наперстка"; на Босфоре русские видят "налево, среди сухих холмов, -- еще не убранные поля кукурузы, в о д о к а ч-к и, овец на косогорах" !. (Разрядка наша -- авт.)

В вышеупомянутом романе Е. Парнова2 в болгарском ресторане в Москве "им принесли кофе... по-турецки в обливных керамических чашечках (с. 398); в другом месте, говоря о кахетинцах, автор отмечает, что "настоящий шашлык из телячьей печенки жарят только на дубовых дровах и на кизиловых прутьях" (с. 314); а о глав-

1 Толстой А. Н. Петр Первый. М.: Гос. изд. худ. лит., 1947, ее. 399, 400, 404.

2 П а р н о в Е. И. Ларец Марии Медичи. • - •

130

ном герое упоминает: "Л. зашагал, позвякивая подкованными каблуками" (Разрядка всюду наша -- авт.)

Скрытые в оригинале реалии должны в переводе на болгарский язык полностью стать явными (разумеется, если контекст не мешает этому); при этом "общие слова" ИЯ получат свои реальные соответствия в ПЯ:

турецкие туфли
кофейник
чашечка
водокачка
прут для шашлыка
подковка на каблуке
-- емении
-- джезве
-- филджан
-- долап
-- шиш (откуда
и "шиш-кебап"=шашлык)
-- налче

Все это -- хорошо знакомые болгарам турецкие слова, которые в принципе тем более должны были бы найти место при переводе этих книг и на турецкий язык.

Подытоживая сказанное, можно заключить, что известная мысль В. Г. Белинского (передать "на русский язык так, как бы написал его по-русски сам автор"г) особенно касается реалий; переводя с чужого языка описания бытового, фольклорного, исторического характера, типичных элементов культуры и вообще действительности своей страны, переводчик должен передать их так, как написал бы и сам автор, если бы писал на его языке.

Глава 10 ПЕРЕВОД ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ

(Архаичность и архаизация)

Основные представления об исторических реалиях содержатся в разделе III нашей классификации (см. гл. 5); о близких к ним с точки зрения перевода проблемах архаичности и архаизации (частью решения этих проблем и является перевод исторических реалий) писали -- раньше и лучше нас -- другие. Нам остается только кое-что дополнить, привести некоторые иллюстрации и, подчеркнув важнейшее для переводчика-практика, сделать небольшое обобщение.

1 Русские писатели о художественном переводе, с. 197.

Для начала напомним, что об исторических реалиях мы говорим обычно не как о специфической группе лексики, а скорее с учетом исторической отнесенности реалий к той или иной эпохе, не теряя из виду их предметного содержания, которое связывает их с соответствующими рубриками предметной классификации. Так что перевод исторических реалий -- это по существу передача исторической окрашенное? этих слов в дополнение к их материальному содержанию и другим видам коннотаций.

Историческими могут стать и становятся многие реалии, чаще или реже -- в зависимости от различных обстоятельств, в том числе и от их семантики. Например, среди военных реалий встречаются очень часто исторически окрашенные, причем характерно, что о военных реалиях вообще редко приходится говорить в синхроническом плане: слова, обозначающие всевозможные военные объекты -- либо термины, либо исторические реалии; например, одним из таких редких исключений -- военная современная реалия -- является катюша.

В других разделах классификации, напротив, почти нет исторически окрашенных реалий; таковы, например, географические реалии. Хотя, думается, и здесь не следует высказывать слишком категорические суждения: возможны, например, реалии среди названий объектов палеозоологии. Примером может служить целакант, или кистеперая рыба, которую ее открыватель Дж. Л. Б. Смит называет ласково "старина четвероног" в одноименной книге (долгие годы ученые считали, что она вымерла свыше пятидесяти миллионов лет тому назад); таковы снежный человек и лохнесское чудовище, или Несен. Могут исчезнуть или неузнаваемо измениться и географические объекты, что неизбежно приведет к переходу их названий в словарь историзмов. Могут, скажем, с изменением режима реки вследствие создания водохранилища перемениться те или иные связанные с ней явления; так, с Нила могут исчезнуть характерные для него сёдды -- кудрявые, зеленые островки, которые плывут вниз по течению. Впрочем, хочется верить, что когда-нибудь в результате вмешательства человека и слово пустыня превратится в историческую реалию...

В последней нашей работе мы уделили сравнительно мало внимания переводу исторических реалий, делая упор прежде всего на передаче национального

' Смит Дж. Л. Б. Старина четвероног. М.: Географиздат, 1962. 132

колорита. Позже появилась чрезвычайно интересная статья О. Н. Семеновой 1 и несколько других трудов, затрагивающих эту тему. В настоящее время в Болгарии разрабатываются вопросы передачи исторического колорита (например, диссертация Илианы Владовой -- главным образом о болгарском переводе романа "Петр Первый"). Все это свидетельствует об особенном интересе к сохранению исторического колорита при переводе и заставляет нас уделить ему больше внимания.

Исторические реалии переводчик может встретить 1) у старых авторов, условно говоря, в архаических произведениях, и 2) в произведениях современных писателей, но рисующих далекое или близкое прошлое, -- архаизованных. Различия между теми и другими требуют и разного подхода при переводе реалий в них.

Касаясь первого случая, А. В. Федоров очень четко определил цель перевода подлинно архаического произведения: "ознакомить современного читателя с литературным памятником, который в момент своего создания, то есть для читателя своей эпохи, тоже был современным",-- цель, которая "предполагает использование в основном современного языка в переводе, хотя бы и с отбором словарных и грамматических элементов, которые в известных случаях позволяли бы соблюсти нужную историческую перспективу"2.

Мы вполне согласны с такой установкой, считая, что под "словарными элементами" А. В. Федоров подразумевает в первую очередь именно реалии.

По мнению Иржи Левого, который, очевидно, тоже имеет в виду произведения архаические, "если национальная специфика уже сама по себе исторична, то черты эпохи не всегда выступают как составная часть национальной специфики: бывают исторические явления, международные по самой своей сути, например, рыцарская культура эпохи феодализма, требующая от переводчика передачи

исторических реалий (костюм, оружие)..."3. Мы бы не называли эти реалии интернациональными в полном смысле слова; по нашей классификации они скорее попадают в категорию региональных, поскольку, например, в русском они являются чужими, заимствованными, а в болгарском большинство из

Семенова О. Н. Указ. соч.

2Федоров А. В. Указ, соч., с. 359.

3 Левый И. Указ, соч., с. 127. :1>"П!.Г "Л .'.:•

133

них можно было бы причислить даже к экзотизма м. Далее И. Левый говорит, что "Дон Кихот" Сервантеса "был написан языком нейтральным, для современного ему читателя исторически и национально не окрашенным, для того времени совершенно лишенным архаичности. Логично'и переводить его в целом неокрашенным чистым родным языком '. Но как же в таком случае быть с рыцарскими реалиями? "Только там, где лексическая единица является носителем значения, типичного для исторической среды оригинала, ее можно перенести в перевод: это случай "бытовых" слов, таких, как рикша, томагавк, частушка, кинжа л", -- продолжает И. Левый2, тем самым еще более сужая значение реалий. Будучи предметами и понятиями, связанными с эпохой оригинала -- эпохой его написания и/или описанной в нем эпохой, они обязывают переводчика задуматься над их сохранением и лишают его возможности перевести произведение "в целом неокрашенным чистым родным языком", по словам И. Левого: без них, этих исторических реалий, весь перевод превратился бы в обесцвеченное отражение описываемой автором действительности, оторванное от своей среды во временном отношении. Переводя современное художественное произведение, переводчик имеет дело с реалиями в плоскости их "мест-•ной" принадлежности и очень редко сталкивается с реалиями в аспекте времени. Однако перед его будущим коллегой, который, может быть, будет переводить то же произведение через сто лет, возникнет новая проблема, так как многие из "местных" реалий будут уже и реалиями "временными" или историческими.

Бесспорно, это не значит, что переводчик должен транскрибировать или передавать другим способом все реалии, встреченные им в подлиннике, превращая перевод в набор экзотизмов. "Пытаться при переводе создать не только произведение художественной литературы, но и памятник языка прошедшей эпохи -- задача вряд ли плодотворная. Историю языка следует изучать не по переводам, а по оригиналам", -- совершенно основательно замечает и С. Львов.3

с. 128.

'Там же,

2 Т а м ж е.

3 Л ь в о в С. См. АПТХП, т. II, с. 253.

334

И тем не менее прав также известный венгерский переводчик и теоретик перевода Ласло Кардош, высказы-

Ёамиё которого можно считать дополнением к сказанному И. Левым и С. Львовым: "..в принципе мы против архаизации не архаизированных, а просто старых текстов. Однако не следует забывать, что многие мастера художественного перевода способны едва уловимыми, тончайшими приемами подчеркнуть возраст подлинника, не отказываясь при этом от воссоздания его средствами современного языка'". Один из этих приемов, по словам Г. Гафуровой, -- "умелая, тактичная [а мы бы добавили -- и экономичная] передача соответствующих реалий и терминов"2.

Переходя ко второму случаю, переводу произведений "а р х а и з о в а н н ы х", обратимся опять к не менее категорической установке А. В. Федорова: "От вопроса о переводе архаических по языку старых произведений, естественно, отграничивается вопрос о переводе произведений (современных или классических), где авторами сознательно применены архаизмы, являющиеся таковыми по отношению к языку их времени. Воспроизведение таких архаизмов в соответствии с их функциями., вполне закономерно входит в таких случаях в задачу перевода"3.

Его дополняет О. Н. Семенова, отмечая, что использование архаической лексики "отличается своеобразием, обусловленным стилем автора, его методом исторической стилизации"4.

Итак, сохранение (транскрипция) слишком многих исторических реалий при переводе архаического произведения было бы преднамеренным, несозвучным с общим тоном повествования и не отвечало бы намерениям старого мастера, описывающего свою действительность. Иное дело в произведении архаизованном; автор преднамеренно вводит в текст исторические реалии, и замена их

более нейтральными соответствиями (калькой, описательным переводом и пр.) шла бы уже вразрез с его намерениями.

Упоминая вскользь произведения "современные и классические" (см. выше), А. В. Федоров подводит нас невольно к третьему случаю -- возможной двуплановости исторических реалий в архаизованном классическом ори-

1 Кардош, Ласло. АПТХП, т. I, с. 170.

2Гафурова Г. Некоторые особенности воспроизведения коло
рита эпохи в художественном переводе. -- АПТХП, т. II, с. 35.

'Федоров А. В. Указ. соч.. с. 370. _ ' '

4 Семенова О. Н. Указ, соч., с. 53. ' : -

135

гинале, порождающей дополнительные затруднения для переводчика. С одной стороны, старый автор пишет на современном ему языке и непреднамеренно употребляет современные для своей эпохи реалии, которые с течением времени превращаются в исторические; с другой стороны, описывая историческую для себя действительность, он уже преднамеренно подбирает, для колорита, реалии из описываемой им эпохи -- исторические для него самого. То есть это тот случай, по словам С. Львова, "когда относительная архаизированность языка как стилистический прием автора накладывается на архаичность языка того времени, к которому относится произведение" '. Мы же упомянем и другое положение, усугубляющее затруднения переводчика, -- когда двупла-новость распространяется еще на два "местных" ареала (это двуплановость архаичности языка самого Шекспира с присущими ему современными -- тогда! -- реалия-ми+историческая, скажем, венецианская, обстановка в "Венецианском купце", с присущими ей реалиями, историческими для Шекспира). И вот современному переводчику, так же непреднамеренно употребляющему некоторые вполне современные реалии, чтобы остаться верным автору, приходится решать преднамеренно вопрос перевода реалий одновременно в двух планах -- в плане эпохи автора и в плане эпохи (и места действия) его повествования. И еще. Когда Диккенс пишет о французской революции или Шекспир бытописует нравы средневековой Венеции, когда Гюго разрабатывает сюжет из английской жизни, читатель перевода должен погружаться в атмосферу соответствующей национальной и исторической действительности, независимо от языка, на котором писал автор подлинника. Но и это не канон. Вместе с тем и независимо от "фона" описываемой действительности, Диккенс должен оставаться Диккенсом, Шекспир -- Шекспиром, Гюго -- Гюго. И получается так, что переводчику следует передавать не просто французскую или венецианскую действительность такой, какой она была, а ее же, эту действительность, но виденную и изображенную Диккенсом или Шекспиром.

Знание своих реалий предполагает и понимание их читателем подлинника. Исторические реалии обычно менее известны, так как нередко это историзмы или архаизмы, об истинном значении которых средний читатель

'Львов С. Указ, соч., с. 249. 136

лишь догадывается; язык А. Н. Толстого в "Петре Первом" (см. с. 96--97) -- достаточное тому свидетельство. А это если не приравнивает возможности читателя подлинника к возможностям читателя перевода, то по меньшей мере сближает их, позволяя переводчику следовать за автором, подражая ему в отношении осмысления исторических реалий.

Тот же момент "знакомости" с историческими реалиями, обусловленный знанием истории соответствующего народа, облегчает перевод в границах ареала региональных реалий.

В тех же границах не так остро ставится и вопрос о передаче исторических реалий, употребленных в переносном смысле или вообще при стертом в той или иной степени колорите. Знакомство читателя перевода с исторической действительностью народа -- носителя ИЯ, что часто наблюдается при региональных реалиях, облегчает восприятие содержащих исторические реалии намеков, аллюзий, сравнений без применения особых средств осмысления. "..От вас [работников райсовета] ждут конкретных мер! Ждут воды. Ожидают тепла. Хотят покупать свежие булки значительно ближе, чем дневной переход суворовских чудо-богатырей" (разрядка наша -- авт.), -- пишет автор фельетона "Анализ кровли" Ю. Соколов !, с основанием рассчитывая, что читатели его поймут. Читатель болгарского перевода тоже не будет испытывать особых затруднений: Суворов знаком среднему болгарину, который воспримет этот чудо-переход именно в смысле, вложенном в него автором. Но перевод на другие языки, носителям которых русская история мало знакома, потребует объяснений, дополнений, передачи "чудо-богатырей" функциональным аналогом, точнее -- замены

образа образом, например, замены Суворова Ганнибалом (разумеется, если переводчик уверен, что он знаком его читателю). Так что и здесь нередко приходится, выбирая средства для передачи таких реалий, по-разному рассуждать в зависимости от ПЯ и его носителей.

Бывает, что в силу тех или иных исторических или политических обстоятельств в данном языке получилась своеобразная "лакуна", отсутствует целый предметно-тематический пласт лексики -- слов (терминов, реалий), называющих определенные предметы и понятия, не су-

И, 12.1Д975.

137

Щёстбовавшиё у данного народа; обычно этот пробел пб мере надобности заполняется заимствованиями, поступающими с внедрением в быт и практику обозначаемых ими референтов.

Таков, например, случай с реалиями (прежде это были термины), связанными с видами и оснасткой парусных судов в России. Призванные Петром I мастера -- голландцы, немцы, англичане -- приехали со своим словарем и оставили в русском языке набор исковерканных русскими рабочими голландско-немецко-английских слов, которые в этом виде и сохранились до наших дней. Иначе сложилась история морской терминологии в Болгарии. С 1398 по 1878 гг. болгары жили под владычеством Османской империи, и в то время, когда Петр I строил свой парусный флот, и значительно позже, вплоть до Освобождения, у болгар, за неимением своих судов, не было и названий для них; а если и была какая-нибудь очень примитивная морская терминология, преимущественно турецкая, то до нас она не дошла. Вот почему, переводя описания морских эпизодов той эпохи с любого западноевропейского языка, болгарский переводчик вынужден прибегать к посредничеству русского языка, откуда перешла вся старая морская терминология при создании болгарского флота, и "навязывать" своему читателю совершенно непонятные ему исковерканные гол-ландско-немецко-английские слова-реалии, иногда еще больше исковерканные транскрибированием их на болгарский язык. Возьмем два-три различных случая скажем, "рус." рангоут, восходящее к голл. rondhout, которое транскрибируется болг. рангоут, даже когда это перевод англ, spars; или же англ, whaleboat, первоначальное "китобойное судно", затем превратившееся в легкую быстроходную шлюпку с мачтой и парусом и произносимое по-английски (х)уэйлбоут, которое вошло в русский язык под обликом вельбот, а в болгарский -- велбот; или англ, fall (в значении снасти, троса), произносимое фол, но воспринятое по-русски, явно путем не транскрипции, а транслитерации, как фал, и превратившееся по-болгарски в фалина.

Приблизительно то же можно сказать и об упомянутой И. Левым "рыцарской культуре" эпохи западноевропейского феодализма -- в частности, о названиях доспехов и их деталей, отсутствующих во многих языках, носители которых не имели или имели мало соприкосновения с рыцарством. По-видимому, вследствие географической

138

близости и столкновений с рыцарями духовно-рыцарских орденов Прибалтики, некоторые термины-реалии либо перешли в русский язык, возможно, через польский, в несколько измененном при транскрипции виде, либо были скалькированы, либо обозначаемые ими понятия получили в результате словотворчества иные названия. В болгарском же языке, несмотря на ранние "визиты" крестоносцев и непродолжительное, правда, соседство с Римской империей, "рыцарской терминологии" не сохранилось. Вот почему для болгарского переводчика эти реалии представляют немалую трудность. Приходится нередко прибегать к испытанному средству конца прошлого -- начала нашего века -- заимствованиям (кстати, не только в переводах) из русской лексики, которые бывают иногда оправданы не только близостью языков, но и прямой этимологической связью. В современном болгарском языке для англ, visor, фр. visiere, нем. Visier, соответствующих рус. забрало, судя по толковым словарям, нет эквивалента. Слово забрало встречается, по Н. М. Шанскому, в русской литературе с начала XIX в.', а по данным болгарского этимологического словаря2, восходит к древнеболгарскому слову, встречаемому в Симеоновом сборнике и Златоусте -- памятниках XI и XII вв. Таким образом, мы можем заимствовать из русского языка слово, заимствованное им из древнеболгарского.

В другом случае, переводя русскую историческую беллетристику, болгарский переводчик наталкивается на затруднения совершенно иного характера. В Болгарии тоже были цари, царский двор, вельможи, бояре, существовала сложная система податей и налогов и пр. Но было это, -- возвращаясь еще раз, для примера, к переводу А. Толстого, -- задолго до Петровской эпохи, и все

исторические реалии этого разреза общественной жизни, как они встречаются в письменных памятниках и в современной исторической литературе, до византийского владычества (с 1018 г. до конца XII века) -- древнеболгарского происхождения, за исключением некоторых латино-византийских титулов и названий, а затем все было заимствовано из действительности Византии и средневекового Запада. Для употребления при переводе русских ис-

1 Краткий этимологический словарь русского языка под ред. Н. М. Шанского. М.: Просвещение, 1975.

2 Български етимологичен речник. София, 1971. Авторы же русского словаря считают, что "рассматривать забрало -- часть шлема" -- как церковнославянское (Фасмер, Преображенский...) неверно.

139

торических книг они не годятся, так как резко меняют этническую, историческую и даже географическую обстановку, ослабляют колорит оригинала и, так сказать, . наряжают русского царя в одеяния византийского императора. И переводчику приходится искать другие способы передачи исторических реалий и идти главным образом по пути словотворчества.

Здесь мы воздерживаемся от термина "неологизм", чтобы не отнимать у этих "новых", сочиненных переводчиком слов необходимого для них аромата старины -- ведь они должны возместить отсутствие названий соответствующих старых понятий или предметов в ПЯ. Когда же А. Н. Толстой говорил (цитируем по Г. Гафу-ровой, указ, соч., с. 33), что в своей работе над историческим романом старался не столько употреблять архаизмы, сколько вытравлять неологизмы, он явно имел в виду новые слова, реалии более новой эпохи, которые внесли бы дисгармонию в воспринятую им лексику. Впрочем, соблюсти это, вероятно, было очень трудно, поскольку и в "Петре Первом" встречаются характерные ляпсусы, например: "Ратники из северных губерний (разрядка наша -- авт.) дивились такой пышной земле"1, а губерния как административная единица была введена Петром I лет десять спустя после описываемого похода князя Василия Васильевича.

Итак, при переводе исторических реалий переводчик может включить в свой арсенал много разных видов оружия, начиная с транскрипции и не забывая устаревшие слова своего языка, иногда подходящие диалектизмы (довольно опасное оружие), заимствования из других языков (даже чужие реалии, прижившиеся в других языках), семантические неологизмы, т. е. сочиненные им слова для старых понятий.

В заключение главы приведем очень удачное высказывание А. Андрее: "В искусстве перевода, как и во всяком другом искусстве, не может быть готовых эталонов, раз навсегда определенных правил и решений. Не может быть единого решения и в вопросе о том, должен ли переводчик, перевыражая произведение, отделенное от нас известной исторической дистанцией, дать почувствовать современному читателю эту дистанцию и в какой мере он должен это делать"2.

'Толстой А. Н. Указ, соч., с. 130. ^

2Андрес А. Дистанция времени и перевод. -- МП, 1965, N$' 5,

г. 128.

140

Глава 11

ПЕРЕВОД СОВЕТИЗМОВ

Звучат во всех краях планеты Без перевода, как Москва, Большевики, Октябрь, Советы, Мир, Спутник -- русские слова.

А. Твардовский

Советизмы, слова рожденные Великим Октябрем, представляют для переводчика с русского языка особый интерес потому, что хочется и нужно каждый из них довести до сознания и сердца иностранного читателя, а сделать это бывает иногда мучительно трудно.

Для определения этой группы реалий, о которых еще Л. Н. Соболев писал как о "советских неологизмах", "советских реалиях" ', воспользуемся дефиницией, точнее -- дефинициями Г. В. Чернова. Включая в свои исследования "так называемые "советизмы", которые он причисляет к БЭЛ,

автор отмечает, что это "слова и словосочетания, возникшие за годы советской власти, или старые слова и словосочетания, у которых в этот период возникли новые значения" 2. Однако это может послужить только началом дефиниции, которую мы дополним его же определением БЭЛ (родового понятия) как слов, названных "безэквивалентными, то есть не имеющими постоянного устойчивого эквивалента, приемлемого в различных контекстах"3, лишний раз подчеркнув специфическую советскую окраску этих единиц.

В рамках этого определения о советизмах писали многие авторы4, рассматривая их с разных точек зрения:

'Соболев Л. Н. Пособие по переводу с русского языка на французский, с. 287.

2 Ч е р н о в Г. В. К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык, с. 226.

3 Т а м же, с. 223.

4 Приведем некоторые из работ: Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Указ. соч. Изд. 2-е, с. 77 и ел. [к советизмам мы бы отнесли и приведенные в п. 2 их генетической классификации "Слова нового быта"]; Акуленко В. В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков: Изд. Харьков, ун-та, 1972, с. 180--182; Гвоздев А. Н. Указ, соч., с. 87; К а т-Ц е р Ю. М., К у н и н А. В. Письменный перевод с русского языка на английский. М.: Высшая школа, 1964, с. 89--90 и др.

141

как элементы русской лексики и, первоначально, в качестве неологизмов ', с учетом способов образования и в связи с методикой преподавания русского языка и литературы иностранцам, как международные лексические единицы и заимствования из иностранных языков, как элементы фоновых знаний о советской стране и коммунистической идеологии, наконец, как БЭЛ и объект теории перевода. Не претендуя на столь широкий охват, мы ограничимся перечислением лишь некоторых особенностей перевода советизмов, опираясь на общие закономерности перевода реалий и на работы писавших до нас. Своеобразие советизмов можно искать прежде всего в их отличиях от реалий. Просмотрев перечисленные у Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова советизмы, включенные в первые два пункта генетической классификации этих авторов, нетрудно убедиться, что далеко не все они обладают основными признаками реалий -- национальным колоритом и отсутствием эквивалента на другом языке. А между тем характерным для них является другое качество, встречаемое не у каждой реалии. Например, такие единицы, как "очередной отпуск", "общественные фонды", "детский сад", "производственное обучение", "индустриализация", "депутат", "выполнение плана" и т. п., в отличие от реалий, имеют в других языках достаточно полноценные соответствия. Например, соответствия стипендии -- болг. "стипендия", англ, scholarship, fellowship и др., фр. bourse (d'enseignement), нем. Stipendium -- с виду покрываются в отношении референтов: "стипендии" есть, должно быть, во всем мире и, очевидно, везде это -- "постоянное денежное пособие, выдаваемое учащимся в учебном заведении" (Ож.). Но можно ли государственную стипендию, получаемую в Советском Союзе (и социалистических странах) миллионами учащихся, поставить на одну доску с дарованными ч а стн ы м лицом илифондацией крохами пресыщенной филантропии? "Депутат" -- на всех языках депутат (болг. "депутат", англ, deputy, фр. depute, нем. Deputierte), но ведь между "депутатом трудящихся" и теми, другими депутатами сравнение явно противопоказано...

1 Но уже в более поздней работе, специально посвященной неологизмам русского языка, мы находим сравнительно мало слов (в первую очередь, спутник и др. "космические" объекты), которые можно было бы отнести к советизмам (см.: Брагина А. А. Неологизмы в русском языке. М.: Просвещение, 1973).

142

Различие здесь мы видим прежде всего в фоне. Конечно, фоновые несоответствия существуют и между другими народами, даже соседними, и их языками. Здесь, однако, в основе глубоких фоновых различий лежат коренные расхождения между советским и несоветским образом жизни в целом, которые отражаются чуть не на каждой детали, на каждом слове.

"Коренная перестройка общественной жизни"1 в советскую эпоху обусловила и сдвиг в семантике русской лексики: появление слов, обозначающих новые понятия, и изменение значений многих старых слов с изменением обозначавшихся ими в прошлом понятий. Таким образом, в дополнение к коннотативному значению, к национальному колориту обычных реалий, советизмы обладают своим,

специфическим только для советского строя социальным колоритом, чем они в ряде случаев и отличаются от других реалий.

Трехступенчатая, так сказать, коннотация (национальный, исторический и социальный колорит), необходимость передать при переводе характерные особенности в корне отличного образа жизни, о котором у читателей, если и имеются кое-какие, то во многих случаях не слишком ясные и объективные сведения, делают перевод советизмов чрезвычайно трудным, в частности на языки несоциалистических стран. И здесь еще одно специфическое отличие советизмов от других реалий мы видим в необходимости особого учета языка, на который делается перевод: предназначен ли он для читателей из стран социализма или для читателей стран вне нашего лагеря. Косвенно эту особенность отмечает и А. Д. Швейцер: "Наблюдается следующая закономерность: в текстах, рассчитанных на специалистов, на читателей, знако: мых с советскими реалиями, преобладают такие способы передачи "советизмов", как транслитерация и калька (например, агитпункт -- agitpunkt, дружинники -- dru-zhinniki, область -- oblast, товарищеский суд -- comradely court), тогда как в текстах, адресованных более широкой аудитории, чаще встречаются объяснительный, описательный и другие виды перевода (например, агитпункт-- voter education centre, дружинники -- volunteer patrols, товарищеский суд -- citizen court), а транслите-

'Верещагин Е. М., К о сто м ар q в В. Г. Указ, соч. Изд.
2-е, с. 77. •'••- •' ••••••': • • •••

143

рация н калька обычно сопровождаются пояснительным комментарием"1.

А. Д. Швейцер рассматривает перевод только газет-но-информационных и публицистических текстов и только на английский язык; тем не менее, замеченная им закономерность полностью соответствует нашим наблюдениям в отношении перевода советизмов в любом тексте и на любой язык: так как советская действительность знакома среднему читателю из социалистических стран (это соответствует в цитате "специалистам" и "читателям, знакомым с советскими реалиями"), там транскрипция или калька будут наиболее привычными приемами перевода, в то время как для француза, англичанина, американца, одним словом, для любого читателя из несоциалистических стран, такой перевод окажется просто недостаточным. Часто в таких случаях, чтобы довести до сознания целостное значение реалии, потребуются иные, более действенные средства осмысления.

Это приводит нас к мысли, что перевод советизмов с точки зрения адресата зависит и от принадлежности этих единиц к 1) собственно советизмам, 2) региональным со-ветизмам или 3) интернациональным советизмам. Очень четкой границы между ними, а в особенности между последними двумя группами провести нельзя; например, Совет -- как интернациональная, так и региональная реалия, но это разделение поможет переводчику не упускать в таких случаях из виду некоторую градацию в подборе способов перевода.

Собственно советизмы -- реалии, характерные для Советского Союза (совхоз, неотложка, ЖЭК, целинник, стахановец), -- переводят, обязательно учитывая отсутствие их референтов в стране читателя перевода, не упуская тем не менее из виду то общее положение, что читатель из социалистической страны в любом случае обладает более обширными фоновыми знаниями об СССР по сравнению с читателями из капиталистических стран.

Региональные советизмы, которые для любой социалистической страны чаще всего мало чем отличаются по существу от национальных, переводятся на языки стран социализма принятыми там эквивалентами, обычно транскрипциями или кальками: субботник, болг. съботник, чеш. subotnik; дом культуры, болг. дом на кул-

1 Швейцер А. Д. Указ, соч., с. 251. 144

турата, чеш. dum osvety; комсомолец, болг. комсомолец, чеш. komsomolec. При переводе на языки несоциалистических стран, как и в случае собственно советизмов, учитывается малая (или превратная) осведомленность читателя. Они передаются используемыми для реалий приемами, причем одной транскрипции большей частью бывает недостаточно.

Интернациональные советизмы, такие, как Совет, спутник, большевик, настолько широко известны, что их не нужно особо оговаривать и объяснять; достаточно бывает обычной транскрипции.

Авторы причисляют советизмы -- во всяком случае многие из них -- к терминам. "Подавляющее большинство проанализированных слов и словосочетаний носит терминологический характер. Эти

слова и выражения являются общественно-политическими и экономическими терминами (небольшое число -- технические термины и термины других специальных отраслей). Однако характерной особенностью, не позволяющей отнести их безоговорочно к чистому термину, является их широкое вхождение в общенародный язык, их общеупотребительность как в художественной литературе, так и в разговорном и бытовом стилях речи", -- пишет Г. В. Чернов и дальше уточняет: "Любой "советизм" является термином, поскольку содержанием его является социально-экономическое понятие, имеющее строго определенные рамки..."1.

Мы бы не сказали, что к терминам можно отнести любой советизм. Но в принципе это и не имеет особого значения: признаки реалии в советизмах, по-видимому, преобладают над терминологическими, что и приводит их к переводу не термином, а приемами передачи реалий: в любом случае мы стремимся сохранить колорит. Даже если допустить, что советизмы -- термины, то придется добавить, что это термины своеобразные или единицы, стоящие на границе между реалиями, терминами и общеязыковой лексикой.

Это подтверждается и переводами советизмов, которые мы находим в двуязычных словарях: большинство либо транскрибируется, либо переводится кальками, а нередки случаи и транскрипции и перевода. Транскрипции подвергается слово стахановец: болг. стахановец, чеш. stachanovec, англ, полукалька stakhanovite. Кальками и полукальками являются ударник, англ, shock-worker (на-

'Чернов Г. В. Указ, соч., с. 227.

145

ряду с транскрипцией udarnik), также фр. oudar-nik, travailleur de choc, нем. StoBarbeiter (только полукалька). Примером функциональных аналогов являются: ленинец, англ, и нем. Leninist, фр. Leniniste, чеш. Leninovec, ит. Leninista.

Если рассматривать советизмы с точки зрения фор-м ы, то окажется, что по сравнению с другими реалиями среди них больше устойчивых словосочетаний типа составных терминов, каковыми они обычно и являются, и гораздо больше аббревиатур. На переводе это отражается в том смысле, что почти все словосочетания калькируются: пятилетний план, болг. петгодишен план, англ, five-year plan, фр. plan quinquennale, нем. Funf-jahrplan; Верховный Совет СССР, болг. Върховен Съвет на СССР, англ. Supreme Soviet of the USSR, фр. Soviet Supreme de L'U. R. S. S., нем. Der Oberste Sowjet der UdSSR.

Таким же образом передаются и сложносокращенные слова: стенгазета, болг. стенвестник, англ, wall-newspaper, фр. journal mural, нем. Wandzeitung.

Отметим характерную особенность советизмов-аббревиатур: многие из них своим статусом реалий как бы обязаны именно своей сложносокращенной форме. Таковы, например, педсовет, педколлектив, партактив, пищеблок, санузел и т. п. Педагогические советы, за исключением фоновой стороны значения, о чем шла речь выше, мало чем различаются в разных странах: педагогический совет имеется в любом учебном заведении любой страны, но аббревиатура педсовет (ср. болг. педсъвет), скажем, во французской школе была бы аналоцизмом (подробнее об аббревиатурах см. ч. II, гл. 9).

Среди советизмов-аббревиатур есть немало и имен собственных таких, как СССР, КПСС, ВДНХ, МХАТ, ТАСС и т. д., которые приведены у Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова в общем ряду с остальными сложносокращенными словами. В переводе они передаются как соответствующая группа имен собственных (подробнее см. ч. II, гл. 2).

После Великой Октябрьской социалистической революции русский язык приобрел мировое значение, что позволило В. И. Ленину уже вскоре после победы советской власти отметить это: "Мы достигли того, что слово "Совет" стало понятным на всех языках"'. И хотелось бы

'Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 38, с. 37. 146

добавить, что возрастанию Популярности русского языка, проникновению многих русских слов и понятий в другие языки способствовали советские переводчики.

Мы изложили в этой главе только самые общие положения, некоторые наши наблюдения и замечания. Думается, что вопрос о советизмах и переводе советизмов должен стать темой самостоятельного исследования советских теоретиков перевода.

Глава 12

ОМОНИМИЯ РЕАЛИЙ В ПЕРЕВОДЕ

Классическим примером обусловленного омонимией переводческого ляпсуса является болгарский перевод фразы "в воздухе пахло сиренью и порхали бабоч-ки" -- "във въздуха миришеше на сирене и пърхаха бабички". (Разрядка наша -- авт.) Такие абсурдные соответствия, как "запах сирени" -- "запах брынзы" и "порхающие бабочки" -- "фыркающие старушки", теперь встречаются редко, но они отнюдь не отошли еще в область анекдотов. То здесь, то там наталкиваешься на вредную старушку, крепко держащую фронт, даже иной раз в неплохих переводах...

С точки зрения переводоведения . частную проблему омонимии' реалий можно рассматривать в нескольких аспектах:

1. Омонимия а) как причина ошибок в переводе (омонимия и переводчик) и б) как повод для неверных, уводящих в сторону от основного русла ассоциаций (омонимия и читатель перевода).

2. Омонимия а) в плоскости одного языка (внутри-языковая), б) в плоскости пары языков и в) в плоскости нескольких языков (межъязыковая).

3. Омонимия а) между реалиями и б) между реалиями и рядовыми словами.

4. Омонимия в плоскости а) близкородственных языков и б) разносистемных языков.

1 Наряду с омонимией -- звуковым и графическим совпадением двух или нескольких лексических единиц, мы в это понятие включаем и паронимию -- близость, т. е. неполное их совпадение, а также, в ряде случаев, и многозначность, с точки зрения перевода не отличающиеся качественно от внутриязыковой омонимии.

147

Рассматривать эти аспекты в отдельности нельзя: они взаимосвязаны и взаимозависимы, во многих пунктах совпадают, так что, расчленяя вопрос, пришлось бы повторять уже сказанное. Например, омонимия в качестве причины допускаемых переводчиком промахов зависит в той или иной мере от остальных аспектов: как внутри-языковая, так и межъязыковая омонимия могут подвести переводчика; одинаково опасны омонимы-реалии и омонимия между реалиями и нереалиями; наконец, особенности омонимии при близкородственных, в отличие от далеких по происхождению, языках могут касаться всех случаев и пополнят количество допущенных промахов и обманутых читателей.

Так как явления омонимии наиболее ярко выступают при сопоставлении лексики близкородственных языков, постараемся раскрыть их особенности в отношении реалий на материале переводов в плоскости русского и болгарского языков.

Хорошим началом будет не раз цитированное мнение болгарского академика Вл. Георгиева об этой лексической близости: "..от 60 до 80% русской лексики, -- пишет он, -- близки и понятны среднеинтеллигентному болгарину"'. Возможно, что в отношении реалий этот процент не столь велик (особых исследований мы не проводили), но все же переводческие ошибки, обусловленные омонимией, скидывать со счетов не следует. Вот характерные примеры.

Начнем с русской реалии четверть, удобной тем, что она охватывает все перечисленные нами возможности омонимических ошибок. "Один раз, помню, в день своего бывшего ангела, я четверть выкушал", -- говорит у М. Зощенко2 горький пьяница, только что заявивший, что теперь больше двух бутылок ему "враз нипочем не употребить"; в болгарском переводе четверть превратилась в "четверть литра", что, разумеется, намного ниже суточной нормы "героя". Как мера жидкости рус. четверть равна 3,1 л, а такая порция, действительно, могла запомниться, тем более что совпала с "днем бывшего ангела". Меру с тем же названием встречаем у А. П. Чехова: "Не могу ли я, голубчик, купить у вас четвертей пять ов-

са"'-- обращается доктор к Ивану Евсеичу, подсказывая ему таким образом "лошадиную фамилию" и... в немалой степени затрудняя переводчиков. Один из них, не поняв, о чем идет речь, или не потрудившись выяснить -- все так ясно!, переводит "пет четвъртини овес", что по существу ничего не говорит болгарскому читателю: "четвъртина" = четвертая часть, четвертая доля, но чего-- неизвестно. Другой переводчик понял, что имеет дело с реалией-мерой, больше того -- он сумел сохранить и колорит, введя другую традиционную русскую меру -- пуд, но явно переоценил потребности докторовой лошади, написав "сотню-две пудов"; тем не менее, такое решение мы считаем вполне правильным.

Если поискать слово четверть в БАС, то окажется, что в этой реалии скрыто еще немало потенциальных переводческих ошибок, так как это еще и старая русская мера длины, равная четверти аршина (17,775 см), и старая русская мера земли, равная около 1,5 десятины, а из другого

источника мы вычитали еще об одном ее значении: "вощаная четверть" -- весовая единица, равная 12 пудам.

Не следовало бы транскрибировать при переводе с русского языка и такие реалии, как изба и урядник: аналогичные болгарские слова -- не реалии и имеют другие значения: болг. "изба" (с ударением на первом слоге) равнозначно рус. "подвал" или, чаще, "погреб", в том числе и винный, а в устарелом значении -- "распивочная". Поэтому, когда в болгарском переводе находишь что-нибудь вроде*"селянинът живееше в изба" (крестьянин жил в погребе), невольно подозреваешь слабую осведомленность переводчика в области русской лексики. "Уредник" в болгарском языке имеет несколько значений, совсем далеких от "унтер-офицера в казачьих войсках царской армии" или "нижнего чина уездной полиции в царской России" (МАС), и урядник в болгарском переводе может увести мысль читателя в сторону от действительных значений.

Если расположить лексические ошибки в переводах с русского языка на болгарский по обусловливающим их причинам, то на первом месте, несомненно, будут ляпсусы, вызванные лексической близостью -- омонимией (вну-триязыковой и межъязыковой). Так, в одном из своих значений -- устаревшем -- ряд в русском языке будет

1 Георгиев Вл. Езиково сближение на славянските народи. --• Език и литература, III, кн. 4, 1948, с. 245.

2 Зощенко М. Рассказы, с. 85. „.-,:

148

1 Ч е х о в А. П Собр. соч. в 12-ти томах. Т. 3. М.: Гос. изд. худ. лит.,
1961, с. 162. , . . - .

149

реалией; обычный болгарский перевод словами "ред", "редица", который можно ожидать от введенного в заблуждение близостью формы переводчика, не годится; скорее всего это будет реалия чаршия, но и она не всегда подойдет: ряды в значении "торгового здания" можно будет приблизительно передать болг. "базар" (в значении "крытый рынок", а обычный рынок, соответствующий рус. "базару", будет "пазар"; но "отивам на пазар" обычно значит не "иду на базар", а "иду за покупками"). Из значений рус. тройки только одно будет реалией, и здесь ошибка менее вероятна; скорее можно ожидать, что переводчик примет одно из рядовых слов за реалию -- костюм "тройка" за "лошадей". Слово полька как танец можно считать реалией, которой соответствует болг. полка; другой омоним -- женский род от слова "поляк", болг. "по-лякиня", а третий омоним (по МАС) -- вид мужской стрижки ("стричься под польку") -- несомненная реалия, в Болгарии неизвестная, соответствий не имеет и, вероятно, не будет иметь, поскольку, будучи модной в 50-е годы, она устарела, вышла из употребления, а, кажется, и из языка (у Ож. нет).

Говоря об омонимии в плоскости русского и болгарского языков, стоит особо отметить и пласт лексики, в котором, благодаря общему происхождению слов, омонимия (во всяком случае на нашем материале) наблюдается довольно часто: это тюркизмы в русском и турцизмы -- в болгарском языке. Возьмем хотя бы болгарскую реалию чардак. Первое, о чем несомненно подумает русский человек, наткнувшись на это слово, будет, конечно, соответствие "чердак". Оба слова тюркского (или персидского) происхождения, в русский и болгарский языки пришли из турецкого (по Фасмеру, в русский -- от крымских татар), "в турецком языке означает: открытая беседка на четырех столбах" (СТРЯ), а в болгарском -- "крытая площадка в доме перед комнатами" (БТР), иногда наподобие веранды или галереи вдоль наружной стены дома, т. е. с чердачным помещением не имеет ничего общего, кроме этимологии. Поэтому, с одной стороны, русское "поднялся на чердак" нельзя перевести болг. "качи се на чардака", а с другой, в переводе на русский язык нельзя транскрибировать болг. чардак: слишком незначительна разница между формами обоих слов и велика опасность неправильного осмысления. Такой же эффект имела бы транскрипция болгарской реалии (персидско-турецкое слово) сарай при пере-

150

воде на русский язык (несмотря на достаточную популярность среди русских Бахчисарайского фонтана); переводить следовало бы функциональным аналогом -- "палаты", "дворец", даже "хоромы" или "чертог" (по совету К. И. Чуковского), хотя и имеется в виду жилище турецкого вельможи.

Опасные своей омонимией реалии тюркского происхождения приводит Вл. Россельс ': уста в значении "мастер" и ага; слова взяты из перевода с азербайджанского, но есть они и в болгарском:

уста в том же значении (каждый болгарин знает крупнейшего архитектора болгарского Возрождения -- Уста Колю Фичето), а ага -- не хозяин, как, видимо, в Азербайджане, а турецкий администратор или, расширительно (и "почтительно"), просто "турок". Сюда добавим еще древнерус. терлик (тоже тюркского происхождения) и обычное болгарское слово-- матерчатая туфля терлик; смысловая разница между ними велика, но тем не менее от ошибок никто не застрахован: и то и другое -- предметы одежды.

Большие затруднения возникают при более значительной близости значения между омонимичными словами. Таратайка -- рус. и болг. -- при полном звуковом и фонетическом покрытии и принадлежности к одному родовому понятию (повозка) различаются отчасти семантически и совершенно не совпадают по стилю: болг. таратайка скорее соответствует "драндулету", так что между русской реалией и соответствующей ей болгарской единицей отношения такие, как между конем и Росинантом. "Татарское пиво из пшена"2, согласно объяснению Л. Толстого или по Ушакову, "легкий хмельной напиток из проса, гречи, ячменя (в Крыму, на Кавказе)" -- буза, отличается от болг. и тур. (СТРЯ) бозы (произношение, между прочим, почти идентично с рус.) лишь концентрацией спирта: в последней она почти нулевая, так что это "сладковатый безалкогольный напиток" (РСБКЕ); бозу рекомендуется пить кормящим матерям и маленьким детям, а о бузе Лермонтов пишет: " [Черкесы] как напьются бузы на свадьбе или на похоронах, так и пошла рубка"3. (Разрядка наша -- авт.) Положение с ее транскрибированием при переводе на болгарский

1 Россельс Вл. Перевод и национальное своеобразие подлинника, с. 168.

"Толстой Л. Н. Собр. соч. Т. 3, с. 186. 'Лермонтов М. Ю. Собр. соч. в 4-х томах. Т. 4, с. 14.

151

осложняется еще двумя обстоятельствами: наличием в русском языке другого, просторечного омонима (ср. "бузить", "бузотер"), и очень широким распространением в Болгарии упомянутого напитка. Сюда же можно добавить айран (айрян) с приблизительно одинаковым значением в обоих языках, но с большим различием в употребительности, каймак, являющийся в русском языке реалией, в болгарском -- нет, со значительным различием в стиле и употребительности, и т. д.

Употребительность реалии в ИЯ и ее "знако-мость" в ПЯ как дополнительные к омонимии обстоятельства должны заставлять любого переводчика задуматься, прежде чем вводить ее в текст перевода путем транскрипции. Например, в русском языке достаточно хорошо известно английское светлое пиво эль, но, вероятно, мало кто знает, что этим же словом ale, редком и в ИЯ, обозначается "деревенский праздник в Англии" (БАРС), введение которого в той же транскрипции весьма рискованно: слишком популярно пиво-эль. С другой стороны, использование иных средств передачи реалии тоже нежелательно -- реалия яркая, любое объяснение лишит ее колорита. Решений, на наш взгляд, может быть два: либо ввести в знакомой транскрипции и очень тщательно оговорить, осторожно привлекая все необходимые средства осмысления, либо перенести его в текст в фонетической форме, более близкой к оригинальной -- эйл, что позволит избежать фонетической и смысловой связи с пивом. Впрочем, в любом случае последнее слово остается за контекстом.

И в заключение несколько слов о предупреждении случайных аллюзий и ассоциаций. Например, такое невольное отвлечение внимания читателя может получиться при транскрибировании в болгарском переводе рус. палаш (как военной реалии), так как болгарин примет его в первый момент за "ищейку" или "гончую". Ложную ассоциацию может вызвать и заимствование в русском переводе болгарского названия холодного супа -- таратора: читателю он напомнит "тарато-ру" или "тараторку", у которого/которой мало общего с напоминающим окрошку блюдом.

Случайные аллюзии и ассоциации, вызванные такими первомоментными отклонениями внимания в неправильное русло, опасны тем, что обычно они не о д н о-моментны, а часто врезаются в память читателя, мешая правильному восприятию, заслоняя собой желаемый

и созданный автором образ: говорят ведь, что первое впечатление самое сильное, самое свежее; известно также, что переучивать всегда труднее, чем научить. Например, когда в болгарском переводе китайского стихотворения читатель встречает слово танци, оно неизбежно вызывает в сознании определенный образ еще прежде, чем глаза, скользнув в нижний конец страницы, прочли в сноске, что имеется в виду не множественное число от слова "танец" (болг. "танци"), а "потомки Танской династии". Или, опять-таки в переводе с китайского, в стихе "Много ли е пътят" (Много ли дороги) слово ли естественно будет воспринято в значении вопросительной частицы, как по-русски,

и, уже получив это первое впечатление, читатель обращается к сноске, чтобы установить, что "ли = 0,576 км"1.

Глава 13

ПЕРЕВОД РЕАЛИЙ-МЕР

Наименования мер, обозначающих единицы веса, длины, площади, объема жидкостей (сыпучих тел) и т. д., обладают, с точки зрения перевода, некоторыми особенностями, которые заслуживают внимания. В сущности говоря, большинство наименований этих единиц -- типичные для ИЯ термины, и реалиями их делает неповсеместное распространение; когда метрическую систему примут во всех странах, -- а такова современная-тенденция, -- реалий-мер в синхроническом плане не будет. Необходимость более пристального рассмотрения вопроса о переводе реалий-мер обусловлена и значительными различиями в подходе к нему в художественной литературе, а также слишком прямолинейным теоретическим решением в одних2 и отсутствием решения в других работах по теории перевода.

1 Примеры взяты из журнала "Септември", 1959, N 10, ее. 116 и 120. Кстати, можно было избежать этих "уводящих помех"; например, в первом случае вместо танци можно было бы несколько изменить графическую форму при сохранении фонетики: тантси, а во втором-- заменить реалию-меру функциональным аналогом, например, "Дълъг беше пътят", "Пътят е безкраен" или "Нелегка дорога", "Нет конца дороге" и т. п.

2 Ср., например: Л е в ы и И. Указ, соч., с. 134; Л е в и ц к а я Т. Р,. Фитерман А. М. Теория и практика перевода с английского языка на русский, с. 115.

153

6--747

Рассмотрим здесь некоторые основные положения.

1. Единицы мер, связанные с числительными или другими количественными словами, являются в любом тексте носителями информации об определенном расстоянии, весе, объеме и т. д. Чтобы воспринять эту информацию, читатель должен знать реальные величины этих мер или хотя бы иметь приблизительное представление о них. Отсюда прямой вывод, что значения соответствующих единиц должны быть так или иначе указаны и в переводе или, во всяком случае, поданы таким образом, чтобы читатель мог догадаться о них.

Точные цифры всех единиц физических величин указаны в специальных справочниках и энциклопедиях; принадлежащие данному народу меры приводятся нередко в соответствующих двуязычных словарях (см., например, "Таблицу перевода англо-американских единиц измерения в метрическую систему" в конце 2-го тома БАРС). Тем не менее, переводчику и самому полезно иметь некоторые общие сведения в этой области.

Хороший переводчик знает все о переводимой им книге, об отраженной в ней жизни народа, его культуре и быте, и, разумеется, о системе мер, как действующих, так и тех, которые использовались прежде. Но знать или уметь узнать нужно еще больше. Например, некоторые исторические данные о метрической системе позволят переводчику избежать досадных анахронизмов.

Метрическая система -- наиболее распространенная из подобных систем -- принята как официально действующая во многих странах. Впервые она была введена во Франции декретом от 7 апреля 1795 г.; в России система "метр, килограмм, секунда" используется наряду с национальными мерами с 1875 г., а введена официально законом уже после Великой Октябрьской социалистической революции (в 1918 г.); в Болгарии она действует с 1889 г., уже десять лет спустя после освобождения от Османского ига. В США метры, килограммы, литры и пр. употребляются факультативно (но не в речи), параллельно с традиционными мерами, а в ряде других стран они либо вводятся в настоящее время, либо будут введены.

Все эти данные -- о странах и датах -- приведены не просто потому, что переводчику это нужно для общей культуры, а чтобы предупредить вполне реальную опасность введения в текст анахронизмов и знало-ц и з м о в (см. гл. 8) -- употребления в такой-то стране

154

и в такое-то время мер, которых тогда там и быть не могло.

Другие полезные сведения касаются наименований различных мер и их фактического содержания. Есть, например, единицы с одинаковым названием, нос различным содержанием у разных народов. Приведем характерный случай с путевой мерой миля (от лат. milia раззит = тысяча шагов): в различные эпохи и в разных странах она обозначала и сейчас обозначает свыше 25 неодинаковых расстояний в границах от 580 до 11293 современных метров. Вот некоторые из этих величин:

580 м

1388 м

1481 м (уКийе 1482)

1524 м

1609,344м

1852 м(= 10 кабельтовых) 1853,184м 1920 м 7420,44 м 7467,60 м

: 10000 М : 11200 М

Величины меры-реалии миля (данные взяты из 3-го изд. БСЭ, ЭС, КБЕ, ACD)

Египетская м. Древнегреческая м. Старая римская м. Английская (обыкновенная) м. Сухопутная уставная м.

(в Англии и США) Морская международная м.

(в большинстве стран) Морская м. в Великобритании Древнеарабская м. Географическая (немецкая) м. Русская старая м. Шведская м. Старочешская м.

Миля, конечно, не единичный случай в этом отношении. "Не так давно, всего два-три столетия назад, в Европе насчитывалось около сотни футов различной длины и двадцать разных по весу фунтов"'. Известно также, что англ, бушель отличается по емкости от ам., что в англ. кварте 1,136 л., а в ам. -- 0,946 л (сведения, небезразличные, например, для автомобилистов, употребляющих зарубежный антифриз и вынужденных учитывать эти цифры при его разбавлении), что не каждый центнер равен 100 кг, и т. д.

Одинаковые по названию, но разные по содержанию

1 Матушкин Б. Удивительная жизнь мер. -- "Неделя", 1971, N 35.

6* 155

меры бывают и в границах одной страны. Версту в XVII-- XVIII вв., например, "определяли в 500, и в 700, и в 1000 саженей, причем сажень могла колебаться от 1,95 до 2,13 м"'. Локоть, если не считать его разновидностей ("неполный локоть", или "кольцо", "иванский локоть", "любский локоть" и т. д.), обозначал минимум два размера. Своеобразная китайская мера ли, в зависимости от случая (неодинаковые иероглифы), может быть единицей как веса золота и серебра, так и длины, равной 0,33 мм или 576 м.

И больше того -- не только в одной стране, но и в части страны бывали одинаковые по названию и разные по содержанию меры. "В Нью-Йорке, -- продолжает цитировавшийся выше Б. Матушкин, -- в XX веке применяли четыре разных фута: нью-йоркский, бумвинский, вильмс-бургский и фут 26-го района города".

2. Единицы мер как термины присущи точным наукам, "изобразительными средствами" которых они являются, наряду с цифрами и знаками; языком же искусств, в том числе и художественной литературы, являются образы. Так что попадая в язык образов, меры-реалии служат не столько для передачи точной информации, сколько для создания в воображении читателя зримого представления об описываемом фрагменте действительности.

Например, вместо того чтобы говорить о необыкновенной высоте пальмы, В. М. Гаршин рисует ее образ языком цифр: "На пять сажен (разрядка наша -- авт.) возвышалась она над верхушками всех других растений.."2. Точно так же, когда герой "Олеси" А. И. Куприна сетует на то, что живет очень далеко от города, эта отдаленность становится гораздо более осязаемой благодаря употреблению соответствующей меры: "в сотнях верст (разрядка наша -- авт.) от городской жизни"3.

К таким "цифровым описаниям" писатели нередко прибегают, чтобы передать те или иные черты своих персонажей. Описывая героя "Анафемы", А. И. Куприн говорит, что в дьяконе было "около девяти с половиной пудов (разрядов наша -- авт.) чистого веса"4. Сам по

1 И, 7.VI.1977.

2 Гаршин В. М. Сочинения. М.-Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1960,

с. 91. 3Куприн А. И. Собр. соч. в 9-ти томах. Т. 2. М.: Изд-во Худож.

лит-ра, 1971, с. 316. 4 К у п р и н А. И. Собр. соч. в 9-ти томах. Т. 5, с. 455.

156 *'i

себе вес отца Олимпия, конечно, мало интересует читателя, но благодаря использованному автором приему характеристики он получает довольно верное представление о могучем телосложении дьякона, что в свою очередь связано с важным для этого рассказа не менее могучим его голосом.

Приведенные примеры позволяют установить некоторые закономерности в применении такого оформления литературных образов. Точность цифровых показателей, как и следует ожидать, не играет той решающей роли, которую она имеет в научно-техническом тексте; закономерной будет скорее приблизительность. Поэтому в художественном тексте так часто можно встретить и не отличающиеся высокой точностью обозначения, вроде "фунта три", "на аршин и более", "чуть не на полсажени", "една-две оки", "до седем лакти", a span or so, more than two pounds, etwa zwei Morgen, fast drei Ellen lang, environs dix arpents и т. д.

Даже там, где приблизительность не обозначена соответствующим оборотом, размеры, вес, расстояние, объем не воспринимаются как точные, а закономерно округляются. Кроме того, бросается в глаза очень тесная семантическая спаянность реалий-мер с их непосредственным окружением и, в частности, с числительными: "в сотнях верст" = очень далеко, "на пять сажен выше" = намного выше, "целых двести десятин" = очень большая площадь и т. д.

И, наконец, еще один вывод, уже непосредственно касающийся перевода реалий-мер: приблизительное их значение чаще, чем при других реалиях, можно вывести из узкого контекста, т. е. нередко художественный образ бывает более или менее понятным и без знания точных величин соответствующих единиц. Прочтя: "Мы обрабатываем целых 14 танов земли", читатель может не знать, сколько составляет 1 тан, чья это единица и на каком языке, но из контекста ему ясно, что речь идет о мере поверхности и что "целых 14 танов" должно быть очень много. Точно так же, если о самой высокой точке на острове пишут: "всего пятьдесят футов над уровнем моря", то это, вероятно, очень мало.

Сравнительно реже в художественном тексте реалии-меры могут обозначать и точные количества и размеры. "Они прошли в докторский кабинет; больной сам встал на платформу небольших десятичных весов: фельдшер, свесив его, отметил в книге против его имени

157

109 фунтов. На другой день было 107, на третий 106" Ч Вес больного, в отличие от веса дьякона Олимпия у А. И. Куприна, указан точно, что опять же соответствует художественному замыслу автора. Вполне естественно, что, когда в оригинале использованы привычные для научной или технической литературы средства -- термины, цифровой материал, четкие сухие формулировки и т. п., автор перевода должен использовать те же или такие же приемы: здесь не подойдут вполне допустимые при обычной передаче реалий-мер приблизительные или произвольно взятые величины.

3. Итак, бывает, что, когда читателю из контекста понятно значение чужой реалии-меры только в общих чертах, более или менее, этого не всегда достаточно для реалистического перевода. Осмысление незнакомой реалии-меры в узком контексте происходит в его сознании главным образом за счет числительного, а также и некоторых "наводящих" слов -- "всего", "целых", "не больше" и т. п.; что же касается значения самой реалии, то очень часто наблюдается как бы неосознанное приравнивание его к величине собственной меры того же ранга. Таким образом, при всей "понятности" получается некоторое смещение ("пять сажен" можно невольно приравнять к "пяти метрам") и недостаточная четкость образа. Поэтому в ряде случаев художественный образ при переводе намного выигрывает в яркости и четкости, если читатель вместо непонятной чужой реалии встретит реалию знакомую, привычную, которая создает в его воображении требуемый образ. В самом деле, если колорит произведения не зависит в значительной степени от окрашенности данной реалии-меры, зачем навязывать русскому или другому не англоговорящему читателю бушели -- меру, не создающую у него количественного представления, когда целесообразнее перевести ее в килограммы, центнеры, тонны (конечно, со всей необходимой осторожностью) ?

Когда, допустим, англичанин, автор исторического романа, приводит в англ, милях расстояние, пройденное Александром Македонским от Греции до Персии, переводчик мог бы, видимо, перевести мили в "километры": национальный колорит от этого не пострадает, поскольку обе меры -

- в равной степени аналоцизмы для Древней Греции и для Персии, но зато читатель перевода получит

1 Гаршин В. М. Указ, соч., с. 190. : 'О , '* •'.••.•.•••••• ,'•/

158

о походе великого полководца такое же впечатление, что и читатель подлинника. Миля, однако (не английская, конечно), имеет немаловажное преимущество перед "километром": как путевая мера, она существовала в те времена -- правда, не у греков, а у римлян, -- но при ее употреблении не получится, по крайней мере, анахронизма. Вот почему "километр" употреблять здесь не стоит; миля будет меньшим злом, которое остается на совести автора, а более подходящим, хотя и спорным, приемом в смысле правомерности (переводчик делается в некоторой степени соавтором) было бы дать это расстояние в приблизительном пересчете на стадии или парасанги (1 парасан-га = 30 стадий). Мы касаемся лишь конкретного эпизода, который нужно увязать с текстом в целом.

Вообще прибегать к замене одних мер другими нужно осторожно во избежание нарушения колорита, исторической правды, общего тона. Можно посоветовать несколько решительнее производить такие замены в области термометрии, но, конечно, и здесь, всегда опираясь на контекст. Например, жалуясь на нестерпимую жару в одном месте своих очерков "Фрегат "Паллада", И. А. Гончаров указывает температуру 20 или 23®. Если переводчик механически перенесет это в свой текст, то читатель перевода на любой язык будет немало удивлен: какая же это жара? Между тем И. А. Гончаров везде дает температуру по почти незнакомой -- вообще забытой -- шкале Реомюра, упоминая об этом только в одном месте; так что 23® -- это уже без малого 30®С. С другой стороны, читая северные рассказы Джека Лондона и встречая выражения вроде "5® мороза", любой европеец (за исключением англичанина) пожмет недоуменно плечами. Но это -- читатель, а переводчик должен знать, что "по-нашему", по шкале Цельсия, это в самом деле холодно --15® мороза, так как Дж. Лондон пользуется действующей и поныне в Англии и Америке шкалой Фаренгейта. Поэтому в его южных рассказах можно встретить жару, примерно, в 85®, что будет не выше тех же 30® по Цельсию. Так что здесь затруднение для переводчика несколько иного характера. Замена одной шкалы другой (с соответствующим пересчетом) большей частью не вызывает серьезного смещения колорита: 15® мороза -- это очень низкая температура, и читатель, получив это впечатление сильного холода, вряд ли будет доискиваться, в каких градусах он измерен. Но чтобы добиться этого "эффекта нейтральности", переводчик должен, во-первых, твердо знать,

•:..•-•••ё • - ?-, • 159

что 100®С = 80®R = 212; но О®С и R = 32®F; во-вторых, учитывать, когда, где, по какой шкале измеряли (измеряют) температуру; в-третьих, быть уверенным, что контекст позволяет такую замену; в-четвертых, если позволяет, то достаточно последовательно и точно произвести ее; отступления в отношении последовательности допустимы лишь за счет каких-нибудь функциональных аналогов.

В таких случаях, когда самой реалии как лексической единицы в тексте нет, когда только подразумевается то или иное понятие, как при употреблении данной температурной шкалы, мы иногда говорим о "с к р ы т ы х реалиях" (см. также гл. 9).

4. Несколько ослабленный колорит многих реалий-мер, их приблизительные, "округленные" значения, а также участие в построении художественного образа, т. е. тот факт, что они действуют не столько на рассудок, сколько на воображение читателя, позволяет в ряде случаев наиболее удачным считать перевод при помощи именно функционального аналога. При таком решении можно обеспечить полную нейтральность замены, где это необходимо, а в случае надобности -- и передачу соответствующей национальной и/или исторической окраски. Тот же герой "Олеси", чтобы задобрить ворчливую Мануйлиху, "захватил с собою полфунта чаю и несколько пригоршен кусков сахару"1. Переносить в перевод фунты не имеет смысла: контекст мало что выиграет в отношении колорита; передавать вес чая в граммах -- 206,75 г, даже округлив их до 200 г, тоже не особенно удачно, так как герой явно захватил его в уже расфасованном виде; поэтому наиболее осмысленным, видимо, будет перевод нейтральной "пачкой чая" или "пакетиком (коробкой) чая". Переводчик должен, разумеется, заранее справиться о том, в каком виде в то время продавали чай, а это, может быть, позволит ему одним уже названием упаковки передать тот же колорит (конечно, не злоупотребляя какими-нибудь необычайными реалиями).

В аналогичных случаях, когда удобнее всего давать лишенный национальной окраски перевод, можно с успехом заменять фут -- полушагом, а в болгарском -- даже лучше пядью ("педя"), аршин -- шагом, сажень -- двумя-тремя шагами и т. д. Допустим, когда раненый Иванов из "Четырех дней" В. М. Гаршина прикидывает, что

до убитого турка "сажени две", переводчик может свободно представить это расстояние в шагах, несмотря на то, что Иванов шагать не может, а будет ползти.

5. Есть, однако, некоторые положения, в которых переводчику приходится сохранять исходные цифровые данные или меры, и в таком случае наиболее подходящим приемом передачи реалий-мер -- явных и скрытых -- останется транскрипция.

Переносить реалию-меру в текст нужно, как и другие реалии, в тех случаях, когда она является организующим фактором, -- стоит в центре внимания в данном узком контексте. Например, когда автор, говоря о выставке, пишет, что ему надолго запомнится "набор бронзовых эталонов от двух фунтов до двух пудов... образцовый аршин, питейные меры.., китайские лент ы, египетские р о т л и"! (разрядка наша -- авт.) и т. д., меры-реалии, конечно, сохранятся и в переводе.

О транскрипции можно подумать и в контексте, где название соответствующей национальной меры употреблено в прямой речи. "В прошлый понедельник я вытащил пескаря весом в восемнадцать фунтов и длиной в три фута от головы до хвоста"2 (разрядка наша -- авт.),-- передает Джером К- Джером слова рыболова, в которых размеры и вес рыбы -- немаловажная деталь повествования. И несмотря на то, что от приведения достаточно понятных для читателя цифровых данных описание несомненно бы выиграло (метровый пескарь!), вкладывать в уста английского рыболова-любителя сантиметры и килограммы, на наш взгляд, довольно рискованно: чувствительным окажется нарушение национального колорита. Так что, пожалуй, лучше уж дать читателю возможность самому вывести для себя из контекста заключение о действительных размерах выуженной рыбы, чем допустить нотку фальши в такой реплике.

Согласно нашим наблюдениям, так и поступает большинство переводчиков на русский язык даже в тех случаях, когда это книги не строго художественные. Например, в книгах о путешествиях мы обычно находим множество транскрибированных мер, оговоренных в сносках. В принципе такое решение, как будто, правильно, поскольку колорит в этих книгах играет важную роль, и тем не менее нам кажется, что существует некоторое увлече-

'Куприн А. И. Собр. соч. в 9-ти томах. Т. 2, с. 329. 160
1 Л Г, 9.IV.1975.
2 Джером Дж. К. Трое в одной лодке, с. 188.

161

ние в этом отношении. Если в современном тексте с начала и до конца переводчик будет переводить меры, привычные для автора, на привычные для читателя, то такой текст едва ли можно считать "обесцвеченным", тем более что колорит компенсируется обычно другими реалиями (например, географическими названиями), присущими уже не автору как носителю соответствующего языка, а описываемым им народам и странам. Введение непереведенных реалий-мер затрудняет чтение и восприятие написанного; читатель поминутно обращается к сноскам и, чтобы получить более или менее ясное представление об описываемой действительности, вынужден постоянно производить необходимые выкладки: ведь значение единичной меры, а не всей величины ("Феддан = 0,4 гектара"), переводчик приводит в сноске только раз -- когда встретил ее впервые; дальше уже считайте, дорогие читатели, сами: 200 федданов земли -- это 200Х0,4 = 80 га.

В других случаях желательность транскрипции зависит от величины реалии-меры и характера контекста. Вот одна из таких ситуаций. В свое время в болгарских газетах сообщалось об ультиматуме Англии и Франции Египту и Израилю о немедленном прекращении сражений и отводе войск "на расстояние около 16 километров от Суэцкого канала". Спрашивается, почему же именно 16, а не 17 или, круглым счетом, 15 км? Быть может, на то имелись какие-либо стратегические или политические соображения? Оказалось, что "около" -- допущенная переводчиком отсебятина: расстояние было указано точно (и это естественно для такого рода документа) и составляло 16 км 9 м и 34 см, поскольку в ультиматуме говорилось о 10 английских милях. Мы считаем, что, если в

оригинале по той или иной причине указывается "круглое число", в интересах именно этой "круглости" желательно и в переводе сохранить оригинальную меру. Так, когда в спортивной информации сообщается, что спортсмен впервые одолел высоту 7 ф у -т о в, смешно было бы говорить о прыжке в 2м 13 см 6 мм; точно так же смешно было бы в переводе на английский язык читать о том, что другой спортсмен взял высоту 6 футов 6 инчей с половиной вместо 2 метров. Такие тексты, однако, менее характерны для художественной литературы.

Заключая сказанное о транскрипции реалий-мер, нужно отметить, что и здесь в силе общие положения о транскрипции реалий вообще: 1) в принципе не рекомендуется

162

вводить -- в текст перевода и в язык -- новое слово экзотики ради, т. е. там, где можно дать полноценный перевод, лучше не транскрибировать, и 2) более или менее знакомые, часто встречаемые в переводах реалии-меры (миля, фут, фунт, унция, верста, аршин), величины которых хотя бы приблизительно известны читателю, большей частью не нуждаются в особых объяснениях.

6. При употреблении в подлиннике, так сказать, не по прямому назначению -- в виде метафор, сравнений, в составе ФЕ и т. д. -- реалии-меры, являясь стертыми реалиями, передаются предпочтительно средствами нейтральными или, по меньшей мере, лишенными национальной (по отношению к ПЯ) окраски (см. гл. 7 и ч. II, гл. 1).

7. Будучи реалиями, единицы мер относятся к БЭЛ и, как было сказано, при переводе либо транскрибируются, либо передаются теми или иными заменами. Однако, как любопытное исключение, есть такие названия мер, которые, не переставая быть реалиями, имеют эквиваленты в ПЯ. К ним относятся названия некоторых, в настоящее время немногих, традиционных мер, наличие эквивалента у которых обусловлено, например, их происхождением от антропометрических измерений, схожих или близких у разных народов.

Часть этих реалий имеет эквиваленты только в лингвистическом плане: это лексические единицы, референты которых у разных народов обычно неодинаковы. Так, англ, меру длины фут раньше переводили болгарским словом "стъпка" (рус. "стопа" -- тоже старинная мера длины = 28,8 см), независимо от различий в фактических размерах этой меры. Тот же локоть, о котором уже была речь, существовал (и существует) у многих народов и имеет на каждом языке свое название -- англ, cubit и ell, фр. aune, нем. ЕПе, ит. braccio, чеш. loket, болг. лакът -- и свои размеры. Несмотря на заметные, с точки зрения численного содержания, различия -- между 45 и 120 см, -- все эти названия мы считаем эквивалентами: в художественной литературе упомянутые фактические расхождения не мешают переводческой эквивалентности.

Вряд ли есть советский юноша, не читавший роман Жюля Верна... как же будет "Vingt mille lieue sous les mers"? В поисках верного перевода мы набрели на три заглавия: "20 000 лье под водой" (БСЭ, изд. 3-е, но слова "лье" найти не удалось; ЭС и КЛЭ), "80000 километров подводой" (БСЭ, изд. 2-е) и "80000 верст под

163

водой" (в старых изд.) (Разрядка наша -- авт.) Справки в других справочниках и словарях показали, что лье -- это древнекельтская "мера пути", обозначающая расстояния (от 4444,44 до 6172,78 м); нашлось еще одно название -- лига, и еще одно -- галльская миля; англичане знают ее как league (БАРС), а немцы (RDW) сохраняют фр. lieue, но, по-видимому, предпочитают заменять ее милей (meile) --"20000 Meilen unter dem Meer"; болгарским же мальчикам эта мера была известна по заглавию того же жюльверновского романа как левга -- явно транскрибированное, скорее даже транслитерированное, латинское leuca или leuga (теперь роман в болгарском переводе известен под заглавием "Капитан Немо").

Иначе обстоит дело с интересной английской мерой длины инч. Словари предлагают следующие эквиваленты: рус. дюйм, нем. Zoll, фр. роисе, болг. цол (в словарях указан и дюйм). В отличие от предыдущих, здесь, пожалуй, термин преобладает над реалией. В самом деле, в болгарском языке цол употребляется только в технике, причем только для измерения диаметров труб. И если в английском подлиннике эта мера употреблена не в техническом значении, а, скажем, для обозначения роста человека, то для болгарского перевода цол не годится -- придется, очевидно, транскрибировать инч.

Однако для передачи на болгарском языке нем. Zoll и фр. роисе транскрипция не подойдет: болгары, мы сказали, цолами измеряют другие объекты, а пус не поймет абсолютно никто; вводить

инчи значит "англифициро-вать" текст. При этом положении остается либо описательный перевод, либо, быть может, лучше использовать дюйм -- получится, по меньшей мере, налет чуждости, имитирующий колорит. На русский язык инч в любом случае переводится дюймом.

8. Правило последовательного употребления раз принятой лексической единицы в тексте, которое касается в первую очередь терминов (от начала до конца текста для одного понятия употребляется один термин), действительно большей частью в отношении реалий, а в особенности тех из них, которые являются названиями мер. В принципе нельзя смешивать версты с километрами и килограммы с фунтами. Но и здесь, как в отношении других реалий, "правило" не может иметь абсолютной силы: если переводчик сумеет употребить единицы мер разных систем так, чтобы это не бросалось в глаза, чтобы читатель не спотыкался и не удивлялся, и,,

164 '

с другой стороны, если ему удастся подчеркнуть реалию как элемент колорита там, где это необходимо, -- перевод следует признать адекватным.

9. В заключение следует подчеркнуть, что реалии-меры, обладающие ярким историческим и национальным колоритом, рассматриваются как обычные реалии, как носители колорита. Таковы старые народные меры, перевод которых чаще всего осуществляется путем транскрипции или функционального аналога.

Глава 14

ПЕРЕВОД РЕАЛИЙ-ДЕНЕГ

Перевод наименований денежных единиц обычно рассматривается в теоретических работах вместе с переводом реалий-мер, несмотря на то, а, может быть, именно потому, что они являются как бы антиподами: реалии-меры мы стремимся большей частью передавать с учетом их смыслового (или количественного!) содержания, а реалии-деньги, напротив, как правило, транскрибируем1.

Валюта, денежная единица, настолько тесно связана со своей страной, что, казалось бы, является, подобно гербу, ее своеобразным символом: рубль совершенно естественно переносит нас в Советский Союз, лев недвусмысленно говорит о болгарской действительности, рупия представляет в глазах любого европейца далекую Индию.

На деле, однако, эта яркая представительность оказывается не такой несомненной, как кажется. Вот почему некоторые любопытные сведения о денежных единицах помогут лучше ориентироваться в переводе этих реалий.

1. Хорошим примером для начала может быть та же рупия, которую многие считают характернейшим "представителем" Индии. На поверку оказалось, что есть (или были) еще рупии бангладешская, бирманская, индонезийская, кабульская (Афганистан), маврикийская, мальдивская, непальская, пакистанская, Персидского залива (Катар, Оман и Оман договорный), сейшельская, Шри

'•Ср., например, у И. Левого (цит. соч., с. 134): "Валюту же следует всегда оставлять ту, что в оригинале, поскольку она характерна для определенной страны, и рубли, использованные в переводе с любого другого языка на русский, перенесли бы действие в Россию".

165

Ланки; что франк является (или являлся) основной валютой 30 стран (в том числе 12 стран КФА -- зоны фр. франка), доллар -- 31 страны, фунт -- 33 стран и т. д. При этом положении, если нужно уточнить принадлежность такой валютной единицы, приходится приводить ее в сочетании: "швейцарский франк", "американский доллар" (официально "доллар США"), "бахрейнский динар", "кубинское песо" и т. д.

Итак, реалии-деньги могут быть 1) строго индивидуальными, связанными в любом случае с одной определенной страной, представляя собой истинные реалии -- драхма (Греция), злотый (Польша), лек (Албания), лея (Румыния), тугрик (Монголия) и т. д., или 2) требующими для уточнения своей национальной принадлежности определения типа указанных выше.

К этому нужно добавить еще ряд особенностей, не безразличных для переводчика.

Перечисленные "одинаковые" единицы имеют, за редкими исключениями, неодинаковую номинальную стоимость; к примеру, почти каждый из разнонациональных долларов имеет свой самостоятельный (насколько в финансовых вопросах можно говорить о самостоятельности) курс. Иными словами, здесь одинаковость реалий ни в коей мере не говорит об одинаковости их референтов.

Кроме того, неодинаковым часто бывает и деление этих основных денежных единиц на разменную монету: цент, будучи, как правило, сотой частью доллара, является названием такой же части ряда

рупий, гульденов и шиллингов, мальтийского фунта, чилийского песо, южноафриканского рэнда, лилангени (Свазиленд), леоне (Сьерра-Леоне) и т. д.; ливийский динар = 1000 дирхамам, бахрейнский = 1000 филсам, алжирский=100 сантимам, иорданский = 10 дирхамам =100 пиастрам^ = 1000 филсам, югославский = 100 пара и т. д.

2. В наш динамический век, век изменений не только политической, но и географической карты, довольно часто меняются и денежные единицы. Мы имеем в виду, разумеется, не их номиналы, а названия. Если от древнерусских гривны и куны до сегодняшнего рубля должны были пройти столетия, то в наше время эти изменения происходят значительно быстрее. Чтобы в этом убедиться, достаточно заглянуть в справочник "Валюты стран мира" (М.: Финансы, 1976): в исторических справках, которыми снабжен раздел каждой из стран мира, видно, как быстро менялись названия валют этих стран,

166

й особенности во второй половине нашего века. Так, вме-|сто старых колониальных валют появились седи (Гана), \сили (Гвинея), заир, риель (Кампучия), вона (КНДР) *и пр.; постоянно меняются границы Зоны фр. франка, Стерлинговой зоны, Долларовой зоны; а переводчику нужно быть в курсе дела: не допускать, чтобы герои покупали на доллары там, где они уже вышли из употребления.

В связи с временными изменениями денежных единиц переводчик не может не учитывать и наличие единиц с одинаковым названием, но различными по времени и месту референтами. Например, динаром, наряду с названием ряда современных денежных единиц, называлась и наиболее распространенная в прошлом золотая монета стран мусульманского Востока, -- название, близкое и родственное древнеримскому денарию; в Англии и Франции в разговоре и теперь иной раз встречаются названия денег, уже вышедших из употребления. Так, фр. су изъято из употребления, но им и теперь нередко обозначают мелкую монету. Англичане до сих пор называют 1 лиру совереном, говорят о цене в одну крону (5 шиллингов). В Болгарии сантим используется иногда как синоним стотинки (обычно в переносном смысле), а также, во множественном числе, как название первых болгарских почтовых марок.

Множество денежных единиц своим происхождением связаны с весовыми единицами1, которыми измерялись в древности те или иные ценные материалы, в первую очередь золото и серебро, служившие всеобщим эквивалентом. Таковы фунт, до сих пор не утративший своего значения меры веса, драхма -- тоже, но только в аптечном деле, гривна, динар, ливр, талант и др.

3. С самого начала мы говорили, что реалии-деньги, как правило, транскрибируются. Однако не следует принимать это в абсолютном смысле и для любого случая.

Во-первых, в большинстве языков имеются традиционные для тех или иных денежных единиц формы, нередко представляющие собой скорее перевод соответствующей реалии. Яркий пример -- англ, pound; вот как он выглядит в нескольких языках: рус: фунт (стерлингов),

"...при металлическом обращении готовые названия весового масштаба всегда образуют и первоначальные названия денежного масштаба..." (К. Маркс. Цит. по книге: У с т ю г о в Н. В., К а м е н-Ц е в а Е. И. Русская метрология. Изд. 2-е. М.: Высшая школа, 1975, с. 4.)

167

болг. лира или фунт стерлинг, фр. livre sterling или 1e sterling, исп. libra esterlina, чеш. libra sterlinku, нем. Pfund (Sterling); по существу pound -- Pfund -- фунт -- livre -- libra -- перевод старой весовой меры.

Но если взять даже самые близкие транскрипции, то окажется, что утвердившаяся в том или ином языке форма не всегда является транскрипцией в ее классическом значении. Например, рубль в болгарском языке адаптирован и приобрел форму женского рода -- рубла; лев во французском получил наращение -а, восходящее к форме множественного числа болгарского слова -- leva; копейка в английском и во французском языках, напротив, потеряла окончание и и -- kopek, а во французском переменила и род на мужской и т. д. Одним словом, основным правилом обращения с реалиями-деньгами в переводе является в общем транскрипция, но в частности выбор приема передачи их осуществляется строго с учетом уже принятой в соответствующем языке формы; такой подход к переводу встречается в отношении некоторых имен собственных (см. ч. II, гл. 2).

Во-вторых, некоторые названия денежных единиц, одинаково транскрибируемых, допустим, на русском языке, имеют иное написание (и звучание) в исконном, а возможно, и в других языках. Вот

несколько примеров.

Валюта ГДР, ФРГ и Финляндии в русской и в болгарской транскрипции -- марка, но в английской первые две -- mark, а финляндская -- markka, в русской и болгарской транскрипции есть только одна рупия, а в английской, французской и немецкой -- индонезийская денежная единица rupah, а остальные рупии -- англ, rupee, фр. roupie и нем. Rupie. Очень близки русские транскрипции таких валют, как иранский риал, кампучийский ри-ель, риял Саудовской Аравии и старый исп. реал; разменная монета эре (Швеция и др.) и эйре (Исландия) и т. д. И такая идентичность или близость формы может оказаться препятствием для верной передачи содержания.

: 4. Сказанного достаточно, чтобы породить сомнение в безусловной принадлежности наименований денежных единиц к реалиям. Поскольку среди них в самом деле есть лишенные национального и/или исторического колорита, которые, следовательно, нельзя считать реалиями в настоящем смысле слова, лексику, обозначающую деньги, можно разделить на 1) национальные денежные единицы

168

(основная валюта и разменная монета), обладающие определенной стоимостью, номиналом -- рубль, лев, стотинка, копейка, пенс, фунт стерлингов, лира, и 2) единицы, которые по ряду причин (обычно исторических) утратили в той или иной степени точное стоимостное значение, а наряду с ним и яркость национальной окраски, и используются расширительно (иногда в составе устойчивых сочетаний), в значении денег вообще, некоей суммы, большей частью незначительной -- рус., фр. и болг. сантим, рус. и болг. грош, рус., болг. и фр. обол, рус. алтын, деньга, полушка, болг. пара, гологан, петак, фр. ecu, denier, sou, teston, нем. Heller, Deut, Sechser и т. д. Реалиями следует считать лишь единицы первой группы; вторые же бывают обычно реалиями лишь в диахроническом плане, т. е. в текстах, где их функция связана с тем временем, когда они еще не выходили из употребления, т. е. где они фигурируют как исторические реалии.

5. Выше упоминалось, что при переносном употреблении реалия нередко утрачивает часть коннотативного значения. То же относится и к денежным единицам: в переносном смысле они утрачивают свою конкретность и материальную стоимость, приближаясь по значению к единицам второй группы -- "не реалиям" (ср. грошовая картина, стоит гроши и копеечные книжки, ни копейки нет, купил за копейки). Тем не менее эта близость не переходит определенной границы: копейка, в отличие от гроша, сохраняет какую-то долю национального колорита, давно утраченного грошом. "Копеечки сиротские, слезами облитые" ', -- жалуется у А. И. Куприна старая Ма-нуйлиха, Олесина бабушка, стараясь показать незначительность своих сбережений, и эти "копеечки" никто не воспринимает буквально: речь идет о неопределенной, но небольшой сумме денег.

В последнем случае вопрос о выборе средств перевода ставится приблизительно так: 1) копейка как яркая реалия подлежит транскрипции, но 2) транскрибировать явно нельзя, поскольку таким путем не передать контекстуального значения -- получилось бы значительное смещение смысла; 3) утратив конкретность обозначения и материальное покрытие, копейка сохранила тем не менее отблеск "русскости", который, несмотря на возможность аналогичной ситуации -- бедственное положение старого человека -- в любой, нерусской действительности, не поз-

1 Куприн А. И. Собр. соч. в 9-ти томах. Т. 2, с. 377.

169

воляет употреблять ее (транскрибировать) в тексте, связанном с французским, греческим или испанским бытом; а раз, с одной стороны, транскрипция недопустима, и, с другой, невозможность передачи колорита при переводе не грозит особенным искажением подлинника, где этот колорит уже в значительной мере "поблек", 4) переводить нужно такими средствами, которые доведут до чита-теля смысловое содержание, не придавая, однако, контексту не свойственной ему окраски.

Одним из таких именно естественных, обобщающих средств перевода является замена денежной единицы функциональным аналогом -- главным образом, названиями денег второй группы, существующими, вероятно, в любом языке.

Однако при этом необходима очень существенная оговорка: удобство такой замены отнюдь не значит, что любую реалию, употребленную в переносном смысле, можно заменить в переводе любой единицей из денег-нереалий. Каждое из этих слов-замен отличается собственным "нравом": одни обладают очень широкой сочетаемостью (грош, пара), другие, напротив, употребляются чуть не исключительно во фразеологии (обол, алтын). Кроме того, выбор "монеты" зависит и от ПЯ;

например, в немецком языке даже не вышедшие из употребления единицы иногда используются в более нейтральном стиле.

Если такой прием окажется неудобным, то можно подумать и о переводе другими нейтральными средствами, в первую очередь, заменой родовым понятием: "деньги", "сумма", при более широком обобщении смысла -- "много", "мало", или, наконец, даже опустив трудно поддающуюся переводу валюту: в сравнении "все равно, что найти сто тысяч рублей" рубли можно безболезненно опустить.

Но вернемся к копеечкам в примере из А. И. Куприна. Как лексическая единица копейка сохраняет свое основное значение, продолжая оставаться элементом денежной системы СССР. Этим и можно объяснить, почему эпизодическое нарушение связи с референтом при употреблении ее в переносном значении не приводит к потере национальной окраски. Поэтому едва ли можно считать удачным введение в русский перевод новеллы английского автора из африканской действительности выражения "станет в копеечку" (Дж. Б. Шоу. Новеллы) . Это почти так же плохо, как употребление болгарских реалий-денег для неболгарской действительного

сти в рассказе о том, как кто-то в Москве покупал грейпфрут на 39 стотинок, или в телепередаче о 100-ле-вовом заработке жителей фавел Рио-де-Жанейро (примеры аутентичны).

6. В особый раздел нашей предметной классификации были выделены денежные единицы и единицы-меры, отличающиеся от остальных реалий этого рода главным образом стилевой окраской. С точки зрения строго предметного деления, такое обособление по стилистическому показателю неправомерно, поскольку принадлежность к сниженным стилям речи в общем не меняет их предметной отнесенности:.целковый=\ рублю, англ. dime=10 центам, Groschen австр. = 1/100 шиллинга, а нем. =10 пфеннигам; nickel в ам. жаргоне = 5 центам, а nickel в англ. = 1 фунту стерлингов и т. д. Однако некоторые особенности этих единиц и, в частности, осложнения, которые создает их перевод, требуют самостоятельного и более тщательного рассмотрения.

Основным признаком, по которому пятак или красненькая, nickel или dime, sou или ecu отличаются от своих современных "нормативных" синонимов, остается их принадлежность к иному стилю (разговорный, просторечие, диалект, жаргон). Если сопоставить "пять рублей" -- синенькая -- пятерка или "пять сантимов"-- sou или "доллар" -- buck, учитывая их стилистические (и иные) расхождения, то нетрудно увидеть, как много теряет перевод, когда все сплошь передается официальным наименованием соответствующей денежной единицы.

Различаются эти реалии и в историческом аспекте. Среди стилистически окрашенных единиц намечаются две группы: устаревшие и даже старинные единицы, такие как рус. алтын, четвертной, катерника, радужная, и употребляемые в современной речи -- пятак, гривенник, трешка, двушка, полтинник. Многие из второй группы, о которых уже шла речь, лишились стоимостного значения и не употребляются в настоящее время как реалии; другие, сравнительно недавно живые, вышли из употребления (пятнашка= 15 коп.).

Иногда между просторечными и жаргонными названиями денежных единиц и их нейтральными по стилю синонимами наблюдаются и. некоторые семантические отличия. Например, двушка не равнозначна двум копейкам (две монетки по 1 коп. -- не двушка): это "двухкопеечная монета", а нередко и уже -- необходимая

171

для телефона-автомата монета (возможно, что именно в связи с таким "телефонным" употреблением и возникла в обиходном языке не фигурирующая в словарях двушка).

Нередки отличия и в отношении употребления. Многие из этих единиц употребляются преимущественно в составе фразеологических сочетаний (нет ни копья); другие -- в более или менее ограниченных по содержанию контекстах. Например, фр. livre (обычно в этих случаях ее транскрибируют на русский и болгарский, а, вероятно, и на другие языки -- ливр) используется в современном французском языке почти исключительно для обозначения дохода -- "получает столько-то ливров ренты".

Есть, кроме того, ряд единиц, которые не имеют очень определенного "достоинства" или обозначают несколько стоимостей, или последние менялись со временем; характерный пример -- червонец: 1) золотая монета достоинством в 3 р. в разговорном употреблении, 2) 5 р., 3) 10 р., 4) кредитный билет достоинством в 10 р. (1922-1947 гг.); нем. Sechser может иметь, в зависимости от места, стоимость 5, 10 или 20 пфеннигов.

Перевод смыслового содержания этих реалий-денег не затруднит никого с точки зрения их материального значения. Пятерка -- это не более, чем 5 рублей, иногда купюра достоинством в 5 рублей, только и всего. Но беда именно в том, что в художественной литературе номинал -- не самое важное, а переводчик передает лишь "достоинство" денежной единицы, часто оставляя на втором плане эмоциональную окраску (не говоря уже о колорите) и не доводя, таким образом, до читателя характер, настроение, отношение к окружающим, воспитание, намерения героя, которые иной раз подсказывает эта "пятерка" или эти "пять рублей".

Коль скоро мы имеем дело с реалиями, в первую очередь, казалось бы, нужно подумать о транскрипции. В наших русских материалах мы не встречали такого случая; единственная обнаруженная нами транскрипция приведена в РБР -- "полушка" с соответствующим объяснением: "старинная медная монета = '/4 копейки"; и еще перевод: красненькая передана в значении уменьшительного женского рода от "красный" -- "червеничка", что болгарскому читателю, разумеется, ни о чем не говорит.

О переводе таких реалий написано немного. И. Левый, например, к сожалению, предельно лаконичен: "Наибольшее, на что может решиться переводчик, чтобы сделать текст доступнее пониманию, -- это заменить менее

172

известные денежные единицы более известными"; он предлагает вместо англ, кроны писать "пять шиллингов", вместо "трех червонцев" -- "тридцать рублей" и т.д.1. Мы вполне согласны, что такая замена сделает текст доступнее, но ведь это не единственная забота переводчика; если речь идет только о том, чтобы менее знакомое заменить более знакомым, то задачу можно считать решенной, но этим не передать стилистические, эмоциональные и, нередко, временные различия, скажем, между "десятью рублями", "десятирублевкой", "десяткой", "червонцем" и "красненькой"...

Проследив словарные переводы русских семантических синонимов рублей и копеек, мы постарались установить кое-какие закономерности в отношении средств, которыми пользуются разные языки. Приемы, в общем, стандартные, что касается, в частности, английского, французского и немецкого языков: 1) обозначают "монету или денежный знак, билет, достоинством в столько-то" (англ, five kopeck piece, ten rouble note, фр. piece de cinq kopecks, billet de dix roubles, нем. Fiinfkopekenstuck, Zehnrubelschein); 2) если такое обозначение почему-либо неудобно или невозможно, приводится просто номинал: "столько-то копеек или рублей" (англ, fifty kopecks, one rouble, фр. deux kopecks, cinq roubles, нем. barber Rubel); 3) наконец, в сравнительно очень немногих случаях (мы нашли только в немецком) есть приблизительные соответствия типа функциональных аналогов (Funfer, Hun-derter).

Болгарский язык располагает в этом отношении более богатым выбором: наряду с первыми двумя из перечисленных выше приемов, 1) для нереалий есть а) несколько функциональных эквивалентов для мелких денег, небольшой суммы: грош, пара, сантим, аспра и пр. и б) несколько функциональных замен с различными оттенками для золотых монет: желтица, махмудия, наполеон, пендара и др.; 2) для реалий, в частности а) копеек, можно употребить некоторые слова одного корня с числительным, с добавлением суффиксов -ак, -аче: петак, десетаче, и б) для рублей -- с суффиксами -ак, -ачка, -арка: двайсетак, стотачка, хилядарка. Под этими словами подразумеваются, в первую очередь, болгарские деньги, но численное значение соответствующей денежной единицы как бы преобладает над коннотативным, что и

Левый И. Указ, соч., с. 134.

173

позволяет применять их к любой валюте данного номинала: гривенник = десетаче. При различных величинах, для которых нет точного функционального аналога, можно комбинировать имеющиеся: двугривенньш = двайсета-че, разумеется, если это позволяет контекст.

Как при других реалиях, и здесь возможны иные приемы перевода -- родо-видовыми соответствиями, путем описания и т. д., но в общем редко удается добиться очень хороших результатов, почему и приходится искать компенсаций в других местах контекста.

Глава 15

РЕАЛИИ В АВТОПЕРЕВОДЕ

Сравнительно редки, но с точки зрения теории перевода особенно интересны те случаи, когда переводчиком данного произведения является сам автор.

Два момента отличают такого переводчика от обычного. Будучи полновластным хозяином своего произведения, не ограниченным в своей переводческой деятельности никакими чисто переводческими предпосылками, он волен переосмысливать и переделывать текст в любом отношении и в любой степени, менять композицию, образы и средства выражения -- иными словами, он обладает той "творческой свободой"', которая позволяет ему пренебречь чуть не любой рекомендацией теоретиков перевода. В результате такой работы вместо перевода может родиться новое произведение. С другой стороны, переводчик-автор, в отличие от обычного переводчика и читателя, видит переводимое произведение также "изнутри", что позволяет ему, если он сочтет это целесообразным, создать действительно безупречный перевод (разумеется, при совершенном владении обоими языками).

Беря на себя роль переводчика, автор стремится учесть миропонимание нового читателя; этим чаще всего и обусловлены вносимые им изменения. А поскольку именно детали национального колорита могут затруднить восприятие, нетрудно понять, почему переводчик-автор иногда жертвует реалиями.

В этом отношении в автопереводе намечаются две

'Джолдошева Ч. В оригинале и переводе. -- Литературный Киргизстан, 1971, N 4, с. 107.

174

противоположные тенденции: сохранить и даже, по мере возможности, подчеркнуть национальную специфику в произведении, или же, наоборот, за счет тех или иных деталей "снижая" до некоторой степени колорит, надежнее довести до сознания иноязычного читателя идейную основу и фабулу произведения. Практически это выражается в сохранении (транскрипции) реалий или в их замене неокрашенными средствами.

Первая из этих тенденций довольно четко прослеживается, судя по работе А. М. Финкеля, в автопереводах Г. Ф. Квитки-Основьяненко. Мотивами, заставившими его переводить собственные произведения, были, по словам А. М. Финкеля, не только неудовлетворенность чужими переводами, но, в первую очередь, "острый и злободневный вопрос о том, возможно ли и нужно ли создавать литературу на украинском языке, о потенциях украинского языка, о праве "провинциальной" литературы на существование". Этим и объясняется, почему "Квитка весьма внимательно относился к сохранению в переводе особенностей украинской культуры, и его неудовлетворенность чужими переводами как раз и была вызвана "неизвестностью местности и обычаев". Поэтому в своих переводах он широко и разнообразно показывает русскому читателю богатство украинской культуры. Показателями ее являются по большей части наименования обычаев, обрядов, одежды, уборов и т. д. Эти наименования Квитка оставляет без перевода, лишь транскрибируя их"'.

Однако незаметно для себя, автор, явно преступая разумную границу "украинизации" своего текста, начинает транскрибировать и нереалии, добавляя таким образом к местному колориту действительному и местный колорит мнимый (термины заимствуем у А. М. Финкеля).

В столь чистом виде эта тенденция выпячивания колорита встречается, видимо, редко. Чаще переводчик-автор склонен идти вторым путем или даже, скорее, придерживаться в этом отношении середины. Хорошим примером могут послужить автопереводы Чингиза Айтматова и Рабиндраната Тагора.

"Ч. Айтматов очень строг в переводе реалий, -- пишет Ч. Джолдошева, -- он оставляет непереведенными те слова, которые воспринимаются читателями как вошедшие в русский язык (аксакал, юрта, акын, арык, мулла, беш-

1 Финке ль А. М. Об автопереводе. -- ТКП, ее. 106, 113.

175

Букв.: Камала вытащила пару собственных платьев и кинула их Умешу. Это были продолговатые полотнища, которые служили с одинаковым успехом как мужскими, так и женскими одеяниями, в зависимости от способа ношения, и были с широкой декоративной каймой...

He spends the whole day praying and studying the scripture s... (p. 249)

Jogandra lived in a onestori-ed house near the landowner's residence, (p. 280)

...Отлично, только подожди до моих зимних каникул, (с. 193)

мет, аил, джигит).. слова или словосочетания, которые означают предмет, явление, чуждые для русского читателя, и отражают особенности быта, жизненного уклада киргизского народа., (айран, джерганак, курджун, те-бетей и т.д.)". По словам автора, Ч. Айтматов чрезвычайно редко прибегает к

описательному переводу реалий, но вместе с тем "оставляет непереведенными те слова, у которых отсутствует равноценный эквивалент и при замене которых может измениться содержание тех или иных понятий"1. Именно так и поступает добросовестный переводчик, который хочет довести до читателя, наряду с фабулой, и колорит.

Иначе обращается со своими реалиями Рабиндранат Тагор. Покажем его работу на сопоставлении двух версий его романа "Крушение": бенгальской, представленной в переводе на русский язык2 (считаем ее равнозначной подлиннику, разумеется, со скидкой на неизбежные различия языков), и автоперевод на английский язык3. Вот несколько выдержек, указывающих на другую крайность-- неоправданное подлаживание некоторых элементов колорита под факты действительности, более знакомые иноязычному читателю. Тут одни реалии исчезают, другие меняются, третьи превращаются в нейтральные слова. Некоторым из них автор дает и объяснения, то в самом тексте, то в сносках; в результате нередко получаются весьма ощутимые сдвиги в отношении и содержания, и формы как узкого, так и самого широкого контекста.

...Комола вынула два сари и протянула их Умешу:

-- Вот возьми и надень.

При виде красивых ш и-роких полотнищ сари Умеш пришел в неописуемый восторг... (с. 147)

Kamala pulled out a couple
of her own dresses
and threw them to Umesh.
Being oblong sheets,
these garments ser
ved equally well for
masculine and for
feminine attire ac
cording to the meth
od of folding and
theyhadbroador-
namental border s...
______ (p. 212).

1 ДжолдошеваЧ. Указ, соч., с. 109.

2 Тагор Р. Крушение. Пер. с бенгальского Е. Смирновой и И. Тов-
стых. М: Гослитиздат, 1956. 8 Ta go re R. The Wreck. London, 1948.

...дни и ночи он проводит за изучением ш а с т р и за молитвами... (с. 170)

...Джогендро занимал в Би-шайпуре небольшой одноэтажный домик, неподалеку от резиденции местного з а-м и н д а р а*, (с. 190)

Заминдар -- помещик, землевладелец.

I'm afraid he'll turn into a fullblown anchorite one of these days. (p. 294)

...Но боюсь, что, в конце концов, он станет настоящим санниаси*. (с. 198)

Санниаси -- отшельник, правоверный индус, отказавшийся от мирских благ и посвятивший себя служению богу.

Русские переводчики, чтобы не искажать подлинник в отношении бытового колорита, сохранили реалии (приведены объяснения в сносках). Сам же писатель, пользуясь своим правом автора, меняет, и местами весьма радикально, текст в отношении реалий, иногда нарушая местный, бытовой колорит и даже заменяя типичные для индийской жизни явления и понятия другими, чуждыми для своего народа:

Just wait till the Chris t-m a s holidays, (p. 285)

177

176

...Это папе новогодний подарок, (с. 245)

...а небо огласилось звуками пляски невидимых танцовщиц, мелодичным перезвоном браслетов на их ногах, (с. 264)

I've brought a Christmas-present for dad. (p. 370)

...the whole universe resounded with the stamp and the castanets of invisible dancers, (p. 400)

Часть II

Предельно ясно, что "рождественские каникулы", "рождественский подарок" и "кастаньеты" неуместны в произведении из индийской жизни. Но вместе с тем ясна и цель автора: переводя собственное произведение, Тагор сознательно жертвует деталями, и иногда весьма важными, чтобы любой ценой довести до читателей, которым чужд быт его страны, лежащие в основе произведения идеи.

Как уже было сказано выше, автор -- полновластный хозяин своего произведения, он может поступать с ним как хочет, а Рабиндранат Тагор -- крупный писатель. Однако мы находим, что в результате одних из его поправок или переделок утрачивается известная доля колорита, аромата его повествования, а благодаря другим для культурного читателя в текст вкрадывается фальшивая нотка, приводящая к эффекту, обратному намерениям писателя-переводчика.

Вероятно и здесь, как и везде, правильнее всего будет придерживаться провозглашенной еще Горацием "золотой середины".

Глава 1

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ

В "шкале непереводимости" или "труднолереводимо-сти" фразеологизмы, или фразеологические единицы (ФЕ), занимают едва ли не первое место: "непереводимость" фразеологии отмечается всеми специалистами в числе характерных признаков устойчивых единиц; на нее неизменно ссылаются сторонники "теории непереводимости"; с трудностью перевода ФЕ на каждом шагу стал-кивается переводчик-практик, на ней почтительно останавливается теоретик перевода.

Из частного лингвистического вопроса за последние два десятилетия фразеология выросла в крупный раздел языкознания; о ней и по многим проблемам ее написаны (главным образом советскими учеными) тысячи работ. И тем не менее начать сопоставительное изучение, как полагалось бы, четким определением самого предмета или хотя бы ясной дефиницией фразеологизма с перечислением его признаков и видов почти невозможно; по основному вопросу: что такое ФЕ? -- мнения авторов расходятся в очень широком диапазоне.

Для нас, однако, это имеет и свою положительную сторону, так как позволяет, учитывая практическую цель нашей работы и ее направленность на перевод, включить в предельно узкие рамки настоящей главы максимально широкий круг единиц -- все то, что разные авторы причисляют к фразеологизмам: как идиоматику, так и ФЕ пословичного типа (в том числе крылатые выражения, афоризмы, сентенции), как образные (метафорические) единицы, так и необразные (безобразные) сочетания и даже случаи устойчивой сочетаемости, как "нормативные", "обкатанные" временем, так и отшлифованные мастерами обороты.

179

Несмотря на то, что еще нет всестороннего исследования перевода фразеологии, те или иные вопросы затрагивают все теоретики. Так, Я. И. Рецкер посвящает им большую главу в своей книге, отмечая, что "переводчик должен уметь самостоятельно разбираться в основных вопросах теории фразеологии, уметь выделять фразеологические единицы, раскрывать их значение и передавать их экспрессивно-стилистические функции в переводе" 1. Эта мотивировка, нам кажется, интересна не только сама по себе, но и как своеобразный план для разработки таких вопросов: 1) необходимость для переводчика знаний в области фразеологии, 2) трудности распознавания ФЕ в тексте и 3) собственно перевод, предполагающий передачу не только а) семантики, но и б) экспрессивно-сти-;_ листических функций соответствующей единицы.

Как в отношении многих из вошедших в эту книгу единиц, так и в отношении большинства других, успех ' перевода ФЕ нередко определяется еще до того, как дело ,_ дошло до перевода -- на этапе ее распознавания. Фразеологизм обладает всеми качествами, которые могут представить затруднения для переводчика уже с первых шагов: это и раздельнооформленность, и характер ком-понентов, большей частью не отличающихся от обычных слов, и ничем не замечательная, за немногими исключениями, связь между ними и контекстом.

Этот первый момент -- распознавание устойчивых сочетаний в тексте подлинника -- требует самостоятельного рассмотрения, так как значительная часть неудач в переводе ФЕ обусловлена

именно "неузнаванием их в лицо": переводчик 1) принимает их за переменные (свободные) словосочетания, и это приводит к переводу их на уровне слова, или, 2) замечая их слитность, приписывает ее индивидуальному стилю автора; или же,-наоборот, 3) наделяет свободное сочетание качествами устойчивого и передает его, соответственно, на фразеологическом уровне. Вероятность правильного перевода при таком "подходе", , разумеется, редко бывает значительной.

Следующий барьер -- трудность восприятия, понимания распознанной единицы. В связи с характерной для фразеологизма невыводимостью значения целого из значений компонентов "пословный" перевод редко бывает верным. Мы часто говорим о "гипнозе подлинника", а

1 Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика, с. 145. 180

здесь придется ввести понятие "гипноз слова", отдельного слова, компонента ФЕ, заслоняющего от переводчика значение целого. А неправильное восприятие самого слова, уже достаточно неприятное само по себе, часто приводит к искажению и всего контекста, который переводчик стремится приспособить к тому значению, которое сложилось у него в голове.

Однако основной причиной ошибок как нераспознавания, так и не (до) понимания значения ФЕ, является, конечно, недостаточное владение ИЯ. Бывает, разумеется, "и на старуху проруха", может оплошать и опытный переводчик -- тот же "гипноз подлинника!", -- но такие случаи нечасты и не столь опасны, как беспомощность неопытного переводчика. Поэтому, оставив в стороне тех, кто не в состоянии за тремя словами разглядеть словосочетания, будем ориентироваться на знающего переводчика и займемся непосредственно вопросами перевода ФЕ.

Переводу фразеологизмов тоже уделено немало внимания в теоретических работах, в каждом пособии по переводу, в особенности по переводу художественной, публицистической, общественно-политической литературы, во многих публикациях по теории фразеологии и сопоставительной лингвистике. Связанные с этим проблемы рассматриваются по-разному, рекомендуются различные методы перевода, встречаются несовпадающие мнения. И это, пожалуй, в порядке вещей: од-нозначного, стандартного, одного на все случаи жизни решения здесь быть не может. Не так редко, даже при наличии равноценного фразеологического соответствия, приведенного в словаре, приходится искать иные пути перевода, так как этот эквивалент не годится для данного контекста. Даже в границах одной, вроде бы гомогенной, группы ФЕ, может потребоваться индивидуальное решение -- ситуация требует иного подхода. Поэтому и противоречивые (в теории) советы не всегда нужно считать несовместимыми: например, если один автор предлагает переводить пословицу пословицей, а другой -- калькой или путем подстановки, иногда приходится считать, что прав и тот и другой.

Чтобы в теоретическом плане говорить о приемах перевода ФЕ, нужно всю фразеологию данного языка расклассифицировать по какому-то обоснованному критерию на группы, в границах которых наблюдался бы как преобладающий тот или иной прием, тот или иной подход

181

к передаче ФЕ на ПЯ. Многие авторы' в качестве исходной точки берут лингвистические классификации, построенные в основном на критерии неразложимости фразеологизма, слитности его компонентов, в зависимости от которой и от ряда дополнительных признаков -- мотивировки значения, метафоричности и т. п., -- определяется место ФЕ в одном из следующих трех (четырех) разделов: фразеологические сращения (идиомы), фразеологические единства (метафорические единицы), фразеоло-логические сочетания и фразеологические выражения (Ш. Балли, В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, Н. М. Шанский). Показательной в отношении творческого использования такой классификации в теории и практике перевода можно считать работу А. В. Федорова. Разобрав основные для того времени (1968) лингвистические схемы, он останавливается на предложенной В. В. Виноградовым и осмысливает ее с точки зрения переводоведения. Например, он отмечает отсутствие четких границ между отдельными рубриками, "разную степень мотивированности, прозрачности внутренней формы и национальной специфичности" единств, которая может потребовать от переводчика "приблизительно такого же подхода, как идиомы"2. Та же классификация "весьма удобна для теории и практики перевода"3 и по мнению Я- И. Рец-кера, который, однако, берет из нее только единства и сращения, считая, что по отношению к этим двум группам ФЕ следует применять неодинаковые приемы перевода: "перевод фразеологического единства должен, по возможности, быть образным", а перевод фразеологического сращения "осуществляется преимущественно приемом целостного преобразования"4.

Такой подход к классификации приемов перевода ФЕ нельзя считать неправильным, так как от степени слитности компонентов несомненно зависит в некоторой мере и возможность полноценного перевода, выбор наиболее удачных приемов. Однако, как было отмечено, ведущие

1 Ср., например, Аристов Н. Б. Основы перевода. М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1959, с. 107-118; Роганова 3. Е. Пособие по переводу с немецкого на русский язык. М.: Изд.лит. на иностр. яз., 1964, с. 100-117; Тучков а Т. А., Критская О. В. Пособие по переводу с французского языка на русский. М.-Л.: Просвещение, 1964, с. 49-60.

2 Федоров А. В. Основы общей теории перевода, с. 198.

3 Рецкер Я. И. Указ, соч., с. 149.

4 Т а м же, с. 151.

182

теоретики перевода, опираясь на лингвистические схемы, насыщают их своим содержанием, делают ряд модификаций и оговорок, вводят дополнительно деление на образные и необразные единицы !, на фразеологизмы пословичного и непословичного типа2 и т. д.

Решая вопрос о переводоведческой классификации ФЕ, мы также не привязываем нашу схему к той или иной из лингвистических, стараясь опираться больше на теорию закономерных соответствий, направленную прежде всего на перевод на уровне словосочетания. За основу можно принять установку, против которой обычно не спорят: как правило, фразеологизм переводят фразеологизмом. Мы не абсолютизируем это правило; просто считаем, что к такому переводу, как к идеалу, нужно стремиться в первую очередь и искать иных путей, лишь убедившись в нецелесообразности фразеологического перевода в данном тексте.

Возможности достижения полноценного словарного перевода ФЕ зависят в основном от соотношений между единицами ИЯ и ПЯ:

1) ФЕ имеет в ПЯ точное, не зависящее от контекста полноценное соответствие (смысловое значение+конно-тации), т.е. фразеологизм ИЯ = фразеологизму ПЯ переводится эквивалентом;

2) ФЕ можно передать на ПЯ тем или иным соответствием, обычно с некоторыми отступлениями от полноценного перевода, т.е. фразеологизм ИЯ~фразеологизму ПЯ переводится вариантом (аналогом);

3) ФЕ не имеет в ПЯ ни эквивалентов, ни аналогов, непереводима в словарном порядке, т. е. фразеологизм ИЯ=^ фразеологизму ПЯ передается иными, не фразеологическими средствами.

Несколько упрощая схему, можно сказать, что ФЕ переводят либо фразеологизмом (первые два пункта) -- фразеологический перевод, либо иными средствами (за отсутствием фразеологических эквивалентов и аналогов) -- нефразеологический перевод.

Это, разумеется, полярные положения. Между ними имеется множество промежуточных, средних решений, с которыми связано дальнейшее развитие нашей схемы:

'Например, Комиссаров В. Н., Рецкер Я. И., Т а р-х о в В. И. Пособие по переводу с английского на русский. Ч. I. М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1960; ч. II, М.: Высшая школа, 1965.

2 Например, К а т ц е р Ю. М., К У н и н А. В. Письменный перевод с русского языка на английский.

183

приемы перевода в других разрезах -- в зависимости от некоторых характерных признаков и видов ФЕ (образная-- необразная фразеология, ФЕ пословичного -- непословичного типа), перевод с учетом стиля, колорита, языка, авторства отдельных единиц и т. д. Эти дополнительные аспекты полнее представят проблему перевода ФЕ, расширят и облегчат выбор наиболее подходящего приема.

I. Фразеологический перевод предполагает использование в тексте перевода устойчивых единиц различной степени близости между единицей ИЯ и соответствующей единицей ПЯ -- от полного и абсолютного эквивалента до приблизительного фразеологического соответствия.

1. Фразеологический эквивалент -- это фразеологизм на ПЯ, по всем показателям равноценный переводимой единице. Как правило, вне зависимости от контекста он должен обладать теми же денотативным и коннотативным значениями, т. е. между соотносительными ФЕ не должно быть различий в отношении смыслового содержания, стилистической отнесенности, метафоричности и эмоционально-экспрессивной окраски, они должны иметь приблизительно одинаковый компонентный состав, обладать рядом одинаковых лексико-грамматических показателей:

сочетаемостью (например, в отношении требования одушевленности/неодушевленности), принадлежностью к одной грамматической категории, употребительностью, связью с контекстными словами-спутниками и т.д.; и еще одним -- отсутствием национального колорита.

Речь идет по существу о полной и абсолютной эквивалентности1, указывающей на чрезвычайно высокие требования, которые предъявляются к фразеологическим эквивалентам. Все это -- уже существующие в общем сравнительно немногочисленные единицы, работа с которыми сводится к их обнаружению в ПЯ; решающая роль в этой работе большей частью принадлежит отличному владению ПЯ и ... словарям.

2. Неполным (частичным) фразеологическим эквивалентом называют2 такую единицу

1 В термин "фразеологический эквивалент" мы сознательно не включаем определений "полный" и "абсолютный", считая при наличии (п.п. 2 и 3) "неполного (частичного)" и "относительного" эквивалентов такие определения лишними.

2 АРФС, с. 9.

184

ПЯ, которая является эквивалентом, полным и абсолютным, соотносительной многозначной единицы в ИЯ, н о не во всех ее значениях. Например, the massacre of the innocents, известный библеизм, полностью соответствует рус. избиение младенцев, но эта русская единица является лишь частичным эквивалентом, так как англ. ФЕ имеет еще одно значение -- жарг. "нерассмотрение законопроектов ввиду недостатка времени (в конце парламентской сессии)" (АРФС); однозначные нем. (dem Feinde) den Rticken zeigen и фр. rnontrer le dos (a 1'en-nemi) являются частичными эквивалентами рус. показать спину, единицы, обладающей согласно ФСРЯ еще одним значением. В русской фразеологии ФЕ "раки зимуют" фигурирует в трех единицах, а в болгарской -- только в одной, зная къде зимуват раците; эту ФЕ и будем считать неполным эквивалентом каждой из трех русских.

Частичных эквивалентов сравнительно немного, так как вообще явление многозначности менее характерно для фразеологии 1. Гораздо чаще случаи относительной фразеологической эквивалентности.

3. Относительный фразеологический эквивалент уступает абсолютному лишь в том, что отличается от исходной ФЕ по какому-либо из показателей: другие, часто синонимические компоненты, небольшие изменения формы, изменение синтаксического построения, иные морфологическая отнесенность, сочетаемость и т. п. В остальном он является полноценным соответствием переводимой ФЕ, "относительность" которого скрадывается контекстом.

Различие может быть, например, в сочетаемости. Если сравнить нем. da lachen (ja) die Huhner! с его русским аналогом курам на смех, то нетрудно заметить, что при переводе придется русский эквивалент либо "подгонять" под соответствующую немецкую единицу и превратить ее в самостоятельную экспрессивную фразу: "да это же курам на смех!", либо, если этого сделать нельзя, искать других соответствий.

Частым отличием можно считать неодинаковое лек-

1 В доступной нам литературе встретилась только цифра 17% многозначных ФЕ из 4000 содержащихся во ФСРЯ (Глухов В. М. Вопросы многозначности фразеологических единиц. -- Сб. Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума. Тула, 1968, с. 321--330), но интересно было бы иметь сопоставительное исследование с лексическими единицами.

185

сико-семантическое содержание отдельных компонентов. В приведенном выше примере показать спину в ФЕ некоторых языков появляется с компонентом не "показать", а "повернуть" англ, turn one's back, болг. обръщам гръб, фр. tourner le dos (наряду с указанным montrer = "показывать").

В других случаях эквивалент может отличаться от исходной ФЕ по компонентному составу; например, один и тот же образ может быть выражен экономнее или пространнее: болг. връзвам ръцете (някому) обычно переводится рус. связывать (кого) по рукам и ногам, а не е стъпвал човешки крак -- рус. нога не ступала; содержащийся в англ, trim one's sails to the wind, фр. aller le nez au vent и рус. держать нос по ветру "морской колорит" "выветрился" из болг. обръщам се накъдето духа вятърът (т. е. "поворачиваться куда ветер дует" -- намек скорее на флюгер) и нем. den Mantel nach dem Wind drehen ("поворачивать пальто по ветру").

В последнем примере уже чувствуется наиболее характерное отличие относительных эквивалентов от абсолютных--другая образная основа. Вслед за некоторыми авторами мы будем также называть аналогами' относительные эквиваленты с заменой образа. Сравним, например, несколько ФЕ со значением "быть удачливым". Наряду со счастливой (у французов -- доброй) звездой, во фразеологии других народов встречаются метафорические синонимы, но на иной образной основе: у французов это "прическа" (etre ne coiffe), у англичан -- "серебряная ложка" (be born with a silver spoon in one's mouth) или (устар.) "капюшон" (..a coul on one's head), у русских и болгар -- "рубашка" (родиться в сорочке, ро-ден с риза).

Образы могут быть очень близкими, соприкасающимися, например, "молния" -- "гром" (ср. нем. Blitz aus heiterem Himmel и рус. гром среди ясного неба) или "тихая вода", "тихий омут", "спящая вода" (ср. нем. stille Wasser sind tief, англ, still waters run deep, рус. в тихом омуте черти водятся, фр. il n'y a pas de pire eau que celle qui dort); они могут быть весьма далекими, но логически сопоставимыми; например, "похожесть" русский, болгарин и француз видят в "двух каплях воды", а у немца и чеха это "два яйца", у англичанина -- "две горошины".

1 Комиссаров В. Н.,Рецкер Я. И., Тархов В. И. Пособие по переводу с английского языка на русский, ч. I, с. 58.

186

Но образы двух аналогов (на ИЯ и ПЯ) могут не иметь между собой ничего общего как образы, что не мешает эквивалентам исполнять исправно свою функцию в переводе. Нем. wenn die Hunde mit dem Schwanz bel-len ("когда собаки залают хвостами") переводится англ, when the moon turns green cheese ("когда луна превратится в зеленый сыр"), рус. когда рак (на горе) свистнет (и рыба запоет), или любым из более трех десятков болг. "никогда", хотя бы кога се покачи свиня с жълти чехли на круша ("когда свинья в желтых шлепанцах на грушу вскарабкается").

В принципе, возможность передавать ФЕ аналогами с образностью, совершенно не имеющей точек соприкосновения в ИЯ и ПЯ, объясняется главным образом тем, что по большей части это стертые или полустертые метафоры, не воспринимаемые или, скорее, воспринимаемые подсознательно носителем языка: ведь в значении остаться с носом никакого "носа" русский не видит, как не замечает болгарский читатель "пальца" в аналоге остана с пръст в уста ("остаться с пальцем во рту"). Степень яркости образа -- очень низкая -- до нулевой у фразеологических сращений, а в единствах более высокая, но редко достигающая интенсивности в свободном сочетании, -- является одной из главных предпосылок для выбора приема перевода между аналогом и калькой. Об этом речь пойдет ниже, но уже здесь ясна опасность слишком поспешного, не увязанного с особенностями контекста решения в отношении этого выбора.

Наконец, чрезвычайно часты различия, возникающие в случаях использования таких приемов перевода, как различного рода трансформации типа антонимического перевода, конкретизации и генерализации, которым, подобно лексическим, поддаются и фразеологические единицы. Например, фр. 1a pelle se moque du fourgon ("смеется совок над кочергой") или болг. присмял се хърбел на щърбел ("смеется зазубрина над щербиной") можно перевести антонимом не смейся, горох, ты не лучше бобов; англ, even reckoning make long friends ("честный счет создает надолго друзей") или болг. чисти сметки -- добри приятели ("правильный расчет -- добрые друзья") также переводится антонимом счет дружбе не помеха.

4. К. фразеологическим можно условно отнести и "индивидуальные" эквиваленты. Не. находя в ПЯ полного соответствия, переводчик иногда вынужден

7* 187

прибегать к словотворчеству, оформляя в духе переводимой единицы новый, свой фразеологизм, максимально напоминающий "естественный". Если такую "подделку" читатель примет, значит удалось передать содержание и стиль переводимой единицы в достаточно "фразеологической" форме.

Индивидуальные фразеологизмы, если они мастерски "сделаны", обладают показателями обычной ФЕ, отличаясь от нее лишь по одному, самому важному показателю -- они не воспроизводимы. Переводчик создает их в ходе своей работы, и очень мало вероятно, чтобы такой перевод закрепился за данной единицей настолько, чтобы вошел в язык. Поэтому здесь скорее идет речь о контекстуальном переводе (см. ниже).

При создании своего фразеологизма-аналога переводчик может воспользоваться уже существующими в ПЯ фразеологическими средствами и моделями. Подходящим примером нам кажется приведенный Ю. Катцером и А. Куниным описательный перевод, который хорошо иллюстрирует один из путей создания индивидуального эквивалента. Передавая на английский язык русскую пословицу копейка рубль бережет, они берут близкую английскую, заменяют в ней пенсы копейкам и фунты рублями, получая превосходную пословицу take care of the copecks and the roubles will take care of themselves. Таким образом удается не только передать содержание, в том числе и подтекст пословицы, но сохранить и реалии, причем в очень удобной для восприятия англичанином форме.

Близким к этому является приспособление к контексту уже существующего фразеологизма путем изменения структуры, добавления новых компонентов, придания при помощи фонетических средств (рифмы, цезуры и т. п.) вида пословицы, комбинирования из двух единиц одной и т. д. -- пути, которые можно было бы назвать лексико-фразеологическим переводом.

Прежде чем говорить о нефразеологическом переводе ФЕ, полезно отметить, что фразеологические эквиваленты и аналоги встречаются чаще всего в следующих группах устойчивых единиц:

а) В первую очередь -- это интернациональная фразеология. К ней принадлежат ФЕ, которые вошли в языки многих народов из исторических (главным образом античных), мифологических, литературных источников, заимствовались из языка в язык, или

188

же возникали у разных народов независимо одни от
других вследствие общности человеческого мышления,
близости отдельных моментов социальной жизни, трудо
вой деятельности, производства, развития науки и ис
кусств, j

Многие из таких единиц относятся к крылатым выражениям. Среди них имеется немало связанных с историческими или мифологическими личностями. Так, в разных языках существуют фразеологические эквиваленты англ. Achilles' heel: фр. talon d'Achilles, нем. Achilles Ferse, чеш. Achilova pata, рус. ахиллесова пята, болг. ахилесова пета; эквивалентны болг. пирова победа: рус. Пиррова победа, англ. Pyrrhic victory, фр. victoire a la Pyrrhus. Об исторических событиях, мифах, повериях и т. п. напоминают рус. жребий брошен и болг. жребиях е хвърлен, англ, the die is cast, фр. le de en est jete, нем. das Los ist gefallen. Англ, the apple of discord переводится рус. яблоко раздора, болг. ябълката на раздора, фр. la pomme de discord; соль земли -- болг. солта на земята, англ, the salt of the earth, нем. das Salz der Erde и т.д.

Среди ФЕ, возникших на национальной почве, мы различаем две группы: в первой фразеологизмы построены на одном и том же образе, во второй -- на разных, причем нередки случаи полного несоответствия метафоричности. Например, на основе "огня" -- рус. играть с огнем, болг. играя си с огъня, англ, play with fire, фр. jouer avec le feu, нем. mit dem Feuer spielen, чеш. hrati si s ormem, укр. гратися з вогнем, и т. д. С тем же "огнем" -- рус. из огня да в полымя и близкому к нему англ, out of the frying pan into the fire ("со сковородки да в огонь") соответствуют совсем далекие болг. от трън та на глог ("из терновника да в боярышник"), нем. aus dem Regen in die Traufe kommen ("из дождя под водосточную трубу попасть"), а в украинском имеются подобия и русской, и немецкой ФЕ, и еще своя -- уникав диму тай упав в огонь.

Два украинских синонима -- случай не уникальный. Он ставит переводчика перед дилеммой нового выбора, при котором все кандидаты одинаково хороши, а нужно остановиться на лучшем. Какой русской единицей перевести болг. от кора до кора -- от корки до корки или от доски до доски? Подходит любая, но, очевидно, лучше та, которая имеет и подобные компоненты, т. е. первая. Контекст, однако, может подсказать и иное решение.

189

Нетрудно заметить, что многие из перечисленных ФЕ -- кальки, т. е. именно те образования, которые необходимы для полной эквивалентности. Это очень хорошо и намного облегчает работу переводчика, умеющего пользоваться словарями. Есть, разумеется, и свое "но". Одной принадлежности фразеологизма к интернациональным недостаточно, чтобы обеспечить его правильный перевод. Во-первых, далеко не все вошедшие в один язык "интернациональные

единицы" имеются и в остальных языках. Те же, казалось бы, универсальные "молот" и "наковальня" отсутствуют, например, в английском языке, где им предпочитают "дьявола" и "глубокое море" -- to be between the devil and the deep sea; фигурирующие в английском, французском и немецком языках эквиваленты тьмы, египетской и синего чулка отсутствуют в болгарском; во французском нет летучего голландца (вместо него -- le vaisseau fantome), эквиваленты которого в других языках есть (болг. холандец, нем. Hollander, англ. Dutchman) и т. д. Во-вторых, несмотря на одинаковый путь перевода -- калькирование, между эквивалентами все же отмечаются незначительные формальные отличия (словосочетание -- сложное слово, предложная--беспредложная конструкция, различная суффиксация и т. д.), а это иногда существенно затрудняет переводчика: "Ахиллес" в болгарской транскрипции -- "Ахил", так что следовало бы ожидать "Ахилова пета".; русским эквивалентом козла отпущения является англ, scapegoat -- перевод сложным словом (что гораздо чаще бывает в немецком). В-третьих, хотя и сравнительно редко, но эквивалентов может быть больше одного (как показано выше), и тогда переводчик не может машинально заменить свою единицу эквивалентной.

Все эти "но" предъявляют переводчику жесткое требование: проверять по словарям каждый сомнительный случай.

б) Довольно часто фразеологические эквиваленты встречаются среди устойчивых сравнений. У многих народов говорят: поет как соловей, смел как лев, упрям как осел, пьян как свичья и т. д. Но для тех же качеств наряду с этими образами есть и другие, непривычные для ПЯ- Сравнение с "соловьем" явно не подойдет для стран, где его не знают, и переводчик должен двадцать раз взвесить, прежде чем один раз ввести непривычный образ. Такого же взвешиванья требуют и остальные сравнения -- переводить своим, привычным, или

190

сохранить "экзотичное": например, англичане и французы видят упрямство скорее у мула, а осел является также символом глупости; что касается пьянства, то наряду со свиньей у разных народов фигурирует немало других образов: фр. (пьян как) певчий дрозд, монах (францисканец, тамплиер), ломтик хлеба в бульоне или размоченный в вине, а также осел и ослица или Робеспьерова ослица1 и др., нем.-- (как) волынка, береговая пушка и гаубица, семь шведов, тысяча человек, а также фиалка^ (blau wie ein Veilchen); что касается англичан, то самые большие пьяницы у них, видимо, лорды (as drunk as a

lord).

в) Составные термины (в том числе и составные названия) --особая группа ФЕ, требующих в любом случае эквивалентов в ПЯ. Однако так как в них терминологическое начало преобладает над фразеологическим, приводим их здесь с той оговоркой, что они переводятся всегда эквивалентами (см. также перевод терминов в художественном переводе -- гл. 7), но не обязательно фразеологическими: многие составные термины в одном языке имеют однословные эквиваленты в другом (ср. болг. зъбно колело -- рус. шестерня, англ, thorax или chest -- рус. грудная клетка, болг. гръден кош).

г) Грамматическая фразеология -- условное название раздельнооформленных частей речи, главным образом составных предлогов и союзов. Предлоги в течение (чего), в связи (с чем), союзы так как, благодаря тому что, в то время как и т. д., подобно терминам, требуют эквивалента в ПЯ, но также не обязательно фразеологического: например, "во время войны" в болгарском переводе будет "през войната", англ, thanks to переведем обычно болг. поради и рус. благодаря (чему). Среди них есть и единицы интернационального распространения, такие как англ, in accordance with, with the exception of, фр. en conformite de, a 1'exception de, нем. im Einklang mit, mit Ausnahme von, рус. в соответствии с, за исключением*, болг. съответно на, с изключение на и т. п.

д) Глагольн о-именные сочетания (гла-

1 См.: Назарян А. Г. Образные сравнения французского языка. Фразеологизмы. М.: Наука, 1965, с. 86--87.

2 См.: Николова-Гълъбова Ж., Гълъбов К. Българско-

нсмски фразеологичен речник. София, 1968, с. 686. 3Акуленко В. В. Вопросы интернационализации словарного

состава языка, с. 55.

191

голыше описательные выражения) составляют значительную группу необразных ФЕ, категория которых теоретически еще недостаточно четко очерчена, но практически уже представлена несколькими русскими словарями-справочниками '. Их называют еще устойчивыми, или несвободными словосочетаниями -- определение, относящееся, по сути дела, к любому фразеологизму; считают, что в них объединены фразеологические сочетания и выражения; на наш взгляд, это скорее всего единицы, оформляющиеся на почве устойчивой лексико-синтакси-ческой сочетаемости.

Независимо от того, считаются эти единицы фразеологизмами или нет, их перевод тяготеет к фразеологическому, хотя нередко приходится прибегать к их однословным синонимам. Фр. remporter une victoire легко перевести рус. одержать победу или англ, win a victory, несмотря на то, что на всех трех языках эту мысль можно выразить проще -- vaincre, "победить", win. Дело в том, что эти "описательные глагольно-именные выражения"2 нередко отличаются стилистически от своих синонимов-слов (ср. предавать забвению и забывать, стоять на страже и сторожить, питать доверие и доверять, принять решение и решить), что большей частью и заставляет переводчика искать для них фразеологические эквиваленты вПЯ.

Глагольно-именные словосочетания, насколько нам известно, не рассматривались с точки зрения перевода, а эта интересная категория тоже заслуживает внимания переводоведов.

е) Многое из сказанного о переводе необразной фразеологии касается и фразеосхем, или синтаксической фразеологии, единицы которой М. Леонидова3 отно-

'Дерибас В. М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка. М.: Русский язык, 1975; Регин ин а К. В., Тюрина Г. П., Широкова Л. И. Устойчивые словосочетания русского языка. М.: Русский язык, 1976.

2Мордвилко А. П. Очерки по русской фразеологии. М.: Просвещение, 1964, с. 101.

3 В работе М. Леонидовой (Фразеосхема как лингвистическая единица промежуточного фразеолого-синтаксического уровня в русском и болгарском языках. -- Болг. русистика, София, 1976, N 3, с. 23--25) поставлены принципиальные вопросы об определении признаков и места фразеосхем единиц языка и речи, причем материал (на двух языках) рассмотрен в сопоставительном плане, а, стало быть, может стать неплохим началом для исследования синтаксической фразеологии с точки зрения теории перевода,

192

сит к "промежуточному, синтаксико-фразеологическому уровню"; в отличие от грамматической фразеологии, они тоже тяготеют к фразеологическому переводу, главным образом благодаря своей экспрессивной окраске. Ср., например, болг. шегата си е шега с рус. шутки шутками, "обръща чашка след чашка" -- "опрокидывать рюмку за рюмкой", "нараства от година на година" -- "увеличивается из года в год" или "тук дете, там дете, няма го дете-то" -- "тут ребенок, там ребенок, нет ребенка"; или фра-зеосхема в пословице "дружба дружбой, а табачок врозь" -- "дружбата си е дружба, ама сиренцето е с пари". С точки зрения перевода категория эта чрезвычайно интересна, но еще почти совсем не разработана.

П. Нефразеологический перевод, как показывает само название', передает данную ФЕ при помощи лексических, а не фразеологических средств ПЯ. К нему прибегают обычно, лишь убедившись, что ни одним из фразеологических эквивалентов или аналогов воспользоваться нельзя. Такой перевод, учитывая даже компенсационные возможности контекста, трудно назвать полноценным: всегда есть некоторые потери (образность, экспрессивность, коннотации, афористичность, оттенки значений), что и заставляет переводчиков обращаться к нему только в случае крайней необходимости.

1. Строго л ексический перевод применим, как правило, в тех случаях, когда данное понятие обозначено в одном языке фразеологизмом, а в другом -- словом. Так, многие английские глаголы, выраженные словосочетаниями, можно передать совершенно безболезненно их лексическим эквивалентом: set или put on fire -- "зажечь", catch fire -- "зажечься", "загореться", set fire to something -- "поджечь" что-л. и т. д. Такие описательные глагольные выражения обычно лишены экспрессии и метафоричности, что и позволяет считать нормальным путь лексической замены (в отличие от других фразеологизмов) ; тем не менее контекст может подсказать в том или ином случае и другой перевод, например, "предать огню", или, напротив, "пустить красного петуха".

Такому переводу поддаются, хотя и не совсем безболезненно, и ФЕ, у которых в ИЯ есть синонимы-слова. Это большей частью идиомы, т. е. сочетания, обозначаю-

1 Некоторые авторы говорят еще о "свободном", другие -- об "описательном переводе", но эти названия не исчерпывают приемов,

вложенных в понятие "нефразеологический перевод".

193

щие предметы или понятия. Французский арготизм prendre les manettes значит просто "растеряться" (ФРФС), но это словарный перевод, который в живом тексте мы используем лишь в крайнем случае; можно найти фразеологические соответствия, которыми его можно передать, например, "потерять присутствие духа, самообладание", "потерять голову", а может быть, и что-либо более близкое к буквальному значению -- "потерять управление"?

В отличие от "однословного" и ближе к тому,'что называют свободным переводом, смысловое содержание ФЕ может быть передано переменным словосочетанием. Приведем примеры опять из французской фразеологии: marcher stir sa longe -- "запутаться в своих делах, речах", jeter ses louanges aux chiens -- "зря стараться, расточать похвалы не по адресу" (ФРФС). Такие переводы вполне удовлетворительно выполняют свою роль в словаре, указывая точное семантическое значение единицы. Однако в контексте любое соответствие должно приобрести "фразеологический вид" или по меньшей мере стилистическую окраску и экспрессивность, близкие к оригинальным. Рус. наломать дров не имеет эквивалента в болгарском языке; калькировать его бессмысленно, так как образ ничего не говорит даже многим русским; перевести просто толкованием "наделать глупостей, грубых ошибок" (ФСРЯ) --как-то слишком постно; поэтому при болгарском переводе направя куп глупости ("наделать кучу глупостей") будет сохранена хоть какая-то часть экспрессивности.

Одним словом, и при лексическом переводе ФЕ нужно всегда стремиться приблизиться к фразеологическому, передать хотя бы отдельные его элементы или стороны.

2. Калькирование, или дословный перевод1, предпочитают обычно в тех случаях, когда другими приемами, в частности фразеологическими, нельзя передать ФЕ в целости ее семантико-стилистического и экспрессивно-эмоционального значения, а по тем или иным причинам желательно "довести до зрения" читателя образную основу.

Предпосылкой для калькирования является достаточная мотивированность значения ФЕ значения-

1 Это нужно оговорить: во-первых, имеется в виду покомпонентная передача ФЕ в ходе перевода (а не уже готовый, созданный в прошлом фразеологизм-калька); во-вторых, "дословный" перевод не значит перевод "буква в букву".

194

рону: почти стертая метафора при калькировании "оживает", создавая иное, чем подлинник, впечатление. Поэтому внимание переводчика должно быть направлено со всею

ми ее компонентов. То есть калькирование возможно только тогда, когда дословный перевод может довести до читателя истинное содержание всего фразеологизма (а не значения составляющих его частей). Это осуществимо, во-первых, в отношении образных ФЕ, главным образом фразеологических единств, сохранивших достаточно свежей метафоричность (в истинных идиомах -- фразеологических сращениях -- образная основа почти не воспринимается, и кальки с них кажутся бессмыслицами); калькировать можно, во-вторых, ряд пословиц и, в первую очередь, таких, которые не обладают подтекстом. Этим приемом можно, в-третьих, передать и некоторые устойчивые сравнения, но только убедившись, что носитель ПЯ воспримет их правильно: заячья душа, например, будет понятна для тех народов, у которых заяц -- символ трусости; но у индийцев этот зверек символизирует мудрость, так что в Индии перевод калькой будет порочным. Англ, bite the hand that feeds you ("кусать руку, которая тебя кормит") вызывает представление о неблагодарности; английскую пословицу fish and visitors smell in three days можно также перевести калькой: "Рыба и гости протухают через три дня", и такой перевод, несмотря на наличие подтекста ("нельзя злоупотреблять гостеприимством"), будет понят каждым. Иначе чем калькой, которая здесь сближается с лексико-фразеологическим и свободным переводом, и не переведешь характерных английских пословиц типа правил гигиены: after dinner sleep awhile, after supper walk a mile может принять, например, такой вид: "Пообедавши -- вздремни, ужин съел -- гулять иди".

К калькам прибегают и в таких случаях, когда "семантический эквивалент" отличается от исходной ФЕ по колориту (см. ниже п. 5), или при "оживлении" образа (см. ниже п. 6).

Калькирование метафорических единиц -- обоюдоострое оружие. С одной стороны, оно позволяет читателю перевода увидеть содержащийся в ФЕ образ. Так, в справочнике, иллюстрирующем прямое и фразеологическое значение русских фразеологизмов', не лезть за словом в карман переведено дословно not to climb for a word into one's pocket (и показано на рисунке -- слово торчит из кармана). Этот пример уже показывает оборотную сто-

`Dubrovin M. A Book of Russian Idioms Illustrated. M.: Russian Language Publishers, 1977, p. 196.

195

остротой к максимально точному "взвешиванию" этих двух "впечатлений" -- подлинника и перевода, с тем чтобы не перевешивала ни та, ни другая сторона.

Многие кальки можно отнести к переводу фразеологическому. Например, англ, caution is the parent of safety можно перевести почти дословно и получить неплохую, вполне осмысленную русскую пословицу осмотрительность -- мать безопасности, т. е. по типу повторение -- мать учения или праздность -- мать всех пороков.

3. Описательный перевод ФЕ сводится, по сути дела, к переводу не самого фразеологизма, а его толкования, как это часто бывает вообще с единицами, не имеющими эквивалентов в ПЯ. Это могут быть объяснения, сравнения, описания, толкования -- все средства, передающие в максимально ясной и краткой форме содержание ФЕ, все с тем же неизменным стремлением к фра-зеологизации или хотя бы намеку и на коннотативные значения.

В контексте этот путь перевода самостоятельного значения не имеет, так как в любом случае переводчик постарается вплести содержание ФЕ в общую ткань таким образом, чтобы правильно были переданы все элементы текста в целом, т. е. прибегнет к контекстуальному переводу.

*

Говоря о приемах перевода ФЕ и выборе между ними, остается оговорить еще два понятия: контекстуальный перевод и выборочный перевод.

О контекстуальном переводе шла речь в первой части (см. гл. 6). В применении его к фразеологии А. В. Кунин пользуется термином "обертональный перевод", а Я. И. Рецкер -- "контекстуальная замена"1. Мы не считаем его третьим (после фразеологического и нефразеологического) типом перевода, поскольку он в любом случае относится к тому или к другому; иногда это -- нулевой перевод, когда единица сама по себе как бы растворяется в контексте перевода.

Чаще всего о контекстуальном переводе мы вспомина-

1 АРФС, с. п. 196

ем, конечно, при отсутствии эквивалентов и аналогов -- когда фразеологизм приходится передавать нефразеологическими средствами. Белый билет не имеет соответствий в болгарском, английском и немецком, и вероятно, в других языках; в словарях он передан калькой с пояснением или описательно. Для контекстуального перевода этот путь не годится: "голая" калька ничего не даст читателю, а осмысление трудно вместить в текст; сноска же, на наш взгляд, слабое утешение. Поэтому лучше будет "обойти" само сочетание, давая в тексте понять, что речь идет об освобождении от военной службы, причем сделать это нужно в такой форме, чтобы не пропустить намек на соответствующую коннотацию -- пренебрежение, сожаление или иные оттенки модальности.

Выборочный перевод уЮ. Катцера и А. Кунина] противопоставлен моноэквивалентному переводу и свободному переводу; в этой плоскости он имеет свое оправдание. Мы же предпочитаем рассматривать его в несколько ином плане: не как перевод "устойчивого сочетания слов посредством одного из возможных фразеологических синонимов"2, а несколько шире -- как неизбежный начальный этап любого перевода устойчивого сочетания, да и перевода вообще. Выбирают, опираясь обычно на словарные (известные, общепринятые -- за ними не обязательно обращаться к словарю) соответствия, в первую очередь варианты, т. е. синонимы или близкие значения многозначных ФЕ. Например, рукой подать переводится на большинство языков только в пространственном значении -- близко, но, как и само наречие "близко", эта ФЕ может иметь и временное значение: "до начала спартакиады рукой подать" (как и сейчас же, которое обычно -- наречие времени, а употребляется и в значении места: "сейчас же за околицей начинаются луга"). Может случиться, что контекст "не принимает" наличные соответствия, в том числе и фразеологические эквиваленты, и в таком случае

приходится искать иные, нефразеологические средства. Французскую идиому defer-rer des quatres pieds можно перевести фразеологизмами "поставить в тупик", "припереть к стенке", описательным глагольным выражением "привести кого-л. в смущение", обычным глаголом "озадачить" -- это согласно ФРФС и ФРС; но возможны и "привести в замешательство", "вы-

1 Катцер Ю. М., Кунин А. В. Указ, соч., ее. 98, 106.

2 Т а м ж е, с. 98.

,197

бить почву из-под ног", "смутить"; не исключается и "сбить с толку", "сбить с панталыку" и еще десятки фразеологических и нефразеологических решений.

При выборе учитываются все показатели исходной ФЕ и, не в последнюю очередь, ее стиль и колорит; иногда именно стилистическое несоответствие или наличие колорита не допускает в перевод казалось бы самую подходящую единицу. Один из ярких примеров разностильных синонимов -- фразеологизмы "умирания": от приподнятых уйти в иной, в лучший мир, испустить дух, уснуть вечным сном до грубо просторечных дать дуба, отдать концы, сыграть в ящик; если добавить и соответствующие лексические синонимы -- от почтительного "скончаться" и приподнятого "опочить" до грубого просторечного "загнуться" или "окочуриться", а таких десятки, то переводчику действительно предстоит трудный выбор. Например, в немецком нет такого обилия и разнообразия синонимов -- семантических и стилистических -- по этой "теме", и для того, чтобы передать полноценной единицей ins Gras beifien, переводчик должен вникнуть со всей серьезностью в контекст, чтобы выяснить для себя намерения автора и из десятков вариантов выбрать единственный -- тот, который бы выбрал автор, если бы писал по-русски. Переводя болг. излезе или проработи ми късмета, можно выбрать обычное выпало счастье, или "повезло", но можно поискать и среди пословиц, например, не было ни гроша, да вдруг алтын, или не светило, не грело, да вдруг припекло.

*

В п. п. I и II мы привели в нисходящей степени полноценности различные приемы перевода ФЕ, а теперь тот же материал рассмотрим с точки зрения характерных особенностей самих фразеологизмов.

1. Многие авторы делят ФЕ на образные и необразные -- деление, которое проходит через все основные категории устойчивых единиц и тесно связано с приемами их перевода.

Необразная фразеология переводится обычно эквивалентами, не допуская большей частью калькирования, и не представляет особых затруднений для переводчика.

Перевод образной фразеологии намного сложнее, что преимущественно обусловлено необходимостью

198

решить: передавать или не передавать метафоричность и обязательно ли сохранить стилистические и коннотатив-ные особенности переводимой единицы, не успуская из виду, разумеется, и ее семантику, а, при неизбежности потерь, правильно решить, чем жертвовать -- образом или содержанием ФЕ. В связи с этим в ряде пособий приемы перевода рассматриваются именно с учетом наличия или отсутствия в этих ФЕ метафоричности.

На характерные особенности образной фразеологии обратил внимание уже Л. Н. Соболев: "Самый распространенный вид образных выражений и в разговорном обиходе и в художественной литературе.. -- это тропы, утратившие свою конкретность, но сохранившие какие-то следы ее; хотя и не видишь, не осязаешь пояса в идиоме заткнуть за пояс, она гораздо выразительнее, чем отвлеченное превзойти... Когда-то не хватать с неба звезд было свежей конкретной метафорой; теперь это выражение не дает образа хватания звезд, но все же сильнее, чем просто: "быть посредственностью" 1. Итак, с одной стороны -- образ, с другой -- казалось бы, нет образа, и мы считаем, что для осуществления мастерского перевода2 важнейшим является установление степени "стертости" или "живости" этого тропа для носителя ИЯ и умение нащупать тот, иногда единственно верный путь между Сциллой полной утраты метафоричности и Харибдой неоправданного "оживления" образа. Только этот путь и приведет к тому, что впечатление, полученное читателем перевода, не будет отличаться от впечатления, получаемого читателем подлинника.

2. Другое деление ФЕ -- деление на единицы пословичного и непословичного типа; ряд авторов вообще исключает пословицы из числа фразеологизмов; обычно их неохотно включают и во

фразеологические словари. Все это дает основание и с точки зрения перевода рассматривать их особо, как это и сделано в некоторых пособиях по переводу.

От остальных устойчивых единиц пословицы, крылатые выражения (не крылатые слова!), афоризмы, сен-

1 Соболев Л. Н. Пособие по переводу с русского языка на французский, с. 73.

2 Для переводчика-ремесленника здесь проблем нет. Для него важно иметь рецепт: передавать образ -- не передавать образ; среднего не дано.

199

тенции и т. п. отличаются 1) своей синтаксической структурой: пословица -- всегда четко оформленное предложение, и 2) тем, что единицы пословичного типа выражают суждение, обобщенную мысль, мораль (нравоучение) и т. д. в отличие от остальных ФЕ, обозначающих обычно понятие или предмет.

Несмотря на существенные расхождения в плане содержания и плане выражения, этими рубежами почти нельзя руководствоваться в плане перевода. И те ФЕ и другие 1) могут быть образными или необразными, и искать подходящих путей перевода мы будем по этой линии; 2) и те и другие могут обладать большей или меньшей мотивированностью значения целого значениями компонентов, и опять-таки от этого будет зависеть наш выбор наиболее подходящего перевода. Что же касается фор-мы, то, несмотря на обычное стремление пословицу переводить пословицей, нет никакого препятствия к переводу в контексте единиц одного типа единицами другого. Например, болгарскую пословицу рибата в морето, ний ту-ряме котлета ("рыба еще в море, а мы уж ставим на огонь котелок") можно совершенно безболезненно передать русским фразеологизмом делить шкуру неубитого медведя или соответствующей нем. die Haut verkaufen, ehe man den Ba'ren hat.

Тем не менее между обоими типами ФЕ -- пословиц и "непословиц" -- и с точки зрения перевода намечается кое-какая разница в том смысле, что в отличие от единиц непословичного типа, которые мы стремимся переводить фразеологическими эквивалентами и аналогами, а другие приемы ищем только в крайнем случае, при переводе пословиц намечается два пути, зависящие главным образом от характера самой пословицы (и от контекста): 1) передача самостоятельным эквивалентом (или аналогом) и 2) обычным перевыражением, аналогичным переводу нормального художественного текста. Этот второй путь требует пояснения. Пословица, как лаконичное выражение суждения, мысли, назидания, является миниатюрным художественным произведением, которое лучше всего передавать именно как произведение, а не как воспроизводимую единицу. "Словесная ткань афоризма [а пословицу Ож. толкует как "народный афоризм"] не терпит к.-л. изменений" (БЭС), что и заставляет переводчика, перевыражая на ПЯ единицу пословичного типа, сохранять прежде всего некоторые формальные "особенности жанра" -- лаконичность, афористичность, рифму и

200

т. Д., т. е. подбирать такое соответствие, которое бы напоминало пословицу и в переводе.

Такую интерпретацию пословиц и других ФЕ находим в рассказике Д. Жагда'. Характерно, что народные пословицы переданы, по-видимому, путем калькирования (хотя для некоторых, вероятно, можно было подобрать и русские единицы с аналогичным содержанием), что позволило сохранить не только содержание, но и колорит, который был бы утрачен при другом приеме перевода:

"Знаешь ли ты народную мудрость: рану от оружия вылечить легко, от слов -- трудно? Ибо пуля ранит тело, слово -- душу!", "Кто-то собирает мед, а меня кусают пчелы", "загорать на солнце, которое не взошло", "Лживые вести имеют семь концов, а правдивые -- один". А че-|го стоит концовка, составленная сплошь из пословиц:

"-- Милый, -- сказала она, -- скажи мне какую-ни-!будь пословицу.

-- Длинный подол опутывает ноги, длинный язык -- шею!

-- Что-нибудь еще, -- проворковала она.

-- Не проси лекарства у змеи, правды -- у сплетника.

-- Еще...

-- Из-за блохи шубу не сжигают, из-за размолвки жену не бросают!"

Мы не имеем возможности останавливаться на приемах перевода клише2, узуальных формул, средств речевого этикета, которые в значительной части своей также выступают в роли ФЕ или стоят на грани фразеологии. И здесь основное -- это нахождение фразеологического функционального эквивалента или иных средств, которые позволили бы сохранить их особенности, а в отношении национально окрашенных -- их колорит.

3. Приемы перевода связаны отчасти ис языковым источником ФЕ и соответствиями между ИЯ и ПЯ.

1 Кр., 1965, N 44, с. 9.

2 О переводе клише писали в последнее время А. Д. Швейцер (Перевод и лингвистика, с. 186 и ел.) и В. Н. К р у п н о в (В творческой лаборатории переводичка, с. 72 и ел.).

201

Выше шла речь об интернациональной фразеологии, главным образом о возможностях ее перевода эквивалентами. Здесь мы осветим оборотную сторо-

ну Медали, коснувшись вместе с тем и ФЕ, заимствованных из других языков. Близость плана выражения между двумя соотносительными фразеологизмами данной пары языков не всегда обусловливает и близость плана содержания. Иными словами, в этой группе ФЕ можно встретить также и "ложных друзей переводчика".

В отличие от этого понятия в лексике, здесь "ложность" заключается реже в межъязыковой омонимии, а чаще в несоответствии между дословным и фразеологическим переводом. Например, фр. la trompette de Jericho, в отличие от рус. и болг. Иерихонской трубы, обозначает не громкий, "трубный глас", а всякие шумные, точнее-- шумовые проявления (toute manifestation bruyan-te. DQ), кроме того, эта ФЕ и употребляется намного реже рус. Смотреть сквозь пальцы--фразеологизм многих славянских языков (именно в этой форме), но между содержанием русской, болгарской и чешской ФЕ существует значительная разница. Болг. ФЕ в двух вариантах гледам през пръсти и карам през пръсти истолкована ФРБЕ так: "Не быть аккуратным в работе, делать небрежно, неряшливо" соответствует приблизительно рус. валить через пень колоду, делать что-л. спустя рукава; чеш. ФЕ divat se skrz prsty na koho употребляется с одушевленными существительными и значит "смотреть на кого-либо свысока, относиться к кому-либо с пренебрежением"1. Англ, turn over a new leaf -- "начать новую жизнь, исправиться, измениться к лучшему, порвать с прошлым" (АРФС) не совсем совпадает по содержанию с очень близкой по форме русской единицей "открывать новую страницу в чем-то" (ФСРЯ).

4. "Авторство" фразеологизма2 обычно не влияет на выбор приема его перевода, тем более что подавляющее большинство ФЕ --создания народного гения, рассматриваемые как языковые единицы без учета их авторов. Об авторстве можно говорить лишь в отношении крылатых выражений, афоризмов, сентенций, максим, восходящих к определенному литературному или историческому источнику. В принципе, выбор приема для их перевода тот же, что и при переводе остальной фразеологии. Нужно, однако, учитывать в еще большей степени

1 В у р м А. Ф. Сходства и различия русской и чешской фразеологии. -- PP, 1976, N 4, с. 115.

2 Сюда не относится важный вопрос об авторских трансформациях ФЕ, которыми писатели пользуются во исполнение определенных стилистических задач (см. ниже п. 6).

202

важность сохранения их формы, а также часто присутствующих в их содержании коннотативных значений: намеков, аллюзий, связанных с их источником. Вот почему переводчику очень полезно знать авторство таких единиц и историю их возникновения.

Многие крылатые выражения и афоризмы относятся к интернациональной фразеологии; об их переводе мы говорили выше. Но немало и таких, которые принадлежат только ИЯ, а это в ряде случаев многократно увеличивает трудность их перевода и, в частности, передачи тех аллюзий, о которых шла речь. Если нетрудно перевести на любой язык известный афоризм Бисмарка die Dummheit ist auch eine Gabe Gottes, aber man darf sie nicht mifibrauchen -- глупость это тоже дар божий, но им не следует злоупотреблять, то даже на очень близком языке трудно выразить достаточно ярко и лаконично, скажем, рыцарь на час, или а судьи кто?, или человек в футляре.

С фразеологизмами этого типа не следует смешивать цитаты, встречающиеся в подлиннике. В принципе их воспроизводят в том виде, в котором они фигурируют в переводимом тексте или в утвердившемся уже переводе произведения, откуда они взяты.

5. Выбор приемов перевода ФЕ зависит еще от наличия или отсутствия у нее национальной окраски. Вопрос сохранения колорита при переводе подробнее рассмотрен в связи с передачей реалий, но в фразеологии он ставится несколько иначе. В национальные цвета окрашены очень многие фразеологизмы, в том числе, по мнению Я. И. Рецкера, и нейтральные по стилю'. Интернациональные единицы в составе фразеологии любого языка составляют меньшинство, а из заимствованных многие приобрели уже соответствующий колорит. Так что передача колорита -- задача, с которой сталкивается каждый переводчик художественной литературы.

Национальный колорит ФЕ может быть обусловлен 1) специфической окраской отдельного компонента (реалия, имя собственное) или же 2) характером самой* единицы, связанной тем или иным путем с национальными особенностями соответствующего народа2. Реалия (и имя

1 Рецкер Я. И. Указ, соч., с. 145.

2 Ср. их определение у Вл. Россельса (Вопросы художественного перевода, 1955, с. 210--211): "Национально окрашен-н ы е, то есть содержащие упоминание или намек на какую-либо национальную реалию: "попасть впросак" , "точить лясы", "Трип1-кин кафтан", "у разбитого корыта" и т. п.".

203

собственное), как любой компонент ФЕ, утрачивает тем большую часть своего значения, чем теснее связь между компонентами, т. е. чем выше степень слитности всего сочетания. Однако утрачивая даже полностью семантику, реалии сохраняют почти всегда если не весь колорит, то какой-то отблеск его'. И отсюда -- основная трудность перевода таких единиц: их нельзя передавать эквивалентами, так как эквивалентность предполагает идентичность всех показателей, в том числе и национальной окраски, а это практически невозможно.

Итак, колорит превращает ФЕ в своеобразную реалию, которая, однако, в отличие от "лексической реалии", передается при переводе не путем транскрипции, а, по мнению большинства авторов, калькой. С этим мы соглашаемся только наполовину. Традиционный пример -- англ, carry coals to Newcastle или нем. Eulen nach Athen tragen следует перевести не семантическим эквивалентом ехать в Тулу со своим самоваром, а кальками "возить уголь в Ньюкасл" и "везти сов в Афины". На наш взгляд, пример не особенно убедителен: во-первых, видимо, далеко не каждый читатель знает или сразу сообразит, что для этого английского города характерны "добыча и вывоз угля" (ЭС), уже не говоря о более чем сомнительной общеизвестности обилия сов в Афинах, и, во-вторых, -- что гораздо важнее, -- такая калька неизбежно приведет к оживлению образа, который, выпирая из текста, привлечет внимание читателя гораздо сильнее, чем ФЕ в подлиннике. Так что, по-видимому, в большинстве случаев разумнее будет пожертвовать той небольшой долей колорита, которая сохранилась в данной единице, и переводить фразеологическим аналогом: рус. морю воды прибавлять или болг. носят дърва в гората ("носить дрова в лес"). Но важнейшим остается правило (нарушение его может испортить весь перевод) никогда не подменять английский колорит русским или французский болгарским: лучше вообще отказаться от передачи национального об-личия подлинника, чем рядить кого-либо в кафтан с чужого плеча.

6. Фразеологизмы уже сами по себе трудно поддаются переводу, но намного сложнее перевод в тех случаях, когда писатель в определенных стилистических целях м е-няет содержание и/или форму ФЕ -- опускает

Подробнее см.: Влахов С. Реалия как компонент фразеологизма. -- Болг. русистика, 1976, N 3, с. 25 -- 29.

204

или добавляет компоненты, заменяя их синонимами или антонимами, переставляет их местами, освежает, оживляет тем или иным путем стертые или полустертые образы, на которых построено сочетание, перифразируя его, или "скрещивает" одни единицы с другими, одним словом, употребляет ФЕ не в их "нормативном виде"'.

Существует множество путей авторизации фразеологической единицы, которые так или иначе приводят к ее разрушению как устойчивого сочетания слов. Вместе с тем ФЕ непременно

продолжает существовать в языковом сознании читателя2, приобретая новые связи, создавая новые, часто совсем неожиданные эффекты, на которых обычно строится каламбур.

Вопрос об индивидуально-авторском использовании ФЕ привлекает, в особенности в последнее время, внимание многих ученых3, в том числе и теоретиков перевода4. Некоторые рассматривают такие образования как разно-

1 Рассматривая вопрос о "ненормативном" употреблении ФЕ, авторы используют такие термины, как "авторизация", "фразеологическая трансформация", "индивидуально-авторское преобразование", "модификация", "дефразеологизация", в более узком смысле -- "освежение" и "обновление" ФЕ, "расщепление", "разложение", "двойная актуализация" и т. д.

2 Это свидетельствует о необычайной "живучести" ФЕ, выдерживающей такое "испытание на прочность" (Абрамович И. М. Об индивидуально-авторских преобразованиях фразеологизмов и отношении к ним фразеологического словаря. -- Сб. Проблемы фразеологии. М.--Л.: Наука, 1964, с. 213), как изменение формы и содержания, причем иногда настолько основательное, что от ФЕ остается всего лишь одно слово.

3 Г е п н е р Ю. Р. Об основных признаках фразеологических единиц и о типах их видоизменения. -- Сб. Проблемы фразеологии. М.--Л.: Наука, 1964; Попова Л. В. О дефразеологизации устойчивых сочетаний слов. -- Сб. Проблемы устойчивости и вариативности ФЕ. Тула: Гос. пед. ин-т, 1968; Рогинский В. М. Трансформирование и обновление фразеологических оборотов. Тула: Гос. пед. ин-т, 1968; Леонидова М. Индивидуално използуване на фразеологичните единици в езика на писателя. -- Известия на И-та за бълг. език. XIX. София, 1970; МежжеринаС. А. Взаимодействие фразеологического оборота и контекста в художественной речи. -- РЯШ. 1971, N 3; Сальникова О. Г., Шулеж-к о в а С. Г. Приемы преобразования фразеологизмов в произведениях А. Н. Толстого.-- РЯШ, 1975, N 1, и др.

'Левицкая Т. Р., ФитерманА. М. Обновление фразеологических единиц и передача этого приема при переводе.--ТП, 1968, N 5; М о с я к о в А. К вопросу о связи стилистической функции фразеологизмов с переводом.--ТП, 1970, N 7; Разложение фразеологизмов и перевод. -- ТП, 1976, N 13; Кузьмин С. С. Смех как переводческая проблема (На примере фразеологизмов).-- ТП, 1976, N 13, и др.

20S

видность фразеологизмов; другие посвящают им самостоятельные разделы и статьи. Тем не менее, общего исследования пока нет, и будущим авторам придется немало поработать над более полным освещением этой проблемы, чрезвычайно важной для практики перевода (авторизация фразеологии -- излюбленный стилистический прием всех мастеров) и интересной с точки зрения теоретической (литературоведческой и лингвистической).

Для начала нас интересует сравнительно второстепенный с точки зрения переводческой практики вопрос, на который не удалось найти ответа в просмотренной нами литературе. Некоторые авторы считают, что ФЕ разрушается "при малейшем изменении в ее формальной и смысловой структуре" '; другие оспаривают это, говоря, что "не всякая трансформация ФЕ приводит к созданию каламбура"2, что "многие ФЕ являются часто потенциальными каламбурами"3, что иногда обновление ФЕ "пр и б ли ж а ет с я к игре слов"4. Однако не удалось обнаружить той границы, перейдя которую авторизованный (трансформированный, переосмысленный) фразеологизм превращается в каламбур, т. е. сколько и каких признаков будет достаточно, чтобы количественные изменения перешли в новое качество?

Отвечать на этот вопрос не входит в нашу задачу, но установление такой границы представляло бы для нас и чисто практический интерес -- выделение в главу 8 материала, касающегося перевода каламбуров. Поэтому в качестве рабочей гипотезы позволяем себе считать каламбурами такие ФЕ, трансформация которых приводит 1) к двуплановому восприятию и 2) к возникновению юмористического эффекта, обычно связанного с эффектом неожиданности.

Это позволяет предположить, что необразные ФЕ при авторизации могут "оживляться", "освежаться", не превращаясь при этом в каламбуры, а действительно приобретая новые качества. Так, введенный в состав глаголь-но-именного сочетания "эпитет -- определение или однородный член к привычному компоненту -- придает вес последнему, а у самой фразеологической единицы оживает

1 Щербина А. А. Сущность и искусство словесной остроты (каламбура). Киев: Изд. АН УССР, 1958, с. 58.

2 Н а у м о в Э Б. Модифицированные фразеологизмы как основа каламбура. -- РЯНШ, 1973, N 2, с. 73.

3 Т а м ж е.

4 Левицкая Т. Р., Фитерман А. М. Указ, соч., с. 44.

206

внутренняя форма" * (принять твердое решение, произвести ошеломляющее впечатление). Перевод таких сочетаний особой трудности не представляет, так как всегда остается возможность то же (с минимальными потерями) выразить глаголом и наречием (твердо решить).

Такие добавления -- определения, распространяющие тот или иной из компонентов ФЕ, -- можно допустить и в ряде образных фразеологизмов, не превращая их в каламбуры, а лишь уточняя, привлекая к ним, когда нужно, внимание читателя. Т. Р. Левицкая и А. М. Фитерман приводят пример безболезненного перевода такого "оживляющего" добавления: The adulation has not gone to his fair, curly head, где фразеологизм to go to one's head, соответствующий рус. вскружить голову, нетрудно воссоздать: "не вскружили его белокурую, кудрявую голову" 2.

В заключение нужно отметить, что даже в тех случаях, когда авторизованная ФЕ не является каламбуром, перевод ее иной раз ставит перед переводчиком задачи аналогичного характера. Поэтому мы предпочитаем здесь отослать читателя к главе 8, где рассматриваются вопросы перевода каламбуров.

Глава 2

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ

Представление о переводе имени собственного, с чисто практической точки зрения, может показаться странным: ведь Шекспир будет Шекспиром на всех языках мира-- что в нем переводить? А перевести можно: shake+ + spear = "потрясать копьем"; контекст может даже потребовать такого перевода, и переводчик должен быть готов к этому.

Имя собственное -- объект ономастики, самостоятельной лингвистической науки; о нем существует огромная литература. Немало написано и о передаче имен собственных при переводе, что значительно облегчает нашу задачу: не стараясь "объять необъятное", мы приведем лишь некоторые общие установки и частные случаи, глав-

'Сальникова О. Г., Шулежкова С. Г. Указ, соч., с. 61. 2Левицкая Т. Р., Фитерман А. М. Указ, соч., с. 49.

207

ным образом те, которые касаются основной тематики -- вопросов безэквивалентности и передачи колорита, т. е. речь пойдет, в сущности, о возможностях и приемах п е-редачи (или перенесения) имен собственных в текст перевода.

Из сказанного до сих пор уже следует, что имя собственное, как правило, при переводе заимствуется, транскрибируется, но как исключение, может подвергаться переводу; иногда оно терпит и большие на себя посягательства. Поэтому здесь, в еще большей степени, чем в отношении реалий, в самом начале ставится вопрос: транскрибировать данное имя в данном контексте или искать иных путей его введения в перевод?

Прежде чем обсуждать предпосылки обоснованного ответа на этот вопрос, нужно уточнить термин "транскрипция", отграничив его вместе с тем от термина "транслитерация". В советской литературе они нередко употребляются как синонимы; эта практика нашла отчасти отражение и в СЛТ, где 4-е значение транскрипции-- "то же, что транслитерация", а транслитерация получила несколько расплывчатую дефиницию: "Передача текста, написанного при помощи одной алфавитной системы, средствами другой алфавитной системы". Мы принимаем дефиниции С-СЛТ: транскрипция-- это "передача звуков иноязычного слова (обычно собственного имени, географического названия, научного термина) при помощи букв русского алфавита", а транслитерация--"передача букв иноязычного слова при помощи букв русского алфавита", разумеется, с соответствующей поправкой на любой ПЯ- При транскрипции обычно стремятся к максимальной фонетической близости, с таким расчетом, чтобы имя претерпело минимальные потери при перенесении в другую языковую среду.

Вопросы транскрипции тесно связаны с алфавитными системами и фонетическими законами соответствующих языков: латиница -- кириллица ', фонетическое -- этимологическое письмо. Соответственно, неодинаковым будет выбор решения -- транскрибировать или переводить -- при переводе с любого языка на любой. "Из латиницы в латиницу" имя собственное обычно переносится без графических изменений, т. е. транскрипции не производят. Вследствие фонетических различий в большинстве языков соотношение "буква-звук" не идентично, и такое ме-

1 Других алфавитных систем в нашей работе мы не касаемся. 208

ханическое перенесение из языка в язык приводит к искажению имен. Так, пересаженные на французскую почву, скажем, немец Моцарт (Mozart) и англичанин Шепэрд (Shepherd) автоматически превращаются в полноправных французов Мозара и Шефёра (с ударением на последнем слоге).

При разных алфавитах, а также при переводе "с кириллицы на кириллицу" транскрипция осуществляется по всем правилам, т. е. с учетом фонетических особенностей имени и на основе произносительных норм ИЯ и ПЯ-

Разные языки по-разному относятся к транскрипции: одни стремятся транскрибировать максимально близко к подлинному звучанию имени, другие вводят ряд ограничений фонетического принципа за счет этимологического, морфологического и т. д. В некоторых языках определенные категории имен (например, фамилии) транскрибируются по особым правилам -- ср. в чешском традиционное добавление -ова в фамилиях женского рода, в том числе и иноязычного происхождения: Грета Гарбова, Марлена Дитрихова (это -- известные в прошлом актрисы кино Грета Гарбо и Марлен Дитрих); в других языках некоторые буквы и буквенные сочетания заменяются другими, традиционным -- ср. русские транскрипции лат. h = "г" (a ch = "х"), нем. ei = "efi" или "эй", вместо "ай" (транслитерируется вместо того, чтобы транскрибироваться) и т. п.. Но все это относится к частной теории перевода, т. е. касается главным образом той или иной пары языков, и останавливаться на этих вопросах мы не будем.

К транскрипции встреченного в тексте имени собственного переводчик подходит по-разному в зависимости от того, 1) имеет ли оно уже утвердившийся в ПЯ графический облик, или же 2) его только предстоит транскрибировать. В первом случае имя обычно берется в уже готовом виде, который в принципе не подлежит изменению даже в тех случаях, когда приобретший гражданство фонетический облик не соответствует современным требованиям].

1 Изменение утвержденных в данном языке привычных транскрипций имен собственных -- особый вопрос, которого в специальной литературе касаются всегда с опаской: менять традиционное написание и произношение, в самом деле, очень трудно, но не невозможно. Мы присоединяемся здесь к высказанной более 15 лет тому назад мысли Вл. Россельса о необходимости более последовательного транскрибирования (Подспорья и преграды -- МП, 1962,

209

Во втором--переводчик транскрибирует имя, стараясь максимально приблизить его произношение к оригинальному, не насилуя вместе с тем фонетики и графики ПЯ.

Нужно особо подчеркнуть важность и трудность о б-наружения уже существующих транскрипций, а в связи с этим -- и упорядочения практической работы над переводом. Между прочим, эта работа требует немало настойчивости, сообразительности, культуры: ведь речь идет о множестве разных по характеру и национальной принадлежности собственных имен, относящихся к разным эпохам, претерпевших с годами у тех или иных народов те или иные изменения, дошедших до переводимого текста, может быть, через несколько языков, иногда в результате многих изменившихся до неузна-ваемости транскрипций. И переводчику не раз приходится прослеживать этот путь имени, стараясь выяснить, к какой национальности принадлежит его действительный носитель.

Это одно из основных правил современной транскрипции: имя передается с учетом национальной принадлежности его референта -- человека, географического объекта и т. д. У героя "Летучей мыши" Штрауса и у крупного советского кинорежиссера -- с виду одинаковая немецкая фамилия: Эйзенштейн. Но, транскрибируя ее, болгарский переводчик должен выяснить, о ком идет речь: если это Сергей Михайлович, то нужно сохранить русское звучание (болг. Ейзенщейн), а если австриец или немец -- немецкое (болг. Лйзенщайн). Несколько сложнее обстоит дело с транскрипцией имени и отчества такого персонажа, как Марья Генриховна, эпизодическая героиня из "Войны и мира" -- "полная белокурая немочка", которую, однако, величают по имени и отчеству, привычным только

для русской жизни; поэтому онемечивание ее имени в болгарском переводе внесло бы фальшивую нотку в описание этой жизни.

2, с. 173), но хотелось бы несколько острее поставить вопрос о необходимости постепенного изменения самых неудачных транскрипций; хотелось бы, например, чтобы по-русски Гейне и Гюго получили свои собственные фамилии -- Хайне и Юго, чтобы различной национальности короли -- английские, французские, немецкие, шведские и т. д. -- не подводились под общий латинский знаменатель

Карлов, а были бы Чарлз, Шарль, Карл, Карлос, Карло и т. д., чтобы хоть современные Уильямы не превращались по-русски в Вильямов, Хельмуты -- в Гельмутов. Намеки на такой процесс заметны, но очень уж они робки И непоследовательны.

210

Ответ на основной вопрос -- транскрибировать или переводить -- зависит от самого имени, от связанной с ним и его референтом традиции и от контекста.

"Для имени собственного основное -- это соотнесенность с предметом", -- пишет А. В. Суперанская ', подсказывая, таким образом, с чего нужно начинать. В лингвистических классификациях референты имен собственных рассмотрены главным образом в двух разрезах: а) как одушевленные и неодушевленные и в рамках этих разделов-- б) по существу самого предмета: к одушевленным относятся, например, имена людей и клички животных, а к неодушевленным -- названия географических и космических объектов, названия средств передвижения, фирменные названия и т. п. По существу, неодушевленными являются и имена комплексных объектов 2, таких как органы печати, предприятия и учреждения, произведения литературы и искусства и т. п.

С точки зрения теории перевода, т. е. для решения вопроса "транскрибировать или переводить?", эта классификация не так удобна хотя бы уже потому, что в рамках того или иного деления есть имена, которые преимущественно транскрибируются, а есть имена, которые переводятся. Таково, например, положение с антропонимами -- именами (отчествами, фамилиями, прозвищами людей), входящими в группу одушевленных объектов: если имя, отчество и фамилия обычно транскрибируются, то прозвище, напротив, мы стремимся перевести или передать иным путем с учетом его смыслового содержания; да и фамилии приходится иной раз переводить ("говорящие имена".).

Так как основные требования к языковым единицам при переводе сводятся, за редкими исключениями, к передаче плана содержания, то и деление имен собственных следует вести в первую очередь по линии их семантики. Это позволяет рассматривать 1) имена-знаки, имена-метки, не обладающие собственным содержанием, а только называющие объект, 2) имена, обладающие определенным семантическим содержанием, и 3) имена, которые в зависимости от контекста меняют свою отнесенность к одной из первых двух групп.

'Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.:
Наука, 1973, с. 263. 2 Термин этот не особенно удачен, а само по себе выделение этих
объектов -- важно и нужно, только не как противопоставление
одушевленным и неодушевленным объектам.

211

Единицы первой группы "в чистом виде" всегда транскрибируются; вопрос об их передаче при переводе-- это вопрос знания правил транскрипции. Как исключение, имя собственное, точная транскрипция которого почему-либо неудобна (например, омонимия со смешным, непечатным и т. п. нарицательным ПЯ), передается с некоторыми фонетическими отклонениями, приобретающими со временем традиционный, связанный с данным именем
облик.

Единицы второй группы обладают определенным содержанием, которое обусловливает возможность их перевода. Однако среди них намечаются имена, которые по традиции а) только транскрибируются, и другие, б) которые только переводятся. К первым относятся названия периодических изданий, органов печати и т. п. (фр. "Юманше", "Ви увриер", англ. "Тайме", "Файнэншал джорнал", нем. "Нойе цайт", порт. "Нотисиаш", кит. "Жэньминь жибао"). Не меняют своего оригинального звучания даже совсем близкие к переводному названия: болг. "Литературен фронт" при переводе на русский не должен превращаться в "Литературный фронт": первое-- название болгарской газеты, а второе -- два слова, имеющих только нарицательное значение.

Логику и целесообразность этого традиционного приема нельзя считать бесспорной. Даже если принять объяснение А. В. Федорова, что таким образом "подчеркивается их связь с определенной страной"1, т. е. что они выступают в роли своеобразных реалий с точки зрения перевода, значения имен, совершенно ясные для читателя оригинала, желательно довести и до сознания читателя перевода; иначе вся информация, которую он получает, заключается лишь в том, что перед ним газета или журнал. А ведь досадно, когда иностранец читает "Pravda", не понимая смысла слова "правда". В названии любого периодического издания содержатся данные о его идеологии, тематике, политической окраске и многое другое, что небезразлично для читателя. Это особенно важно в тех случаях, когда имя, которое может оказаться и вымышленным (например, названия органов печати в романе Э. Синклера "Нефть"), тесно связано с текстом художественного произведения. Поэтому, нам кажется, добавление в скобках перевода соответствующего названия (или даже прямой перевод его в случае надобности)

'Федоров А. В. Указ, соч., с. 189. 212

будет полезной коррекцией к традиционной транскрипции.

Отыменные прилагательные (от имен собственных) большей частью транскрибируются, подчиняясь вместе с тем морфологическим правилам ПЯ; при этом обычно (в зависимости от языка) теряется и характерная орфографическая особенность имени собственного-- они пишутся со строчной буквы: "лукулловский обед", "рейнское вино", "дамасская сталь", "а р-хангельская порода". В силу традиции такие прилагательные сохраняют свой первоначальный вид даже при изменении соответствующего имени собственного: Карл-сбад давно вернул себе исконное чешское имя "Карлови-Вари", а вода и соль продолжают оставаться карлсбад-скими, Персия переменила свое имя на исторически более верное, но ковер от этого не стал иранским. Впрочем, это обусловлено, конечно, и тем, что такие прилагательные уже стали компонентами ФЕ.

Перевод этих отыменных прилагательных затруднителен потому, что связь между именем существительным и его производным нередко обрывается, т. е. последнее теряет часть своей семантики, а найти его в словарях можно не всегда. Например, болгарского переводчика затруднила мацестинская вода: в толковых и переводных словарях этого прилагательного нет, а чтобы заглянуть в энциклопедию, нужно догадаться о происхождении его от Мацесты. Каждый болгарин знает Сочи, но названия источников ему неизвестны, а контекст ничем не намекает на них.

Ко вторым, т. е. переводным именам той же второй группы, относятся названия произведений литературы и, в особенности, искусств. Исключение составляют некоторые иноязычные названия (см. гл. 6), а также заглавия произведений научной литературы; обычно -- при цитировании, в ссылках -- они сохраняют свое оригинальное написание, в особенности в тех случаях, когда оно не переведено на ПЯ.

Эта предпосылка -- имеется ли данное произведение в переводе или нет -- касается всех заглавий. В зависимости от нее переводчик будет а) переводить его или б) искать, как оно переведено до него. Например, в русской литературе "The Merchant of Venice" Шекспира известно как "Венецианский купец" -- не торговец, не коммерсант или негоциант, а именно купец, хотя "торговец", пожалуй, нейтральнее ("купец" все же обладает некоторой

213

национальной окраской). Памятник средневековой арабской литературы, известный в англоговорящих странах как "Arabian Nights", русские и болгарские читатели знают под заглавием "Тысяча и одна ночь". Изменение раз принятого заглавия, в том числе и улучшение его, нельзя считать невозможным, но любое совершенствование нужно делать умело, так, чтобы его не приняли за заглавие другого произведения.

К третьей группе относятся имена собственные, транскрипция или перевод которых зависят от контекста. Как правило, все они подлежат транскрипции; перевод, подстановка или любое отступление от этого правила допустимы лишь когда необходимо показать и внутреннюю форму, т. е. когда имя собственное должно в той или иной степени приобрести и черты имени нарицательного.

Это подводит нас вплотную к "говорящим и м е -н а м". О них существует огромная литература ', что указывает на важность вопроса в связи с широким распространением таких единиц в художественных произведениях: "..у Лу Синя нет ни одного рассказа, где бы фамилия или имя героя не имели значения"2, "имена у Кэрролла не случайные, произвольно выбранные сочетания, а знаки, за которыми угадываются либо живые люди, либо целые пласты национальной истории и

национального сознания"3, "имя для характеристики героев широко используется М. Горьким, который охотно возрождает в собственном имени связь с тем, что обозначено данным словом, при этом значение имени отражает некоторые черты образа"4; цитаты можно было бы продолжить.

1 См., например: Андреев В. Д. Некоторые вопросы перевода на русский язык болгарской художественной литературы; Болотов В. И. К. вопросу о значении имен собственных. -- Сб. Восточно-славянская ономастика. М.: Наука, 1972; Каухчишви-л и Н. О художественных функциях личных собственных имен. -- РЯзР, 1974, N 1; Коларов Р. Звуковата метафора и семанти-ката на собственото име в художествената реч. -- Български език, 1976, N3; Реформатский А. А. Перевод или транскрипция?-- Сб. Восточно-славянская ономастика. М.: Наука, 1972; Ро-ганова 3. Е. Указ, соч.; Соболев Л. Н. Перевод образа образом. Художественный перевод и собственные имена.

2 Г а т о в Аг. Художественный образ и воплощение его в переводе (некоторые соображения к изданию русского перевода Л у Синя).-- МП, 1959, 1, с. 181.

3Демурова Н. Голос и скрипка (К переводу эксцентрических сказок Льюиса Кэрролла). -- МП, 1970, 7, с. 160.

4Шаталова В. М. Имя и характер. -- РР, 1973, N 5, с. 38.

214

Вопрос перевода "говорящих имен" еще не разрешен, несмотря на то, что ему посвящено много страниц не только в теоретической литературе, но и в любом пособии по переводу.

Начнем с малоисследованной (и, пожалуй, спорной в отношении ее места в классификации) группы "крылатых имен" или, как их очень удачно называет В. С. Виноградов, "аллюзивных имен", которые "у носителей языка ассоциируются с определенным словом из фольклорных, литературных и фразеологических источников" '. Они нередко бывают крылатыми словами или компонентами крылатых выражений. Некоторые -- Иуда Искариот, Дон Кихот, Дон Жуан и др. -- превратились в нарицательные (иуда, донкихот, донжуан), освободив нас от необходимости обсуждать их; другие, оставаясь по форме именами собственными, утратили в значительной мере признаки этой категории, являясь символами тех или иных качеств и представлений. Например, лидийский царь Крез был богатейший человек древности, и "богатство сделало его имя нарицательным" (ЭС); имя Луция Лициния Лукулла связано с понятием об изысканной роскоши, в особенности в отношении гастрономии (Лукуллов пир); Иов -- символ страданий ("многострадальный Иов"), Плюшкин, Гарпагон (точнее -- Арпагон) и Шейлок символизируют скупость, Отелло -- ревность, Тартюф -- лицемерие и ханжество, Обломов -- умственную лень и бездеятельность; Рубикон--это граница, переход через которую требует смелости, означает окончательно принятое решение, два Аякса и Кастор и Пол-луке-- неразлучные друзья, Голиаф -- гигантский рост и сила, Кассандра -- пророк, которому не верят, Репети-лов -- бездельник и болтун, Аркадия -- счастливая, беззаботная жизнь (аркадская идиллия) и т. д. Эти имена-символы, имена-ярлыки при переводе транскрибируются с учетом формы, в которой они известны носителям ПЯ. А те, которые неизвестны? Маловероятно, например, чтобы французы были знакомы, скажем, со Скотининым, или Маниловым, или даже Плюшкиным. А ведь в каждой литературе есть свои Плюшкины, о которых в других странах могли и не слышать. Многие ли, к примеру, за пределами Болгарии знают Бай Ганю или Хитрого Петра? Но все это -- тематика скорее лингвострановедения.

'Виноградов В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. Автореф. докт. дисс. М.: Изд. МГУ, 1975, с. 59.

215

Термином "говорящие имена" ("значащие имена", в частности "характеристические имена", "смысловые фамилии"1) можно обозначить все имена собственные с более или менее уловимой внутренней формой. Мы разли-чаем такие, которые 1) обычно не подлежат переводу, так как их назывная функция все же преобладает над коммуникативной (план выражения заслоняет план содержания), 2) подлежат переводу в зависимости от контекста, который может "высветлить" их содержание, и 3) требуют такого перевода или такой постановки, при которых можно было бы воспринять как назывное, так и семантическое значение (каламбуры).

Художественная литература воздействует образами. Поэтому и имя собственное в рассказе или романе нередко включается в образную систему произведения. И если для ономастики исследование семантики имен собственных кажется, пожалуй, немного странным, необычным2, то для теории

художественного перевода изучение их семантики и участия в построении образов представляет первостепенный интерес.

Семантическим значением обладают если не все, то подавляющее большинство имен собственных, только у одних оно забыто и теперь не воспринимается без особого объяснения (Нил, Касьян, Петр, ср. болг. Камен как перевод "Петра"), у других лежит на поверхности, легко улавливается (рус. Кузнецов, болг. Ковачев, укр. Коваленко), у третьих полностью совпадает с соответствующими нарицательными (англ. Smith "кузнец", Bucket "ведро", нем. Richter "судья", Schmied "кузнец", рус. Борщ, Кисель, укр. Коваль). Но все, даже самые необычные, фамилии в контексте очень быстро перестают восприниматься в нарицательном значении и не отличаются по воздействию от самых обычных Петровых и Ивановых.

Известно, что в произведениях крупнейших писателей нет мелочей: все продумано, каждое слово стоит на своем месте и исполняет определенные ему автором функции. Не составляют исключения и имена собственные. Нередко им отводится роль своеобразных, очень лаконичных -- в одном слове -- характеристик. Так, в переводе "К новому берегу" В. Лациса мы находим два топонима -- "Озеро

Щербина А. А. Указ. соч.

2 См. у А. В. Суперанской (указ, соч., с. 255): "Многие считают имена собственные категорией, лежащей вне понятия, а семантика всегда понятийна", и "сомневаются в правомерности выделения семантики в качестве особого аспекта имени собственного".

216

илистое" и "Змеиное болото", прилагательные, компоненты которых явно переведены с латышского; у Дж. Лондона есть "Лунная долина" и "Сын Волка", но есть и ничего не говорящие нам "Джис-ук" и "Чугэнгат"-- индейские имена, несомненно осмысленные в языке соответствующе-го племени; мы переводим "Скалистые горы", но сохраняем Оксфорд ("Воловий брод") и Голливуд ("Священный лес"). Рассказы А. П. Чехова населены невероятным множеством персонажей, и большая часть их фамилий и прозвищ обладают совсем прозрачной внутренней формой. Открываем наугад т. Зсобр. соч. и читаем "подполковник Требьен" (фр. "очень хорошо"), "Клюшкин", "Перега-рин", "Зельтерский", "Бленский" ! -- из пяти фамилий четыре "говорящих" на одном только развороте книги...

Что же нужно переводить, что транскрибировать?

В отношении названий действительно существующих географических объектов (топонимов) строго установленного правила нет. По традиции одни топонимы передаются путем транскрипции, независимо от достаточно ясного содержания (мы говорим Шварцвальд, а не "Черный лес", Стара планина, а не "Старая гора"), другие переводятся -- "остров Святой Елены (в оригинале Saint Helena Island), Берег Нокса (в оригинале Кпох Coast).

Но переводчика интересуют прежде всего встречающиеся в художественном произведении вымышленные имена. В рассказе А. П. Чехова "Экзамен на чин" все фамилии персонажей можно причислить к смысловым: главный герой Фендриков, учитель географии Галкин, учитель русского языка Пивомедов, смотритель уездного училища Хамов, законоучитель Змиежалов, инспектор народных училищ Ахахов. Экзаменуемый Фендриков, "приемщик Х-го почтового отделения" -- "седой, бородатый человек с почтенной лысиной и солидным животом", а устаревшее шутливое слово фендрик значит "молодой человек с претензиями" (МАС) или "фатоватый молодой человек" (Уш.); можно было бы предположить, что автор подтрунивает над своими героями, но рассказ не дает почвы и для такого вывода. Нет видимой причины толковать характеры или поведение и остальных персонажей исходя из значений их фамилий; Хамов только раз упомянут: "Через переднюю пробежал на улицу штатный

1 Чехов А. П. Собр. соч., в 12-ти томах. Т. 2. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1961, с. 194--195.

217

8-747

смотритель уездного училища Хамов", и это все, что автор сообщает о нем.

При этом положении едва ли будет оправданным стремление во что бы то ни стало осмысливать все эти не то что говорящие, а прямо-таки кричащие имена, коль скоро они не имеют подчеркнутой опоры в тексте. Потери, конечно, будут: нередко веселое, смешное имя создает атмосферу, но перевод или подстановка могут оказаться большим из двух зол. Если есть основания для "перевода" фамилии дьячка Вонмигласова ("Хирургия") --очень уж "духовное" у нее содержание, то его

партнер, фельдшер Курятин, вероятно, сохранит свою и в переводе, так как ни с профессией, ни с характером, ни с поведением его в рассказе она не связана. Переводя "Хамелеона", английский переводчик счел нужным объяснить в сноске значения фамилий Очумелова (from the word "ochume-li" -- crazed) и Хрюкина (khryu-khryu -- pig's grunt); в сноске раскрыто внутреннее содержание фамилии Червя-кова из "Смерти чиновника". Вряд ли А. П. Чехов связывал фамилии первых двух с какими-нибудь чертами их характеров; так что переводчик своим подстрочным объяснением только отвлекает внимание английского читателя от действительной характеристики героев. А что касается Червякова, то осмысление фамилии, если считать ее столь тесно связанной с образом чиновника (вопрос не бесспорный), можно было, пожалуй, достигнуть иным путем-- например, заменив рус. червяка англ, worm (а, может быть, и добавив характерное для русских фамилий окончание -ин или -ский).

В других случаях намерения автора совершенно ясны, когда имя, как говорил Золя, "становится в наших глазах как бы душой персонажа"1. Б. А. Старостин приводит несколько таких имен с их переводами из "Моникинов" Купера: Lord Chatterino -- Лорд Балаболо, John Jaw -- Джон Брех (букв. Джон Челюсть), Island of Leap-high-- остров Высокопрыгия. Такие имена-ярлыки, встречающиеся гораздо чаще у старых авторов, насыщают текст всевозможными символами. К материалам о переводе подобного рода говорящих имен у Н. Галь, А. Арго, Н. Любимова2 и др. можно добавить хотя бы примеры из

Марка Твена -- прозвище придворного остряка-самоучки сэра Дайнадена-шутника, имя, которое жена героя дает новорожденной дочке -- Алло-Центральная, из "Петра I" -- "Федька Умойся Грязью", заглавие книги А. Реб-манна "Странствования Ганса Глазей-на-мир (Kiekindie-welt) по всем частям света и по Луне". Из русской литературы достаточно упомянуть хотя бы "Недоросля" и любое произведение М. Е. Салтыкова-Щедрина.

По существу это, конечно, не столько фамилии, сколько клички, прозвища, т. е. названия, даваемые помимо имени, обычно указывающие на какую-либо примечательную черту характера, наружности, деятельности (БАС), что и обусловлено их более тесной связью с контекстом. Так как в них обычно содержание преобладает над формой, т. е. форма "подогнана под содержание", выбор приема сделать, в общем, легче. Тем не менее между прозвищами (кличками) и другими говорящими именами людей нет качественной разницы: их смысл выявляет только контекст, и только при таком осмыслении переводчик обязан довести до сознания своего читателя их внутреннее содержание. Иначе каждого Рыжика (мальчик) и каждую Буренку (корова) придется переводить. Мы, конечно, не хотим сказать, что если можно безболезненно сохранить в переводе бурую масть Буренки, то этого делать не надо. Напротив: это всегда желательно, так как при транскрипции прозвища потери неизбежны; но если ее нарицательное значение не связано с контекстом, если из последнего не видно, что она была действительно бурая, то меньшей потерей будет транскрипция, чем какое-нибудь режущее глаз английское имя, сочиненное на основе этого цвета, типа Browny.

В качестве иллюстрации различного типа связей говорящего имени с контекстом приведем несколько примеров. "В шутку его (Лос-Анджелес) называют Роудсвил-лем -- Дорогоградом" '. До этого автор освещает вопросы дорожного строительства в этом городе, подробно описывает дороги, так что шутливая кличка как бы резюмирует сказанное; если оставить ее непереведенной, она повиснет в воздухе, почему в самом тексте и дается перевод. "Улица, где живет Сережа, называется Дальняя. Просто

1 См.: Старостин Б. А. Нормы практической транскрипции.-- РР, 1969, N 5, с. 53.

2 Г а л ь Н. Слово живое и мертвое. Из опыта переводчика и редактора. М.: Книга, 1972, с. 130--134; Арго А. Факты и выводы.--

218

8*

МП, 1959, 1, с. 297--299; Любимов Н. Перевод -- искусство -МП, 1963, 3. 1 Кондратов С. Н. Свидание с Калифорнией, с. 27.

219

называется: от нее всюду близко"1 -- пример другого типа: противопоставляя внутреннему содержанию названия улицы антоним "близко", автор сосредоточивает на нем внимание читателя, и,

следовательно, если не передать и в переводе значение этого имени, смысл второго предложения остается непонятным; транскрипция имени здесь явно противопоказана.

Обычно, как в приведенных примерах, на необходимость осмысления указывает узкий контекст. Возможны однако и случаи, когда переводчику приходится при решении этого вопроса опираться на широкий контекст и даже на произведение в целом. Приведем здесь два близких по решению переводческой проблемы примера: "Лошадиная фамилия" и "Кому на Руси жить хорошо".

В рассказе на трех с половиной страницах -- свыше 40 "лошадиных" (-{-одна "собачья") фамилий! И все подлежит переводу, ни одну нельзя передать путем транскрипции. Но это почти не связано с затруднениями переводческого характера, так как переводчик имеет свободу действия: он не обязан осмысливать каждую фамилию по оригиналу -- достаточно того, 1) чтобы она была "лошадиной", 2) чтобы по форме напоминала русскую фамилию (суффиксы, окончания) и 3) чтобы соответствовала правилам ассоциации в отношении последовательности появления этих фамилий в подлиннике: Д'обылицын -- /(обылятников -- К,обелев ("собачья" фамилия, по ассоциации с другими), /(оренной-- /(оремников-- Пристяж-кин--*/ерезседельников-- Засупонин; и, разумеется, в конце связь между овсом и "настоящей" лошадиной фамилией Овсов.

Затруднения, вероятно, вызовет перевод рассказа на неславянские языки, но трудность будет заключаться не в семантике отдельных имен, а в передаче формы.

Примерно так же обстоит дело с переводом начала пролога "Кому на Руси жить хорошо"; необходимость подстановок и здесь обусловлена всем содержанием поэмы, и здесь точность семантики не связывает руки переводчику; достаточно передать признаки крайней нищеты и бесправия, но, конечно, чем ближе к подлиннику, тем лучше. Приведем несколько строк с перечислением этих имен и, соответственно, болгарский перевод (разрядка наша -- авт.):

'Панова В. Ф. Сережа. М.: Госуд. изд. худ. лит-ры, 1958, с. 4. 220

"Седмина полукрепостни от Стегната губерния, от Страдала околия, отПустопразна община,

из близките села: Закръпково, Окъсанко, Босяков о, Треперково, Горелов о, Гладничево, и още Недород..."

"Семь временнообязанных, Подтянутой губернии Уезда Терпигорева, Пустопорожней волости

Из смежных деревень -- 3 а_п л а т о в а, Д ы р я в и н а, Ра'зутова, Знобишина, Горелова, Н'е е л о в а, Неурожайка тож..."1

В этих примерах как семантика имен, так и намерения авторов совершенно ясны. Бывают, однако, случаи, когда автор вкладывает в данное имя смысл, рассчитанный на более "тонкую сообразительность", даже на качества читателей выше среднего уровня. Приведем два примера из журнала "Крокодил". В фельетоне, озаглавленном "Хороший урожай -- это плохо", интервьюированный "попросил, чтобы его имя не упоминалось, и мы будем называть его в интервью вымышленным именем, например, Эгри Калчер"2. Нигде не указано значение этого английского "имени" -- "Земле Делив": всюду оно дается инициалами "Э. К.", но, поскольку речь идет о сельском хозяйстве и "говоритель" -- фермер, имя это не случайно придумано. И второй пример: "Экзаменационная комиссия,-- сказал мистер Кобрин г. -- Прошу: мисс Эда Асфиксия, Сеньор Джан-Мария дела Пиранья и мистер Роббер"3 (разрядка наша -- авт.). В данном случае все имена являются выразителями роли зловещей комиссии: Кобринг-- от "кобры", Асфиксия -- от "удушья", "душительница", Пиранья -- намек на хищную рыбу и Роббер -- "разбойник". Но все эти значения настолько зашифрованы английским "шифром", что не могут дойти до сознания читателя оригинала. Подобные имена есть в романе А. Р. Беляева "Человек-амфибия": Их-тиандр ("рыбочеловек"), доктор Салватор ("спаситель") и много других.

Что делать переводчику с такими именами, значение которых не всегда понятно и читателю подлинника? Вряд

'Некрасовы. А. Сочинения в 2-х томах. Т. П. М.: Худ. литра, 1976, с. 153.

2 Кр., 1977, N 23, с. 12.

3 Кр., 1975, N 27, с. 12.

221

ли можно дать однозначный ответ, так как решения будут приниматься в каждом отдельном случае с учетом особенностей текста. Желательно, в общем, найти средство, если не раскрыть внутреннюю форму такого имени, то хотя бы ненавязчиво подсказать ее наличие.

Намного сложнее передавать такие имена, в которых , за совсем будничной формой кроется глубокое содержание. Ряд исследователей отмечает, что тот или иной писа- . тель дает своим героям символические имена '. Думается, і что, поскольку подавляющее большинство читателей под- " линника не ощущает этих символов, нельзя вменять в ви- і ну и переводчику, если он не отразит их символичность. •

Непереводимость имен собственных, их отнесенность -к безэквивалентной лексике обусловлена присущей боль- -шинству из них связи с определенным народом, с нацио- .-нальными традициями и культурой, что и роднит их с j? реалиями (см. ч. I, гл. 1). Рус. или болг. Иван потеряет;* свою национальную принадлежность, если его "перево- * дить" фр. Жан, англ. Джон, исп. Хуан ("Жуан" и "Гу- . ан" -- плоды неудачной транскрипции), серб. Яоеан, | венгр. Янош, нем. Йохан, ит. Джованни, чеш. и пол. Ян, |; фин. и эст. Юхан, арм. Ованес. И не только потеряет свое, •• а хуже того -- приобретет чужое, не присущее ему кон- ' нотативное значение, искажающее национальный, а иногда и исторический колорит соответствующего текста. .:

П. А. Дмитриев и Г. И. Сафронов, рассматривая группу славянских имен, фамилий и прозвищ, указывают между прочим и на их "способность... выражать определенную национальную или иноязычную специфичность"2, признак, который при переводе должен непременно сохраниться. Того же мы требовали и от реалий. Коннотацией обладают прежде всего личные имена, несмотря на постоянно растущее "смешение языков" в современном об-

1 Например, имена братьев Карамазовых (Дмитрий -- от богини земли Деметры) и др. См.: Белов С. В. Имена и фамилии у Ф. М. Достоевского. -- РР, 1976, N 5; Неслучайные слова и детали в "Преступлении и наказании". -- РР, 1975, N 1; Магаза-н и к Э. Б. Имена собственные в художественной литературе. -- РР, 1968, J$> 3; Шаталова В. М. Указ, соч.; Громова В. В. Фамилии в романе М. Шолохова "Тихий Дон". -- РР, 1977, N 1.

2Дмитриев П. А., Сафронов Г. И. Передача славянских имен при переводах. -- ТКП, с. 150.

222

ществе. Каждая нация стремится сохранить свой фонд национальных имен, ограничить проникновение иноязычных; в результате Игорь и Олег, Татьяна и Валентина -- это русские имена, а Альфреды, Жанетты и Жоржетты составляют нежелательные исключения.

Сохранение при переводе собственных имен в их первозданном виде связано с некоторыми особенностями транскрипции в плоскости каждой пары языков; на них мы останавливаться не можем. Подчеркнем опять-таки лишь основную тенденцию: передавать звучание имени настолько близко к оригинальному, насколько это позволяет графическая система ПЯ.

Частным вопросом при передаче личных имен является "перевод" суффиксов субъективной оцен-к и. Трудность здесь заключается не в том, что одни языки богаты уменьшительными, увеличительными, уничижительными, ласкательными и другими формами, в то время как в других языках их почти нет; в отношении имен собственных это особого значения не имеет, поскольку мы не можем болг. Петърчо передать рус. Петенька, или рус. Оленьку -- болг. Оленце: оказалось, что эти суффиксы также являются носителями некоторого отблеска национального колорита. Затрудняет в основном необходимость довести до сознания читателя значение суффикса. Если рус. Верунька оставить как есть в болгарском переводе, то маловероятно, чтобы читатель догадался об оттенке, который придают этому имени суффиксы -- ласковом и вместе с тем шутливо-уничижительном. И еще: нередко в тексте одного произведения встречается целый ряд вариантов одного и того же имени: Андрей, Андрю-ша, Андрюха, Андрюшенька, Андрюшка; тут уж читатель не только не сумеет различить оттенки, но может подумать, что речь идет о разных персонажах. Выйти из этого положения без потерь почти невозможно. Видимо, придется ограничиться несколькими наиболее популярными из суффиксов, понятных читателю перевода из его прежнего читательского опыта, и отбросить все остальные или контекстуальными средствами дать понять, каков характер эмоциональной оценки, вносимой тем или иным суффиксом.

Есть, однако, еще одно затруднение, в частности при переводе на близкородственные языки: омонимия суффиксов субъективной оценки. Суффикс -к- в болгарском языке имеет только уменьшительно-ласкательное значение (Яна -- Янка), а в русском -- в ряде случаев

223

пренебрежительное (Соня -- Сонька); и того хуже -- в болгарском он может употребляться и в отношении мужских имен: болг. Васка может быть ласкательным от Басил, но также и

самостоятельным женским именем, Банка-- только ласкательное от Иван, а Ваня --только женское имя.

Суффиксы эмоциональной оценки -- национально окрашенные-- нельзя смешивать со словообразовательными суффиксами, которые являются лишь элементами грамматики и передаче на другой язык не подлежат. Поэтому болг. Иваница, т. е. жена Ивана, мы совершенно . свободно переводим рус. Иваниха. При переводе на другие языки, где аналогичной формы нет, в случае надобности это имя собственное можно передать описательно -- "жена Ивана", если, конечно, это не обращение.

Сложно обстоит дело и с передачей на некоторые языки, так сказать, "семейного" имени: Ивановы, Джонсы.-Например, фамилия в "Саге о Форсайтах" (в подлиннике The Forsyte Saga) в болгарском переводе фигурирует как Форсайтови, т. е. она приобрела славянский притяжательный суффикс -ов, точно так же, как и Буденброкови; на наш взгляд, это приводит к некоторой болгаризации фамилии и едва ли является лучшим выходом. Может быть, лучше в ряде случаев сохранить фамилию в ее исходной форме.

Определенными национальными чертами обладают у разных народов и фамилии. С известной приблизительностью по фамилии можно угадать национальность ее носителя: если Джонс -- это скорее всего англичанин или американец, то Иванов -- вероятнее всего, русский или болгарин, Йованович-- серб, Иваненко -- украинец, Петреску-- румын, Петропулос -- грек, а Ованесян -- наверняка, армянин или, по меньшей мере, лицо армянского происхождения. Все это, однако, несколько условно: Май-ер -- вероятнее всего, немец или австриец, но с тем же успехом он может быть и американцем, и русским, и евреем, и даже французом; Флотов и Бюлов при характерно славянском суффиксе являются немцами, а лейтенант Шмидт Петр Петрович -- русским; впрочем, исключения не отменяют правил. Важно здесь подчеркнуть, что и фамилии транскрибируются с максимальной тщательностью, чтобы сохранить их национальный колорит.

Нам не пристало рассказывать русским читателям об особенностях русских фамилий, но с точки зрения болгарского переводчика отметим только, что огромное их раз-

224

нообразие в добавление к падежным изменениям создает иногда серьезные трудности. Даже и сейчас иной раз родительный падеж принимают за именительный, смешивают мужские имена с женскими, не различают иностранную фамилию русских в отношении рода (переведено Бауэром -- переведено Бауэр) и т. д.

В романских, германских, скандинавских языках специальные формы для фамилий типа Джонсон, Эриксен, Коллинз, Адамз относительно редки по сравнению, например, со славянскими языками. Однако с точки зрения перевода важнее, что в последних женские фамилии четко отличаются от мужских. Так как у англичан и французов этого нет, то естественные для каждого русского различия часто оказываются для них недоступными. А при переводе на русский, наоборот, придется, быть может, дополнительно пояснять, кто говорит: господин или госпожа Уайт?

Вопреки всему сказанному, немалую роль в "переводе" имен собственных играет и традиция. О географических названиях мы уже говорили. А в антропонимах также существуют свои привычные несообразности. Так, Лев Николаевич Толстой во французской транскрипции будет Leon Nlkolaievitch Tolstoi, Алексей Толстой -- Alexis тоже Николаевич, Николай Васильевич Гоголь также переменил имя на французское -- Nicolas, Илья Мечников -- на ЕНе; великий болгарин Георги Димитров известен во Франции как George Dimitrov и т. д. М. М. Морозов' отмечает англифицированные имена персонажей басен И. А. Крылова: "Демьянова уха" превращается в soup of master John, "сосед Фока" -- в Thomas, "Тришкин кафтан"-- в Sammy's coat и т. д. Думается, что если французская транскрипция -- давно укрепившаяся традиция, то англификация персонажей Крылова -- просто самоуправство.

В отношении приемов передачи собственных имен при переводе мы уже не первое десятилетие настаиваем на том, что в интересах передачи национального колорита нельзя пренебрегать ни малейшей возможностью сохранения их максимально близкого к оригинальному звучания в любом языке, куда бы они ни попали. Того же мнения, к нашему большому удовлетворению, придерживается и А. А. Реформатский. Мысль эта выражена ясно и

'Морозов М. М. Пособие по переводу. М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1956, с. 17.

225

образно, что и заставило нас привести всю цитату из его прекрасной статьи: "Если я вижу "одну и ту же" фамилию, допустим, в русском тексте -- Яблонская, а в иных текстах передо мною: Яблоньска, Яблонска, Я б-лонськая,то мне ясно, что 1) это польская фамилия, 2) это чешская фамилия, 3) это украинская фамилия. Информация о "национальном колорите" дана в написании, и это хорошо! Многих пугает вопрос, "а как же склонять", если Яблоньска или Яблонска (для мужчин: Яблоньски, Яблонски)? Во-первых, это уже второй вопрос. Надо различать' исходную форму и вопрос о том, как с ней поступать в синтаксически связанном тексте. А разве нас пугают такие "несклоняемые" грузинские фамилии, как Орджоникидзе, Бадридзе или Палиашвили, Яшвили? Ничего страшного для русского текста нет. Кроме того, можно установить, если уж так хочется склонять, "супплетивное правило": в именительном падеже (исходная форма!) Яблоньска, Яблоньски, а в косвенных -- по русскому образцу: Яблоньской, Яблоньскую, Яблоньского, Яблоньскому... Но 6 для польских извольте беречь! Это "национальная метка", пусть она будет цела"1.

В литературе немало данных о "переводе" чешских, литовских, латвийских, польских, венгерских имен2, на которых мы останавливаться не будем. Переводчику нужно постараться уточнить, что относится к области грамматики и не подлежит транскрипции (например, инверсия имени и фамилии в венгерских именах -- мы говорим не Лист Ференц, а Ференц Лист), а что составляет "национальный костюм"3 и должно быть передано при переводе (например, суффикс -увна -- -owna в польских девичьих именах).

И имя-отчество в русских именах, уникальная особенность, не имеющая подобной ни в одном языке, в том числе и славянских: Петр Иванович и Ирина Георгиевна могут быть в принципе только русскими, и если можно говорить о "национальном костюме" в ономастике, то это

'Реформатский А. А. Указ, соч., с. 329--330.

2 Реформатский А. А. Указ, соч.; Левый И. Указ соч.; Россельс Вл. Перевод и национальное своеобразие подлинника; Молочковский Ю. Легче или труднее? -- МП, 1962, 2; Кундзич О. Переводческий блокнот. -- МП, 1966, 5.

3Кундзич О. Переводческая мысль и переводческое недомыслие.-- Сб. Вопросы художественного перевода. М.: Сов. писатель, 1955, с. 235.

226

самый яркий пример. И здесь еще небольшая деталь: русское отчество часто соответствует по форме югославским фамилиям, а кроме того, ту же форму нередко имеют и русские фамильные имена, но тогда обычно с другим ударением (Петр Максимович -- имя и отчество, а Максимович, с ударением на предпоследнем слоге, -- фамилия); и еще: нередко в разговорной речи отчество используется в качестве обращения. Важно здесь то, что все эти детали -- тоже детали "национального костюма", который следует перевоплотить в ПЯ.

От умного, тактичного введения в текст перевода чужих имен собственных в значительной степени зависит и успех в деле сохранения национального колорита всего произведения. А для этого требуется, помимо владения языками, еще и широкая переводческая культура. Полезно также помнить, что, например, топонимы с течением времени меняются: сегодня столица Болгарии называется София (с ударением на первом слоге), прежде называлась Средец, а еще раньше -- Сердика, что древний Царь-град (болг. Цариград) стал впоследствии у русских Константинополем, а теперь известен под своим турецким именем -- Стамбул (болг. Истамбул); что болгарский город Плевен во время русско-турецкой войны 1877-- 1878 гг. русские называли Плевной и т. д.

Впрочем, это уже исторический колорит. Здесь же, в заключение, мы только пожелаем еще раз переводчикам тщательнее присматриваться к именам собственным, стараясь путем транскрипции "сохранить "чужое", используя средства своего" (Гердер), но не называя Байрона Георгием или Нойштадт Новгородом.

Глава 3

ОБРАЩЕНИЯ

На обращениях мы остановились из двух соображений: прежде всего потому, что среди них значительное число реалий или мнимых реалий, а вместе с тем они являются и характерными элементами речевого этикета,

227

доставляющего немало неприятностей любому переводчику.

Для внесения ясности в отношении охвата этой категории слов требуется небольшое уточнение: говоря в нашей работе об обращениях, мы не имеем в виду апел-лятивов вообще, в их широком смысле, т. е. не будем рассматривать слова и словосочетания типа эпитетов в функции звательного падежа', а также обращения в чисто грамматическом аспекте (звательный падеж)2.

Нас интересуют обращения лексического (и фразеологического) порядка, являющиеся либо носителями национального колорита, т. е. настоящие реалии, которые, следовательно, подлежат сохранению путем транскрипции при переводе, либо элементы, колоритом в рамках соответствующего языка не обладающие, но по традиции в определенных положениях транскрибируемые -- ложные реалии, которые, как любые лексические единицы, переводятся функциональным эквивалентом или аналогом.

В этих рамках можно наметить следующие типы обращений:

1) обычной вежливости: товарищ, молодой человек, девушка, мадам, мистер, сэр, синьор, мейн герр;

2) в зависимости от общественного и социального положения: товарищ водитель, старшина, доктор, господин генерал, ваше преосвященство, паша эфенди, маэстро, герр генералмузикдиректор, пане, граф;

3) в зависимости от родственных и других близких отношений: мама, матушка, папа, батько, тате, кузина, бате, тезка, земляк, mum, auntie, maman;

4) узуальные обороты: сударь, товарищ X., господин У., dear sir, cher ami, geehrter Herr, messieurs;

5) в зависимости от эмоционально-экспрессивного содержания: дорогой, голубчик, уважаемая, дружище, джа-нам, кызым, cheri, darling, dummer Hans;

6) оклики, окрики и обращения к животным: алло, гей, киска, pussy.

1 См. Алисова Т. Б., Ермакова Е. Н., Меркина И. М. Социолингвистический аспект апеллятивов и особенности их перевода. Тезисы. -- ТПНОПП, ч. I, с. 73--76.

г В связи с формой звательного падежа существует спорный вопрос обратного порядка, которого мы тоже не касаемся: следует ли придавать форму звательного падежа при переводе на язык, где он существует?

228

1. Обращение на уровне обыкновенной вежливости в большинстве случаев является рядовым, лишенным колорита элементом лексики: ведь не станут, скажем, английские герои английского романа обращаться друг к другу "мосье", "герр" или "господин"! Такие обращения подлежат передаче соответствующим функциональным эквивалентом на ПЯ. Однако, в силу неизвестно когда и как сложившейся традиции или, правильнее, практики, в русских и болгарских переводах с французского транскрибируются и остаются мосье, мадам и мадемуазель, с немецкого -- герр, фрау и фрейлейн, с английского -- мистер, миссис и мисс, и т. д. Впрочем, не совсем "так далее": в переводах с венгерского, финского, греческого, румынского, армянского и многих других языков такие обращения на общем основании не переводятся. По-видимому, эта практика в силе только в отношении наиболее распространенных, главным образом западноевропейских языков. Почти все эти обращения вошли в словники толковых словарей (МАС), а в двуязычных словарях, таких как БАРС, фр. мадам, мадемуазель и мосье передаются по-русски на первом месте в транскрипции. Любопытен тот факт, что вежливые англичане обращаются в официальной речи к представителям различных национальностей, пользуясь их словами: к итальянцам -- синьора, синьорина, синьор, к немцам -- герр, фрау, фрейлейн, а мадам, мадемуазель, мосье говорят французам и... русским! Но ни в одном словаре нам не встретились транскрибированные gospozha, gospodin или sudarinia, sudar, или bari-shnia или gospozhitsa, и причина здесь не в устарелости этих слов, а именно в отсутствии соответствующей традиции или практики. Также скорее всего опять-таки по традиции не транскрибируются, а переводятся слова товарищ и гражданин, в том числе и как обращения перед собственным именем лица; но встречается (в словарях это не отражено) и транскрипция -- в литературе, даже в болгарском тексте, -- товарищ. Обычно это бывает, когда хотят доставить удовольствие советскому товарищу, так же как и русские нередко обращаются к болгарам бол-гарским другар, другарка (обычно не употребляя звательного падежа).

В университетском пособии по переводу с немецкого языка говорится: "Транслитерируются иностранные слова и в тех случаях, когда идет речь о формах обращения для той или иной страны, например "фрау": "Guten Tag, HebeFrau Brenten!".. --Добрый день, дорогая фрау

229

Брентен!"1 (Разрядка наша -- авт.) В пособии по переводу с английского языка читаем: "Формы вежливого обращения сохраняются в переводе и передаются при помощи транслитерации: Sir -- сэр, Mister -- мистер, Mrs -- миссис и т. д.; исключением являются дипломатические документы и газетные сообщения, в которых эти слова переводятся русскими словами "господин" и "госпожа", например, Mrs. Roosevelt госпожа Рузвельт"2. Приблизительно в том же духе и высказывание И. Левого: "..невозможно переводить каждое французское Monsieur, Ma-dame или английское Mr., Mrs., Miss, Sir русским "госпожа, господин или немецким Herr, Frau, Fraulein"3.

Именно на эти три высказывания мы возразим еще раз, что нормальным было бы всегда переводить эти обращения их соответствием на ПЯ, так как в них, на уровне повседневного употребления, вовсе не кроются "национально специфические особенности". А, как дальше пишет А. В. Федоров, "если предмет или понятие, обозначенные словом подлинника, мало отличаются от предмета или понятия, обозначаемого соответствующим словом в переводе, если с ним самим не связаны никакие специфические местные признаки, то передача смысла в условиях контекста может оказаться исчерпывающей"4.

Немалое влияние на переводческую практику оказывает и сила привычки -- в частности, в отношении давно уже знакомых, так сказать, международных литературных и прочих героев: вряд ли кто-нибудь решился бы дона Кихота и Чио-Чио-Сан переименовать в "господина; Кихота" и "госпожу Чио-Чио".

Но положение коренным образом меняется, когда сам автор, рисуя действительность, чуждую для собственной, страны и литературы, планомерно прибегает к иноязычным обращениям, присущим описываемой им обстановке или эпохе, как это делает, например, английский писатель Р. Сабатини. В романе из французского быта и истории "Скарамуш" он заставляет своих героев говорить "мадам", "мадемуазель" и "мосье"; то же можно сказать и о романе болгарского писателя Д. Димова о гражданской войне в Испании "Осужденные души", где

автор употребляет дон, сеньор, сеньорита. В таких случаях обращения, будучи реалиями и иноязычными вкраплениями, переносятся в текст перевода в неизмененном виде (транскрипция), передавая таким образом созданный автором в подлиннике колорит -- национальный и/или исторический. Лишь когда язык перевода и язык, на котором даны обращения, совпадут, колорит растворится без следа в родной языковой стихии, как это происходит и с реалиями, и с иноязычными вкраплениями. Это случится при переводе романов Сабатини на французский и Димова -- на испанский язык. Впрочем, там ПЯ сам по себе полностью компенсирует потерю колорита.

Примерно так же обстоит дело в, так сказать, многоплановых произведениях. Так, в "Петре Первом", в зависимости от обстановки и окружения, встречаются нем. мейн либер генерал, мейне хершафтен, герр Питер, фр. медам и месье, сир, англ, сэр, укр. пан и пан князь, пол. милостивая моя пани княгиня, ясновельможный пан, тур. Гассан-лаша и многие другие; это многообразие следует сохранить. При переводе болг. "Под игом" важнейшая задача переводчика -- сохранить разграничение между турецким и болгарским элементом в повествовании, в том числе и в обращениях. Турки к болгарам и болгары к туркам обращаются по-турецки; болгары же между собой используют (за исключением нескольких прижившихся турцизмов, таких, как чорбаджи и хаджи, и нескольких эмфатических турецких слов вроде джанам и кызым) болгарские обращения господин, госпожа и госпожица, которые и являются основными в речевом этикете; их именно и следует переводить при переводе романа на другие языки, оставив турцизмы транскрибированными для сохранения двуплановости.

Еще один пример. При переводе романов Агаты Кристи, все англ, мистер, мисс и пр. следовало бы переводить соответствующим функциональным эквивалентом на ПЯ; однако Пуаро остается всегда мосье, и все его обращения к остальным персонажам должны остаться французскими, чего и придерживается сама писательница. Но как сохранить особенность речи Пуаро при переводе на французский язык? В просмотренных нами двух романах 1 пе-

'РогановаЗ. Е. Указ, соч., с. 94.

2Левицкая Т. Р., Фитерман А. М. Теория и практика перевода с английского языка на русский, с. 115.

'Левый И. Искусство перевода, с. 131.

4 Федоров А. В. Указ, соч., с. 187. ; `

230
1 Christie, Agatha. Les Vacances d'Hercule Poirot (Evil under the Sun). Traduit de Fanglais par Michel le Houbie. Paris, 1960; L'Affaire Prothero (Murder at the Vicarage). Tr. de 1'anglais par Pierre-Langers. Paris, 1959.
231

реводчики в общем, как бы придерживаясь нашего принципа, употребляют преимущественно французские эквиваленты, но довольно бессистемно; в частности, в отношении Пуаро эта деталь совершенно утрачена, тогда как введение еще в самом начале небольшого добавления (скажем: "...обратился он по своему обыкновению по-французски") сохранило бы замысел автора.

Следует отметить и отсутствие того или иного обращения в некоторых языках. Так, в дореволюционной России не было обращения к незамужней женщине, присоединяемого к фамилии или имени, соответствующего нем. фрейлейн, англ, мисс и т. п., и только в так называемом "обществе", в свете, использовали фр. мадемуазель. Это затрудняет перевод обращений на русский язык, поскольку барышня употреблялось обычно без фамилии и имени. В современном турецком языке тоже нет соответствующего слова, и в нем тоже прибегают к фр. мадемуазель, но там это обращение получило всеобщее распространение и, следовательно, никаких затруднений при переводе не вызывает.

Кроме того, нельзя упускать из виду, что частотность употребления обращений неодинакова в речи разных народов. В частности, русский употребляет их значительно реже, чем, допустим, француз. Отсюда следует вывод: совсем не обязательно, чтобы каждое м'сье нашло свое отражение в русском переводе.

Нужно иметь в виду и некоторые особенности отклонения от общепринятых в большинстве языков норм обращения на уровне обыденных отношений. Так, по-английски, к жене, скажем, господина Чарлза Смита обращаются (пишут) Mrs Charles Smith, т. е. называют и ее по имени мужа; по-немецки жену доктора Отто называют Frau Doktor, а на конверте можно прочесть и такое обращение: Frau Hilde Professor Miiller. По-английски тоже можно прочесть или услышать не только Mrs Roose-velt, но и Mrs President Roosevelt, или Mrs Justice Jones, или Mrs Governor White. В прошлом такие обращения были употребительны и в Болгарии.

Бывает трудно сохранить нюансировку таких обращений, широко употребляемых на ИЯ, которые при точном переводе звучат непривычно и смешно на ПЯ- К таким обращениям можно причислить, например, универсальное в советском быту девушка (независимо от возраста); странно звучал бы и точный перевод принятого некоторыми американскими коммунистами обращения brother
232
и sister, т. е. "брат" и "сестра", вместо comrade (см. "Глубинный источник" Альберта Мальца). В таких случаях переводчик должен прибегнуть к функциональному эквиваленту, чтобы избежать причисления этих лиц к каким-нибудь сектам или церковным братствам, и перевести на русский товарищ, а на болгарский -- другарю (муж. р.) и другарко (жен. р.).

Существует группа обращений-реалий, давно превратившихся в международные, которые транскрибируются на все языки, наподобие, например, хаджи у всех мусульманских народов, для паломников, посетивших Мекку, и у некоторых христианских народов (болгар, сербов) для паломников, посетивших Иерусалим; масса (от master) у североамериканских негров, сагиб у народов Индии, баас у коренного населения ЮАР, бвана у многих народов юго-восточной Африки; все это -- обращения порабощенного или подчиненного туземца (раба) к белому хозяину, "господину".

Встречаются, однако, и другие "экзотические" обращения, которые часто сами авторы объясняют тем или иным путем, подсказывая таким образом переводчику, как поступать в аналогичных случаях. Проиллюстрируем это двумя примерами.

"Аксакал,-- тихо сказал Бозжанов по-казахски. Аксакал в буквальном переводе -- седая борода; так называют у нас старшего в роде, отца. Так иногда звал меня Бозжанов".'

"В толпе ползают или бродят искалеченные тяжелым недугом люди. ..И назойливо клянчат: -- Бакшиш, с а а б! Бакшиш, махашей!"1 (Раррядка наша -- авт.)

1 "М а х а ш е и -- вежливое обращение к пожилому человеку, особенно к жителю долины Ганга".2

Хоть и редко, но встречаются затрудняющие переводчика несоответствия при межъязыковых омонимах. Так, в современном турецком языке обращение бай перед именем и фамилией равно рус. и болг. господин, тогда как в болгарском бай добавляется перед именем в знак уважения к старшему или старому человеку.

Довольно часто встречаются ошибки в восприятии пе-

з^ек А. А. Волоколамское шоссе. М.: Сов. писатель, 1970, с. 20. Перевощиков К. А. Индия: тысячелетия поиска. М.: Известия, 1974, с. 219.

233

реводчиками обращений типа англ, джентльмен и сэр. Первое из них, употребленное именно как обращение (всегда без имени и фамилии), очевидно, следует переводить русским и болгарским эквивалентом -- господин

(как фр. monsieur, ит. signore, исп. senor и т. д.); однако немец, вероятно, скажет mem Herr, что, так же как фр. milord ' и голл. /шг/nheer, в переводе на русский и болгарский языки будет не "мой господин", а тоже только господин. С другой стороны, англ, sir очень часто требует функционального перевода и конкретизации -- господин генерал, господин начальник, господин судья, в зависимости от случая, эпохи, общественного положения, существующих отношений, а может содержать и эмфатический заряд неодобрения, упрека или же уважения и быть равным в некоторых случаях обращениям типа батюшка, любезный, дорогой мой, или же только отец, дядя и т. п.

И еще несколько примеров, хотя они тоже относятся скорее к следующему пункту. В Англии к полицейскому обращаются constable, в США говорят officer, французы употребляют monsieur 1'agent, немцы -- Herr Wachtmei-ster. В СССР обращение к представителю милиции будет товарищ милиционер или старшина, но в Болгарии учтивая форма -- только другарю старшина ("товарищ старшина") .

2. Обращения сообразно общественному и социальному положению -- чину, званию, профессии-- зачастую ставят перед переводчиком неразрешимые дилеммы в различных планах. Конечно, некоторые из этих обращений, такие как экселенц -- к дипломатам и государственным деятелям и монсеньор -- к высшим духовным лицам католической церкви, давно уже приобрели право международного гражданства и транскрибируются на всех языках.

Обращения типа ваше величество, ваше высокоблагородие, светиня ей (болг. устар. к священнику), Herr Ge-neralmusikdirektor, Esquire и множество других могут поставить в тупик переводчика, на языке которого нет эквивалентов по той простой причине, что в его стране нет и не было соответствующих титулов, должностей, отличий. Так, переводя с английского языка на русский (или

болгарский) обращение к судье your honour, мы калькируем ваша честь (ваша чест); но как должен поступить переводчик на английский язык с болгарским обращением другарю съдия? Вероятно, в целях правильного отражения наших социальных отношений, нужно перевести тоже калькой -- comrade judge, опять-таки с учетом контекста.

В большинстве европейских, да и неевропейских стран вежливые обращения господин, госпожа, соответственно мадемуазель, фрейлейн, синьор и т. п., добавляют и перед чином, титулом, служебным званием, в особенности по отношению к вышестоящим лицам. Так же приблизительно было и в дореволюционной России -- говорили господин доктор, господин ревизор, господин генерал 1; в Болгарии до 9 сентября 1944 г. даже приготовишки обращались к учительнице вежливым госпожице учителке. В настоящее время как француз говорит monsieur le pro-fesseur или немец Herr Doktor, так и в ряде социалистических стран сохранили подобное обращение: в Польше и Чехословакии -- пане, в ГДР -- герр, приобретшие при новом строе и новое содержание, близкое к советскому товарищ, болг. другарю (другарке).

Однако в английском языке обращения все-таки идут всегда без miss, mister или mistress: студент обращается к своему преподавателю professor, а солдат к высшему начальству -- general.

Вопрос перевода при этом положении ставится так: 1) это лаконичное обращение является бытовой особенностью для англичан, отражает их образ мышления, их представление об этикете; по существу это элемент вне-языковой действительности и, следовательно, подлежит перенесению в текст перевода; 2) с другой стороны, за ними кроются определенные взаимоотношения говорящих, не выраженные непосредственно в речи, но понятные для читателя подлинника -- например, отношения уважения, подчиненности и т. п., которые в других языках выражены словами господин, фрейлейн и т. п.; при переводе одним словом полковник или профессор они будут утрачены и даже, хуже того, будут приняты читателем перевода за фамильярность, панибратство или просто дурное воспитание. Эти противоречивые обстоятельст-

I

1 Milord -- French word for English lord or wealthy Englishman (COD).

234

Такая же вежливость (чинопочитание!) по отношению к военным офицерским чинам выражается в других странах иначе: фр. топ general, исп. mi general,

235

ва заставляют чуткого переводчика для каждого конкретного случая решать: оставить в переводе сержант или инспектор или же добавить к ним господин, а в случае надобности искать и других решений или же опускать все обращение.

Возьмем такой пример из рассказа Конан Дойля "The Reigate Squires":

"The official [an Inspector], a smart, keen-faced young fellow, stepped into the room. "Good morning, C o 1 o n e 1," said he. "I hope I don't intrude, but we hear that Mr. Holmes of Baker Street, is here."

The Colonel waved his hand towards my friend and the Inspector bowed...

"We were chatting about the matter when you came in, Inspecto г."...1 (Разрядка наша -- авт.]

Переводя это на русский язык, следует принять во внимание, что посетитель, полицейский инспектор, рангом ниже полковника, и, следовательно, обращается к нему как к старшему. И наоборот, Шерлок Холмс, хоть и вполне вежлив, обращается к инспектору более нейтрально, как к равному или даже нижестоящему. Поэтому этот отрывок можно перевести примерно так:

"В комнату вошел представитель полиции [инспектор], подтянутый молодой человек с интеллигентным лицом.

-- Доброе утро, господин полковник, -- заговорил он. -- Надеюсь, я не помешал, но мы слышали, что у вас господин Холмс.

Полковник указал на моего друга, и инспектор поклонился.

-- Мы как раз беседовали об этом, инспектор,-- сказал мой друг".

А вот как решает этот вопрос переводчица книги Серой Совы "Саджо и ее !бобры". В оригинале стоит: "Make it snappy, constable; I'm busy this morning."2 (Разрядка наша -- авт.) Это constable, да еще в детской книге, явно затруднило переводчицу. В самом деле, написать здесь только "полицейский" не отвечало бы принятым нормам вежливости, а "господин полицейский" про-

`Сопап Doyle A. Selected Stories. M.: Прогресс, 1965, с. 62. 2 Grey Owl. Sajo and Her Beaver People. Toronto, 1958, p. 166.

236

звучало бы совсем искусственно и непривычно для русских читателей, особенно младшего поколения. И переводчица решила вопрос радикально -- она перевела: "Нельзя ли поживей? Мне сегодня некогда"', т. е. попросту опустила все обращение. Потеря небольшая, а контекст достаточно ясно указывает, кому адресованы слова. Но такой прием, разумеется, далеко не всегда удобен и возможен.

По сути дела и на других языках можно в ряде случаев опустить господин, госпожа и пр., но таким образом обращению придается нотка интимности, с одной стороны, или же официальности, с другой, когда вышестоящий обращается к подчиненному или низшему по рангу. В принятых же в американском обиходе, а в последнее время и в английском обращениях типа boss, chief, doc, prof часто звучит чуждая для читателей перевода интимность.

В то же время, в зависимости от передаваемых автором отношений или возникающих в диалоге эмоций, поставленные перед именем, чином, званием господин, госпожа и пр. могут придать обращению самое разнообразное эмоциональное содержание; они могут выражать либо

высокомерие или раздражение, либо подобострастие. Все это зависит, кроме того, от описываемой эпохи, социальной среды, общественных или личных отношений между говорящими (в прямой речи) и т. д.

Поэтому мы не можем согласиться с обобщением Гют-тингера2, поддерживаемым и И. Левым, что "в немецкой литературе "господин" и "госпожа" добавляются к имени персонажа, только когда он должен произвести на читателя комическое впечатление..." Поставив многоточие и пропустив конкретный пример, подобранный Гюттинге-ром специально к этому высказыванию, И. Левый продолжает, как будто подтверждая все ту же мысль тем, что у Гюттингера является новым абзацем: "Эти обращения в немецком языке обладают некоторым воздействием и используются как стилистическое средство: "наш м а-ленький господин Фридеман", "этот господин Кор-тим", "этот господин Коп" и даже "н а ш господин отец" (unser Herr Vater) -- повсюду слово "господин" вносит легкий оттенок комизма"3. (Разрядка наша --

1 Серая Сова. Саджо и ее бобры. М.: Детск. лит-ра, 1978, с. 129.

2 GOttinger, Fritz. Zielsprache. Theorie und Technik des Ober-setzens. 2. Aufl. Zurich, 1963, S. 86--87.

3 Левый И. Указ, соч., с. 131. ...... :

237

авт.) Присмотревшись попристальнее, можно заметить, что не само обращение "господин", а как раз слова перед ним, придают этот "комический характер", и даже, пожалуй, не только комический, но и архаический или наивно патриархальный, в зависимости от более широкого контекста.

Трудно согласиться с И. Левым и там, где он утверждает, что "и в чешском диалоге "да, мсье", "нет, мсье" производит впечатление помехи, но не вызывает представления о французской среде"'. В последнем утверждении наши мнения сходятся, однако, на наш взгляд, беда не в самом обращении мсье, а в том, что оно не передано именно обязательным (по словам автора) "пане", так как в данном случае назначение этого повторения -- вызвать представление не о французской среде, а об отношении говорящего к адресату этих реплик (вероятно, слуги к господину). Это можно проверить еще на одном примере:

"It took me half an hour -- half an hour, sir! --to land that fish; and every moment I thought the line was going to snap! I reached him at last, and what do you think it was? A sturgeon a forty-pound sturgeon! taken on a line, sir! Yes, you may well look surprised..."2 (Разрядка наша -- авт.]

Речь этого простоватого человека, обращенная к "господину" из Лондона, звучит по-русски так:

"Ушло целых полчаса, -- полчаса, сэр! -- пока мне удалось справиться с этой рыбиной... Наконец я вытащил, и как вы думаете, кого? Осетра! Сорокафунтового осетра! Попался на крючок, сэр! Да, сэр, я понимаю ваше удивление!.."3 (Разрядка наша -- авт.)

Послушный создавшемуся внутреннему ритму, русский переводчик даже добавляет еще одно "сэр" там, где его нет в оригинале.

При перенесении разных обращений из языка в язык переводчик должен прежде всего думать о естественности тона (ведь все они встречаются преимущественно в прямой речи!), о функциональной равнозначности пере-

1 Т а м же.

2 I его те, I. K. Three Men in a Boat. M.: Higher School, 1976,

p. 133. 8 Джером Дж. К. Трое в одной лодке. М.: Худ. лит., 1977, с. 166.

233

-Вода. Механический подход, какие-либо твердые правила здесь могут легко внести фальшивую ноту.

Встречаются также случаи опасных несоответствий, которые могут ввести переводчика в заблуждение. Например, в США и Великобритании обращение профессор может в сущности относиться к самому обыкновенному преподавателю или лектору, а в Италии даже и к учителю начальной школы. Обращение к монарху -- sire, если его транскрибировать, при переводе с французского будет сир, а при переводе с английского -- сайр, и это особенно важно при переводе английской книги, в которой диалог относится к французской действительности, и наоборот. Герр полковник, адресованное советским офицером на фронте к фашистскому военнопленному, вероятно, должно прозвучать очень резко, с горечью, может быть с пренебрежением или насмешкой, и его можно передать только транскрипцией, а то и курсивом!

Несомненными и неизменными шаблонами (штампами) можно считать только общепринятые обращения в официальной, канцелярской и коммерческой корреспонденции. Впрочем, даже и эти обращения часто отражают эпоху, общественный строй и, в частности, классовую принадлежность адресата.

3. Особую категорию обращений представляют термины родства. В некоторых языках они настолько расчленены и многообразны, что вообще не поддаются адекватному переводу. Не касаясь восточных языков (в некоторых из них существуют отдельные обращения к первому, второму, третьему и даже четвертому по старшинству брату), напомним примеры из близкородственного болгарского языка (см. ч. I, гл. 3, п. 1).

В таких случаях следует учитывать обоесторонний пе ревод. Из языка, в котором существует дробное деление родственных связей, в язык, на котором их нет, введение таких слов в качестве реалий обычно нежелательно. Пе реводя же на язык, обладающий более разветвленной системой терминов родства, оказывается очень важным установить и передать точную степень родственных отно шений персонажей. Так, переводя на болгарский язык "Дядю Ваню" Чехова, нужно показать болгарскому чи тателю характер родства главного героя с остальными персонажами, почерпнув эти сведения из широкого кон текста. Чеховский дядя Ваня -- брат Сониной матери (сын Сониной бабушки) и в переводе, стало быть, будет вуйчо Ваня. , -

239

брат с уменьшительными формами в функции обращений (МАСиРСБКЕ).

Русские: брат

братец

братишка

браток

Болгарские: брат

братец

бр а т л е б р а т ч е 'братушка

Все эти синонимы нельзя расставить парами (рус. и болг.), так как эмоциональная нагрузка в них всегда зависит от контекста (болг. братушка вообще принадлежит к другой категории). Однако нем. Bruder нельзя счесть за обращение, уменьшительные же формы Bru-derchen и Bruderlein представляют гораздо меньшие возможности нюансировки, чем русские и болгарские синонимы. А в английском и французском языках эти возможности совсем ограничены. Скажем, англ. old man, old chap, old fellow звучат одинаково, и одинаково нейтрально. Стилистическую окраску они приобретают только в контексте.

Интересны также обращения, для которых каждый раз приходится подыскивать функциональный эквивалент, такие как нем. du, англ, old boy, рус. голубчик, старик, старина, матушка и пр. К ним же следует причислить и целый ряд архаичных и просторечных обращений, таких как рус. батя, милок, милсдарь, служивый, болг. байно, баювци, стрино, англ, sonny, laddie, lassie.

241

Затруднения, собственно, могут быть только практического характера: как быть, если из широкого контекста не удается извлечь данные о степени родства?

4. Немалые трудности представляет для переводчика и целый ряд узуальных фраз и формул, в том числе обращений.

По-английски даже в самых официальных письмах и к совершенно незнакомым людям нельзя обратиться иначе, как dear sir', dear madame, а к высокопоставленным лицам (даже к президенту США) --только sir и, соответственно, madam. По-русски к незнакомому лицу или в коммерческом письме не обратишься "Дорогой..." -- звучит фамильярно, а обратиться к высокопоставленному лицу просто "Господин X." или (по старому образцу) "Сударь" было бы даже неучтиво. По-немецки пишут Geehrter Herr, что вполне соответствует болг. уважаема господине, но по-русски без фамилии

так не напишешь. С другой стороны, англ, my dear general считается более официальным, чем dear general, а фр. mon general, наоборот, официальнее, чем mon cher general!

5. Нередко камнем преткновения для переводчика бывает перевод многих из эмоционально окрашенных обращений; трудность заключается прежде всего в тонкости нюансировки, которую не всегда легко уловить и, кроме того, в бедности, а иной раз и в отсутствии соответствующих средств выражения в ПЯ- Это и заставило нас включить их в категорию "непереводимого" как достаточно яркие единицы речевого этикета.

Наличие уменьшительных и увеличительных форм имен существительных нарицательных в одном языке (русском, болгарском, немецком) -- возьмем, к примеру, хотя бы рус. бабушка, бабуся, бабусенька, бабу ля, бабу-ленька -- и отсутствие или незначительное их число в другом (англ., фр.) создает затруднения "в обоих направлениях". Даже, казалось бы, соотносительные уменьшительные формы в двух близкородственных языках не всегда соответствуют одна другой по своему эмоциональному оттенку.

Сопоставим, например, русские и болгарские слова

1 Напомним писанное К. И. Чуковским о слове dear, которое, "судя по всем словарям, значит по-английски дорогой. Между

. тем оно употребляется при сухих, официальных отношениях: dear Sir, dear Mr. Randel и скорее всего соответствует нашему слову уважаемы и.." (Высокое искусство, с. 69--70)

240

-- фамильярное и дружеское обращение к мужчине, юноше, мальчику; обращение к монаху.

-- ласковое к б р а т; то же, что и брат.

-- уничижительно-ласк.

-- просторечие, то же, что братишка.

-- свойское или дружественное обращение к мужчине; обрашение к монаху. Звательные формы: брате, братко.

-- обыкновенное ласковое. Звательная форма: б р а т ч е.

-- интимное обращение к товарищу, другу.

-- уменьш. от брат и братец.

-- ласковое; наименование русского солдата или русского вообще, оставшееся со времен русско-турецкой войны.

Во многих других случаях "просто перевод" окажется неверным, так как некоторые экспрессивные обращения скрывают в себе специфическое содержание, понимание которого связано не столько со знанием языка вообще, сколько с фоновыми знаниями. Так, англ, my duck (т. е. утка или уточка) по тону совершенно противоположно болгарскому словарному значению "патка", а по-русски должно быть, примерно, голубка (но отнюдь не голубушка!); болгарское обращение патка по-немецки будет dumme Gans (т. е. глупая гусыня), а в русском языке не имеет никаких орнитологических соответствий и в переводе будет просто дура.

6. Таких же фоновых знаний требует и категория окликов, окриков или обращений к животным. По-русски к кошке обращаются киска, по-английски -- pussy, по-немецки -- Miezekatze, по-французски -- minet (minette), по-болгарски -- мацо. К медведю по-болгарски всегда обращаются в женском роде и величают "бабушкой" -- бабо мецо, к волку -- кумчо вълчо, к лисе -- кума лиса, что уводит нас обычно в страну сказок; но лиса и по-русски "кума", а по-немецки и по-французски к ней обращаются в мужском роде -- Reinecke Fuchs и Maltre Re-nard (по-немецки -- по имени Reinhard, а по-французски -- "господин"); однако в американских негритянских сказках (Joel Chandler Harris) все звери обращаются друг к другу brother ("брат"), например, Brother Rabbit. Естественно, "переводить" все эти обращения следует не по словарю, а функциональным аналогом -- скажем, как перечисленные выше обращения к кошке: в противном случае мы не только не передадим никакого колорита, но и лишим текст его сказочного "духа".

Своеобразными обращениями, уже не к животным, можно считать и ряд слов-окликов или окриков вроде международного алло, рус. гей и гой ("Гей, человек добрый!" и "Ах ты гой еси, правда-матушка..."), болг. просторечные бе, бре, ма, мари, хей, мами, баби, нем. he ("He, Sie, ist dafi..."), англ. I say, фр. dites done, и целый ряд других на всех языках. Их можно считать единицами, переходными к вокативным междометиям (см. гл. 4), которые следует передавать функциональным эквивалентом или просто опускать.

Подытоживая, еще раз отметим, что:

-- вежливые обращения либо переводятся своими со-

242

ответствиями в ПЯ, либо транскрибируются, если содержат яркий национальный колорит;

-- при обращениях сообразно чину, званию, профессии и т. д. следует прежде всего принимать во внимание узус, не забывая об эпохе, социальной среде и отношениях персонажей, что часто приводит к использованию функциональных замен;

-- обращения, выражающие родственные и вообще близкие отношения, приравниваются к существующим в ПЯ, или, реже, транскрибируются на правах реалии (национальный колорит); маловажные опускаются. И наоборот, когда в ИЯ нет таких обращений, они вводятся в перевод по мере надобности в соответствующих ситуациях;

-- узуальные обращения замещаются аналогичными формулами на ПЯ;

-- экспрессивные обращения, обращения-окрики и оклики и традиционные обращения к животным передаются функциональными эквивалентами или опускаются.

И все это -- транскрипция, перевод, замены -- осуществляется в зависимости от контекста.

Глава 4

ЗВУКОПОДРАЖАНИЯ И МЕЖДОМЕТИЯ

Собака залаяла, и то не так, отдает чужим, как будто на иностранном языке лает.

И. А. Гончаров

В самом ли деле в разных странах собаки лают по-разному? Если наблюдение объехавшего свет И. А. Гончарова соответствует действительности, то это несомненно сближает звукоподражание (ономатопею) с реалией-- национальный колорит!

Такая близость действительно существует, но, конечно, собаки и разница между ними ни при чем. Француз и венгр, русский и испанец, грек и поляк, услышав лай одной и той же собаки, воспроизведут его по-разному -- так, как каждый из них привык воспроизводить этот определенный звук. Разница здесь в национальной

243

Язык

традиции, и именно это обусловливает присутствие настоящей главы в очерках о "непереводимом в переводе". "Звуковой материал речи, -- пишет И. Левый, -- приобретает действительную "значимость", если этим материалом имитируется какой-либо природный звук, т. е. в словах звукоподражательных.." ; Но к этому нужно добавить, что, наряду со значимостью, т. е. наряду с чисто содержательной стороной (если допустить, что звукоподражания обладают ею), у этих слов есть и коннотативное значение, частью которого является национальный колорит. Только для англоговорящего петух кричит "кок-а-дудль-ду", только для русского -- "кукареку"... Небольшой перечень подобных звукоподражаний даст более яркое представление об этих национальных различиях..

Крик петуха Лай собаки

англ.

болг.

венг.

гр.

йен.

ит.

лит.

нем.

пол.

рум.

РУС-фр. чеш. шв. • эст.

ЯП.

уау-уау

бау-бау

вау-вау

гав-гав

гуау-гуау
бау-бау
ау-ау
вау-вау
хау-хау
бау-бау
(хам-хам)
гав-гав
ау-ау
хаф
вув-вув
аухх
ван-ван
кок-а-дудль-ду
кукуригу
кукуреку
кукурико
кикирики
киккерику
кака-рьеку
кикерики
кукурику
кукуригу
кукареку
кокорико
кикирики
кукелику
кукулээгу
(кикерикии)
кокэкокко

Приведенные примеры говорят, наряду с различиями, и о сходстве и даже идентичности звукоподражательной записи. При крике других животных эта близость еще заметнее. Например, кукование и мяуканье большинством народов воспринимается одинаково или с очень незначи-

"Левый И. Указ, соч., с. 326. 244

тельными фонетическими оттенками: "куку(к)" и "мяу (мьяу, няу)"'.

Впрочем, сходство и национальные различия звукоподражаний не отражаются на приемах перевода этих своеобразных единиц (лексических? фонетических?), по вопросу о природе и признаках которых мнения специалистов в значительной степени расходятся. А так как мы не собираемся давать исчерпывающую информацию о всех включаемых разными авторами единицах этой категории, приведем три авторитетных определения и укажем на их основе границы нашей темы.

О. С. Ахманова (СЛТ) определяет звукоподражание как "условное воспроизведение звуков природы и звучаний, сопровождающих некоторые процессы (дрожь, смех, свист и т. п.), а также криков животных".

В КЛЭ два определения ономатопеи: "1) В лингвистике звукоподражание, имитация фонетическими средствами того или иного языка неречевого звука.. 2) В поэтической речи -- художественный прием имитации звуковых явлений, о которых идет речь в стихах или прозе". "Звукоподражание": "1) В лингвистике -- слова, основа которых представляет собой попытку передачи к.-л. нечленораздельного звукокомплекса, имитируя неречевой звук фонетич. средствами данного языка; ..2) В поэтической речи -- художественный прием имитации звуковых особенностей явлений действительности, о которых идет речь в стихах".

Наконец, в БСЭ это -- "Изобразительные слова (зву-коизобразительные, ономатопоэтические), слова, в которых звучание частично предопределено значением слова. Различают звукоподражательные слова, использующие звуки, акустически напоминающие обозначаемое явление (рус. "буль-буль", "ку-ку"), .. звукообраз н ы е (идеофонические) слова, в которых звук созда-

ет образное впечатление о форме предметов, их движении, расположении в пространстве, качествах и пр. на основе ассоциаций между звуками и незвуковыми явлениями (движением, формой и пр.)". А "ономатопеей называют условную словесную имитацию звучаний жи-

Большинство данных о криках разных животных получено у собравшихся на III конгресс МАПРЯЛ (Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы) руссистов в Варшаве, за что авторы выражают благодарность коллегам, охотно воспроизводившим на их родных языках требуемые звукоподражания.

245

вой и неживой природы и Мира вещей ("ку-ку", "бум-бум")".

Именно такие фонетические изображения нечленораздельных звуковых явлений, а не их производные -- существительные, прилагательные, глаголы и пр., рассматриваются в настоящей главе как звукоподражания или ономатопеи.

Исходя из их происхождения, мы предлагаем следующее их деление:

1) природные (гром, треск, шелест, морской прибой);

2) животные (крики или вообще звуки, издаваемые животными, птицами, насекомыми);

3) механические (клаксон, лязг металла, звонки). С другой стороны, в зависимости от их употребительности в литературе, их можно разделить на:

1) общепринятые -- как их слышат все члены данной языковой общности;

2) индивидуальные -- как их слышит автор, или как он хочет, чтобы их услышал читатель.

Все общепринятые природные, животные и механические звукоподражания (кроме неологических) в разных языках имеют свои установленные звуковые формы. Возвращаясь к примеру о петухе, следует отметить, что все русские скажут "кукареку" и даже совсем близкое по звучанию "кукуригу" сразу выдаст болгарина, а греческое "кукурику" прозвучит странно для болгарского уха, несмотря на то, что разница только в созвучных "г" и "к".

С другой стороны, будучи именно подражаниями, все они должны войти в общую ткань переводимого текста совершенно естественно, создавая такой же эффект, как и на ИЯ. Иными словами, правильнее всего прибегнуть к подстановке, т. е. следует подменять их соответствующими им языковыми средствами ПЯ, которые иногда могут оказаться очень далекими по звучанию. Возьмем, к примеру, подражание резкому, сильному звуку, шуму, вызванному ударом, выстрелом и т. п. (по определению МАС):

рус. -- трах! кит. -- дун!
англ. -- бэнг! нем. -- буме!
болг. -- прас! рум. -- бам!
исп. -- трас! фр. -- влан!

Или щелканье ножниц:

нем. -- клип-клап англ. -- снип-снип
рус. -- чик-чик болг. -- кръц-кръ

Однако многие ономатопеи, в особенности механические, воспринимаются (и передаются) авторами чрезвычайно индивидуально. Например, механические: "В ж их, в ж и х... Вжих, вжих -- раздается на всю опушку леса странный пилящий звук..." ' (Разрядка наша -- авт.) "Дл яньг-дил инь!.. Д л и н ь-д л я н г... Дляньг-дилинь!.. Бьют склянки".2 (Разрядка наша -- авт.)

Встречаются и индивидуальные звукоподражания животным. Так, Э. Сетон-Томпсон передает даже различные настроения собаки Скукума ("Рольф в лесах"): "Яп-яп-яп" -- сердитый лай, "йип-йип-йип" -- веселый лай при виде тетерева, "яу-яу-яу" -- протяжный, веселый лай при погоне за оленем, "рряп-яп" -- ненависть к дикобразу.

Нередко такие звукоподражания явно "торчат над строкой", так как они рассчитаны на определенный стилистический эффект. Во всех этих случаях переводчик должен постараться сохранить их, ибо, как говорит И. Левый, "нельзя перевести или заменить звукоподражательный ряд, возникший в единичном случае, специально созданный для передачи того или иного природного [а мы настойчиво прибавим: или механического] звучания; здесь возможна только фонетическая транскрипция"3.

Исключением будут только неудобочитаемые, трудно произносимые на ПЯ, или же неадекватные по звучанию или значению ономатопеи. В таких случаях переводчик должен войти в роль соавтора и создать функциональный "звуковой эквивалент". Вот пример, взятый из периодики, в котором, на

наш взгляд, звукоподражания не поддаются перенесению транскрипцией ни на какой другой, даже на близкородственный болгарский язык: "Лично мне известны их [билетных полуавтоматов] три вида. Должен сказать, что они сильно отличаются друг от друга. Один из них, например, когда выдает билет, издает звук "хрым-с-с". Другой "цхам-схам", третий -- "з в я н ь - ц е н ь - ц е н ь". Одним словом -- все разные"4 (Разрядка наша -- авт.)

И, наконец, переводчик может натолкнуться на неологические звукоподражания -- обозначение звуков и при-

1 Шапошникова Л. В. Австралоиды живут в Индии, с. 199.

2 Кассиль Л. Далеко в море. М.--Л.: Детгиз, 1948, с. 3.

3 Л е в ы и И. Указ, соч., с. 126.

4 И, 13.11.1975,

247

246

родных, и животных, и механических, бытующих в ИЯ, но незнакомых для ПЯ, как встречаемое и у Джека Лондона, и у Сетона-Томпсона, и у Джэмса Кэрвуда подражание крику полярной куропатки "кррр", или же одинаково новых и для ИЯ, и для ПЯ, как следующие, тоже "полярные" ономатопеи:

"Магеллановы пингвины не замолкали ни на минуту.. Они кричали "хонк-хонк-хонк"...'"

"Арра-арра! -- громко орут кайры -- белобрюхие в черных пингвиньих смокингах"2.

И здесь, опять-таки, переводчик может поступить двояко: либо ввести неологизм в ПЯ, либо, если он труден для восприятия -- для графического или звукового воспроизведения, -- создать функциональный аналог. л,

Междометия, будучи не подражательными, а спонтанными, членораздельными звукосочетаниями, но употребляющимися "обычно для непосредственного выражения чувств и волевых побуждений (например, "о!", "ах!", "ай!")" (ЭС; см. также ст. "Междометие" в БСЭ), близки к ономатопеям, что и дает нам известные основания рассматривать их в одной главе.

Поспешим оговориться: в круг междометий, рассматриваемых нами с точки зрения возможностей и приемов перевода, не входят "полнозначные слова, утратившие свое лексическое значение и служащие для выражения эмоций"3, так же как и словосочетания с эмоциональным зарядом, употребляемые в функции восклицаний и приравниваемые в словарях к междометиям пометой "в значении междометия". Эти производные (вторичные) междометия обычно неполностью утрачивают свое семантическое значение, что и позволяет при переводе искать аналогов в ПЯ (например, болг. майчице! как выражение испуга вполне поддается переводу рус. матушки, но также и батюшки! или батюшки светы!).

1 Йильсетер Св. Остров за островом. М.: Мысль, 1974, с. 214.

2 Стоценко Вл. Командорские встречи, с. 35.

3 Грамматика современного русского языка под редакцией Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1970, с. 313--314.

248

Здесь мы ограничимся лишь первичными междометиями--"внутренне нерасчлененными и грамматически неоформленными знаками эмоционального и волевого выражения" (СЛТ).

Частным случаем, однако, является положение, когда на одном из данной пары языков (ИЯ и ПЯ) междометие-- полнозначное слово, утратившее свое лексическое значение, а его эквивалент в другом языке -- обычное междометие. Примером этому могут послужить упомянутые в предыдущей главе англ, say или нем. du, соответствующие часто рус. эй или ну.

Говоря особо о междометиях в художественном переводе, независимо от всех других классификаций, по внешним признакам их, так же как и звукоподражания, можно разделить на две группы: 1) междометия обычные для данной языковой общности и 2) междометия индивидуальные, представляющие собой авторские неологизмы, которые используются в первую очередь в функции речевой характеристики.

Первые большей частью можно перевести функциональными эквивалентами. Это нетрудно показать на простом примере:

нем. -- au!

-- аулеу
-- вай!
-- ай-ай!
рум тур фр.
рус. -- ой!
англ. -- ау!
болг. -- олеле!
Исп. -- ау-ау-ау!

То же касается междометий вокативных и императивных: вокативные -- рус. цып-цып!, болг. кът-кът-кът!, англ, chuck-chuck, фр. poule! poule! poule!, нем. Putput; императивные -- рус. но!, болг. дий!, англ, gee, фр. hue, нем. hu(h)!.

Бывает, однако, и так, что даже при наличии полного или приблизительного соответствия на ПЯ переводчик предпочитает, в интересах сохранения колорита или "атмосферы" ритмо-мелодических и интонационных особенностей переводимого текста, транскрибировать встреченное им междометие. Тогда там, где контекст остается неясным, он может добавить объяснительную фразу.

Следующий характерный пример мы заимствуем не из собственно перевода, а из пересказа алеутской сказки "Мальчик в девичьей одежде": "Ауага ! -- закричал К.а-наагутух. Так всегда люди кричат в с и л ь -

249

ном и с пу ге"'. Разумеется, такие пояснения должны быть не правилом, а исключением.

Что касается индивидуальных междометий, которые, к счастью переводчика, встречаются сравнительно редко, здесь мудрствовать лукаво не приходится: их почти всегда транскрибируют, как, например, в следующей выдержке из "Фрегата "Паллады" И. А. Гончарова: "Вандик придерживал лошадей. "Аnnл!" (разрядка наша -- авт.) --кричал он по временам. Мы не могли добиться, что это значит: собственное ли имя, или так только, окрик на лошадей.. Когда мы спрашивали об этом Вандика, он только улыбался"2. Исключением могут быть лишь такие междометия, которые не поддаются транскрипции или же являются неподходящим или неудобным омонимом междометия или полнозначного слова на ПЯ.

Глава 5

ные слои языка подчиняются своим нормам и не имею! ничего общего с намеренным или ненамеренным коверка-нием разговорной речи"'.

Нельзя не согласиться с тем, что диалект, просторечие, жаргон "подчиняются своим нормам"; с другой стороны, определенные нормы можно обнаружить и в ломаной речи, в речи иностранца, коверкающего язык. Но если исходить из понятия о нормах литературного языка, то наиболее удобным можно все же считать термин "отклонения от литературной нормы", объединяющий все случаи искажений литературного языка и речи. Вместе с тем замечание Я- И. Рецкера об отличии между "периферийными слоями языка" и "намеренным и ненамеренным ко-верканием разговорной речи" (он называет его "конта-минированной речью") наводит на мысль о двух типах отклонений, которые мы условно назвали коллективными и индивидуальными.

I. Коллективные
1. Просторечие.
2. Диалекты.
3. Жаргоны1.
4. Арго2
5. Сленг2.
6. Профессиональные языки3.

Те или иные из перечисленных отклонений используются авторами

а) как основное языковое средство (отклонения группы I), т. е. определенное отклонение во всем произведе-

'Рецкер Я. И. Передача контаминированной речи в переводе и роль традиции. -- ТП, 1968, N 5, с. 92.

2 "Жаргон", "арго" и "сленг" -- понятия очень близкие; четкий границы между ними нет (например, для СЛТ и С-СЛТ разница между первыми двумя заключается лишь в уничижительном оттенке первого; согласно БСЭ, жаргон и просторечие образуют сленг).

3 Профессиональные языки являются социальными диалектами (СЛТ); выделяем их особо в связи с их значением с точки зрения перевода.

4 Термин и несколько примеров заимствуем у Н. А. Я н к о - Т р и -н и цк о и (Вольности устной речи. -- РР, 1968, N 5).

9*

ПРОСТОРЕЧИЕ, ДИАЛЕКТ, ЖАРГОН, АРГО, ЛОМАНАЯ РЕЧЬ

(Отклонения от литературной нормы)

"..Непередаваемые особенности действительно есть. Это не те специфические для одного языка элементы, которым нет прямого формального соответствия в другом и которые тем не менее могут быть переданы, компенсированы с помощью определенных грамматических или лексических средств, способных воспроизвести их роль в системе контекста. Действительно непереводимыми являются лишь те отдельные элементы языка подлинника, которые представляют отклонения от общей нормы языка, ощутимые по отношению именно к этому языку, т. е. в основном диалектизмы и те слова социальных жаргонов, которые имеют ярко выраженную местную окраску", -- пишет А. В. Федоров3. А Я. И. Рецкер считает, что к нарушениям литературной нормы не следует относить просторечие, диалекты, жаргоны. "Эти периферий-

1 Журавлиное перо. Сказки народов Севера. Пересказали для детей Н. Гессе и 3. Задунайская. Л.: Детская литература, 1968, с. 291.

2 Гончаров И. А. Фрегат "Паллада". Т. I. М: Гос. изд-во худ.
лит-ры, 1957, с. 179. 3Федоров А. В. Указ, соч., с. 145.

250

II. Индивидуальные

1. Вольности устной речи4.
2. Детский язык.
3. Ломаная речь.
4. Дефекты речи (косноязычие, шепелявость, сюсюканье, гнусавость, картавость, пришепетывание, заикание и пр.).

251

5. Ошибки в произношении и правописании.

нии (в том числе авторская и/или прямая речь), например, сленг в романе "Над пропастью во ржи" Дж. Сэлинджера, баварский диалект во многих произведениях Лудвига Томы, родопский диалект в "Диких рассказах" Н. Хайтова, диалект софийских шопов в ряде произведений Элина-Пелина и т. д.;

б) как речевые характеристики отдельных персонажей (этот прием настолько широко распространен, что не нуждается в примерах) и

в) как отдельные вкрапления -- для колорита (к ним вполне применимо сказанное в гл. 6).

А. В. Федоров, упомянув об их (в частности, диалектизмов) "непередаваемости", тут же рассматривает примеры их передачи, хотя и другими средствами, т. е. допускает возможность их функционального перевода или компенсации, а И. Левый уточняет: "...вовсе не обязательно, чтобы в народной речи каждому разговорному обороту оригинала отвечало просторечие в переводе: оно может быть использовано в другом месте, лишь бы общее впечатление от речевой характеристики сохранилось неизменным" '.

Выходит так: с одной стороны, если принять формулировку Э. Г. Ризель, "писатель имеет полное право для разрешения творческих задач (речевая характеристика, описание социальной среды и исторического .колорита и т. д.) отобрать любое слово или выражение, любую морфологическую форму или синтаксическую конструкцию из нелитературных источников"2, а с другой, учитывая, что переводчик всегда в принципе подчинен воле автора, т. е. обязан передать действительность такой, какой ее видит автор, он должен дать понять читателю, что в данном случае прямая речь и/или авторские отступления ненормативны. И не только дать понять, но в некоторой степени создать и соответствующую атмосферу.

Итак, при жаргоне, арго и сленге самым естественным, бесспорно, будет прибегнуть к функциональным аналогам при наличии их в ПЯ- Известные соответствия существуют почти на

всех языках (в частности, о чешском И. Левый говорит: "Некоторые языки обладают гораздо более богатыми, чем наш, возможностями оттенять

'Левый И. Указ, соч., с. 148.

2 Ризель Э. Г. Языковые нормы и так называемые "нарушения языковых норм".--Ученые записки 1-го МГПИИЯ, т. IV, 1957, с. 295--298.

252

социальные различия персонажей, поскольку их разговорная речь располагает значительно более широкой стилистической шкалой" !). Трудности возникают при отсутствии двуязычных и даже одноязычных словарей жаргонов и арго, в том числе на русском и болгарском языках2.

Где-то на грани между жаргоном и просторечием стоят и профессиональные диалекты (Л. И. Скворцов называет их профессиональным просторечием3); к ним относятся и элементы терминологии, принятые в среде данной профессии как обиходные слова; к ним переводчик, очевидно, тоже должен подыскать соответствия, если они существуют в ПЯ-

Особым явлением считается англ, (ам.) сленг, который большинством ученых определяется как "экспрессивное англ, (ам.) просторечие"4 и который Л. И. Скворцов отождествляет с "групповым говором" вообще, а последний-- с просторечием5.

В общем все эти категории (арго, жаргон, профессио-нализмы, сленг), по мнению многих авторов, в конечном счете тесно связаны с просторечием и нередко отождествляются с ним или переходят в него. Следовательно, при отсутствии соответствий или функциональных аналогов, переводчик может прибегнуть к просторечию, которое и придаст переводимому тексту необходимую характеристику отклонения от литературной нормы.

Некоторые авторы намечают и дальнейшую эволюцию или "олитературивание" более устойчивых жаргонизмов и диалектизмов, "превращение нелитературных языковых средств в литературные через посредство стилистических приемов" в художественной и общественно-политической литературе6.

При диалектизмах, по сути дела, разница в положении состоит в том, что, согласно давно принятой в искус-

1 Левый И. Указ, соч., с. 118.

2 Об этом см.: Флорин С. Чем словари не удовлетворяют переводчика?--МП, 1974, 10, с. 397--398.

3Скворцов Л. И. Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии. -- Сб. Литературная норма и просторечие. М.: Наука, 1977, с. 29.

4 Исчерпывающий анализ понятия "сленг" и соответствующую библиографию см.: Крупнов В. Н. Указ, соч., с. 98--100; Рози-н а Р. И. Американский сленг XX в. в аспекте перевода. -- ТП, 1977, N 14, с. 36--37.

5Скворцов Л. И. Указ, соч., с. 55. Р и з е л ь Э. Г. Указ, соч., с. 297; ср.: Скворцов Л. И. Там же.

253

стве художественного перевода аксиоме, диалектизм вообще нельзя переводить диалектизмом ("..немыслимо переводить южнофранцузские диалектизмы с помощью особенностей южнорусских диалектов"1). Поэтому нам кажется неправильным, например, подход Майкла Хол-мана, английского переводчика "Диких рассказов" Н. Хайтова, который заявил на международном симпозиуме^ в Софии (1975 г.), что переводит родопский диалект йоркширским на том основании, что в английском языке нельзя найти другой сниженной лексики такого рода и что йоркширцы, как социальная группа, имеют что-то общее с родопчанами (впрочем, сам М. Холман сознался, что тем самым он рискует превратить для читателя родопчан в йоркширцев). Явно, единственную возможность нюансировать текст перевода предлагает опять-таки просторечие, о чем говорит целый ряд теоретиков перевода2, добавляя, что делать это нужно осторожно и экономно, с чем мы вполне согласны. Возражение против этого мы находим в цитированной выше статье В. Г. Гака, где сказано: "Так же невозможно передать французское просторечие, лежащее за пределами литературной нормы, русским просторечием"3. Однако, очевидно, это только различие в терминологии или в разграничении различных лексических пластов, так как далее сам же В. Г. Гак пишет: "В этих случаях показывают лишь некоторое отклонение речи говорящего от "выдержанной" литературной речевой нормы, что достигается не употреблением русских диалектизмов или вульгаризмов, но использованием некоторых разговорных элементов языка"4.

Частным случаем являются места, где автор оговаривает диалектную речь своего героя. В таких местах, на наш взгляд, сказанного автором достаточно, и лучше пе-

1 Г а к В. Г. "Коверкание" или "подделка". -- ТП, 1966, N 3, с. 38.

2 См., например, кроме Федорова А. В. (Указ, соч., с. 314-- 318), Гак В. Г. Указ, соч., с. 38; К о п а н е в П. И. и др. Просторечие и проблема перевода (Тезисы). -- ТПНОПП, ч. I, с. 174--176; Коптилов В. В. Высказывания на V конгрессе славистов. -- Славянская филология, т. П. София, 1963, с. 245; Кашкин Ив. Указ, соч., с. 457--458; Левый И. Указ соч., с. 139--140; Рецкер Я- И. Теория перевода и переводческая практика, с. 60; Р о з и н а Р. И. Указ, соч, с. 45; Швейцер А. Д. Указ, соч., с. 25; Перевод и социолингвистика (Тезисы) -- ТПНОПП, ч. I, с. 67 и др.

3 Г а к В. Г. Указ, соч., с. 38.

4 Т а м ж е.

254

редать самую реплику на литературном языке, не подыскивая никаких аналогов: "..каза с характерния си вят-ски говор:" -- Глей да те не у те па попътя!"1 (Разрядка наша -- авт.) Здесь можно было бы обойтись без просторечия "глей" и диалектизма "утепа".

Интересно, что диалект и говор везде определяются, как понятия местные, территориальные (см. MAC, ЭС), но в США, где сожительствуют большие национальные группы иммигрантов, выработались и существуют и говоры (диалекты?) групповo-национальные -- итальянский, креольский, негритянский (их несколько), немецкий и т. д. Все эти "диалекты", так же как и пиджин-инг-лиш (англо-китайский гибридный язык), отличающиеся фонетическими и морфологическими искажениями английского языка, приближаются к ломаной речи, о которой мы будем говорить дальше.

Поскольку жаргоны, арго и сленг подвержены частым изменениям, переводчик, подыскивая им соответствия, не должен упускать из виду и временной фактор. Например, сленг нередко становится "языковой приметой поколений" (БСЭ), так что неудачно подобранное соответствие грозит иной раз обернуться анахронизмом.

Не менее опасно и пренебрежение к местному фактору, что особенно касается применения в ПЯ отдельных диалектизмов, стоящих на грани просторечия.

В отношении профессионализмов переводчику нужно чутье--зачастую он должен распознать их, выделить из кажущегося гладким текста, что бывает трудной, почти невыполнимой задачей, в особенности когда он соприкасается с переводом каламбуров или фразеологизмов.

Переводчик должен угадать профессионализм и там, где его нет в оригинале, т. е. при безэквивалентности или недифференцированности. Так, по-русски и конторский служащий, и столяр, и сапожник употребят в разговоре слово клей, но по-болгарски первый скажет лепило, вто-рой-- туткал, а третий -- пап или чириш, например, в фразе "Пахнет клеем"; с другой стороны, и болг. лепило может быть клей или клейстер.

Беседу о переводе диалектов, жаргонов и пр. позволим себе заключить еще одной цитатой из книги А. В. Федорова: "..основным функциональным соот-

Шаляпин Ф. Странии от моя живот. София, 1962, с. 262.

255

I

ветствием всякого рода диалектизмам (как территориальным, так и социальным) в русских переводах способно служить просторечие в широком смысле слова" 1. Только мы несколько расширим эту мысль: это относится не только к русским переводам, а к переводу вообще. О том же в "Высоком искусстве" пишет и Корней Чуковский.

Вторая группа отклонений от литературной нормы охватывает умышленное и неумышленное словотворчество: своеобразные неологизмы (вольности устной речи и детский язык -- детские окказиональные неологизмы) и неправильности речи и произношения (детский язык, ломаная речь -- по незнанию языка или недостаточной языковой культуре, и все виды дефектов речи).

В цитированной выше статье Н. А. Янко-Триницкая приводит различные примеры вольности устной речи: уточнение высказывания или придание ему образности: "до-воспоминание", "сорадование"2, "холодовка"; экспрессия и создание комического эффекта: "нажитки", "одномыльчане", "подсебятина"; создание производных слов с аффиксами не по принятым образцам: "загибоны", "болыпинский", "недурственный"; замена созвучными словами: "спина -- спиноза", "пол

-- полонез", "могила-- Могилевская губерния"; искажение фонетического облика слова: "уря" (ура), "вумный" (умный), "вьюно-ша" (юноша), "шкилет" (скелет -- в смысле худобы); видоизменения звукового облика слова "на западный манер": "мордолизация", "опрокидонтом", "кель выра-жанс", и т. д.

Такие слова (личные или услышанные авторами) трудно назвать и окказионализмами, сочиненными для данной ситуации. В большинстве своем они даже не приживаются, но некоторые "входят в пословицу" и цитируются только в своем определенном окружении -- на грани каламбуров. Не исключены, конечно, и случаи, когда некоторые из них переходят в просторечие и появляются в словарях -- хотя бы то же "недурственно" (в МАС с пометой "прост.").

К ним же следует причислить и все детское словотворчество, прекрасно описанное К- Чуковским в его своеоб-

1 Федоров А. В. Указ, соч., с. 316.

8 Между прочим, в болгарском языке существует глагол "сърадвай" и существительное "сърадване", а глагол "сорадовать" мы нашли

у Даля. ... ; •

256

разном шедевре "От двух до пяти" и не нуждающееся в каких-либо дополнениях и объяснениях.

Передача таких вольностей устной речи, такого словотворчества, наряду с игрой слов (каламбурами),-- пробный камень таланта и находчивости переводчика. Здесь можно дать только один совет: быть осторожным, экономным и стараться "попасть в тон" с автором. И, как выразился в той же гамме В. Е. Шор, всегда "лучше не-доборщить, чем переборщить".

К этой же категории относятся и случаи, когда автор одними морфологическими средствами придает родному слову внешний облик какого-нибудь слова другого языка, или же, наоборот, слова другого языка облекает в морфологическое одеяние родного, как это делает Рабле в главе VI своего "Пантагрюэля", озаглавленной "О том, как Пантагрюэль встретил лимузинца, коверкавшего французский язык". В указанной выше статье В. Г. Гак приводит три приема, использованных одним из лучших советских переводчиков Н. Любимовым для передачи квази-ученой латинизированной речи лимузинца: а) латинские слова в русской морфологической оболочке, б) русские слова в латинской морфологической оболочке и в) элементы высокого стиля (поэтизмы, церковнославя-низмы) .

Итак, рецепт дан мастером перевода или, скорее, извлечен из его практики. Оказывается (обычно так и бывает), у каждого из этих трех приемов есть свои плюсы и минусы, которые нас интересуют с точки зрения доходчивости перевода и сохранения намерений автора. Рассмотрим их в обратном порядке.

в) Поэтизмы и церковнославянизмы вполне понятны для среднего читателя перевода, они, бесспорно, передают возвышенность тона, но бессильны, сами по себе, передать квази-ученость.

б) Русские слова в латинском обличье, может быть, и звучат "порой пародийно-иронически'", но не вразрез с намерениями автора (т. е. они представляют собой параллель -- или антипараллель? -- латинских слов с французскими окончаниями у автора), и тоже понятны среднему читателю перевода.

а) Латинские слова в русской морфологической оболочке звучат в тон с повествованием, создают впечатление "научности" и производят комический эффект, но... остаются непонятными для среднего читателя перевода,

257

т. е. по сути Дела, Являются для него тем, что В. Г. Гак называет "полной белибердой" '. Дело в том, что, несмотря на свою архаичность вообще, несмотря на неупотребительность в современном французском языке или же в • других значениях латинских слов, оригинальный текст фразы "..inculcons nos veretres es penitissimes recesses des pudendes de ce meritricules amicabilissimes" остается все-таки близким к сознанию современного французского читателя (хотя в "переводе" Пьера Мишеля ни одно слово не совпадает с оригиналом : "..penetrons de nos ... les retraites les plus profondes des ... de ces petites p... si ami-ables"2. "Русский" же текст Н. Любимова "..инкулькиру-ем наши веретры в пенитиссимные рецессы пуденд этих амикабилиссимных меретрикулий"3 остается для рядового читателя именно "глокой куздрой" Л. В. Щербы, о значении которой нужно догадываться по предлогам и флексиям. Но что бы вышло из применения того же приема в обратном

направлении? Возьмем другую фразу из русского перевода Любимова и попытаемся перенести ее обратно во французский тем же способом: "T c h t i m o n s snisquer la blagovolence!"4. Мы не отрицаем качеств прекрасного перевода Н. Любимова, а только лишний раз подчеркиваем важность принципа "доходчивости", в интересах которой и Л. Толстой переводил в "Войне и мире" все французские вкрапления на русский язык.

Неправильности детской речи большей частью малочисленны и эпизодичны, не имеют ничего общего с национальным колоритом, и передавать их следует функционально, т. е. "коверкание" должно соответствовать детскому языку на ПЯ, -- малейшее утрирование может погубить эффект.

Ломаная речь иностранца, не знающего ИЯ, должна прозвучать естественно на ПЯ; поэтому передавать ее следует тоже функционально. По-видимому, для

1 Гак В. Г. "Коверкание" или "подделка", ее. 41, 42.

2 Rabelais, Francois. Pantagruel. Publie sur le texte defimtif etabli et annote par Pierre Michel. Paris, 1964.

3 Библиотека всемирной лит-ры. Рабле Франсуа. Гаргантюа и Пантагрюэль. М.: Худ. лит-ра, 1973, с. 178.

4 Сам Н. Любимов косвенно высказывается против не понятных для читателя слов и выражений: "..в переводе "Дон Кихота" и того же "Гаргантюа" я употреблял лишь такие архаизмы, которые понятны без подстрочных примечаний и без заглядывания в словарь Срезневского". (Перевод -- искусство. -- МП, 1963; 3, с. 244).

258

этого переводчику необходимо некоторое знакомство со строем и звучанием языка этого иностранца, так как такая речь обычно является переводом с его родного языка. Однако немец, слабо знающий французский, и немец, плохо владеющий русским языком, переведут свою мысль по-разному. На это положение указывает и В. Г. Гак: "В некоторых случаях в языке подлинника и языке перевода могут существовать определенные традиции в изображении особенностей речи, возникающих под влиянием третьего языка. Эти традиции опираются на структурные расхождения внутри каждой пары языков и внешне могут иметь различные черты. Так, в русской литературе немецкий акцент нередко изображается употреблением "и" вместо "ы", мягкого "ль" вместо твердого "л", т. е. показывается замещение немецкими фонемами русских фонем, отсутствующих в немецком языке. Во французских же текстах немецкий акцент передается заменой звонких согласных глухими и наоборот" '. Таким же образом для неправильной болгарской речи русского характерны ошибки в употреблении артикля, а для болгарина, говорящего по-русски, -- ошибки в падежных окончаниях, твердость мягких согласных, мягкость "ж" и "ш". Однако при переводе на французский, немецкий, английский или какой-либо другой язык русской книги, в которой встречается ломаная русская речь болгарина, или болгарской книги с ломаной болгарской речью русского, сохранить типичность этих ошибок окажется невозможным, и переводчику придется искать другой прием, заменяя морфологические ошибки фонетическими, фонетические -- синтаксическими, или наоборот, но всегда такими, которые присущи русскому или болгарину на соответствующем ПЯ.

Но и это не следует применять машинально. В рассказе "Качество", ("Quality"), средствами твердого немецкого произношения (в частности, озвончения) совершенно правильной в остальном английской речи, Дж. Голсуорси придает своеобразный трагизм образу своего героя -- сапожника Гесслера, немца: "Zome boods," he said slowly, "are bad from birdt. If I can do noding wid dem, I dake dem off your bill." Не подобрав соответствующих средств, "не попав в тон", переводчик может легко превратить этот трагизм в комизм и разрушить эффект всего рассказа.

Гак В. Г. Указ, соч., с. 39.

259

Положение в известной степени переменится в случае преднамеренного коверканий или ошибок, т. е. когда иностранец (носитель третьего языка) намеренно коверкает ИЯ или носитель ИЯ коверкает родной язык, чтобы сделать свою речь "более понятной для других" или чтобы сойти за иностранца. В таких случаях всегда проскальзывает нотка искусственности, которую, хотя это и очень трудно, следует тоже передать в переводе. Почти все практики и теоретики художественного перевода, затрагивая эту проблему, говорят о чувстве меры, экономности в стилизации национально окрашенной (т. е. ломаной) речи. Ив. Кашкин ставит в пример переводчикам таких авторов, как Пушкин и Лев Толстой: "..найдя верную тональность, Пушкин точно обозначает ее для читателя очень

действенным намеком, а потом лишь напоминает о ней", и "Толстой стилизует только ключевые (начальные или ударные) фразы, а затем переходит на обычную сказовую речь: 'разумеется, исключая неправильность языка, о которой читатель может судить по первой фразе" '.

Однако такая "экономность" переводчика там, где сам автор не воспользовался ею, иногда приводит к нарушению его замысла, так как все неправильности (и дефекты) речи проявляются сильнее при волнении, в напряженные моменты, т. е. являются деталью психологического, эмоционального состояния персонажа, необходимым штрихом образа, а такие детали и штрихи, разумеется, экономить нельзя.

Как элемент речевой характеристики персонажа эти отклонения не связаны обязательно с данным словом, предложением. Поэтому переводчик волен воспользоваться любой компенсацией подходящими -- фонетическими, морфологическими, синтаксическими -- средствами.

Ломаная иноязычная для оригинала речь персонажей является иноязычным вкраплением, т. е. при переводе на русский и болгарский с языков, пользующихся латиницей, следует давать ее латиницей же или транскрибировать, в обратном случае -- кириллицу передавать латиницей.

Различные дефекты речи, такие как косноязычие, пришепетывание, шепелявость, сюсюканье, гнусавость, кар-

тавость, заикание, обычно передаются функциональным аналогом или же их можно оговорить краткой фразой в тексте: "зашепелявил старик", "сильно заикаясь", "глотая на английский манер все 'р'", said he with a lisp, stammelte sie и т. п.

Далеко не все дефекты речи встречаются во всех языках. Дефект для одного языка может быть нормой для другого: передавая речь грека на болгарском языке, все авторы заставляют его произносить "з" вместо "ж" и "с" вместо "ш"; таким образом, то, что по-русски или болгарски было бы сюсюканьем, является здесь отличительной национальной чертой речи; для нашего уха большинство французов картавят, во французском же языке нет даже такого понятия -- картавость!1 С другой стороны, сравнительно редко такие дефекты приписываются авторами главным героям и редко проводятся сплошь во всех репликах таких персонажей. Конечно, нет правил без исключений, и астматичный господин Слири, не совсем эпизодический персонаж в романе Диккенса "Тяжелые времена", на протяжении всего романа произносит [0] и [б] вместо "с" и "з" (на русский это передано переводчиком как "х").

Намеренно введенные и очень часто оговариваемые автором ошибки в произношении или правописании персонажей, как, скажем, "pan -- р-а-п" Толстого (случай описан подробнее в следующей главе), тоже передаются функциональным аналогом, как это и сделал французский переводчик "Войны и мира".

1 Зато во французском существует понятие "rouler Гг"; как и у англичан, в противоположность их глухому "г", существует понятие "to rc'.l one's rs".

1 Кашкин Ив. Указ, соч., с. 460. 260:

Глава 6
ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ

Ma chere Alexandrine, Простите, же ву при, За мой армейский чин Все, что je vous ecris; Меж тем, же ву засюр, Ich wunsche счастья вам, Surtout beaucoup d'amour, Quand vous serez Мадам.

М. Ю. Лермонтов

В лингвистической литературе для разных иноязычных и заимствованных элементов лексики и фразеологии встречается немало терминов: "иностранное слово", "чужое слово", "варваризм", "экзотизм", или "экзотическое слово", "макаронизм", "алиенизм", "заимствованное слово", или "заимствование" и пр.; некоторые мы постарались отграничить уже в ч. I (см. гл. 1, с. 15 и гл. 4, •-, с. 39). Среди них и в отличие от них должен найти мес- < то и принятый нами термин "иноязычное вкрапление".

Некоторым писателям, в особенности классикам прошлого, было присуще употребление более широкого круга иноязычных вкраплений. В старых произведениях западной литературы было принято пересыпать изложение мудрыми фразами, афоризмами и/или просто единичными словами на латинском и древнегреческом языках: это не только считалось признаком эрудиции, но некоторые образованные люди в самом деле так говорили. То же в значительной степени касается и русской

классической литературы, которой, кроме латинских и, меньше, древнегреческих, присущи были главным образом французские и, в несколько меньшей степени, немецкие вкрапления '. Об их характере и числе в русских текстах можно судить, например, по материалу двухтомного Словаря выражений и слов, употребляемых в русском языке без перевода (т. е. авторы имеют в виду преимущественно прижившиеся нерусские единицы), в котором подавляю-

В болгарской классической литературе иногда встречаются турецкие, реже -- греческие слова и выражения, но в общем вкраплений в ней намного меньше.

262

щее большинство примеров -- из литературы конца XVIII--XIX вв.1

Кроме таких вкраплений писатели и теперь употребляют повседневные слова и выражения на чужом для самого произведения языке. Они вкладывают их в уста своих героев или используют в авторской речи в интересах колорита или как деталь речевой характеристики, дают их в иноязычном написании или же транскрибируют (мы исключаем ломаную речь, о которой говорили в предыдущей главе).

С другой стороны, произведения современных авторов на всех языках испещрены иностранными словами и выражениями (терминами, реалиями и пр.) гораздо больше, чем когда-либо в прошлом, в результате интеграции наук и искусств и огромного увеличения международного обмена информацией и расширения круга фоновых знаний "человека с улицы". Полностью или отчасти ас-симилированные (заимствованные слова, в том числе и интернационального фонда), они подчиняются грамматическим правилам принявшего их языка и, в нашем понимании, не являются иноязычными вкраплениями: автор употребляет их непреднамеренно, как привычные для него слова родного языка.

Иноязычными вкраплениями в нашей терминологии, как уже было сказано (ч. I, гл. 1), являются слова и выражения (или, как иногда у Л. Толстого, целые пассажи и письма) на чужом для подлинника языке, в иноязычном их написании или транскрибированные без морфологических или синтаксических изменений, введенные автором для придания тексту аутентичности, для создания колорита, атмосферы или впечатления начитанности или учености, иногда -- оттенка комичности или иронии2.

Приблизительно такое же содержание некоторые авторы вкладывают в понятие "варваризм". Так, Д. Э. Ро-зенталь в своем определении этого термина относит к варваризмам довольно разнородную лексику: иноязычные слова вообще, реалии, термины, ломаную речь, причем недостаточно ясной остается разница между э к з о -

1 Бабкин А. М., Шендецов Б. В. Словарь иноязычных выражений и слов, кн. 1--2, М.--Л.: Наука, 1966.

2 Интересно исчерпывающее изложение этого вопроса в рамках русского языка в гл. 3 ("Иноязычные выражения") книги А. М. Бабкина "Русская фразеология, ее развитие и источники" (Л.: Наука, 1970).

263

тической лексикой и варваризмами. Автор иллюстрирует их одинаковыми по своему характеру примерами из Пушкина (для первых -- "мантилья", "панна", "делибаш", "янычар", для вторых -- "боливар", "брегет", "васисдас"); в дополнение к ним дает и несколько примеров из Маяковского ("авеню", "стриты", "собвей", "элевейтер", "ажан", "пульке"). Ломаная речь, о которой мы говорили в предыдущей главе, иллюстрирована отрывками из стихотворения Д. Бедного "Манифест барона фон Врангеля": "Вам мой фамилий всем известный..." и т. д. Однако тут же даны и примеры типичных иноязычных вкраплений в их оригинальном иноязычном написании и в русской транскрипции, первые опять-таки из Пушкина (vale, far niente, et cetera, in quarto, du comme il faut, tete-a-tete), вторые -- из комической поэмы И. П. Мятлева "Сенсации и замечания г-жи Курдкжовой" ("Адью, адью, я удаляюсь, Люан де ву..." и т.д.), являющейся ярким образцом "макаронических стихов"'. Там же Д. Э. Розенталь указывает на две функции элементов, обобщенных им под названием вар-варизмов: во-первых, служить передаче соответствующих понятий (к ним мы причисляем реалии и термины) и созданию местного колорита (не упоминая временного и социального колоритов, традиции или узуса на данном отрезке времени); а во-вторых, быть "средством сатиры для высмеивания людей, раболепствующих перед иностранщиной, средством иронической речевой характеристики действующего лица". Со второй установкой мы тоже не вполне согласны, так как

сатирический и иронический характер иноязычные вкрапления приобретают только в макаронической речи (в стихах и прозе) или при создании нарочито комических ситуаций. Кстати, макароническая речь почти непереводима на язык этих вкраплений. Единственным и очень трудным, даже рискованным приемом было бы замещение их функциональным эквивалентом или аналогом на каком-нибудь другом языке. Гораздо безопаснее превратить правильные "макаронические" вкрапления в ломаную речь. Ломаная же речь сама по себе -- явление другого характера и не является иноязычным вкраплением (см. гл. 5).

И. Левый, с другой стороны, приводит к одному знаменателю иностр анный язык и местный диа-языка.

1 Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского Изд. 3-е. М.: Высшая школа, 1974, с. 80--81.

264-

лект, называя оба "чужеродной языковой системой", которая "сама становится художественным средством и, как таковое, непереводима". Для нас диалект -- отступление от литературной нормы, и он рассмотрен нами тоже в предыдущей главе. Однако с иностранным языком дело обстоит иначе. "Чужой язык, принятый в среде, где создавался оригинал, -- продолжает И. Левый, -- часто бывает непонятен читателю перевода, поэтому чужеязыч-ную речь нельзя в переводе сохранить. Так, непонятны были бы финикийская речь в устах воина-пунийца из комедии Плавта "Пуниец", турецкая -- в классической болгарской литературе, а для малообразованного читателя-- и французская в "Войне и мире" Толстого. Если заменить чужеязычные выражения фразами на литера-турном языке переводчика, они утратят свое художественное качество; обычный перевод в сносках непригоден здесь, так же как и подстрочные пояснения исторических реминисценций"'. Тут мы бы возразили по двум пунктам: во-первых, вряд ли и при постановках "Пунийца" в свое время в Древнем Риме финикийская речь воина была понятна всем зрителям или даже какому-то их большинству; во-вторых, говоря о французских вкраплениях в "Войне и мире", И. Левый забывает, что сам Л. Толстой их переводил, иногда в сносках (больше), а иногда и в тексте.

В мировой литературе наблюдается в основном два подхода в отношении иноязычных вкраплений в подлиннике: 1) автор вводит их без пояснений, рассчитывая, по-видимому, на контекстуальное осмысление и подготовку читателя, или же, считая их элементами колорита, атмосферы, для ощущения которых не обязательно их смысловое восприятие, иной раз даже мешающее, т. е. важна форма, а не вложенная в нее информация, и 2) автор тем или иным путем доводит до читателя их значение. Первым путем вводятся итальянские, испанские, немецкие и французские вкрапления у Хемингуэя, голландские и французские у Ирвинга Стоуна; второй характерен в некоторой степени для русских (Л. Толстой, И. А. Гончаров), немецких и болгарских писателей.

В средневековой литературе почти никто эти вкрапления не переводил ни в тексте, ни в сносках, поскольку потенциальными читателями были такие же эрудиты.. Например, Фрэнсис Бэкон (1561-1626) в коротеньком эс-

1 Левый И. Указ, соч., с. 137--138.

265

се "О чтении" ("On Studies") употребляет латинскую сентенцию "Abeunt studia in mores" (Занятия налагают отпечаток на характер) и выражение "cymini sectores" (букв: "расщепляющие тминые зерна" -- о людях, вдающихся в излишние тонкости), непонятные теперь без перевода большинству даже высокообразованных людей-- ведь латынью в наше время занимаются лишь узкие специалисты! В некоторых более поздних изданиях таких произведений, однако, мы находим их в переводах (в сносках, комментариях в конце книги).

Для переводчика все это порождает дополнительные проблемы: а) Следует ли оставить иноязычные вкрапления автора без перевода или объяснений? б) Как поступить с собственно переводами вкраплений самого автора?

Самым естественным, на первый взгляд, кажется по
следовать примеру редакторов и комментаторов старых
авторов -- перевести в сносках, дать комментарии в кон
це. Здесь, конечно, лишний раз возникает критерий з н а -
ко мост и: что переводить или пояснять, что будет по
нятно без пояснений? В отношении же самих переводов
или комментариев мы всецело присоединяемся к неод

нократным замечаниям и предупреждениям
А. М. Бабкина к комментаторам (в нашем случае -- переводчикам) в вышеуказанной его книге: не перево дить слишком легковерно, проверять не только точное значение таких вкраплений на языке, из которого они за имствованы, но и "прибавочное" значение, полученное в заимствовавшем их языке или в употреблении автора (последнее касается особенно иноязычных слов и выра жений, уже ассимилированных языком подлинника). Для иллюстрации воспользуемся готовым примером и заклю чением А. Райхштейна: ""Servus," sage ich und lasse sie allein (ebenda)--Servus",* -- заявляю я и оставляю их одних. Сноска на этой странице русского текста гласит: "Приветствую вас (лат.)." Стандартная для немецкой разговорной речи формула приветствия (ср. русск. "При вет!") создает в переводе неоправданное впечатление оригинальничанья латинским словцом, чуждого герою романа"'.

Но это не решает еще вопроса -- что переводить и

сколько? Очевидно, большое количество иноязычных вкраплений в тексте -- и объясненных, и необъясненных -- затрудняет чтение и оригинала, и перевода, и, возвращаясь еще раз к И. Левому, мы бы сказали, что "чужой язык, принятый в среде, где создавался оригинал", возможен -- в идеальном смысле слова -- только в двуязычных странах, как русский в союзных республиках, французский и немецкий -- в Швейцарии, шведский и финский -- в известных областях обеих стран, французский -- для фламандцев в Бельгии и Франции и голландский -- для них же в Нидерландах. Но все эти случаи скорее исключения, чем правило. Говоря же о рамках "свободы переводчика", видимо, можно воспользоваться, но тоже не повсеместно, а в разумной мере, рецептом И. Левого: "Наиболее приемлемым решением здесь будет перевести на свой язык важнейшие в смысловом отношении фразы и намекнуть на атмосферу чу-жеязычности сохранением в переводе приветствия и кратких реплик, содержание которых ясно из контекста (особенно если основная мысль повторена в соседней фразе). Далее намеки на чужеязычность речи можно в случае необходимости комбинировать с пояснениями ("обронил он по-турецки"'. Такие намеки на чужеязычность речи со стороны переводчика окажутся еще более неизбежными при переводе произведения на язык самого вкрапления, как это бывает и при обращениях, скажем, в репликах Пуаро в переводах романов Агаты Кристи на французский язык.

Очень важна, разумеется, та степень знакоместа данного вкрапления, которая иногда делает излишним перевод: множество разноязычных пословиц, поговорок, крылатых слов, шаблонных выражений давно уже стали международными, настолько, что например, В. Надеин считает возможным употребить даже каламбурно известное "cherchez la femme" в виде "шерше ля тёщ", как сказали бы французы, пожившие в Вологде"2, рассчитывая с полным основанием, что его поймут. То же касается и иноязычных заимствований в ИЯ, ясных и читателю ПЯ. Ярким примером может послужить следующая выдержка из "Человека в футляре" Чехова: "..по всей вероятности, в конце концов, он [Беликов] сделал бы предложение, если !бы вдруг не произошел "kolossalische

'РайхштейнА. О переводе устойчивых фраз. -- ТП, 1968, N 5, с. 32--33. Пример взят автором из книги Э. М. Ремарка "Черный обелиск" и перевода ее на русский язык.

266

1 Левый И. Указ, соч., с. 138.

2 И, 27.11.1975.

267

Scandal"" Ч Несмотря на преднамеренно неправильную форму (kolossalische в немецком нет, правильно -- kolossal, а Scandal дан в английском, написании, через "с" вместо "k"), это будет

понятно в любом переводе (например, в английском переводе это так и дано, и даже Skandal дан через "k", вероятно для выделения его из общего текста).

Но как быть, если данное вкрапление, понятное читателю оригинала, непонятно читателю перевода? Мы упоминали-- часто автор уверен, что будет понят, и оставляет иноязычные элементы без пояснений; в то же время при переводе на другой язык они не доходят до нового читателя: их содержание неясно, колорит стирается и переводчику приходится искать возможности подсказать его наличие в подлиннике. Такой случай мы находим в том же рассказе Чехова: "Нет, братцы, поживу с вами еще немного и уеду к себе на хутор, и буду там раков ловить и хохлят учить. Уеду, а вы оставайтесь тут со своим Иудой, н е х а и вин л о пне"2. (Разрядка наша -- авт.) Это выражение, несмотря на близость языков, без перевода не дойдет даже до болгарского читателя. Понимая это, болгарский переводчик не счел возможным сохранить украинское вкрапление, причем эта фраза слилась с остальным текстом -- пропал колорит: "...Ще си замина, а вне си останете тук с вашия юда, дявол да г о в з а м е". Тот же эффект получился, вернее, эффекта не получилось, и в английском переводе: "...and you may stay with your Judas, and be damned to him". (Разрядка наша -- авт.)

Правильный прием подсказывает переводчику следующий пример, взятый из газетного текста: "-- Цэ ж мы делали садик, -- мешая русские слова с украинскими (разрядка наша -- авт.), рассказывала мне Зоя Буткевич, дивчина из отряда "Карпаты". -- Все робыли, что треба: и кладку, и штукатурку, и малярку. С шести утра и дотемна -- хотелось сдать поскорее: ди-тыны малые ждали"3. Перевести это на другой язык, оставляя украинские слова, невозможно, однако объяснительная фраза автора компенсирует в некоторой степени утрату колорита.

Иногда переводчик может позволить себе добавление

перевода иноязычного вкрапления непосредственно после него в авторском тексте, как это делают и сами авторы. Несколько таких примеров мы указали, цитируя в разных местах выдержки из "Казаков" Л. Толстого.

А встречаются и вкрапления с подтекстом, представляющие собой еще более трудную для переводчика задачу. Например, Гергарс Гауптман ("Die Insel der Grofien Mutter") пишет: "..eine deutsche Lady, die ihren heifige-liebten Lord verloren hatte.." (разрядка наша -- авт.), давая в единственной фразе характеристику одной из своих героинь. Конечно, проще всего перевести это слово в слово ("..немецкая леди, потерявшая своего горячо любимого лорда.."), но будет ли ясен подтекст автора? А как быть при переводе на английский язык? Такие места требуют высокого мастерства и индивидуальных решений переводчика -- рецепты здесь давать почти невозможно.

Легким и бесспорным бывает только упомянутое нами выше положение, когда автор дает перевод вкрапления в самом тексте непосредственно или в соседней фразе. Тогда переводчику остается лишь транскрибировать иноязычные слова или выражения и перевести на ПЯ данный автором в тексте перевод или объяснение. Так, никакого затруднения не представляет перевод на любой язык текстов следующего типа:

"-- Уйде-ма, дядя? (то есть: дома, дядя?) -- послышался ему из окна резкий голос..."1; "..за стенкой раздался сильный голос Ивана-младшего: -- Dad, wouldyou cash me.a check? -- Что означало: -- Отец, ты мне чек наличными не оплатишь?"2; "Белесое солнце высвечивало., матерчатую полосу с аккуратно выведенными на ней словами "Tarn и делек!" -- "Всего самого хорошего!"3. (Разрядка всюду наша -- авт.)

А бывает и так: автор, который в тексте или в сноске обычно дает перевод -- правильный или "вольный" -- своих иноязычных вкраплений, вдруг изменяет этому принципу. Так, И. А. Гончаров в "Фрегате "Паллада" всегда переводит введенные в текст латинские, англий-

279.

'Чехов А. П. Собр. соч. Т. 8, с. 287.

2 Т а м ж е, с. 287.

3 И, 28.X. 1975.

1 Толстой Л. Н. Собр. соч. Т. 3, с. 226. "Кондратов С. Н. Свидание с Калифорнией, с. 3 И, 5.VIH.1975.

ские, немецкие, голландские и французские слова и выражения, а украинскую фразу "Що-сь воно не тее(разрядка наша -- авт.), эти тропики!"1 оставляет без перевода, считая, что каждый русский

поймет ее. Но поскольку нерусский не поймет, переводчику приходится, следуя установленному самим автором правилу, давать в тексте украинскую фразу, как она есть, и переводить ее в сноске.

Самым полным и показательным примером, в том числе и при переводе произведения, изобилующего вкраплениями из ПЯ, бесспорно является "Война и мир" Л. Толстого и перевод его на французский язык, о котором (присовокупляя и Макаренко) С. Мемедзаде пишет: "Представьте себе "Войну и мир" на французском языке и "Педагогическую поэму" -- в переводе на украинский. Целые светские пассажи в толстовской эпопее и сочные украинские выражения макаренковских хлопцев "растворятся" в языке перевода, подобно тому как медуза становится в воде малозаметной, почти невидимой"2.

Думая о своем читателе, Л. Толстой явно рассчитывал не только на тоненькую прослойку современной ему русской интеллигенции -- иначе он, конечно, оставил бы без перевода французскую речь, столь характерную для части описываемого им русского общества того времени. Об этом упоминают многие авторы, что и заставило нас поинтересоваться данным вопросом в нескольких аспектах: а) как переводит Л. Толстой свои французские пассажи; б) что делает переводчик, например, на болгарский язык с русским текстом толстовских сносок; в) какова судьба самих французских вкраплений во французском переводе романа; г) что происходит с собственным русским переводом сносок Толстого во французском переводе?

а) Очевидно Л. Толстой писал французские пассажи прямо на французском, не переводя с русского; дойдя же до необходимости повторить свою мысль и по-русски, он чаще всего переводил ее функционально, т. е. передавая мысль или фразу (слова) так, как выразил бы их первоначально на русском языке. Это становится яснее всего при сопоставлении более длинных пассажей.

Встречаются, однако, и случаи, когда он именно

'Гончаров И. А. Фрегат "Паллада". Т. I, с. 248. •;•

2Мамедзаде С. Точность плюс вдохновение. -- АПТХП, т.'I"

с. 194. <Г^

270

переводил, и тогда перевод получался более формальный, буквалистический. Так, выражение "malheu-reuse, comme les pierres" переведено им "Бедняжка несчастлива, как камни" (ФРФС переводит этот фразеологизм "несчастнейший из смертных, глубоко несчастный, горемычный").

б) Как раз на таком примере можно проверить, как поступает со сносками переводчик: переводит русский текст или дает свой перевод французского текста, игнорируя сноску. Автор новейшего болгарского перевода "Войны и мира" Константин Константинов, сам писатель и один из лучших болгарских переводчиков за последние четыре десятилетия, был знатоком и французского языка, переводил и французскую классику. Сличение с подлинником показало, что он оставался верен своему автору, переводя русские переводы самого Толстого. И в цитированном выше случае он перевел дословно формальный перевод Толстого: "Клетата, тя е нещастна ка-то камъните".

В другом месте Л. Толстой пишет: "Arrangez-moi cette affaire et je suis votre вернейший раб a tout jamais (pan--comme mon староста m'ecrit des донесения: покой-ер -- п)" и переводит в сноске: "Устройте мне это дело, и я навсегда ваш... как мой староста мне пишет...". К. Константинов дает в тексте "Arrangez-moi cette affaire et je suis votre- пай-верен роб a tout jamais -- роб -- comme mon управител m'ecrit des донесения: покой-ер -- n", r. e. повторяет французские слова и переводит только русские, а в сносках дает толстовский перевод французских фраз: "Наредете ми тая работа и аз винаги ще бъда ваш. Както моят управител ми пише. Т. е. "п", "ъ", отмечая "Б. пр." (Примечание переводчика)"1.

в) Второй пример приводит нас к следующему вопросу: какова судьба самих французских вкраплений во французском переводе романа? В одном переводе2 в самом начале оговорено, что все французские тексты автора (Л. Толстого) даны курсивом, а это позволяет

1 В русском издании романа (Собр. соч. в 20-ти томах. Т. 4. М.: Гос. изд, худ. лит., 1961) на с. 13 дано латиницей р а п-п а н вместо кириллицей р а п ъ (с твердым знаком, у Толстого -- "ер") и с дефисом после "покой-ер" вместо правильного тире: т. е. "п о к о и - е р-п" вместо "покой-ер--п". Так его передал и болгарский переводчик.

3 Tolstoi, Leon. La guerre et la paix. Trad, par Henri Mongault. Paris, 1952.

271

французскому читателю получить некоторое представление о русско-французской речи дворянства того времени.

г) Переводы самого Толстого французских вкраплений на русский язык, естественно, становятся совершенно беспредметными и опускаются.

Здесь же, по поводу этого примера, добавим и другую немаловажную подробность в связи с перенесением иноязычных вкраплений из языка в язык. В то время как латиница более или менее знакома большинству носителей языков, использующих кириллицу, носителям языков, пользующихся латиницей (иногда даже для носителей близкородственных славянских языков), кириллица большей частью не знакома. Из этого следует, что такие вкрапления необходимо транскрибировать; однако нельзя упускать из виду и преднамеренно вводимые автором ошибки с целью подчеркнуть необразованность или незнание того или иного персонажа, или создание комического эффекта или сообщение оттенка иронии.

Между прочим, французский переводчик "Войны и мира", дойдя до этого самого "рапъ" и не видя возможности передать его понятным образом французскому читателю, прибегнул к приему компенсации и подчеркнул неграмотность толстовского старосты неправильным написанием другого слова: "..a tout jame (j-a-m-e)", -- довольно часто встречающейся среди французов орфографической ошибкой.

Особый, частный случай -- иноязычные заглавия целых произведений (романов, стихотворений и пр.) или отдельных глав -- явление, широко распространенное; можно было бы дать длинный перечень таких случаев. Ограничимся упоминанием только "Table-Talk" Пушкина, стихотворения Гете "Probatum est", "Vanitas! vani-tatum vanitas", "Egalite", Мэтью Арнольда "Requiescat", Роберта Браунинга "Summum bonum", В. Хенли "Invic-tus" и пр. Очевидно, все эти заглавия должны остаться такими, как их дает автор, и единственным возможным изменением является транскрипция, причем здесь будет неизбежна утрата колорита при переводе произведения на язык самого вкрапления.

Бывают, однако, случаи, когда переводчику удается перевести такое заглавие без утраты колорита. Идеальный пример -- заглавие романа "Quo Vadis" Г. Сенкеви-ча, переведенное на русский и болгарский языки староболгарским (церковнославянским) "Камо грядеши", которое настолько же знакомо и вместе с тем обладает

272

тем же ароматом античности для русских и болгарских читателей, как и латинское заглавие -- для католика-поляка. Можем упомянуть и "Totenmesse" Ст. Пшибы-шевского, написанную им по-немецки, а в автопереводе на польский язык озаглавленную "Requiem aeterna".

Очень характерен -- в обратном направлении -- случай с книгой Джерома К. Джерома "Three Men on the Bummel", в которой автор объясняет совершенно незнакомое для англичан немецкое слово Bummel только на последней странице. Бесспорно, весь эффект этого приема автора совершенно утрачен для читателя русского перевода, озаглавленного "Трое на велосипеде",-- так, если бы хотел, мог назвать его и сам автор,-- утрачено и значение последнего абзаца, содержания, вло-. женного Джеромом в концовку книги. Действительно, трудно сохранить или как-нибудь компенсировать это содержание и при переводе книги на немецкий язык.

В заключение, говоря о вкраплениях, можно еще отметить, что взаимные отношения в рамках разных пар языков различны, что тоже не следует упускать из виду, поскольку "...если при переводе с немецкого на русский действенность этих элементов [иноязычной лексики] в случае их сохранения усиливается, подчеркивается несоразмерно их весу в оригинале, вследствие чего в ряде переводов часть их нередко опускается, т. е. передается русскими словами, то при переводе с русского на немецкий их формальное воспроизведение не встречает обычно никаких препятствий, не требует особенных технических ухищрений, окраска иноязычности сохраняется, но действенность этой категории слов в той или иной степени уменьшается" 1.

Глава 7

ТЕРМИНЫ

Термин однозначен, термин не имеет коннотативных значений, термин лишен синонимов, независимо от контекста термин переводится термином -- полным и абсолютным эквивалентом, и поэтому, согласно

'Федоров А. В. Очерки общей и сопоставительной стилистики. М.: Высшая школа, 1971, с. 121--122.

273

единодушному мнению специалистов, относится к числу единиц, не затрудняющих переводчика... Почему же в таком случае, спросит пытливый читатель, вопросы о переводе терминов попали в книгу о "непереводимом"? Вопрос вполне закономерен, несмотря на то, что об этом уже шла речь в первой части (гл. 1).

Во-первых, то л ь ко в идеале термин однозначен и лишен синонимов и коннотаций. А во-вторых, даже при этом "идеальном" положении говорить о его полной пере-водимости -- термин термином -- можно лишь в тех случаях, когда элементы терминологии находятся в своем естественном окружении, т.е. в научном стиле речи, в подъязыке науки; нас же интересует в первую очередь перевод термина в художественном тексте.

Миф о единственном значении термина и отсутствии у него синонимов нетрудно развеять простой словарной справкой -- это хорошо видно в сопоставительном плане. Болгарскому термину палец в русском переводе (БРПР) соответствуют "эквиваленты" палец, кулак, кулачок, ротор, шкворень; рус. палец -- в английской терминологии pin, cam, finger, cog; pin в переводе на французский -- cheville, clavette, essieu, pivot, roupillon, а первое из французских соответствий переводится нем. Pflock, Zapfen, Virbel, Bolzen, Knockel. Английское слово arm в нетерминологическом словаре (БАРС) представлено по меньшей мере 15 терминологическими русскими соответствиями; терминологический словарь даст их гораздо больше.

Перевод термина далеко не всегда дело простой замены слова ИЯ словом ПЯ- Переводить термины было бы легко и просто, 1) если бы научная литература имела монопольное право на их употребление и 2) если бы каждый термин действительно имел терминологический эквивалент в любой паре языков. Но так не бывает.

Элементы терминологии (слова и словосочетания) в последнее время -- чем дальше, тем больше -- встречаются далеко за пределами научной литературы, а по существу во всех жанрах: в эпоху НТР наука и техника стали чуть не основными поставщиками новой лексики для современного общелитературного языка. Немало терминологии в научно-популярных и научно-фантастических произведениях, есть она и в общественно-публицистической литературе, не чужда терминологии и беллетристика, и даже поэзия. И это естественно: трудовая деятельность играет ведущую роль в жизни любого человека, а стало

274

быть, и персонажа художественного произведения, так что правдоподобное описание этой жизни неизбежно должно привести к использованию языка, связанного с трудом и производством. Едва ли будет преувеличением сказать, что сегодня, благодаря активности средств массовой информации, общим достоянием становятся даже узкоспециальные термины, неизбежно попадающие и в язык писателя. В результате термин становится обязательной составной частью лексики любого произведения художественной литературы, отражающей состояние современного литературного языка1.

Однако поведение термина в научном и в художественном тексте неодинаково, как, соответственно, неодинаковы и исполняемые им функции в этих различных по средствам выражения жанрах. В своей естественной среде, как компонент терминологической системы и подъязыка соответствующей науки, термин играет только назывную роль, роль знака, указывающего на точно определенное понятие, в то время как в художественном произведении он исполняет прежде всего поставленную ему автором стилистическую задачу, не теряя, впрочем, и своего предметного значения. Отсюда и различия в постановке вопроса о переводе терминов в зависимости от жанра.

Прежде чем переводить, термин нужно распознать в тексте, отличить от элементов общеязыковой лексики. Затруднения возникают главным образом из-за омонимии (между двумя терминами, между термином и нетермином), благодаря приписыванию обычной лексической или фразеологической единице -- иногда "бывшему термину" -- терминологического статуса, а также в связи с "прозрачной" внутренней формой термина.

Омонимы2 иногда распознаются легче среди заимствованных терминов, но нередко и они затрудняют переводчика. Например, англ, cable, кроме кабель, может значить еще и трос, якорная цепь, теле-

1 Подробнее см., например: Толикина Е. Н. Термин в литературном языке. -- Сб. Нормы современного русского литературного словоупотребления. М.--Л.: Наука, 1966; Капанадзе Л. А. Вза-

имодействие терминологической и общеупотребительной лексики. -- Сб. Развитие лексики современного русского языка. М.: Наука, 1965.

2 И здесь, как в случае с реалиями, в понятие омонимии мы включаем и многозначность -- с точки зрения перевода оба явления представляют трудность в связи с несоответствием плана выражения плану содержания.

275

грамма, каблограмма, швартов, кабельтов, витой орнамент, телеграфировать (по подводному кабелю), закреплять канатом, украшать витым орнаментом (БАРС); нем. Kammerton -- это "основной тон", а рус. камертон ("упругая стальная вилка.." -- Ож.) соответствует нем. Stimmgabel'. Такие термины легко могут оказаться "ложными друзьями переводчика".

Труднее обстоит дело с исконными для ИЯ терминами. Многие из них, будучи элементами соответствующей терминосистемы, имеют вместе с тем достаточно "прозрачную" внутреннюю форму, чтобы ввести переводчика в заблуждение.

В техническом тексте едва ли зуб, щека, корпус, палец, плечо, пята, кулак, а тем более головка, зубец, щечка, кулачок будут переведены в значении частей тела, да еще с ласковым оттенком; маловероятно, чтобы переводчик рус. головку передал нем. "Kopfchen", или болг. ший-ку •-- фр. "сои" (не уменьшительным2 за отсутствием такового во французском языке), или англ, heel -- нем. "Ferse", а болг. пета -- рус. "пятка". Встретив термин головка рельса, он не свяжет ее "по аналогии" с "гладить по головке", так как видит в ней лишь "верхнюю часть сечения рельса., с закругленными краями" (РБТР); ножка опухоли, наверное, не направит мысль переводчика-медика к ребенку, прыгающему "на одной ножке", поскольку для него она только pediculus -- тоненький стебелек, на котором держится опухоль.

Иное дело в художественном тексте, где плечо -- прежде всего "часть туловища от шеи до руки" (Ож.), а потом уже, в анатомической номенклатуре, часть руки выше локтя (в отличие от предплечья), или в физической терминологии -- часть рычага и т.д.; где опухоль в основном соответствует англ, swelling, болг. "подутина", а только для медика = лат. tumor, или neoplasma; где, говоря о соли, автор может иметь в виду не только "приправу к пище", но также и "химическое соединение, образующееся при взаимодействии" и т.д. (РБТР); где

1 Готлиб К. Г. М. Немецко-русский и русско-немецкий словарь "ложных друзей переводчика". М.: Сов. энциклопедия, 1972; Акуленко В. В. (и др.). Англо-русский и русско-английский словарь "ложных друзей переводчика". М.: Сов. энциклопедия, 1969.

2 В русской научной литературе множество терминов имеет форму уменьшительных общеязыковых слов: их можно было бы назвать "лексикализованными диминютивами". ....

276

спирт может быть камфарным или "нюхательным", лекарством или водкой. Если к этому добавить сказанное о неоднозначности самих терминов да еще многозначность большинства слов любого языка, а кроме того внутри- и межъязыковую омонимию, то станет ясно: обнаружить термин в художественном тексте -- дело не всегда легкое.

Приведенные примеры показали, что источником ошибок в распознавании, так же как и в переводе терминов в художественном тексте, может быть и их прозрачная внутренняя форма. Если в чужом термине сравнительно редко можно спутать научное название с общеязыковым (ср. выше кабель, камертон), то "свой" для ИЯ термин гораздо легче принять за обычное слово, так как он больше сливается с окружающей его речевой тканью. В результате англ, deck-cabin может превратиться в "палубную кабину" вместо рубки, или hand окажется вдруг "рукой" вместо стрелки. Нем. Traubenkirsche в переводе на английский будет не "grape cherry", как можно предположить, -- такого нет в природе, -- a bird cherry, что, в свою очередь, не птичья вишня -- русский синоним черешни, -- а черемуха!' Так что здесь ни к селу ни к городу могут появляться и "шейки", и "губки", и любые нелепицы, порожденные фантазией и моментной ассоциацией, вызванной внутренней формой термина.

Бывает, правда, что научное или техническое понятие названо в разных языках терминами, совпадающими и по внутренней форме: англ, tooth, фр. dent, нем. Zahn во многих значениях покрываются по предметному содержанию и внутренней форме рус. зуб и болг. зъб. Но беда в том, что это нельзя считать закономерностью: есть множество терминов, в отношении которых такого

совпадения не наблюдается. Так, рус. плечо и болг. рамо -- межъязыковые синонимы как в терминологическом отношении, так и по внутренней форме; их эквивалентами, но только как термины, являются англ, arm и фр. bras, в свою очередь покрывающиеся между собой и в отношении внутренней формы; русский термин кулак переводится на болгарский язык совсем далеким по внутренней форме гърбица (в переводе на русский "горб"); фр. ta-

1 В БАРС допущена ошибка в переводе bird-cherry: вместо черему-_ ха -- "черешня"; и лексикографов, видимо, подвела внутренняя форма английского термина.

277

lon не "пятка", а кулачок, collet -- не "ворот", а шейка, pied -- не "нога" и не "ножка", а пятка (рейки) и, наконец, bras (du segment) --не "рука", а нога (сегментного затвора).

Трудность распознавания усугубляется еще тем, что термин может быть употреблен в нетерминологическом значении, и, наоборот, обычное слово может быть термином.

Сам по себе перевод терминов в художественном тексте подчиняется, как правило, основному принципу перевода этой категории слов: термин переводится термином. Сходны и некоторые пред-посылки: для осуществления такого перевода нужно, чтобы в ПЯ существовал термин-эквивалент и переводчик знал не только факт его наличия, но и точную форму. Эти предпосылки требуют некоторого уточнения. Термин-эквивалент на ПЯ должен полностью соответствовать термину на ИЯ в отношении его предметного содержания и употребления в том же значении в данной области науки. Переводчик не может "перевыражать" термин на ПЯ, что закономерно в отношении других лексических и фразеологических средств; термин ИЯ нужно заменить термином ПЯ в его общепринятой, официальной, утвердившейся в соответствующей терминологии форме. Болг. кафяви въглища, англ, brown coal, нем. Braunkohle в русском переводе будет не "коричневый уголь" (несмотря на то, что "кафяв", brown, braun = "коричневый"), а бурый уголь; болг. зъбно колело -- никак не "зубное колесо", а шестерня; болг. електроинженер и англ, electrical engineer соответствуют рус. инженер-электрик, а маши-нен инженер -- не "машинный инженер", а инженер-механик.

Это положение отечности формы эквивалента касается художественного текста постольку, поскольку переводимая единица употреблена в нем действительно в терминологическом значении. Однако одного лишь присутствия термина в тексте недостаточно. В художественном произведении, скажем, с производственной тематикой, термины -- привычный строительный материал, создающий у читателя впечатление правдивости, реалистичности повествования благодаря своему "научному колориту". Вот довольно характерный пример употребления терминологичного языка в художественном тексте: "Рыбаки начали погрузку орудий лова. Треска ловилась ярусами и тралом. Поэтому на сейнеры

278

грузились сотни металлических крючков, железные дву-лапые якоря, стеклянные буйки, плоские плетеные корзины, траловые сети"1. (Разрядка наша--авт.) При переводе такого текста не обязательно переводить каждый термин термином: важно передать терми-нологичность, важно, чтобы текст "звучал профессионально", для чего иной раз достаточно двух-трех терминов. Но вместе с тем нужно постараться сохранить не одну лишь терминологию, но и "научный стиль". Например, "начали погрузку" не следует менять на "начали грузить" (как это сделал болгарский переводчик), так как сочетания с отглагольными существительными очень характерны для терминологической литературы; нельзя выражение "выпускать плавку" заменять глагольным оборотом, чем-нибудь вроде "лить сталь", или военное "развивать наступление" урезывать до лаконичного "наступать". Чтобы погрузить читателя в атмосферу описываемой действительности -- производство, морское путешествие, война, научные изыскания, учеба, -- язык перевода должен быть "профессиональным" с точки зрения соответствующей области жизни -- разумеется, до допу-щенного автором оригинала "профессионализма". Неправильно переводить на болгарский язык пристрелка "любительским" "пробна стрелба" -- такого термина в военном деле нет -- или чем-нибудь подобным (кстати, и по-болгарски это пристрелка).

Дело обстоит просто, если термин в ИЯ имеет эквивалент в ПЯ. А когда эквивалента нет?

Ученого, для которого делается перевод, в н а у ч -ной литературе не устроит "дерево с белыми душистыми цветками и черными ягодами"; ему нужны не дефиниция или толкование, а точный термин, а еще лучше-- латинское название. Так что выбор у переводчика небольшой: нужен термин;

либо он заимствует его -- обычно из ИЯ (транскрипция), либо "сочиняет" свой (калька, неологизм, составной термин и др.), либо общеязыковой единице присваивает статус термина.

В художественном переводе возможности шире. Основная тенденция здесь в общем та же -- придерживаться терминологических аналогов, но отнюдь не всегда и отнюдь не во что бы то ни стало. Если, скажем, черемуха фигурирует не в речи ботаника, то в болгарской

'Чаковский А. У нас уже утро. Воронеж: Воронежск. обл кн-во, 1950, с. 230.

279

переводе ее вполне можно заменить по "поэтическому об~ разу" более близкой читателю "вишней" -- например, в "весеннем" тексте (см. ч. I, гл. 7). Допустимость таких отступлений от фактологической точности объясняется различием в средствах выражения между, например, рассказом и научной статьей: в последней термин -- как бы определенная величина в алгебраическом уравнении, а в первом -- цвет, штрих, аромат, звучащая струна художественного образа. Поэтому и "точность" термина не одна и та же в обоих случаях. Если при переводе диссертации наименование одной детали ло ошибке заменить другой, то это испортит перевод; а в романе хорошо продуманная замена такого рода может быть для адекватного перевода обязательной. Так, если плашки в "Двенадцати стульях" И. Ильфа и Е. Петрова (допустим, переводчик не нашел эквивалента) переделать на другой слесарный инструмент, текст не пострадает, лишь бы этот "неверный" термин был снабжен верными для него техническими параметрами: плашки в романе-- деталь, нужная автору исключительно для характеристики "слесаря-интеллигента" Полесова; такую же роль сыграет и любой инструмент, лишь бы он не был слишком простым -- иначе пропадет чудная фраза о том, что Елена Станиславовна имела "о плашках в три восьмых дюйма такое же представление, какое имеет о сельском хозяйстве слушательница хореографических курсов имени Леонардо да Винчи" 1.

При переводе художественного текста, в отличие от научного, допустимы и другие трансформации: не грех иногда видовое понятие заменить родовым, написав, например, лодка вместо ялика, или гички, или даже шлюпки; возможны описательный перевод -- общеязыковая единица вместо терминологической, приблизительная замена синонимом и даже нулевой перевод. И здесь, как в отношении реалий, выбор подходящего приема перевода зависит от семантической значимости термина, от его "освещенности" в тексте (ср. ч. I, гл. 6). Но в основном зтот выбор, как в отношении любого лексического средства, определяется контекстом и, в частности, стилистической ролью термина. Как правило, при отсутствии в ПЯ термина-эквивалента наименее желательны те приемы, которые присущи терминологическому переводу. Введение в художественный текст нового, не существующего в

'Ильф И., П е т р о в Е. 12 стульев. М.: Худож. лит., 1975, с. 60. 280

соответствующей отрасли науки на ПЯ термина,--дело весьма рискованное. Словотворчество в области терминологии следовало бы предоставить специалистам -- научным работникам в сотрудничестве с филологами, а переводчику беллетристики можно посоветовать прибегать к нему лишь в крайних случаях и непременно с благословения специалистов.

Говоря о стилистической функции термина и терминологической или профессиональной речи в художественной литературе, нужно указать и на использование термина писателем в качестве элемента речевой характеристики. Вот образец речи капитана Катля (из "Домби и сына"), наставляющего Роба: "...через двадцать четыре часа после моего исчезновения ступай на Бриг-Плейс и насвистывай эту вот песенку около моей старой пристани [бывшей квартиры].. Если я тебе отвечу тою же песенкой, ты, приятель, отчаливай [уходи] и возвращайся через двадцать четыре часа; если я отвечу другой песенкой, уклонись от прямого курса [отойди в сторону] и держись на расстоянии.." ' (Разрядка наша -- авт.) Употребленный в своем прямом значении, термин исполняет вместе с тем и стилистическую функцию, причем характеризуя героя не только с чисто профессиональной стороны, но и в отношении тех или иных качеств, а нередко и в комическом освещении (Чехов, Диккенс). Невежды-дантисты у Чехова жонглируют учеными словами тракция, козья ножка, ключ, комбинируя их с общеупотребительными словами и просторечием: "..сделаю тракцию и начну зуб тянуть.." ("Общее образование") 2, "..Раз плюнуть... Десну подрезать только... тракцию сделать по вертикальной оси... и все..." ("Хирургия") 3; не может не вызвать улыбки это "раз плюнуть" или "без понятия нельзя" в одном ряду с хирургическим инструментарием, так же как и совершенно серьезное сочетание ангела с... фрахтом -- торговым и морским термином -- в реплике Катля у Диккенса: "...вы знакомы с англом, и ангел вас зафрахтовал"4.

Перевод такого текста требует тщательного сохранения не столько терминологии, сколько этого контраста,

1 Диккенс, Чарльз. Собр. соч. в 30-ти томах. Т. 14. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959, с. 26--27.

2 Чех о в А. П. Собр. соч. Т. 3, с. 256. 'Чехов А. П. Собр. соч. Т. 2, с. 260. 4 Диккенс, Чарльз. Собр. соч. Т. 14, с. 33.

281

10-747

'-"чего можно добиться опять-таки путем введения терми-

- нов-эквивалентов.

В прямой речи часто встречаются не отдельные термины, а куски терминологического текста, имитирующие

-"профессиональный язык", и еще чаще -- устойчивые

-обороты, относящиеся по своему происхождению к той или иной области науки, но получившие впоследствии

-переносные значения. В виде ФЕ они вошли в общелитературный язык, но, подобранные автором с учетом их

-первоначального значения -- внутренней формы -- и

-сконцентрированные в репликах данного персонажа, они выдают в нем моряка, техника, бухгалтера и т. п. Описанный Чеховым сторож Игнат ("Белолобый"), который "должно быть, раньше служил в механиках", употребляет по отношению к себе и своей собаке типичные для желез-нодорожника выражения: "Стоп, машина!", "полный

-ход!", "задний ход!"; а "иногда он пел и при этом сильно 'шатался и часто падал... и кричал: "Сошел с рельсов!"; у

-глупой собаки, по его словам, "пружина в мозгу лопну-'ла"; "рано еще вставать", -- говорит он ночующему у него страннику, "давай спать полным ходом..." 1. В речи капитана Катля изобилуют морские выражения: "поверни на три румба", "держись носом против ветра", "сесть на мель" и "сняться с мели", "взять на буксир" и "брать на абордаж"; капитан не выходит из дому, а "снимается с якоря", не направляется куда-либо, а "берет курс", "держит курс", "меняет курс"; чтобы побеседовать с мистером Домби, он собирается подойти к нему "борт о борт" и т. д. Все это ФЕ, вошедшие в общелитературный .язык, но здесь, соседствуя с морскими терминами и сло-

-вами корабельного быта -- у бравого капитана не комната, а каюта, где не моют пол, а "драят палубу", -- они приобретают черты "оживших" метафор: сквозь идиоматические значения просвечивает образ, на котором построена идиома.

Такое употребление "профессионального языка" уже может существенно затруднить переводчика: необходим не только термин-эквивалент и не просто удачное соответствие некоего фразеологического сочетания (в ином тексте хороший перевод можно обеспечить при помощи ФЕ, построенной и на основе совсем другого образа) -- здесь приходится добиваться соответствия по обеим линиям: терминологической и фразеологической; найти

1 Ч е х о в А. П. Собр. соч. Т. 8, ее. 26, 30. :282

нужно фразеологизм, построенный на основе бывшего терминологического сочетания. И если в переводе с английского языка на русский это часто получается удачно,, то главным образом лишь благодаря близости русской и английской морской терминологии, создавшей ФЕ, близкие по своему происхождению.

В речи того же неунывающего Катля есть пример, на котором удобно показать употребление терминов в переносном смысле -- в виде метафор, сравнений и т.д. Характеризуя молодого Гэя, он называет его мальчиком "с прекрасной оснасткой"1 (разрядка здесь и ниже наша -- авт.). Эта высшая похвала, выраженная моряком, заметно поблекла бы, нарушив весь стиль речи, если бы была переведена чем-нибудь вроде "прекрасный мальчик" или "мальчик с прекрасными качествами", несмотря на незначительное отклонение от фактической верности. Удачны и "морские элементы" развернутых метафор капитана: "Если бы вы., могли увидеть Соля Джилса., вы были бы для меня более желанны, чем попутн'ый, ветер для корабля, попавшего в штиль"2 и "..думал он., и о "Красотке Пэг", этой крепко сколоченной из тикового дерева и хорошо снаряженной балладе, которая на летел а на скалу и разбиласьв рифмованные щепки"3.

Специальные термины подъязыка той или иной науки имеют нередко общелитературные синонимы. Таковы,- например, многие разговорные и даже просторечные названия ряда болезней: туберкулез --чахотка имеют по паре и более соответствий в разных языках: болг. туберкулеза -- охтика (от гр. fthisis "чахнуть"), англ, tuberculosis -- consumption (от consume "чахнуть"), фр. tuberculose -- consomption (такого же происхождения), нем. Tuberkulose -- Schwindsucht (или schwach auf der Brust, т. е. приблизительно "быть слабогрудым"). Любопытно, что различия между названиями данной пары как бы отражают различия между употреблением терминов в научном и в литературном тексте: в то время как строго медицинский термин, как термин, обозначает точно определенную нозологическую единицу (большей частью снабженную и латинским или греческим именем) , ее разговорный синоним отличается не только по

1 Диккенс, Чарльз. Собр. соч. Т. 13, с. 286.

2 Там же, т. 14, с. 32.

3 Там же, т. 14, с. 45.

10*

283.

стилю, но отчасти и по содержанию, точнее, имеет менее определенные границы, а нередко и более широкий охват, обозначая больше одного заболевания. Например, наименование многих болезней обозначено словом лихорадка (болг. треска, англ, fever, фр. fievre, нем. Fieber), прежде обозначавшим главным образом "болотную лихорадку" -- малярию, а впоследствии -- лихорадочные состояния и много различных заболеваний, имеющих теперь каждое свое название. Таким широким общеизвестным названием является рус. оспа, соответствующее еще более широкому болг. шарка: "едра шарка" -- "натуральная оспа"1 (другой разговорный синоним -- сипаница), "дребна шарка", или брусница-- "корь", "дребна шарка", или лещенка -- "ветряная оспа" или, точнее (разг.), ветрянка.

В научной медицинской литературе обычно избегают терминов, лишенных точно определенного содержания: натуральную оспу предпочитают называть вариолой, а ветряную оспу -- варицелой. В художественной же литературе эти популярные, пусть не слишком определенные, названия представляют собой чрезвычайно удобные синонимы, используемые писателями -- в сущности, как любые синонимы, -- например, для нюансировки речи разных героев, для построения жизненно правдивых образов. Положение переводчика, которому приходится повторить такую нюансировку на другом языке, бывает незавидным, когда в ПЯ нет подходящего по стилю средства. Например, англ, pox или фр. verole -- грубое обозначение "сифилиса", которого в других языках может не быть, на русский язык удобно перевести как дурная болезнь.

Впрочем, с развитием медицинской науки многие из народных названий болезней либо вышли из употребления, либо приобрели более четкие очертания и вошли в медицинскую номенклатуру. С другой стороны, и многие сугубо научные названия стали достаточно популярными,-- до того, что беспрепятственный обмен латинскими названиями, такими как канцер, экзитус, тбц и т. п., уже нельзя считать безвредным для психического состояния пациентов, в присутствии которых беседуют врачи.

Такая "научная" осведомленность широких масс чи-

Противопоставление болг. едра ("крупная") шарка -- англ, small ("мелкий") pox иногда вводит в заблуждение даже медиков при переводах в плоскости английского и болгарского языков.

284

тателей, в особенности в области медицинской, военной, экономических наук, в науках о космосе и др., допускает довольно широкое употребление в художественной литературе соответствующих терминов без объяснения их. Для переводчика важно, чтобы каждый раз, вводя в текст перевода, скажем, морской термин, он точно знал, будет ли это понятно читателю, дойдет ли до чеха, венгра, швейцарца, даже болгарина, имеющих в силу определенных географических и исторических обстоятельств сравнительно слабое отношение к морскому делу, то, что предельно ясно англичанину или греку -- жителям морских стран. И если эти два читателя -- подлинника и перевода -- в различной степени осведомлены по данным терминологическим вопросам, переводчик должен это учесть и не вводить в свой текст малознакомую терминологию.

Сказанное, конечно, не исчерпывает вопросов перевода терминов в художественном тексте -- на нескольких страницах исчерпать такую тему нельзя. Важно отметить, что к переводу терминологических единиц не следует подходить как к делу легкому. Вопросов здесь немало,

решение их требует труда, времени, опыта и сообразительности, как и решение труднейших проблем перевода художественного текста. Резюмируя, приведем сказанное о терминологическом переводе в виде тезисов:

1. Основной принцип этого перевода -- термин передается термином.

2. В отличие от научного текста, в художественной литературе термины, в особенности исконные для ИЯ, распознаются труднее; а с предварительным выделением их из общеязыковой лексики связан выбор приемов их перевода.

3. Отклонения от основного принципа перевода допускаются главным образом в тех случаях, когда термин в данном тексте не имеет терминологического значения, не несет значительной семантической нагрузки и, разумеется, если он лишился связи с соответствующей термино-системой.

4. При отсутствии в ПЯ термина-эквивалента в н а -учном тексте его заимствуют или создают новый, или придают терминологическое значение общелитературной единице, а в художественном тексте предпочитают иные приемы, стараясь, тем не менее, не

285

нарушать "терминологического звучания" текста: замену другим (обычно близким по значению, а иногда даже далеко не равнозначным) термином, компенсацию видового понятия родовым, синонимом различной степени близости, приблизительным соответствием (обычным словом) и даже нулевой перевод.

5. Внутренняя форма термина, не принимаемая во внимание при переводе научной литературы, может иметь значение в художественном переводе, но только в тех случаях, когда она играет аналогичную роль в подлин нике. Прозрачная внутренняя форма может, с другой стороны, стать источником переводческих неудач -- вследствие нераспознания термина или неумения совме стить при переводе терминологическое значение с об разным. 1

Глава 8

КАЛАМБУРЫ

С моей точки зрения, "непереводимой игры слов" не существует и не должно существовать, за чрезвычайно редкими исключениями. Весь вопрос в мастерстве переводчика.

Н. Любимов

В подтверждение этих слов Н. Любимова' Н. Галь высказывает мысль о том, что подстрочное примечание "непереводимая игра слов" -- "это расписка переводчика в собственном бессилии". "Конечно, -- пишет она дальше, -- порой ты и впрямь бессилен перед какой-то уж очень головоломной задачей. Тогда вернее совсем пожертвовать игрою слов здесь и, может быть, взамен сыграть в другом месте, где у автора ничего и нет, а переводчику что-то придумалось. Но чем меньше потерь, тем, понятно, лучше, и отступать без боя стыдно"2.

Итак, игру слов передать можно. Но трудно, но не всегда. Как же помочь переводчику справиться с этим нелегким делом? Ведь и сотни примеров блестящих побед

'Любимов Н. Перевод -- искусство, с. 249. 2 Галь Н. Слово живое и мертвое, с. 136.

286

талантливейших переводчиков будут слабым утешением, если не раскрыть механизма претворения игры слов средствами ПЯ, если не сформулировать определенных закономерностей, обобщив опыт этих мастеров. Лишь вооруженный таким обобщенным опытом рядовой переводчик сможет бесстрашно смотреть в глаза "непереводимому" каламбуру.

К сожалению, загнать в узкие рамки правил каж-д ы и каламбур едва ли удастся: слишком много в его переводе индивидуального, своеобразного; чтобы справиться с ним, необходимы и совершенное владение обоими языками, и огромный опыт, и общая культура, но,

! пожалуй, в первую очередь, чувство юмора, сообрази-

j тельность и талант. "По своему существу каламбур не .есть естественное явление; это особое искусство, требую-

Гщее специального внимания, как всякое искусство",-- передает Н. П. Колесников ' слова Ж. Вандриеса2 и подчеркивает необходимость особого изучения этого искус-

]ства.

Приступив к такому изучению, мы обнаружили нема-

|ло материалов о каламбуре3, но вместе с тем и немало разнородных, даже противоречивых мнений, а "о путях перевода каламбуров" -- всего лишь краткие заметки в работах нескольких теоретиков и практиков перевода4

РЯШ,

.'Колесников Н. П. О некоторых видах каламбура.

1971, N 3, с. 81. 2Вандриес Ж. Язык. М.: Соцэкгиз, 1937, с. 169--170.

3 Основной остается книга А. А. Щербины "Сущность и искусство словесной остроты (каламбура)", в которой перечислены большинство опубликованных до нее работ. Приведем и ряд вышедших позднее публикаций: Г е п н е р Ю. Р. Об основных признаках фразеологических единиц и о типах их видоизменения; Макаре н к о В. М. Каламбуры у Горького. -- РР, 1968, N 2; Колесников Н. П. О некоторых видах каламбура. -- РЯШ, 1971, N3;Станчева-Арнаудова Е. Лексические средства создания комического эффекта в творчестве И. Ильфа и Е. Петрова. -- Годишник на Соф. у-т, Слав, фил., т. 66, кн. 1. София, 1972; Ко-лесниченко С. А. Декодирование стилистического приема игры слов в английском языке. -- ФН, 1973, N 3, а также 5 статей Ходаковой Е. П.: О каламбуре. -- РЯШ, 1968, N 3; Употребление каламбуров в речи русского общества XVIII века. -- РР, 1973, N 4; Употребление каламбуров в речи русского общества начала XIX века. -- РР, 1973, N 5; Пушкинские каламбуры. -- РР,

1974, N 2 и Словесная шутка. -- РР, 1974, N 3.

4 Виноградов В. Формально-обусловленный перевод каламбуров-созвучий. -- ТП, 1972, N 9, с. 69. Автор приводит и значительное число других работ, в которых можно найти отдельные замечания по этому вопросу.

287

до 1972 года и только две статьи' последних лет.

Наиболее полное и четкое определение каламбура2 находим в БСЭ: "стилистический оборот речи или миниатюра определенного автора, основанные на комическом использовании одинакового звучания слов, имеющих разное значение, или сходно звучащих слов или групп слов, либо разных значений одного и- того же слова и словосочетания". Короче говоря, каламбур -- это большей частью игра на несоответствии между привычным звучанием и непривычным значением. Для большей ясности разберем эту дефиницию по частям и добавим еще некоторые моменты, чтобы дать представление о работе, которую должен проделать переводчик, пересоздавая каламбур в его новом обличий.

1, Каламбур может быть а) оборотом речи, т.е. элементом данного текста, или б) самостоятельным произведением, миниатюрой, родственной эпиграмме. Каламбуры используются еще в) в качестве заголовков (в особенности газетных заметок, фельетонов, юмористических рассказов), а также г) в подписях к рисункам и карикатурам.

В каждом из этих случаев перевод каламбура будет иметь свои особенности: а) как часть целого он тесно связан с контекстом и зависит от него, что, с одной стороны, затрудняет перевод, а с другой, является основой для нахождения наиболее удачного решения; б) каламбур-миниатюра переводится как законченное целое, без учета иных соображений, что, может быть, предоставляет переводчику больше свободы в подборе средств; в) в каламбуре-заголовке, как в фокусе, собрано все идейное содержание данного произведения, выражен максимально точно замысел автора, а это, за отсутствием контекста (узкого, широкий контекст -- все произведение), чрезвычайно трудно передать при переводе; г) успех перевода подписи к карикатуре зависит от умения переводчика найти и передать связь между кистью и пером.

1 Кузьмин С. С. Смех как переводческая проблема (На примере фразеологизмов) иМосяков А. Е. Разложение фразеологизмов и перевод -- обе в ТП, 1976, N 13.

2 В отличие от большинства авторов, считающих термины "каламбур" и "игра слов" полными синонимами, мы склонны вкладывать в последний более широкое содержание; на наш взгляд, каламбур -- это вид игры слов (намек на такое понимание находим у А. В. Федорова, Н. Демуровой, Е. П. Ходаковой), которая может в свою очередь включать и другие построенные на языковом материале "игры"

288

Стилистическая цель каламбура -- Создание комического эффекта, сосредоточение внимания читателя на определенном пункте текста -- должна получить полноценное отражение и в переводе; при этом переводчик обязан держаться строго в рамках соответствующего "комического жанра" -- от безобидной шутки до острой иронии или едкой сатиры 1. Замысел автора будет в корне разрушен, если вместо грубого зубоскальства в переводе появится изящная ирония, вместо искрометного остроумия клоунада дурного вкуса.

Обычно каламбур бывает намеренным, целенаправленным. "Случайными", как исключение, можно бы считать каламбуры, например, в речевой характеристике, но это автор намеренно сделал их случайными, воспроизводя глупую, самоцельную игру слов, раскрывающую образ мышления, привычную речь, ту или иную черту персонажа (вспомним Туркина в "Ионыче").

Здесь же следует, кстати, предостеречь переводчика от и в самом деле нечаянного столкновения или совмещения в одном тексте слов, которые оформили бы каламбур типа цитируемых Н. Галь; например, влюбленный говорит что-то женщине, "целуя ее в ш е ю и теряя при этом голову"2. (Разрядка наша -- авт.)

Элементом, обеспечивающим каламбуру успех, является непредсказуемость того или иного звена в цепи речи, так называемый эффект неожиданности (ef-fet de suprise). "Появление каждого элемента речевой цепи как бы предопределяется всеми предшествующими элементами и предопределяет все последующие элементы", -- пишет С. А. Колесниченко3, объясняя этот эффект: одновременно или последовательно, читатель воспринимает два значения, одного из которых не ожидал. Кстати, сказанное объясняет особенно ясно, почему авторы так охотно кладут в основу каламбуров фразеологизмы, т. е. такие сочетания слов, которые не создаются в момент говорения или писания, а воспроизводятся в готовом виде: речевой поток здесь течет в сложившихся веками берегах, читатель знает точно, какой компонент за каким надо ожидать, а это делает особенно острым эффект обмана его ожиданий.

Сущность каламбура заключается в столкновении

1 См. указ, выше статью С. С. Кузьмина.

2 Г а л ь Н. Указ, соч., с. 93.

3Колесниченко С. А. Указ, соч., ее. 108, 107.

289

Или, напротив, в неожиданном объединении Двух несо§-: местимых значений в одной фонетической (графической)! форме. То есть основными элементами каламбура явля-[ются, с одной стороны, одинаковое или близкое до омо-1 нимии звучание (в том числе и звуковая форма многоз-; начного слова в его разных значениях), а с другой--; несоответствие до антонимии между двумя значениями:, слов (это "крупный--195 см -- специалист"), компо-; нентов ФЕ и "свободных" слов ("жизнь бьет ключом -- по голове"), слова и его компонентов ("белоручка" -- "белые руки"), слова и произвольных кусков его, типа шарад ("Злато, злато!. Сколько через тебя зла-то"1, разрядка наша -- авт.), слова и его ложной, произвольной, "народной" этимологии (вместо "спекулянт" -- "скупелянт"), а также устойчивого и омонимического ему словосочетания ("баснями не накормишь и соловья").

2. Сказанное до сих пор о природе каламбуров может в некоторой степени выявить ту работу, которая предстоит переводчику, и в чем заключается ее основная трудность. В отличие от перевода обычного текста, при котором его содержание (в том числе образы, коннотации, фон, авторский стиль) нужно влить в новую языковую форму, здесь, при переводе каламбура, перевыражению подлежит и сама форма подлинника -- фонетическая и/или графическая. Больше того. Нередко приходится даже менять содержание в 'угоду форме -- на новое, если невозможно сохранить старое. Это необходимо потому, что для полноценного перевода художественного или публицистического

произведения план выражения может оказаться важнее плана содержания. Нетрудно понять, что добиться при этом верного на все сто процентов перевода, т. е. передать неизмененным содержание, не меняя при этом и форму, удается сравнительно редко, так как между обыгрываемыми словами (фразеологизмами) ИЯ и соотносительными единицами ПЯ должны существовать не просто эквивалентные отношения, но полная эквивалентность с охватом двух (или больше) значений.

Однако даже при таком положении не всегда можно рассчитывать на стопроцентно удачный перевод: между эквивалентами часто совсем неожиданно обнаруживаются незаметные при других обстоятельствах расхожде-

'Островский А. Н. (цит. по: К о л о с о в П. И. Словарно-стилистические упражнения. М.: Просвещение, 1964, с. 212)

290

ния -- в сочетаемости, частотности или употребительности, в стилистической окраске или эмоциональном заряде, в наборе синонимов или антонимов, в этимологии или словообразовательных возможностях, в вызываемых ас-социациях или коварных намеках и т. п. А иногда даже незначительного с виду отличия достаточно, чтобы помешать правильному воспроизведению игры слов на ПЯ и заставить переводчика искать для этого новых путей. Вывод из сказанного один: буквального перевода (т. е. передачи не только содержания, но и формы), к которому мы стремимся как к идеалу (какой парадокс!) при переводе каламбура, можно добиться скорее в виде исключения; как правило же, здесь не обходится без потерь. Вот почему переводчик должен в первую очередь задать себе вопрос: чем жертвовать? Передать содержание, отказавшись от игры слов, или же сохранить каламбур за счет замены образа, отклонения от точного значения, затушевки идейного замысла, даже вообще сосредоточиться только на игре, полностью абстрагировавшись от содержания? Которая из жертв -- плана содержания или плана выражения -- Окажется в переводе .меньшим злом?

Решение этого вопроса зависит от ряда предпосылок, но в первую очередь от требований контекста, главным образом широкого контекста, а нередко и всего произведения в целом. И уже на втором месте учитываются "каламбурные возможности" ПЯ по сравнению с ИЯ и лексические данные самих единиц.

Жертвовать содержанием при переводе каламбура приходится не так уж редко. Это происходит, например, при целенаправленном обыгрывании звуковой формы, когда внимание читателя сосредоточивается на неожиданной или, как у Пушкина, ожидаемой рифме: "И вот уже трещат морозы.. (Читатель ждет уж рифмы розы; На, вот возьми ее скорей!") ', аллитерации или новых "звуковых эффектах".

И. Левый приводит такой случай, при котором "сохранить игру слов., важнее, чем передать точное их значение"2. В пяти вариантах перевода трех рифмующихся строк из стихотворения Моргенштерна "Эстетическая

'Пушкин А. С. Собр. соч. в 8-ми томах. Т. V. М.: Худ. лит-ра,
1969, с. 117.

2 Левый И. Указ, соч., с. 144--145. " •

291

ласка" наряду с лаской -- животным из подлинника -- появляются еще хорек, норка, гиена и ящерица, все -- в очень разных ситуациях и местах действия; вместе с тем каждый вариант передает замысел автора, вопреки замене по существу всего содержания подлинника другим.

Комического эффекта добиваются Ильф и Петров, вводя в прозаический текст стихотворный элемент, когда в "Золотом теленке" Лоханкин, обращаясь патетически к жене, переходит на безупречный ямб: "-- Волчица ты, ..Тебя я презираю. К любовнику уходишь от меня"1 и т. д.

Но в первых двух случаях это стихи, в последнем -- опять-таки стихотворный прием (это-то в данном случае и вызывает смех), а для стихов форма -- рифма и размер-- часто, в самом деле, играют ведущую роль; так что, по существу, может быть, здесь лучше говорить о "словесной шутке"2, чем о каламбуре. Но и в произаиче-ском тексте звуковая форма может исполнять организующую каламбур функцию: "..Управление кораблевождения. .. -- Подождите, у меня головокруже-н и е", "уполномоченный по учету газонов и уполномоченный по учету вазонов", "Не планирование, а фланирование"3 (разрядка всюду наша -- авт.), где содержание можно изменить за счет формы, которая играет ведущую роль: в небольшом тексте рифма связала воедино довольно слабо связанные

по смыслу слова; достаточно одно из рифмующихся слов заменить синонимом (например, "фланирование" -- "гуляньем"), и об игре слов не будет и помина.

3. В теоретических работах встречаются разные классификации каламбуров. Перевод же их, на наш взгляд, удобно рассматривать в общих чертах на трех уровнях: фонетическом, лексическом и фразеологическом.

О фонетическом уровне уже шла речь выше; для него характерно преобладание звуковой стороны над смысловой и иногда настолько, что становится сомнительным отнесение оборота к категории каламбура. В связи с этим, может быть, правильнее было бы оставить в стороне фонетический уровень и говорить о переводе каламбуров только двух типов: лексических и фразеологических.

1 Ильф И. А., Петров Е. П. Собр. соч. в 5-ти томах. Т. 2. М.:

Гос. изд-во худ. лит-ры, 1961, с. 141.

2Ходакова Е. П. Словесная шутка. -- РР, 1974, N 3, с. 40.

3Станчева-Арнаудова Е. Указ, соч., с. 444. д

292

К группе лексических каламбуров можно отнести разные типы игры слов, основанные

1) на обыгрывании целых слов или частей: а) корней, аффиксов или б) "обломков" слов !,

2) на многозначности или омонимии2,

3) на ряде других лексических категорий -- антонимии, этимологии и т. д.

Но какие бы явления мы ни обнаруживали в переводимом каламбуре, в основе его будет всегда лежать омонимия в той или иной форме.

Фразеологические каламбуры мы склонны рассматривать особо не только потому, что они обладают своими, чисто фразеологическими особенностями, но и в связи с их удельным весом среди каламбуров; в принятых нами широких границах фразеологии их, вероятно, будет абсолютное большинство, как их большинство и в нашем материале. Место же их после лексических каламбуров обусловлено не только более высоким -- фразеологическим -- уровнем, но и тем, что игра на ФЕ часто не исключает участия и лексических единиц: обыгрывание отдельных компонентов устойчивых сочетаний-- характернейший прием этой игры.

Прежде чем разбирать приемы перевода отдельных групп каламбуров, следует отметить, что наша классификация условна -- в том смысле, что сравнительно редко встречаются единицы, которые можно было бы отнести исключительно к данной группе: большей частью они принадлежат к нескольким типам единиц. Так, омонимический каламбур может !быть связан с антонимией, с много-

1 Часть слова далеко не всегда является значимой; нередко это случайный "кусок" лексической единицы, лишенный связанного с ней значения. Например, в известном каламбуре: "Когда садовник бывает предателем отечества? -- Когда он продает настурции" -- название цветка не составлено из морфем "нас" и "Турции".

2 В других главах понятие омонимии включало все случаи "звукового совпадения двух или нескольких языковых единиц, различных по значению" (С-СЛТ), в том числе и многозначность (см., например, ч. I, гл. 12). Однако здесь, несмотря на то, что разница между омонимией и многозначностью все та же -- в степени, а не в качестве, мы склонны, подобно А. А. Щербине, рассматривать их отдельно (см. указ. соч. -- гл. III о многозначности, гл. IV об омонимии), считая такое обособление, хотя и в рамках лексических каламбуров, более целесообразным с точки зрения перевода.

293

значностью; игра слов На основе однокорневых слов вместе с тем и омонимична и т. д. Поэтому наше деление имеет целью подсказать возможный прием перевода исходя из преобладающей черты каламбура.

I. В составе группы лексических каламбуров рассмотрим единицы, построенные на основных лексических категориях: обыгрывание многозначных слов, омонимов и антонимов, а также и некоторые особые случаи -- каламбуры на основе терминов и имен собственных.

1. На м н о г о з н а ч н о с т и слова строятся, может быть, наиболее типичные и многочисленные из лексических каламбуров. Вот сравнительно несложный пример. Рубрика зарубежного юмора в "Крокодиле" носит название "Улыбки разных широт" (разрядка наша -- авт.), причем под широта подразумевается не только географическое понятие, но и качество улыбки. Перевод затрудняется с

одной стороны многозначностью слова (например, болг. широта употребляется главным образом в пе-реНосном значении, а в географическом -- ширина), а с другой --; грамматическими различиями (разные значения русского родительного падежа требуют в болгарском языке разных предлогов); тем не менее, близкое звучание создает некоторую основу для игры слов. В немецком языке "общее" для обоих значений слово Breite обеспечивает полноценный перевод; а при переводе на английский и французский, вероятно, нужно искать иной основы, поскольку географический термин образуется от совсем другого корня (latitude).

Основой для игры нередко бывают не многозначные слова в прямом'смысле, а единицы, содержащие один и тот же корень. Смысловые расхождения между однокор-невыми словами бывают намного больше, чем между значениями многозначного слова, -- вплоть до антонимии ("г/лгаый--безумный"). Но и в простое несовпадение значений таких слов может породить каламбур. Слова мудпый и мудрить связаны общим корнем, как мороз и сморозить, а перевести каламбур, построенный на такой основе, бывает очень нелегко. Вот пример. Рассказывает кок: "как волну вскинет да прихватит морозом, так она в один момент горой и застывает. Смеются моряки: "--Ай да кок, вот уж действительно с морозил!"1 (Разрядка наша -- авт.) Болгарский переводчик не сумел

1 К а с с и л ь Л; : Далеко в море, с. 45. 29*;

сохранить каламбура. Ё другом случае переводчик пбпЫ-; тался сохранить игру слов, но попытка также не уда- • лась, несмотря на благоприятные условия контекста., "--Ершист дворянин! Воеводства донского просит!--: спокойно сказал Разин. -- Посадите, братцы, его воеводой: к донским ершам!"1 (Разрядка наша -- авт.) Как и в. первом примере, буквальный перевод невозможен; поэтому переводчик подыскивает "каламбурную пару" к одному из слов -- ершистый и переводит его "свадлив" (= сварливый); получается "свадлив дворянин"--: "при свадливите риби". Подход правильный, но неудача связана с выбором варианта: если сварливым может быть дворянин, то о рыбах такого не скажешь; а достаточно было взять близкое по значению зъбат (= зубастый) , и все встало бы на свои места. Значительно-удачнее передан пушкинский каламбур в "Выстреле":, "..признаюсь, побоялся я сделаться пьяницею с горя, т.е. самым г о р ь к и м пьяницею"2 (каламбурооб-разующие слова выделены в самом тексте), причем болгарский переводчик заменил горе "отчаянием"; получи-; лось "..признавай си, че се побоях да стана п и я н и ц а от отчаяние, тоест отчаян пияница" (разрядка наша -- авт.), что вполне соответствует как замыслу автора, так и болгарскому словоупотреблению.

Относительно чаще, по сравнению с предыдущей груп пой, многозначные слова имеют в ПЯ эквиваленты в от ношении их переносных значений3. Примером могут служить прилагательные, обозначающие в прямом .смыс ле вкус, а в переносном -- обычно черты характера или облика человека: bitter taste -- bitter tears; un gout amer--des larmes ameres; eine su/Зе Speise -- su/Зе Trau-me; кисела ябълка-- кисела физиономия; кислое ябло ко -- кислая мина. , ,-.->

• Другого рода пример приведен у Комиссарова ,(и др,):; "He says h e'11 teach you (разрядка наша -- авт.) to take his boards and make a raft of them; but seeing that;

'. 3 лобин Ст. Степан Разин. Т. I. М.: Сов. писатель, 1952, с, 565.

2 П у ш к и н А. С. Собр. соч. в 8-ми томах. Т. VII. М.: Худ. лит-ра, 1970, с. 85.

3'В .пособии В. Н. Комиссарова, Я. И. Рецкёра и В. И. Тархова это выражено слишком оптимистично: "Игра слова подобного типа [т. е. основанная на использовании перенос-' ного значения] не представляет обычно особых трудностей:для пе-' реводчика". (Пособие по переводу с английского на русский,- ч. И, с- 162) ... t •

295'

you know how to do this pretty well already, the offer., seems a superfluous one on his part.." (J. Jerome. Three Men in a Boat) "Он кричит, что он покажет вам, как брать без спроса доски и делать из них

плот, но поскольку вы и так прекрасно знаете, как это делать, это предложение кажется нам излишним".1

Это легко поддается переводу и на болгарский язык с тем же вариантом "научить"; нетрудно его передать и на французский и немецкий языки с эквивалентами тех же глаголов: faire voir, zeigen. В логику этой легкости легко проникнуть: разноязычные синонимы могут "порождать" близкие переносные значения в силу близости мыслительных процессов человеческого мозга. И тем не менее едва ли следует слишком опираться на эту закономерность. Возьмем довольно простой пример из "Занозы" Л. Ленча: "Вопрос о сносе дома., упирается лишь в одну гражданку Сухарькову. -- Вопрос упирается или гражданка Сухарькова упирается?"2 (Разрядка наша -- авт.) На болгарский язык перевести можно, хоть и не так гладко: соответствие первому упираться -- невозвратный глагол с тем же корнем, причем лучше переводить все в совершенном виде: "-- Въпросът о п р я или гражданката С. с е о п р я?" Что касается других языков, то там, очевидно, нужно искать подстановок: в переводе они упираются не меньше гражданки Сухарьковой. И уже намного труднее с каламбуром Л. Лагина: "Хрупкая девушка: чуть что, ломается"3. (Разрядка наша -- авт.) На болгарском можно подобрать близкое "Крънш-н а мома: за щяло и нещяло се к ъ л ч и", но здесь в основе лишь паронимичные соответствия и нет той емкости, как в русском.

Лексический каламбур может быть осложнен введением авторского неологизма -- действительно нового слова, окказионализма, подходящего и употребленного только в данном случае, -- или же приданием нового значения существующему слову на основе лишь близости созвучий. Ел. Благинина пишет, что К. Чуковскому "очень нравились такие шутки, как "бабарельеф" (о толстых женщинах), "вьюбчивый человек", "снобыт", "дре-б&деньги", "противозажиточные средства", .."Кот кончил высшее техническое урчилище", "Делаю кошке Чосер, а

1 Там же, с. 162.

2 Сб. "Адская машина". М.: Сов: писатель, 1963, с. 154.

3 ЛГ, 17.ХП.1975.

296

она отвечает Муром"..' Все это совершенно непереводимо-- слова сочинены на основе реально существующих, и вся соль каламбуров -- в остроумном стечении значений последних с приобретенными в результате изменения их форм. Для переводчика выход здесь только в подстановках, т. е. в сочинении других слов, независимо от их содержания приспособленных к контексту.

Иногда возможны переводы кальками, например, в приписываемом Пушкину каламбуре: "--А, понимаю,-- смеясь заметил Пушкин, -- точно есть разница: я молокосос, как вы говорите, а вы виносос, как я говорю"2. Такого красочного слова -- "молокосос" -- в болгарском языке нет, но есть ФЕ, аналогичная рус. "молоко на губах не обсохло!" -- "мирише му устата на мляко" (т. е. рот пахнет молоком), где для каламбурных целей достаточно переменить "молоко" на "вино". На немецкий можно перевести ближе -- переиграв Milchbart на Weinbart.

Но калькой трудно перевести, допустим, глагол зачертить, сочиненный Чеховым от "черт" в значении "зачастить": "Накануне свадьбы (черт зачертил именно с этого времени) капитан Кадыкин позвал к себе в кабинет Лы-сова.." ("Отрава") 3.В болгарском переводе можно сыграть на слове дявол (= черт) и дяволия (= плутовство): "(дяволът зачести с дяволиите си..)", но отсутствие чеховской лаконичности, конечно, не отнесешь к достоинствам такого перевода.

К авторским неологизмам можно отнести и множество сочиненных писателем антонимов, которые мы рассмотрим ниже.

К наиболее трудно переводимым на многие языки следует отнести такие каламбуры, в которых обыгрываются языковые средства, отсутствующие в этих языках, например, авторский неологизм на основе глаголов движения: "..у церквей в полдень выстраиваются вереницы автомашин, означая, что прихожане, которых впору называть приезжанами, явились откупиться от нестрогого и очень практичного американского бога"4. Трудность здесь двоякая: происхождение "прихода", "прихожанина" от глагола "ходить" (чего нет ни в одном из зна-

1 Воспоминания о Корнее Чуковском. М.: Сов. писатель, 1977, с. 140.

2Горчаков В. П. Выдержки из дневника об А. С. Пушкине (цит. по Е. П. Х о д а к о в о и. Употребление каламбуров в речи русского общества начала XIX века. -- РР. 1973, N 5, с. 155).

3 Ч е х о в А. П. Собр. соч. Т. 4, с. 28.

4Кондрашов С. Н. Свидание с Калифорнией, с. 268--269.

297

Кбмых нам языкбв) и прбтйвбпоставлёнйе гМгоЛбв "Хб-"<
дить" пешком и "ездить" на машине, тоже не представ-*
ленное четко во многих языках. ;

2. Об "омонимическом каламбуре" (в отличие от построенного на многозначности) можно говорить в тех случаях, когда не существует (или оборвана) семантическая связь между значениями омонимов (паронимов), связь, которую автор теми или иными средствами намеренно создает (или восстанавливает) для данного текста.

При многозначности, в особенности если одно из значений -- переносное, можно все же рассчитывать на существование аналогичной связи и в ПЯ, в то время как при омонимии такая связь, если не исключена, то чрезвычайно редка и принимать ее в расчет при переводе, разумеется, нельзя.

Здесь не идет речь о самостоятельных каламбурах ти
па "Осип охрип, а Архип осип", в принципе совершенно
непереводимых, которые основаны на одном лишь созву
чии; о значениях и связи значений там говорить не при
ходится. Нас интересует, стало быть, скорее ""игра значе
ний", скрепленная омонимией. :

Например, ни в одном ПЯ нельзя ожидать наличия связи между водоплавающей птицей и ложным слухом (утка) или деревом и фальшивкой (липа). Поэтому переводят обычно "по смыслу", т. е. передают только.семантическое содержание, причем исчезает игра слов; в лучшем случае сохраняется антонимия, а этого недостаточно, чтобы был каламбур. Стало быть, нужна замена. Например, фальшивка переводится фр. faux, омонимическим значением которого является "коса"; это уже могло бы явиться основой для нового каламбура.

Методика перевода таких каламбуров ярко продемон
стрирована у Н. Демуровой, переводчицы "Алисы в стра
не чудес". • , • ;

"There is the tree in the middle," said the Rose. "What
else is it good for?" ; ;

"And what could it do, if any danger came?" Alice ask
ed. ......

"It could balk," said the Rose. : • •

"It says `Bough-wough'," cried a Daisy. "That's Why its-
branches are called boughs." '

:<Увы, по-русски никак не удается .связать воедино'

298

"ветки" и "лай"', -- отмечает переводчица и приступает к поиску. Исходя из основного смысла авторского текста, она перебирает сначала все возможные, близкие и далекие, соответствия и синонимы обоих значений, в том числе по линии родо-видовых отношений, ищет фонетические совпадения, пока не обнаруживает две такие единицы, которые можно использовать для построения в переводе каламбура, напоминающего авторский. Многие породы деревьев "давали возможность для игры. Вяз, например, мог бы "вязать" обидчиков, граб мог бы сам "грабить".. В конце концов я остановилась на дубе (разрядка наша -- авт.) -- он вел себя решительнее и мужественнее, чем все другие деревья"2, и мог, в случае надобности, отдг/басить кого следует.

Иногда перевод омонимичного каламбура несколько облегчается родственной близостью ПЯ и ИЯ. У В. Оче-ретина в "Саламандре" мы находим такой "двухступенчатый" каламбур: "В цехе' стахановец, за цехом стакан Овец (разрядка наша -- авт.) ели: две нормы на работе, а потом свинья в болоте"3. Болгарский перевод сделан совершенно'дословно, и в некоторой степени это оправдано: во-первых, реалией стахановец, транскрибируемой на любой язык, и во-вторых, наличием в болгарском языке слова стакан, правда,- русизма, правда'; сравнительно редкого, но все же понятного, фигурирующего в словарях. Каламбур несколько потускнел из-за лишней сноски (у болгарского поэта Хр. Смирненского стакан находим именно в этом "хмельном" значении: "..стари пияници изпразват стакан след стакан"), из-за плохой рифмы во второй половине фразы ("работа"--- "блатото"), но все же получился; В другом примере: "Даже на свежем воздухе нет того свежего воздуха. Сейчас всюду этот -- как он называется? -- смог... Вдохнул, сколько смог, и на том спасибо..."4 (Разрядка наша -- авт.) Смог можно считать английской национальной реалией,

приобретшей почти интернациональный характер, а болгарский глагол жойо --одного корня с рус. мочь; эти элементы годятся для построения каламбура: "поема, колкотомога без смога", или "вдишам без смога, ако м о г а" или что-нибудь в этом роде.

1 Демурова Н. Голоси скрипка, с. 174.

2 Там же, с. 175--176. .:

3 Очеретин В. Саламандра, с. 17.

4 Кр., 1976, N 25, с. 12. .:.-:; . ,.,

299;

Омонимия или, точнее, паронимия лежит в основе также народной (мнимой, ложной, детской) этимологии, на основе которой нередко возникают каламбуры в художественных произведениях. В качестве примера воспользуемся "корневой игрой" 1, которую Н. Демурова вводит для компенсации своих "недоборов". В подлиннике "Кэрролл исходит из качеств, присущих разным приправам", а переводчица предпочитает в духе его стиля, играть на детской этимологии:

"Должно быть, это она от перца была такой вспыльчивой", -- подумала Алиса.

Помолчав, она прибавила (без особой, правда, надежды) :

-- Когда я буду герцогиней, у меня в кухне вовсе не будет перца. Суп и без него вкусный! От перца начинают всем перечить...

Алиса очень обрадовалась, что открыла новый закон.

-- От уксуса -- куксятся, -- продолжала она задумчиво, -- от горчицы -- огорчаются, от лука -- лукавят, от вина -- винятся, а от сдоб ы-- добреют. Как жалко, что никто об этом не знает... Все было бы так просто! Ели бы сдобу -- и добрели!"2 (Разрядка всюду наша -- авт.)

Из этого примера можно вывести важное заключение, касающееся перевода каламбуров вообще. В очень многих случаях, когда нет возможности путем "пословного" перевода достаточно четко передать "каламбурность" сочетания, переводчик не переводит тот оборот, который дается ему автором подлинника, а создает свою игру слов, близкую, напоминающую по тем или иным показателям авторский каламбур, но свою, создаваемую иногда на совсем иной основе и проводимую совсем другими средствами. Даже термин "перевод" здесь часто неуместен, поскольку от данности оригинала не осталось ничего. И тем не менее в рамках переводимого произведения такую "интерпретацию" несомненно следует считать правильной. Если в последних примерах сопоставить

1 Здесь едва ли можно говорить о "корневой игре", так как действительной этимологической связи между отдельными парами слов нет; это типичный пример мнимой, в данном случае, детской этимологии.

2Демурова Н. Указ, соч., с. 179. 300

этот "вольный перевод" с каламбуром подлинным, то окажется, что в последнем нет ни горчицы, ни сдобы, ни лука, ни вина -- все это от переводчицы. Можно, конечно, спорить о том, насколько эти конкретные пары ("вино"-- "виниться", "сдоба" -- "добреть" и т. д.) удачны, но в целом эффект каламбурного употребления этой "отсебятины" создает впечатление, соответствующее тому, которое производит подлинник. Автор строит свой текст на ассоциативных соответствиях и многозначности (уксус-- кислый; кислое настроение -- кислый характер), а переводчица -- на звуковых и мнимоэтимологических, и оба добиваются осуществления одной и той же цели; возможно, если бы был скопирован авторский прием, соблюдена "буква", то результат оказался бы менее успешным. На эту мысль нас наводит сказанное выше о прилагательных, обозначающих вкус; при всей близости прямых и переносных значений в плоскости русского/английского по отношению к человеку можно употребить единственно кислый: ведь несмотря на обилие переносных значений прилагательных горький, соленый, сладкий, нельзя сказать "горький или соленый характер" или "сладкий человек" (хотя А. К. Толстой и употребляет: "Царь Петр любил порядок, Почти как царь Иван, И так же был не сладок.."; разрядка наша -- авт.).

Вывод простой: взвесив внимательно все возможности передачи каламбура, переводчик останавливается на той, которая предоставляет наибольшие преимущества, независимо от употребленного автором приема. Когда передать каламбур нужно во что бы то ни стало, а текст не поддается, то на худой конец можно отыскать рифму, сочетать ее с антонимическим употреблением (если этого требует оригинал), или даже ограничиться рифмой, но хоть как-нибудь подсказать читателю каламбурную сущность подлинника.

Практически непереводимыми в узком контексте следует считать каламбуры, опирающиеся на осмысление кусков немотивированно расчлененных и иногда измененных в некоторой степени слов. Получается игра, напоминающая шарады и основанная опять-таки на созвучиях. Довольно "поношенный" пример: "уполномоченный" -- "упал намоченный". Вплотную к ним примыкает использование "омоформии в рифмах" (Е. П. Ходакова), признанным мастером которой был Д. Минаев. Хорошим примером является его стихотворение "В Финляндии" (разрядка наша -- авт.):

301

Область рифм -- моя стихия, с
И легко пишу стихи я; •<>
Без раздумья, без отсрочки ?'.
Я бегу к строке отстрочки, '
Даже к финским скалам бурым "::
Обращаясь с каламбуром. :г

Нередко в таких случаях -- на примере это хорошо видно-- игра слов является не средством, а целью, что и обязывает переводчика сохранить ее во что бы то ни стало. И единственно возможным приемом будет не собственно перевод, а сочинение своего каламбура на заданную автором тему.

3. В основе многих каламбуров лежит антонимия. "В обычной, нейтральной речи говорящему почти не приходится включать в одно высказывание слова с противоположным значением или называющие противоположные явления. Но при специальной установке (на шутку, иронию, сатиру) он прибегает к намеренному столкновению их в одном ряду", -- пишет Е. П. Ходакова !. Не каждая словесная шутка -- каламбур2; вероятно, можно спорить и о том, достаточно ли одной антонимии, или шире -- противопоставления, антитезы, чтобы говорить о наличии каламбура?

Ответ на этот вопрос будет, вероятно, отрицательным: нет, не достаточно; но если принять установку Е. П. Хо-даковой на комичность и учесть, что помимо этих двух элементов в каламбуре обычно присутствуют и другие -- многозначность, фонетическая близость и т. д., то полученную единицу можно считать как минимум игрой слов на грани каламбура. Комический эффект того, что открыт "новый физический закон: при нагревании гуляша в столовой N 19 таковой имеет свойство ужиматься, при этом авоськи персонала столовой соответственно р а с-ш и р я ю т с я"3, обусловлен не только антитезой, но и содержащимся в противопоставлении намеком, одетым в сугубо "научную" форму закона; все это вместе воспринимается как каламбур -- один из немногих типов, легко поддающихся переводу.

1 Словесная шутка, с. 47.

2 Статья озаглавлена "Совесная шутка", а понятие "каламбур" ав* тор включает в перечисляемые виды таких шуток, считая, по-видимому,, "словесную шутку" синонимом "игры слов" в нашем понимании или даже еще больше расширяя ее границы.

3 "Неделя", 1977, N 47, с. 15. : .

302

Есть группа построенных на антонимах каламбуров, в которых один из пары -- архаизм типа приведенных К. Чуковским (ср. "От двух до пяти" в гл. "Завоевание грамматики") -- "льзя", "лепый", "чаянно" и т. п., -- слов, умерших лет полтораста тому назад. В "Соти" Л. Леонова: "--Вы такой нелюдим ый.. -- Нет, я л ю -димы и.." ' переведено на болгарский: "Вие сте така саможив... -- Не, нз не съм саможив", т. е. передано лишь смысловое содержание, в то время как можно было воспользоваться антонимами затворен -- отворен ("закрытый"-- "открытый", "замкнутый" -- "общительный"), или даже саможив •-- много жив, чтобы хоть немного намекнуть на шутливый характер диалога. Ярче выражен каламбур в фельетоне Устима Малапагина:" -- Это что же выходит: на свою собственную машину Куприну путевые листы выписывают? Это уж, извиняюсь, не путевой, а непутевый лист получается"2 (разрядка наша-- авт.), который на болгарский можно перевести, использовав антитезу пътен (лист) -- безпътен.

В последнем примере -- антонимия на фразеологической основе (путевой лист--составной термин), которая нередко используется в подобных целях. Вот пример развернутого каламбура, построенного на антитезах: "Многие американцы сложили головы в джунглях Меконга. Многие подняли их, бросив вызов "грязной войне". Одним агрессия навеки закрыла глаза, другим-- открыла на жизнь..." (М. Стуруа) 3 (разрядка наша -- авт.), который нужно переводить, используя те же средства ПЯ-Несмотря на то, что обыгрываются две пары фразеологизмов-антонимов, перевод на несколько

языков не представляет особого труда благодаря большой распространенности подобных ФЕ (и шире -- с частями тела): болгарский и французский языки имеют аналогичные по содержанию и форме соответствия; в английском не хватает подходящего по форме эквивалента для сложить голову (to lay down one's life), но его нетрудно заменить другим, например, to lose one's head; в немецком мы не нашли эквиформных соответствий для первой пары антонимов, но подобрать их можно на основе другого образа, причем перевод может звучать приблизительно так: Viele Amerikaner haben im Dschungel des Me-

'Леонов Л. Собр. соч. в 5-ти томах. Т. 2. М.: Худож. лит., 1953, с. 204

2 И, 24.X. 1975.

3 "Неделя", 1977, N 47, с. 10. '"."." э

303

1

kong ihren Kopf lassen mussen. Viele andere haben den Kopf gegen den "Schmutzigen Krieg" erhoben. Manchen hat die Agression auf ewig die Augen geschlossen, anderen hat sie die Augen fur das Leben geoffnet.

4. К лексическим относятся и каламбуры, построенные на особых лексических единицах, таких как термины, имена собственные и аббревиатуры. Перевод последних рассматривается в следующей главе, а остальных-- в настоящем разделе.

Говоря о терминах (гл. 7), мы отмечали, что многие созданы на основе общеязыковых слов, откуда, с одной стороны, смешение терминологического значения с нетерминологическим, а с другой -- возможность их каламбурного обыгрывания. Таков пример со словом широта, приведенный выше; таковы случаи обыгрывания обоих значений терминов, созданных на основе наименований частей тела. Яркий пример участия термина в каламбуре приводит С. А. Колесниченко (иллюстрируя последовательное раскрытие содержания каламбура): "Uncle William has a new cedar chest." "So, last time I saw him he just had a wooden leg."' Игра опирается на два значения слова chest: 1) ящик, сундук, коробка (значение, которое имеет в виду подающий первую реплику) и 2) грудная клетка (значение, которое воспринимает его собеседник). Перевод на другие языки, с одной стороны, облегчен: эта анатомическая часть связана с напоминающим коробку предметом: рус. и фр. -- клеткой (cage thoracique), нем. -- сундуком (Brustkasten), болг.-- корзиной (гръден кош), а с другой, затруднен обязательным присоединением к существительному определения: клетка еще не есть грудная клетка. В зависимости от контекста, играющего в конечном счете решающую роль, в переводе можно воспользоваться другими соотносительными частями тела или даже другими терминами, если не удастся найти иного решения с этими; а в случае, если это самостоятельная шутка, такое решение вполне приемлемо.

В общем перевод каламбуров, основанных на терминологии, ничем существенным не отличается от перевода обычного каламбура на основе многозначного слова. Важно не упускать из виду возможности натолкнуться на такую игру слов.

Имена собственные, в частности говорящие

'Колесниченко С. А. Указ, соч., с. 109. • •'

304

(значащие, смысловые) имена, являются чрезвычайно активными и своеобразными компонентами единиц, составляющих особую группу каламбуров (в немецкой стилистике -- Namenwitze). В принципе каждое смысловое имя можно считать если не выраженным, оформленным каламбуром, то потенциальным каламбуром или заготовкой для него. "Иванка Большой (разрядка наша -- авт.), Иванов, был астраханский купец не плохой статьи", -- пишет в "Степане Разине" Ст. Злобин, и до сих пор Большой -- это просто говорящее, имя, прозвище купца, не больше. Но дальше: "Жил в Автрахани еще Иван-ка-купец, Иванов же, того звали Малым"1 (разрядка наша -- авт.), и получается некоторое подобие игры слов, правда, самой элементарной, построенной как будто на одной антонимии, но она-то и выявляет нарицательные значения обоих прозвищ, а известно, что каламбурный эффект в таких случаях получается обычно при "столкновении совпадающих или близких по звучанию имен собственных и нарицательных"2, на раскрытии в данном контексте внутренней формы имени собственного.

Судя по известным нам двум работам В. С. Виноградова3, он весьма успешно работает над переводом говорящих имен. Согласно его схеме, каламбур состоит из двух компонентов: опорного

компонента (стимулятора), позволяющего начать игру, и второго компонента -- "перевертыша" (результанта, результирующего компонента), завершающего каламбур. Эта схема нам кажется очень привлекательной своей простотой и наглядностью, но, как каждая схема, она дает лишь приблизительное представление о каламбуре как единице перевода; вероятно, усложненных форм, о которых автор, впрочем, также упоминает4, больше, чем основных, двукомпонент-ных. Кроме того, несколько смущает термин "стимулятор", так как опорный компонент играет, пожалуй, пассивную роль, являясь лишь посылкой в своеобразной "предкаламбурной ситуации", где роль стимулятора принадлежит скорее второму компоненту, действующему на-

1 Злобин Ст. Указ, соч., с. 241.

2Ходакова Е. П. Словесная шутка, с. 42.

3 Виноград о в В. С. Формально-обусловленный перевод каламбуров-созвучий. -- ТП, 1979, N 9; Лексические вопросы перевода художественной прозы, с. 52--64.

4Виногдадов В. С. Формально-обусловленный перевод каламбуров-созвучий, с. 77.

305

подобие пускового механизма, который активизирует опорный компонент, выводя его из состояния нейтральности. И еще один момент, на наш взгляд очень важный: роль второго компонента нередко играет не одна точно определенная языковая единица, а контекст, и даже больше того -- подразумеваемые его элементы. Таково, например, обыгрывание имени Булгарина Пушкиным и другими, которые переделывают его фамилию на Фиглярин и Флюгарин1 (от "фигляр" и "флюгер"), не называя настоящей. Здесь, наряду с эффектом комичного -- желчной издевки, наличествуют и другие характерные признаки каламбура -- фонетический и семантический; однако опорный компонент отсутствует. То же у Ильфа и Петрова: "На стенах появляются... миниатюры времен, так сказать, Дантеса и Аллигьери"2.

Сюда же можно отнести каламбурное обыгрывание имени Жан-Жака Руссо. Каламбур -- французский, о некоем тезке великого гуманиста, который не упускал случая похвастаться этим; ему отвечали: "tu es Jean, tu es Jacques, tu es roux, tu es sot, mais tu n'es pas Jean-Jacques Rousseau". Игра слов строится на омонимии фамилии Rousseau со словами roux (= рыжий) и sot (= глупый, дурак).

Успех перевода во всех подобных случаях зависит от наличия в ПЯ подходящих лексических средств (говорить об эквивалентах практически невозможно). Например, обыгрывание фамилии Булгарина возможно лишь в том случае, если в ПЯ можно обнаружить близкие по значению слова; при переводе на славянские языки задача облегчается привычным суффиксом, обеспечивающим фонетический опорный элемент каламбура, но при переводе на другие языки передача игры --вопрос изобретательности переводчика. Еще хуже обстоит дело с каламбуром Ильфа и Петрова: для незнакомых с русской историей и культурой имя Дантеса не говорит ничего, а стало быть, пропадает и каламбур. Каламбурный перевод с французского Руссо можно сделать (с небольшой потерей) благодаря возникновению рифмы "ты и Жан, ты и Жак, ты и рыжий дурак, но не Руссо Жан-Жак"3.

1 Х о д а к о в а Е. П. Указ соч., с. 43.

2 Станчева-Арнаудова Е. Указ, соч., с. 444.

3 Подобный каламбур с той же фамилией, приписываемый Пушкину, приводит Е. П. Х о д а к о в а (Употребление каламбуров в речи русского общества начала XIX века, с. 154): "это правда, что он Иван, что он Яковлевич, что он Руссо, но не Жан-Жак, а просто

306

В гл. 2 мы мельком упоминали, что ряд топонимов, составленных из значащих элементов, по традиции переводится, а другие -- транскрибируются. Закономерности здесь установить нелегко, но можно смело утверждать, что каламбуры, построенные на последних, переводить исключительно трудно. "Не преследовал он поездкой каких-либо выдающихся целей, скажем, прибыть в Кривой Рог для того, чтобы его разогнуть.."1 (разрядка наша -- авт.), -- пишет автор фельетона, нимало не заботясь о том, каково это переводить. На близкородственных языках, несмотря на то что название города дается в транскрипции, перевод рус. "кривой рог" вполне понятен: болг. крив рог, чеш. krivy roh и пол. krzyvy rog, но англичанину, французу и немцу разогнуть Кривой Рог будет, пожалуй, не под силу.

II. Отдельных проблем фразеологических каламбуров касаются многие авторы 2, но большинство рассматривают их, не отделяя от остальных форм игры слов. Поскольку фразеологизм, как языковая

единица иного уровня, и обыгрывание ее, и перевод этого обыгрывания обладают своими, фразеологическими особенностями, мы считаем, что рассматривать эти вопросы следует особо.

Теория перевода нуждается в подробном исследовании приемов перевода фразеологических каламбуров. Целесообразно было бы, по всей вероятности, начинать с изучения на большом фактическом материале вопросов авторизации, т. е. индивидуально-авторских преобразований и переосмысления ФЕ и их использования в тексте; хорошую основу для такого изучения мог бы представлять словарь авторизованных фразеологизмов; в словарной статье после "нормативной фор-мы" ФЕ можно привести различные виды авторских изменений. Следующим шагом будет установление границы перехода к каламбурному обыгрыванию, т. е. определе-

рыжий дурак". (Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний)

1 Кр., 1975, N 5, с. 6.

2 К публикациям, перечисленным в гл. 1, добавим следующие:. Виноградова Л. И. Стоит ли игра свеч? -- РР, 1968, N 4; Л и т в и н Ф. А. Инвариант и варианты при деформации идиом.-- Сб. Проблемы устойчивости и вариативности ФЕ. Тула: Гос. пед. ин-т, 1968; Наумов Э. Б. Способы трансформации фразеологизмов.-- РЯШ, 1971, N 3; Модифицированные фразеологизмы как основа каламбура.-- РЯНШ, 1973, N 2.

307

ние категориальных признаков фразеологического каламбура и различных его видов, и, наконец, выявление закономерностей перевода в зависимости от этих признаков и видов.

Широкое исследование этих вопросов не входило в планы нашей работы. Так что здесь мы можем ограничиться лишь наиболее общими положениями и несколькими примерами.

Любой фразеологический каламбур строится на основе трансформаций, заключающихся в разрушении формы и/или содержания исходной ФЕ, причем достигается "параллельное восприятие как переносного [мы бы сказали, фразеологического] значения ФЕ, так и прямого значения компонентов или двойная актуализация"1. Напомним, что ввиду отсутствия четкой границы между такой трансформацией, которая лишь оживляет компоненты, и другой, при которой ФЕ превращается в каламбур, в качестве рабочей гипотезы мы приняли считать (см. гл. 1) показателями фразеологического каламбура 1) двупла-новое его восприятие и 2) возникновение комического эф-фекта, обычно связанного с эффектом неожиданности. Именно это -- прямое и переносное значение, комизм -- и нужно при переводе довести до сознания читателя.

Согласно теоретическим и иллюстративным материалам, каламбур на фразеологической основе можно рассматривать с нескольких точек зрения и, в первую очередь, в зависимости от типа ФЕ, приема ее обыгрывания и ее коннотативных значений.

По-видимому, каламбур можно построить на основе ФЕ любого типа, но прежде всего, конечно, на образных фразеологизмах. Если во фразеологии ПЯ существует тот же или хотя бы близкий образ, то перевод обычно не составляет труда. Например, в ряде языков имеются ФЕ, соответствующие плясать под чью-л. дудку -- болг. играя някому по свирката, англ, to dance after somebody's pipe (piping), нем. nach j-s Pfeife tanzen, укр. танцювати nid дудку чиюсь, -- и перевести построенный на такой основе каламбур, например, "в своем оркестре не нуждался: пел

1 Я. И. Р е ц к е р (Указ, соч., с. 159) приводит эту цитату из канд. дисс. К. Д. Приходько ("Соотношение фразеологических единиц и нефразеологических словосочетаний одинакового лексико-грамматического состава", М., 1972), отмечая, что термин "двойная актуализация" предложен Л. М. Болдыревой.

308

под чужую дудку", нетрудно. Возможность такого обыгрывания допустима и в отношении необразных единиц: "Любознательными оказались и некоторые взрослые дети, которые., отлично знали что к чему, и, главное, что почем".1 (Разрядка наша -- авт.) Что к чему не имеет болгарского эквивалента, но здесь его можно перевести, исходя из совсем другого, довольно далекого по значению не се знав кой пив, кой плаща (приблизительно "не разбери-поймешь"): "..които.. отлично знаеха, кой пие и кой плаща, а най-важното -- по колко плащ а".

Обыгрываются даже такие, в известной мере спорные с точки зрения фразеологии единицы, как получаемые при устойчивой лексико-синтаксической сочетаемости слов. Наречие наперевес сочетается лексически сравнительно с небольшим кругом слов: "ружье", "винтовка", в прошлом -- "пика", "дротик", часто употребляются с глаголами "держать", "взять"; и вот о некоем кляузнике

сказано, что "дома он взял авторучку наперевес (разрядка наша -- авт.) и засел за трактат".2 Возникает картина воинствующего ("наперевес" связано обычно с атакой) клеветника, оружием которого служит перо. А в переводе, вероятно, придется воспользоваться метафорой "вооружившись пером..".

Существует множество приемов обыгрывания ФЕ, которые авторы сводят к двум видам трансформаций: 1) изменению внешней формы, структуры, компонентов -- деформации и 2) изменению внутренней формы, семантики -- модификации ФЕ. По мнению Э. Б. Наумова, образование каламбура возможно лишь при втором приеме, при модификации3, что едва ли можно считать бесспорным, поскольку любое изменение формы неизбежно приводит и к отклонениям в семантике4.

1Вихрев А. В тараканьем мире. М.: Правда, 1965, с. 52.

2 Кр., 1975, N 21, с. 6.

3 "...каламбур возникает, как правило, при различных нарушениях семантики ФЕ, а не структуры, т. е. при процессах модификации, процессы же деформации... в создании каламбура участвуют как второстепенные процессы" (Модифицированные фразеологизмы как основа каламбура, с. 73)

Все авторы единодушны в том, что устойчивый состав, т. е. внешняя форма ФЕ, в том числе нередко и порядок компонентов, является чуть ли ни ведущим признаком фразеологизма, в котором замена компонента даже синонимом, не говоря уж об антонимах ("аппетит уходит во время еды", "ломиться в закрытые двери"), которыми Э. Б. Наумов иллюстрирует приемы де-

309

Что касается перевода фразеологических каламбуров, то наиболее общим положением, связанным, впрочем, с переводом каламбуров вообще, будет констатация, что теоретически идеалом можно считать буквальный перевод, даже кальку--копирование содержания и формы соответствующей трансформированной единицы, т. е. в принципе прием, которым воспользовался автор подлинника. " -- Если жилуправление не идет к Магометову [у которого дом требует ремонта], -- рассудили жильцы, -- то гражданин Магометов сам пойдет в управление"' -- перевести на болгарский язык не представляет никакого труда: выражение "Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе" существует и в болгарском, а фамилия Магометов, составляющая в связи с ним игру слов, не переводится; таким образом передается и содержание и форма. Точно такая же картина будет и в английском языке, где эквивалент выражения содержит те же элементы, в частности имя Магомет. С немецким языком дело обстоит труднее, поскольку там имя заменено нарицательным "пророк" (Prophet), а во французском на этой основе никакого каламбура не получится, так как в аналоге имя заменено местоимением: "Поскольку гора не идет к нам, пойдем к горе мы". Таким образом, то, что в русском языке -- каламбур, во французском будет простая, ничуть не комичная констатация: "Если жилуправление не идет к нам, мы пойдем сами в управление".

Прием копирования подлинника возможен, разумеется, в тех случаях, когда в ПЯ имеются полные эквиваленты-фразеологизмы, позволяющие калькировать словосочетание, передавая максимально близко к оригиналу и отдельные компоненты. Но бывает и иначе. Попробуем перевести следующий текст: "А вы слыхали, как поют дрозды? Вот послушайте. Только подпевать не надо.. Ты так поешь, что у птиц уши вянут. Ушей нет? Увяли, значит, уже. Это они тебя издали услышали.2 (Разрядка наша--авт.) Предпосылкой полноценного перевода является, как было сказано, наличие в ПЯ фразеологического эквивалента или аналога рус. уши вянут или хотя бы близкой по значению и построенной на той

формации, приводит к изменению и смысловой его стороны. А отсюда следует, что 1) если нельзя изменить форму фразеологизма, не изменив и содержания, то 2) и возникновение каламбура не может быть обусловлено, как правило, только модификацией.

'Устинов М. Кривой закон. -- "Неделя", 1977, N 47, с. 15.

2 ЛГ, 4.VI.1975. :

310

же образной основе ФЕ, наподобие, например, фр. avoir les oreilles rebattues (что соответствует приблизительно

прожужжать уши). Тем не менее, полноценный перевод

иногда возможен и без наличия фразеологической основы. Так, на болгарский язык можно перевести почти буквально: "..Така пееш, че на птиците ще им ока пят ушите [букв."отвалятся

уши"]. Нямат уши ли? Вече са окапали, значи. Чули са те отдалеч".

Но это, конечно, исключение. Большей же частью буквальный перевод без необходимой метафорической основы невозможен. По радио передавали в болгарском переводе песню "Где эта улица, где этот дом", в которой оказалась следующая смутившая слушателей реплика: "Както казват, животът бие с ключ и все по глава-та". Смущения не было бы, если бы по-болгарски действительно так говорили ("както казват"), но слово ключ у нас не имеет омонима в значении "родник", поэтому не может быть и фразеологизма бить ключом, часто связы-.ваемого с "жизнью" и не менее часто обыгрываемого добавлением "по голове", оживляющим слово ключ в его омонимическом значении; буквальный перевод такого каламбура действительно может вызвать только недоумение.

Повторить авторский прием обыгрывания, опять-таки при наличии подходящей фразеологической основы, можно, например, в каламбуре, постренном на антонимии, как это сделано у В. Пановой: "Сереже все понятно -- по-своему. Например: "конь стал как вкопанный" (разрядка наша -- авт.), а потом поскакал, -- ну, значит, его откопали"'. На других языках есть достаточно удобные для подобного обыгрывания аналоги этого устойчивого сравнения: болг. и фр. "закован" -- "отковали са го", cloue -- on Га decloue, англ, и нем. -- путем "искоренения" (rooted -- uprooted; angewurzelt -- ausgewurzelt).

Вообще замена образа, точнее попытка подогнать под каламбур новый образ, довольно часто применяется при переводе каламбуров. Вот "развернутый" английский каламбур, перестроенный на основе русского аналогичного образа: "..вы вправе спросить, почему мои рисунки возвращали. Не знаю. Я даже проверял их с помощью курицы. Я часто слышал выражение "курам на смех", поэтому я разложил все свои рисунки на полу и пустил на них курицу. Она, во всяком случае, долго кудахтала.

Панова В. Ф. Сережа, с. 79.

Был ли это смех -- не знаю, тем не менее она вскоре околела" '. В оригинале автор проверял "смехотворность" своих рисунков, конечно, с помощью не курицы, а, вероятнее всего, кошки (или, если он американец, то, может быть, лошади): enough to make a cat или a horse laugh; курица подошла бы для перевода на немецкий: da lachen ja die Huhner; в болгарском для такого эксперимента подошла бы собака: смеят ми се и кучетата; а для перевода на те языки, где животные не смеются, можно взять любое из них (человека жалко) и уморить со смеху -- разумеется, если есть выражение "умирать со смеху".

Сравнительно легче передается (сознательно не говорим "переводится") каламбур как самостоятельная игра слов, напоминающая эпиграмму. Легче потому, что обычно о переводе в прямом смысле вообще не идет речь, а нужно составить свой каламбур по предложенному образцу. Возьмем, например, "Меню одной столовой: На первое -- с гуся вода. На второе -- ни рыба ни мясо. На третье -- седьмая вода на киселе"2. Вероятно, в любом языке найдутся ФЕ, содержащие продукты питания, которые можно было бы подобрать так, чтобы изобразить убогость кормежки, т. е. передать иронический заряд каламбура.

Намного труднее переводить каламбуры, составленные из двух, а то и трех единиц, так называемые к о н т а-минированные ФЕ. Трудно потому, что для правильного перевода оба фразеологизма должны иметь в ПЯ эквиваленты или аналоги, а такое случается нечасто. Вот пример исключения: "Став у руля Ноева ковче-г а реваншизма, он усердно принялся за дело"3. Здесь объединены два фразеологизма, которые существуют во многих языках, и, следовательно, их нетрудно перевести: англ, having taken the helm of Noah's ark, болг. поел кор-милото на Ноевия ковчег, нем. das Steuer der Arche Noahs ergriefen. Но практически непереводим контаминирован-ный каламбур "Сухими выходили из самых мокрых дел", скомбинированный А. Вознесенским4 из фразеологизмов выйти сухим из воды и мокрое дело, из-за отсутствия в других языках главным образом второго.

Наконец, несколько слов о переводе каламбуров с

1 Кр., 1977, N 72, с. 15.

2 Кр., 1966, N 9, с. 3.

3 И, ЗЛУ. 1975.

4 Цит. по: Х о д а к о в а

Е. П. О каламбуре, с. 69.

312

учетом их коннотаций. Уже не раз подчеркивалось, что большинство ФЕ обладают как эмоционально-экспрессивной, так и национальной окраской. С. С. Кузьмин делит ФЕ в зависимости от их основных эмоциональных характеристик на "три группы: (1) положительные, (2) отрицательные и (3) двойственные"'. Первые вызывают только положительные эмоции (родиться в сорочке), вторые -- только отрицательные (погреть руки) и третьи -- положительные или отрицательные в зависимости от контекста (задавать тон). Эта последняя группа ФЕ может стать основой для игры слов, которая, "примененная в положительном контексте, может дать юмористический эффект, а в отрицательном контексте -- эффект сарказма"".

Приведенные дальше примеры, на наш взгляд, не особенно убедительно подтверждают мнение автора об этих видах ФЕ и юмористическом эффекте, но привлекательна уже сама возможность рассмотрения перевода фразеологических каламбуров и под таким углом зрения, лишний раз подчеркнутая необходимость передавать и коннотации, а также "двойственность" многих ФЕ, требующих особого умения при переводе. Думается только, что рискованно выделять их в самостоятельную группу, поскольку даже самые с виду положительные фразеологизмы могут под влиянием контекста приобрести отрицательную эмоциональную окраску и послужить строительным материалом для каламбура.

В заключение вернемся к началу этой главы. Весь литературный материал, все собранные нами примеры не позволяют безоговорочно присоединиться к слишком оптимистическому заявлению о том, что "непереводимой игры слов нет". Такое утверждение явилось бы, по сути дела, непринятием очевидного факта неповторимого своеобразия каждого языка: если нормальный перевод, передача содержания данной языковой или речевой единицы ИЯ средствами ПЯ, т. е. при помощи другой формы,-- дело вполне осуществимое, то возможность перенесения в ПЯ и исходной формы (чего обычно требует перевод каламбура) несомненно является исключением; полноценное осуществление такого перевода, по-

1 Кузьмин С. С. Указ, соч., с. 52--53.

2 Т а м ж е, с. 55.

11-747

313

жалуй, и следует причислить к исключениям, компенсируемым уже другими средствами в переводимом тексте. Тем не менее, ни один переводчик не имеет права сдаваться, не добившись успеха в решении этой головоломной задачи и не избавив читателя от необходимости ломать голову над значением его перевода.

Глава 9

СОКРАЩЕНИЯ

В процессе работы над разными типами "непереводимого" нам нередко приходилось одновременно решать и вопросы перевода различных сокращений, под личиной которых появлялись то термины (в первую очередь) и собственные имена, то реалии, то иноязычные вкрапления. Специфический подход, которого они требовали как особый класс лексики, обусловил целесообразность выделения их в отдельную главу.

Эта целесообразность подтверждается значительной распространенностью и взрывоподобным в наш век количественным ростом этого типа лексических единиц в современных языках: словарь в 15--20 тыс. сокращений в наши.дни, видимо, нужно считать нормальным. Основное количество аббревиатур, правда, приходится на долю специальных подъязыков, но тесная связь науки с жизнью, научной речи -- с речью обыкновенного гражданина не ограничивает их употребление рамками научно-технической литературы.

Не будем останавливаться на общеязыковых вопросах аббревиатур (употребляем этот термин наряду с "сокращением"), тем более что до настоящего времени они "остаются во многих отношениях загадкой в лингвистическом плане"', загадкой, которую мы не ставили себе задачей разгадывать. От необходимости пускаться в лингвистические подробности нас освобождает и значительная по объему литература, к которой мы и отсылаем читателя 2.

Сама по себе расшифровка сокращений не представляет особой трудности для переводчика: многие из так

Борисов В. В. Аббревиация и акронимия. М.: -Воениздат,
1972, с. 5. 2 См., например, там ж е, с. 317--318.
314

называемых морфологических аббревиатур достаточно ясны (стенгазета, командарм), а вообще большинство сокращений, в том числе и инициальные (ВОЗ, США), приведены в серьезных словарях, часто в конце, в виде традиционного приложения, а также в особых словарях сокращений', включающих и более специальные научные аббревиатуры.

Так что трудности при переводе этой лексики -- не семантического порядка: при ясном смысле обычно нелегко подобрать соответствие -- эквивалент, или межъязыковой синоним. Об этом и пойдет речь ниже.

*

Будучи, по мнению специалистов, словом, сокращение должно на общем основании подчиняться правилам перевода лексики, в основе которых лежат семантические соответствия между соотносительными единицами данной пары языков; близость к терминам, т. е. отсутствие коннотаций, еще больше выдвигает на передний план необходимость передачи смысловой стороны аббревиатур. Строго схематично, слово ИЯ

1) переводится -- содержание его передается соответствующими средствами ПЯ (эквиваленты, аналоги) или

2) переносится в текст ПЯ как есть, сохраняя отчасти или полностью форму (заимствование, транскрипция, транслитерация).

Но аббревиатура -- слово особое, отличающееся от других. Подобно тому как стенографический знак является представителем, заместителем обычного слова, так и сокращение представляет другую, потенциально содержащуюся в нем единицу, исходную, из "обломков" которой оно составлено. Именно этот важнейший момент "двуединства" аббревиатур (сокращенная форма и пол- •ная, развернутая исходная форма при одном содержании) вдвое увеличивает возможности передачи их на ПЯ. Представим это в виде схемы:

1 Многие из них представлены в указ. соч. (с. 313--318); отметим еще: Словарь сокращений русского языка, сост. под руководством Д. И. Алексеева. М.: Гос. изд. иностр. и нац. ел., 1963; Alien E. Dictionary of Abbreviations and Symbols. London, 1944; S h a n k 1 e G. Current Abbreviations. London, 1947; Everyman's Dictionary of Abbreviations, edited by Dr John Paxton. London, 1974. Только что вышедшее 2-е изд. Словаря сокращений русского языка под ред. Д. И. Алексеева (М.: Русский язык, 1977) содержит около 15000 сокращений.

11*
315

I. Перевод 1) аббревиатурой, 2) развернутой формой.

II. Транскрипция/транслитерация 1) аббревиатуры, 2) развернутой ее формы.

I. Перевод

Обладая почти исключительно назывной функцией, подобно и даже в большей степени, чем термин и имя собственное, аббревиатура переводится (хочется сказать: "перекодируется") эквивалентом -- названием того же референта на ПЯ, а при отсутствии такого же -- нередко названием близкого понятия (ср. рус. загс, болг. граждански отделение, англ, registry office, фр. office (bureaux) de 1'etat civil, нем. Standesamt. По существу, переводом это можно назвать лишь условно, поскольку аббревиатура, как правило, собственного значения не имеет, а является уменьшенным отражением значения исходной единицы -- соотношение, которое должно сохраниться и в переводе.

1. Перевод аббревиатурой предполагает наличие (или создание) ее на ПЯ. Лучше всего, когда это уже утвердившаяся в языке единица.

В ПЯ сокращение может быть построено по той же модели: инициальная СССР в англ, и нем. USSR, во фр. и ит. U.R.S.S.; англ. UNO соответствует рус. и болг. ООН, а ам. FBI--рус. и болг. ФБР; или по другой модели: рус. СЭВ и болг. СИВ (одна модель) в переводе на англ. COMECON (Council for Mutual Economic Assistance); нем. (ист.) IAH (International Arbeiterhilfe) --рус. Меж-рабпом и т. д.

В плоскости близкородственных языков и, в особенности, при одинаковых алфавитах сокращения могут при переводе полностью сохранить свою форму, как при транскрипции: СССР, профгрупорг, учком, ЦУМ и много других одинаковых или близких сокращений (исполком-- изпълком) в русском и болгарском языках.

2. Перевод развернутой формой применим в тех случаях, когда в ПЯ нет сокращения-эквивалента. Переводится исходная единица: англ. TV (ти-ви), широко распространенное в англоговорящих странах, придется передавать развернутым "телевидение" или "телевизионный"; рус. редколлегия -- англ, editorial board; C. P. N. (Centre de physique nucleaire) --рус. Центр ядерной физики (Бельгия); англ. ICPA (International Commission for the Prevention of Alcoholism) -- болг. Между-

316

народна комисия за борба с алкохолизма; рус. и болг. ЦУМ -- англ. Central Department Store и т. п.

В строго научном тексте специалисты стараются заменять расшифровку своими сокращениями, опираясь на терминологические системы и научный опыт, а переводчик художественного произведения может позволить себе такую "вольность", только если в тексте фигурирует и полная форма аббревиатуры.

Перевод развернутой формой -- это перевод исходной единицы, который должен быть максимально точен. Большей частью это кальки; например, фр. FRD (Facteur de reduction de dose) = "коэффициенту уменьшения дозы", из компонентов которой можно (теоретически) построить на ПЯ аналогичное сокращение (КУД). Но нередко приходится прибегать к более свободному переводу: FAPTA (Federation Suisse des Associations des planteurs de ta-bac)--"Швейцарская федерация ассоциаций табаководов", что наводит на мысль о необходимости учитывать правила грамматики ПЯ, не искажать язык буквализмами.

Таким образом, как правило, переводятся и сокращения ученых степеней и званий, в частности тех из них, которые не имеют названий-эквивалентов в ПЯ. Например, В. А. (S.) --Bachelor of Arts (Science) переведем рус. бакалавр гуманитарных (естественных) наук, англ. М. А. -- Master of Arts -- фр. Diplorne d'etudes superieures des lettres и т. п.

II. Транскрипция/транслитер ация

В ряде случаев сокращение переносится в ПЯ в его фонетической (транскрипция) или графической (транслитерация) форме, максимально приближенной к оригинальной. Это типично главным образом 1) для самого сокращения, но бывает, что так же переносят и 2) исходную единицу в ее развернутой форме.

1. Транскрипция/транслитерация сокращений характерна для обозначенных аббревиатурами имен собственных. Хороший пример--транскрипция англ. BBC, произносимого на многих языках в его английском звучании -- "би-би-си". Транслитерируется англ. UNESCO -- ЮНЕСКО; INTERPOL -- ИНТЕРПОЛ; фр. OAS (Organisation de 1'armee secrete) -- рус. и болг. О АС; FIT (Federation Internationale des Traducteurs) -- рус. и болг. ФИТ; ит. FIAT (Fabrica Italiana Automobile Torino) --рус. и болг. ФИАТ, точнее "Фиат", как настоя-

317

щее имя собственное, а даже и "фиат" -- как нарицательное; рус. ТАСС -- англ., фр., нем. TASS.

Вряд ли можно проследить, какие единицы транскрибируются/транслитерируются, а какие подлежат переводу. Намечается тенденция к перенесению без изменений более популярных, с международным значением сокращений: названия организаций, институтов, обществ; так, в сокращениях известны названия крупных информационных агентств (АПН, ЮПИ, БТА, ТАСС).

В результате этого приема передачи аббревиатуры рождается не мотивированная с точки зрения ПЯ единица: англ. GATT (General Agreement on Tariffs and Trade), вполне закономерное сокращение в ИЯ, нельзя вывести в его русском виде -- ГАТТ -- из перевода исходной формы: "Генеральное соглашение по тарифам и торговле", -- получилось бы ГСТТ; то же с НАС А (Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства), ФИФА (Международная федерация футбольных ассоциаций) и др.

О транскрипции/транслитерации мы говорим и в отношении аббревиатур, являющихся только по происхождению сложносокращенными словами: рус. лавсан, ам. тефлон, аппараты радар, лазер, мазер, ряд географических названий, таких как Евразия, Бенилюкс, Пакистан '.

К этой группе примыкают и слова, в том числе много реалий, типа колхоз, совхоз, коминтерн, комсомол, переносимые во многие языки тем же путем транскрипции. В плоскости близкородственных языков их значительно больше.

2. Транскрипция исходной формы, вместо перевода, встречается очень редко. Согласно нашим наблюдениям, она допустима в тех случаях, когда это сокращенное название предприятия, общества, компании и т. п., не имеющих соотносительной формы в ПЯ. Так, ам. AP (Associated Press)

передается рус. АП, но нередко и Ассошиэйтед пресс; фр. E. C. F. M. (Eclairage, Chauf-fage, Force motrice) транскрибируется в полной своей форме: Эклераж, Шофаж, Форс мотрис (Промышленное объединение по производству силовых установок, отопительных и осветительных приборов); англ. BOAC (British Overseas Airways Company), авиационная компания, по-русски именуемая Бритиш оверсиз эруэйз компани.

1 Название составлено из букв П (Пенджаб), А (афганские племе
на), К (Кашмир), С (Синд) и слова ТАН, взятого из слова Белуд
жистан. (Борисов В. В. Указ, соч., с. 16) *

318

III. Перенос аббревиатуры

Во многих европейских языках, в том числе и в русском (в письменной речи), есть сокращения, главным образом латинские, которые не отличаются по форме и значению и могут при переводе переходить из ИЯ в ПЯ без перевода и транскрипции/транслитерации. Многие из них были прежде очень популярны -- например, P. S. (приписка в письме) или NB (нотабене -- "заметь", "не забыть", "учесть"), но постепенно выходят или уже вышли из употребления. Этого, однако, нельзя сказать о SOS -- сигнале бедствия, которым пользуются как международным знаком (рус. СОС).

Особенно прочные корни имеют такие латинские сокращения в английском языке, где они заменяются при произношении английскими словами: e. g. (exempli gratia) англичанин прочтет for instance, for example; i. e. (id est) -- that is; A. D. (Anno Domini) -- in the year of our Lord и т. д., даже не зная их латинской расшифровки.

Из того, что в русском языке встречается латинское etc., отнюдь не следует, что, встретив его в английском тексте, переводчик может, не задумываясь, перенести его в перевод; в литературе оно, правда, встречается, но теперь мало употребительно и обычно переводится "и т. д.". Так что, пожалуй, основным вопросом в передаче этих единиц является учет их употребительности.

Форма сокращения присуща многим (1) терминам, (2) собственным именам, (3) реалиям 1, а некоторые из них могут представлять собой и (4) иноязычные вкрапления; исходные единицы (в развернутом виде) часто имеют форму (5) устойчивых сочетаний -- составных терминов (названий). Так что в качестве корректива к приведенной схеме аббревиатуры можно рассматривать и с этой точки зрения, поскольку

1) сокращения-термины переводятся как термины (см. гл.7);
2) сокращения-имена собственные -- как имена собственные (см. гл. 2);
3) сокращения-реалии -- как реалии (см. ч. I);

1 Сокращения часто связаны с реалиями, характерными только для данной страны и не имеющими понятийного эквивалента в русском
языке. (ССФЯ, с. X)

319

4) сокращения-иноязычные вкрапления -- как иноязычные вкрапления (см.гл. 6) и
5) сокращения, переводимые в их исходной форме, т. е. как устойчивые сочетания, переводятся с учетом1 приемов перевода ФЕ соответствующего типа (см. гл. 1).

*

До сих пор шла речь о переводе сокращений вне зависимости от языка и текста, в которых они встречаются. Как при обычной лексике, и здесь прием перевода обусловлен наличием в ПЯ эквивалентов и словообразовательных механизмов для их построения, так что одно и то же сокращение может иметь полный эквивалент в одном ПЯ и не иметь его в другом: за отсутствием референта, как, например, в сокращениях научных званий и степеней-- англ. B. A. (Bachelor of Arts) переводится развернуто "бакалавр гуманитарных наук", а рус. и болг. к. ф. н. приходится передавать не особенно понятным для англоговорящих Candidate of Philosophy. Иные сокращения передаются сокращениями же в одних языках, но полноценными словами в других: очень распространенная в русском языке к. п. д. (или КПД, кпд) -- "коэффициент полезного действия", передается таким же сокращением на болгарский, хотя и менее популярным, вне научной литературы не употребимым, но полноценными словами-эквивалентами на английский -- efficiency, на французский-- rendement; немецкое сокращение w. o. (wie oben) переводится рус. "как указано выше", а г. d. A. (zu den Akten) в качестве юридического термина -- рус. "производством прекратить", а болг. "към дело".

Что касается жанра, то в массе своей аббревиатуры связаны с научной, в том числе и политической, военной, технической, экономической и т. п. лексикой, т. е. встречаются прежде всего в терминологическом тексте, в письменной речи. Однако теперь они "все больше проникают в устную речь, причем не только в речь радио и телевидения, но и в бытовую, повседневную" (ССФЯ, с. VI), а в результате -- и в художественную литературу; это и привело нас к рассмотрению вопросов перевода сокращений в нетерминологическом и, в частности, в художественном тексте.

Как общее положение, аббревиатуры, подобно терминам, и в беллетристике переводят как в терминологической литературе, и все с той же оговоркой: не всегда и

320

не во что бы то ни стало. Но есть и ряд частных случаев.

1. Аббревиатура, как правило, однозначна, и это, как мы уже говорили, облегчает перевод. Здесь, однако, придется добавить, что вместе с тем многие из сокращений при разных референтах имеют одинаковый или приблизительно одинаковый буквенный (слоговой) состав, одинаковую графическую форму: при почти полной немотивированности этих единиц (например, инициальных сокращений) даже в широком контексте такая омонимичность создает ощутимые затруднения и становится причиной переводческих ошибок.

Например, русское сокращение АК обозначает 10 понятий (ССРЯ): 1) авиационный компрессор, 2) авиационный корпус, 3) автомат Калашникова, 4) автомобильный кран, 5) административный комитет, 6) антрацит кулак, 7) армейский корпус, 8) артиллерийский компас, 9) артиллерия корпуса, 10) астрономический календарь. Нетрудно заметить, что даже в специальном тексте не всегда можно быть уверенным в правильном выборе сокращений-- ср. хотя бы представленные здесь военные термины 2, 3, 7, 8 и 9; а если их встретить в художественном тексте?..

Высока степень омонимии сокращений и в других языках. Например, английские и американские сокращения, составленные из инициалов М и Р в разных комбинациях (MP, M/P, M. P., mp, т. р., тР) ', обозначают 28 разных понятий и в том числе целых пять видов полиции: Marine Police, Metropolitan Police (London), Military Police, Mounted Police, Municipal Police. Еще больше сокращений-омонимов во французском языке: из тех же М и Р составлены (ССФЯ) 53 аббревиатуры, а из букв С и S -- 77; буквой М (прописной и строчной) сокращено 85 исходных единиц. В частности, во французских сокращениях немало и английских единиц, с одной стороны, омонимичных французским, а с другой, дублирующих их.

И еще одно неудобство, связанное с совпадением обозначений: немало понятий сокращено по-разному -- своеобразная синонимия: IS и I. S. -- Intelligence Service = "разведывательная служба" (Англия) и Internationale Socialiste = "Социалистический интернационал"; разделительные точки больше характерны для французских аббревиатур.

1 Словарь английских и американских сокращений, сост. В. €Х Блув-штейн (и др.). М.: Гос. изд. иностр. и нац. ел., 195S.

321

2. Не менее коварной может оказаться межъязыковая омонимия сокращений, в особенности когда ИЯ и ПЯ пользуются одним алфавитом-- "гипноз подлинника"! Например, рус. ДСК может означать "дачно-строительный кооператив", "дом санитарной культуры" и "домостроительный комбинат", а по-болгарски -- "Държавна спестовна каса" (Государственная сберегательная касса -- сберкасса). Совпадения между английскими и французскими сокращениями еще более часты, а если учесть массовое проникновение английских аббревиатур во французский, как, вероятно, и в другие западные языки, то опасность переводческих ляпсусов окажется еще серьезней.

3. Как правило, аббревиатура является носителем только того значения, которое содержится в исходной единице. Встречаются, однако, сокращения, которые по той или иной причине имеют кроме него и другое, "привнесенное" значение. В таком случае можно говорить либо об омонимии -- при совпадении формы аббревиатуры с полной формой другого, совершенно случайного слова (СУП = "санитарное управление" и "суп" -- жидкое кушанье), либо о многозначности -- когда между обоими значениями все же есть или преднамеренно создается семантическая связь 1 (см. ниже).

С точки зрения перевода такие сокращения можно рассматривать 1) как потенциальный источник ошибок (опять гипноз подлинника!) и 2) как сложную переводческую задачу в тех случаях, когда необходимо передать на ПЯ запутанный клубок значений и намеков, представляющий собой игру слов.

Приведем несколько примеров таких аббревиатур-каламбуров, заимствованных у В. А. Ицковича2 и В. В. Борисова3: рус. АИСТ -- автоматическая информационная станция, АМУР -- автоматическая машина управления и регулирования, АСТМА -- астатический миллиамперметр, ОЛЯ -- Отделение литературы и языка (АН СССР), МАРС -- машина автоматической регистрации и сигнализации; англ. IDIOT -- Instrumentation Digital On-

1 Это чрезвычайно интересное для переводчика явление, особенно распространенное в английском языке, упомянуто В. В. Борисовым в разделе "Коррелятивная аббревиация" (Указ, соч., с. 85 и ел.).

2Ицкович В. А. Современные аббревиатуры. -- РР, 1971, N 2,

. с. 74--79.

3 Борисов В. В. Указ. соч. ее. 86, 88, 89. :

322

Line Transcriber, WASP --Women's Airforce Service Pilots (Женская вспомогательная летная служба военно-воздушных сил), англ. WASP = "оса": летит и жалит; MANIAC -- Mechanical and numerical integrator and calculator и т. д. Любопытна преднамеренно созданная пара: CAT (омоним англ, "кошка") и MOUSE (омоним англ, "мышь"), причем назначение кошки -- CAT (Celestial Atomic Trajectile = космическая ракета с ядерным зарядом) -- уничтожать мышь -- MOUSE (Minimum Orbital Unmanned Satellite Earth = искусственный спутник Земли без экипажа с минимальной орбитой). Таким же "значащим" сокращением является популярная болг. ЕЛКА (произносится "Элка", как не менее популярное женское имя в Болгарии) = электронный калькулятор.

При случайном, непреднамеренном совпадении формы сокращения с каким-либо иным словом, перевод аббревиатуры осуществляется на общем основании, как если бы не было этой омонимии. Если того же АИСТА нужно передать болгарской аббревиатурой, то мы бы передали его сокращением АИС (автоматична информационна станция) или даже сохранили бы русскую транск-репцию, совершенно не думая о том, что русское сокращение в отрыве от исходной формы имеет значение птицы.

Иное дело, когда налицо "преднамеренность", или случайность используется автором с определенной стилистической целью, или если расшифровка "подогнана" под общеязыковое слово, т. е. оно расшифровывается, как если бы это не было сокращением, или при так называемых "шутливых расшифровках" (ср. ниже НАСА) и т. п. Все это -- каламбуры, успешное перенесение которых в ПЯ -- дело исключительно трудное, а порой невыполнимое. Возьмем две шутливые аббревиатуры: КАКТУС (Кабинет автоматического контроля текущей успеваемости студентов) и БУКА (блок универсальной квартирной автоматики) '. Близость русской и болгарской лексики позволяет путем аналогичного "сжатия" их болгарских калек получить идентичные буквенные сокращения: КАКТУС, интернациональное слово, сохраняет свое значение "колючего названия" и для болгарина, в то время как БУКА пугает только русских детей, но ничуть не страшен болгарским.

Как передать в переводе шутливую расшифровку ам. NASA -- JVever a straight answer -- "никогда (не дающее)

1 И ц к о в и ч В. А. Указ, соч., с. 78,

323

прямого ответа"'? В своем действительном значении "Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства" (National Aeronautics and Space Administration) в сокращении переносится без изменения во французский и немецкий языки и транскрибируется в русском и болгарском; стало быть, перевести каламбур можно, оформив шутливую фразу из четырех значащих слов, начинающихся буквами Н, А, С и А. В переводе на немецкий можно было бы написать, например, так: "Nie antwortet sie adaquat (aufklarend)". В зависимости от конкретного случая и поставленной стилистической задачи возможны и другие решения: одно из них -- просто придать расшифровке комический смысл, не соответствующий подлинному, например, "Национальная абсолютно смехотворная администрация".

Близким к каламбурному является анекдотическое объяснение одного из самых распространенных в современном мире слов-сокращений окей2. Говорят, что оно обязано своим рождением орфографическому анархизму президента США Эндрю Джексона, считавшему, что плоха та орфография, которая не допускает различных написаний одного и того же слова, и вместо all correct (читается "олл коррект" -- "все правильно") писавшему "O1-korrect", соответственно сокращая на "О. К.".

4. Иного рода решения требуются, когда автор пользуется аббревиатурой как общелексической единицей или производит от нее другие, иногда просторечные, а иногда и не существующие в языке слова. Приведем две выдержки из газетных фельетонов:

а) "..складывалось такое впечатление, будто половина инженеров попала в институт по знакомству, другая половина слишком увлекалась кавээнами (разрядка наша -- авт.), а все вместе изрядно пересидели на картошке"3. В основе -- сокращение из букв К, В и Н; в ССРЯ их четыре, из которых здесь по смыслу подходит только "КВН (--).. -- Кенигсон, Варшавский, Николаевский (в маркировке телевизоров: КВН-49); телевизор такой марки". Если толковать расширительно, то инженеры, будучи студентами, увлекались телевидением.

'Борисов В. В. Указ, соч., с. 95.

2 Употребляется (в качестве варваризма?) также в немецком И французском языках, а нередко им балуются и у нас.

3 И, 27.XI.1975. , ;! •

324

б) "Уверен, что у директора., и у начальника,., не передавших.. ни одного современного станка криворожскому ПТУ, были на то самые серьезные резоны. Наверно.. замучили внеочередные поручения, в свете которых выделение новеньких станков для обучения лопоухих "пэтэушников" рисовалось шефам причудой выжившего из ума дядюшки миллионера" '. И здесь контекст подсказывает, что ПТУ -- это не "подводное телевизионное устройство", не "промышленная телевизионная установка", а, конечно, "профессионально-техническое училище" и что пэтэушник -- это попросту учащийся ПТУ.

Итак, смысл отрывков ясен, передать его нетрудно: кавээны можно заменить "телевизорами", а пэтэушников -- "школьниками". Однако при такой передаче голого смысла будет нарушен стиль, утрачен без возврата комический, а по существу, иронический заряд. Поэтому потери нужно компенсировать, желательно в узком контексте. Можно, например, сказать "целыми днями торчали перед телевизорами", или "не отходили от телевизоров", или "дневали и ночевали у приемников". С пэтэушниками сложнее: своеобразный колорит позволяет считать это слово реалией, но транскрипцией передавать его явно нельзя -- непонятно; зато можно передать пренебрежение к пэтэушникам, содержащееся даже в звучании этого диковинного сокращения, при помощи подходящих по стилю синонимов, которые найдутся, должно быть, в любом языке: "мальчишки", "шалопаи", "лоботрясы", "шалуны", "баловники" и т. п.

Близкие к этому случаи находим у В. В. Борисова: CAT -- сокращение от caterpillar "гусеничный трактор" ассоциируется со словом "кошка"; тогда kitten -- "котенок" может послужить названием "малого гусеничного трактора". И еще. От обычных, ничем не примечательных сокращений образуются... ласковые, пренебрежительные и прочие названия: от учебного самолета У-2 получились удвойка и удвашка, от истребителя И- 16 -- ишак2, от Ан-2, работяги-самолета, получилась Аннушка и т. д. Во всех этих случаях затруднения связаны уже не только с самим переводом, не только с подысканием подходящих по стилю замен, что уже само по себе нелегко, но и с распознаванием: ведь ни в одном словаре нет ни Аннушки, ни кавээна, ни пэтэушника.

1 И, 10.11.1977.

2 Борисов В. В. Указ, соч., ее. 83, 105.

325

T

" 5. С точки зрения передачи авторского стиля интересны морфемные сокращения типа рус. зав ("заведующий"), зам ("заместитель"), англ, doc ("доктор"). Этот фамильярный оттенок (в словарях -- разг. прост.) особенно бросается в глаза при обычном отсутствии конно-тативных значений у аббревиатур и иногда требует от переводчика большой изобретательности. Чтобы передать англ, doc, нужно искать для него аналог среди русских синонимов -- нейтральное "врач", ирон. и пренебр. "лекарь" и шутл.-ирон; "эскулап". Последние два могут подойти, если это не обращение, но в приветствии "hallo, doc!" пришлось бы, вероятно, взять более общее слово -- прием родо-видовой замены, -- может быть, вроде "привет, дружище!" или "здорово, приятель!"

Таких "неудобопереводимых" сокращений или, точнее,
усеченных слов разговорного стиля много в английском
'Языке, в особенности в его американском варианте:

ёх'агл (от examination -- "экзамен"), Prof (с прописной,от professor --"профессор" или "учитель"), lab (от labora tory -- "лаборатория"),1 наконец, vamp (от vampire -- "вампир", но в сокращении -- "соблазнительница"), про- ' никшее и в другие языки -- в русский и болгарский обыч- ^но в сочетании со словом "женщина", болг. жената-вамп. Такие сокращения переводятся обычно при помощи их развернутой формы, а стилистические и эмоциональные бттенки компенсируются любыми доступными средст вами. . :

По сути дела, в двух последних пунктах (4 и '5) мы рассматриваем уже, строго'говоря, не сокращения, а про-'йзведенные от них слова, и работа переводчика ведется ъ области стилистики: подыскание стилистических синонимов нужной окраски.

6. Нахождение полноценного стилистического покрытия зависит и от узуса -- употребительности аббревиатуры, соответственно ее эквивалента на ПЯ, при определен-•ной ситуации, и ее знакоместа читателям. У Г. Николаевой ("Битва в пути") мальчишка бежит по цеху и_кри-чит: "Чепе, чепе!" Представьте себе, что в переводе на немецкий язык (только в PHC есть "чепе") мальчик убудет кричать: Besonderes Vorkommnis! Это звучит комично, как буквальный перевод фразеологизма: в подобной ситуации так не говорят. Болгарский мальчик, вероятно, кричал бы: "Авария!", т. е. получилась бы конкретизация. Не столь популярна, но все же довольно употребительна (в той же книге) аббревиатура НЗ ("нё-

прикосновенный запас"). Аналогичное английское сокращение-- ER (Emergency Ration)--только военный термин; в художественном тексте его употреблять рискованно, да и вряд ли его поймет рядовой англичанин.

Выход в этих случаях один -- искать функциональные аналоги.

7. Иногда ставится вопрос о нулевом переводе аббревиатуры. Если в немецком романе упомянуто предприятие "Schmidt Metallwerke, G. m. b. H.", то в переводе на английский и французский языки будет сокращение Ltd., а по-болгарски напишут "Фабрика за метални изделия Шмит, О. О. Д-во". Уже 60 лет как в стране Советов ушли в небытие все капиталистические общества, с от- ветственностью и без нее, и соответствующих обозначений, в том числе и аббревиатур, в языке не сохранилось. Если при этом положении давать расшифровку -- "[компания] с ограниченной ответственностью" и объяснения, они едва ли добавят много к значению "капиталистическое предприятие" для русского читателя. Будь это текст финансово-экономического типа, стоило бы пояснять; здесь же этот труд оправдал бы себя лишь в том случае, если по ходу действия сокращение выдвинуто на передний план, например, если отмечаются его отличия (в юридическом плане) от другого капиталистического предприятия.

Здесь же уместно отметить и весьма характерное советское сокращение, не имеющее соответствий в других языках -- им., например, театр им. К. С. Станиславского; на болгарском языке сокращение передается при помощи нулевого перевода: театър "К- С. Станиславский", причем соответствующее имя обязательно ставится в ка-•вычки.

.Сокращения, употребленные автором автоматически вследствие общепринятого узуса, не скрывающие в себе никаких подтекстов и дополнительной информации или колорита, представляли бы для читателя перевода ненужное затруднение и, на наш взгляд, во многих случаях были бы более приемлемы в расшифрованной форме.

8. Не мешает также иметь в виду, что сокращения "стареют", как и реалии и термины. Однако реалии и термины, устарев, сохраняются в языке, превращаясь иногда в "редкие слова" и оставаясь полнозначными элементами местного или исторического колорита, в то время как аббревиатуры выходят из употребления вообще; а если некоторые где-нибудь и употребляются, то оста-

327

ются элементом своеобразной экзотики и обычно нуждаются в пояснении или расшифровке и для читателей оригинала.

В заключение напомним еще раз, что аббревиатуры не характерны для художественной литературы. Ближе к ней по духу некоторые сокращения, приобретшие общеязыковое значение и, с другой стороны, случаи обыгрывания -- пародийного, каламбурного употребления. В большинстве

своем, однако, они в отношении приемов перевода слабо отличаются от терминов, используемых для речевых характеристик, для создания местного и "социального" колорита, атмосферы, достоверности. Исходя из функций этих лексических единиц в художественном тексте, переводчик должен передать их доступными для ПЯ средствами, не навязывая своему читателю никаких абракадабр вместо абрревиатур.

Глава 10

ВНЕЯЗЫКОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

Переводчик не был бы творцом, если б он ограничился текстом и не оживил бы в своем воображении то, что автор видел в свое время. Именно от авторского видения и идет переводчик. Слова текста служат для проникновения в художественную действительность, за которой переводчик должен видеть опосредствованную подлинником живую жизнь.

Г. Гачечиладзе '

"..Чтобы переводить с иностранного языка, -- пишет Ж. Мунен, -- нужны две предпосылки, из которых каждая необходима, а одной недостаточно: выучить этот иностранный язык и изучить (систематически) этнографию коллектива (communaute), пользующегося этим языком. Не может быть полноценного перевода, если не удовле-

1 Гачечиладзе, Г. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. М.: Сов. писатель, 1972, с. 124.

328

творены оба условия"'. Если эти два условия или, может быть, две стороны перевода -- лингвистическая и этнографическая-- равны по своему значению, то настоящая глава должна по справедливости включить половину нашего материала; наряду со всем написанным выше, касающимся словесной оболочки повествования, также и весь отраженный в литературе мир и, венец творения, человека -- его культуру и быт, настоящее, прошедшее и даже будущее земли, на которой он живет, его страну, город, улицу, его семью и рабочее место, все созданные человеческим гением науки и искусства (в частности, литературу), дикую, первозданную природу и ту, которую он преобразил и приспособил для своего удобства, повседневное поведение, идеологию и образ мышления homo sapiens -- одним словом, все что окружает и будет окружать нас на нашей планете, а в будущем -- и на других. Многовато для одной главы... В этих рамках на десяти-пятнадцати страницах, которыми бы следовало ограничиться, не уместилось бы даже голое перечисление вопросов и тем.

Три обстоятельства помогут нам, вопреки Козьме Пруткову, объять необъятное. Это, во-первых, все сказанное уже о внеязыковой действительности, мысль о значении которой для перевода красной нитью проходит через всю нашу работу, составляя главный ее стержень: реалии и советизмы, эти лексические вехи колорита -- "зримая часть" фона, на котором развертывается действие и из которого вырастает любое художественное произведение; с фоном связаны коннотативные значения (в частности, национальный и исторический колорит) и других объектов -- имен собственных, фразеологизмов, обращений и т. д. Так что читатель уже получил некоторое представление о важности для переводчика фоновых знаний, знания тех деталей живой действительности, которая составляет реальную основу оригинального текста.

Во-вторых, сравнительно недавно на стыке языкознания со всеми остальными науками в недрах советской лингводидактики родилась новая наука -- "лингво-страноведеиие", имеющая целью облегчить усвоение учащимися (русского) языка путем их ознакомления с жиз-

1 Mounin Q. Les problemes theoriques de la traduction. Paris, 1963, p. 236. В главе, посвященной значению этнографии в переводе, автор сетует, что в теории перевода не уделяют внимания этому важнейшему аспекту переводческого мастерства.

329

нью и культурой народа -- носителя этого языка. Без этих знаний, при получении одной лишь словесной информации, изучающий язык будет в соответствующие чисто языковые формы вкладывать свое содержание, накопленное в сфере другого языкового опыта, искажая, таким образом, и изучаемый язык.

Материал, а в ряде пунктов и методика лингвостра-новедения охватывают более или менее именно фоновые знания, которые так важны и в переводоведении. Без них информация переводчика, почерпнутая единственно из переводимого произведения, окажется неполной, неясной, иногда

искаженной или даже вымышленной под влиянием неверно -- по причине того же незнания фона -- воспринятых деталей подлинника. В результате неверным будет и перевод: образы окажутся худосочными, действие -- вялым, все изображение -- плоскостным, как бы отраженным в двух измерениях: плохой черно-белый снимок без фокуса и вдохновения.

Известно, что А. ,П. Чехов пользуется большой популярностью в Англии; немало произведений его переведено на английский язык, пьесы его почти не сходят со сцен английских театров. Но Чехов -- писатель очень русский, и эта "русскость", содержащаяся в любой детали описываемой им действительности, должна найти отражение и в английском переводе, и на английской сцене, что не всегда легко сделать именно из-за незнания этой действительности. "..Неподалеку от "Пиккадилли", -- пишет М. Шагинян, -- в театре "Сэвиль", шла, и превосходно шла, чеховская "Чайка"; исполнение удовлетворило бы самого Чехова; но зачем, же, зачем же, господин Майкл Мэкован, позволяете вы кипарисам расти в русском поместье, а длинному английскому огурцу очутиться в руках у русской барыни! Актриса держит его, как мы держим банан, а потом вдруг -- по английски -- отрезает от него кусочек, держа его все еще в руках, и кладет этот кусочек себе в рот.. Ничтожная деталь., ведь нет же таких огурцов у нас и не отрезаем мы от него кусочки таким .воздушным способом!"1

В этом мысленном обращении М. Шагинян к постановщику слышится и сожаление, и досада из-за фальшивой нотки, вносимой в хорошую игру и создающей неверное впечатление о какой-то -- пусть мельчайшей -- детали

1 Шагинян, Мариэтта. Зарубежные письма. М.: Сов. писатель,
1977, с. 170. . ..:

330

русской действительности. В данном случае переводчик не виноват. Но сколько таких огурцов-бананов мы находим именно в переводах! Им несть числа...

Знание страны и народа, о которых пишет автор, не 'может не быть материальной основой для любого перевода художественного произведения. Так что если в линг-вострановедении заменить методическую направленность переводческой, то оно окажется именно той дисциплиной, которая даст переводчику если не требуемые факты, то хотя бы методику их приобретения, или'по крайней мере привлечет внимание переводчика к необходимости глубже вникать в'скрытую за.словами реальную жизнь. Такие труды -- по переводческому страноведению -- несомненно будут созданы; в них как раз и будет содержаться та информация, которая должна бы составлять содержание •настоящей главы! В частности, немалую пользу принесет переводчикам с русского языка и выпушенный в 1974 г. издательством "Русский язык" лингвострановедческий словарь'.'

Наконец, в - т р ет ь и х, несмотря на весьма незначи
тельное число публикаций строго в области рассматри
ваемого нами предмета2, существует обширная литера
тура по вопросам металингвистики, в том числе и очень
интересные работы А. Д. -Швейцера, затрагивающие мно
гие из тем, связанных с внеязыковьши элементами в деле
'перевода. ' :' ' . :

'В сайтом начале нашей работы (ч. I, конец гл. 1) мы
отмечали, что "реалия не может отразить данный отрезок
действительности в' целом", что многие элементы фона
передаются, с одной стороны, не отдельными лексически
ми или фразеологическими единицами, а описаниями,
целыми кусками текста,-и с Другой -- содержащимися в
отдельных словах намеками и .аллюзиями;" такие "еди
ницы отражения действительности" мы предлагали на
звать "ситуативными реалиями". ; '

; "'Термин не особенно точен, так как отражает не только

"Данные о нем можно найти в 'нескольких;" статьях Е. М. Вере:-~ тщатин'а^и др<; см.,: например; РЯзР,-1977, N4, с. 7.4--77."'!. ' -Л Gp.j ^например, тезисы доклада. А; • А.,-,С т-р иж"е н,к>о;, ТПНОПП, ^ я, Ц" с.-86--90; О б.р л е,в $з."В. Б,., Родь "науяныд,знаний .в твор,-fr практике переводчика'."--ТКП, с. 161--167:

331

I

элементы определенного положения, но и целый комплекс других моментов, связанных с жизнью и культурой соответствующего народа или страны; тем не менее мы будем пользоваться им за неимением более подходящего.

Прежде всего, самым важным для распознавания вне-языковых элементов и работы с ними является точное знание того, что стоит за словом, даже самым повседневным. Известно, что жизнь отражена в языке, в совокупности слов, но беда в том (а может быть, и не беда?), что каждый народ вкладывает в слова свои понятия. Так что независимо от общности законов человеческого мышления, одни и те же с виду слова отражают неодинаковые представления. Не будь этого, не будь, кроме того, национальных особенностей жизни народов, соответственно отраженных в словах (и между словами), не существовало бы и теории перевода. Таким образом, в вопросе о том, что стоит за словом, сплетается тугой клубок проблем -- от простого понимания значения слова и умения различать оттенки недифференцированной лексики, отбирать единственно уместные варианты, до знания обычаев, привычек, тонкостей отношений и психологии народа -- носителя языка. Когда русский называет оленя "зверем" или зайца "зверьком", переводчик должен знать, что это слово для болгарина прозвучит диссонансом, несмотря на отсутствие в словарях разграничительных признаков. Встретив в болгарском тексте слово подлез, русский переводчик спокойно пишет обнаруженное в словаре путепровод; но тем же словом можно перевести и болг. надлез, понятие в некоторой степени антонимическое -- "виадук". Болг. добър ден соответствует скорее рус. здравствуй(те), которое, в свою очередь не равно болг. здравей(те), а не "добрый день", это уже вопрос оттенков в зависимости от привычности, употребительности в быту. В языке народа, в стране которого, по словам Лермонтова, "разливы р ек.. (разрядка наша -- авт.), подобные морям", слово речка, например, "проворная речка Друйка несет нашу лодку" -- отнюдь не соответствует болг. рекичка: русский мерит реки на свой лот -- по русской речке ходят лодки, а то и суда покрупнее, в ней утопиться можно запросто, русский и Волгу-то может речкой назвать, а болгарская рекичка и курице будет по колено. А с горами дело обстоит наоборот. Для Ленинских гор, например, никак не подойдет болг. планина. Вместе с тем гора может быть и синонимом вершины, чего в болгарском языке нет. Сравните

332

обозначение цветов в русском и болгарском языках: для русского голубой -- такой же цвет, как и "зеленый" или "синий", в то время как болгарин под влиянием этимологии может в первую очередь подумать о гълъбов, что значит "сизый", "светлосерый", а затем уже -- светлосин, что обычно правильно, но не всегда возможно (ср. "тем-ноголубые цветочки на светлоголубом фоне"). Не так просто, как кажется, обстоит дело и с коричневым цветом: болг. кафяв может быть и карий, и бурый, а последний употребляется еще в терминологических сочетаниях, что не всегда отражено в переводе.

Во всем, приведенном выше, нет ничего необычного с точки зрения референтов; просто нужно твердо знать, какое значение вкладывает в слово носитель того и другого языков. Хуже, когда дело касается реалий, о чем уже говорено немало: только точное знание их значений, т. е. внеязыковой действительности, связанной с жизнью и культурой носителя ИЯ, а также умение пользоваться словарями позволит переводчику довести их до восприятия читателя. То же с ситуативными реалиями; только словарь здесь редко помогает.

В переводимой книге говорится об археологических раскопках в "городе на Волхове"; русскому ясно, что речь идет о Новгороде, но для иностранца дословный перевод может оказаться не больше чем деталью кроссворда. Еще пример: "Сундукова, -- ..закричали из канцелярии. -- Вам письмо. Пляшите!"1 (Разрядка наша -- авт.) Для читателя подлинника связь между письмом и пляской ясна: письмо -- это радость, от радости пляшут. Но по-видимому, здесь мало обычной логики причины и следствия, необходима и привычность, при отсутствии которой -- а она отсутствует практически почти у любого читателя перевода -- причинно-следственная цепочка обрывается; перевод непонятен. В аналогичном положении болгарин, например, сказал бы: "ште черпиш", т. е. "с тебя магарыч"; но переводчик должен хорошенько подумать, допускает ли данный контекст такую болгаризацию.

Буквальный перевод в таких случаях вызывает недоумение читателя, который либо вообще ничего не понимает, либо удивляется странным обычаям, непонятным действиям персонажей. В сказке Туманяна злая жена "взобралась на крышу (разрядка наша --авт.),

1 "Неделя", 1974, N 32.

333

скрестила руки, дожидается супруга", а читателю невдомек, что "речь идет о плоской земляной кровле восточного дома"1, куда "взбираться", собственно, не нужно. Впрочем, для русского это еще не так необычно: он подготовлен к восприятию особенностей восточного быта описаниями его во многих произведениях классиков, но болгарину при переводе нужно как-то подсказать, о чем идет речь, как некоторой осторожности все еще требует введение обыденного для русской деревни лежания на печи -- ведь в Болгарии русских печей не существует.

И еще из области непонятного. Компания останавливает такси, и "шоферу, что называется, сразу соленого огурца захотелось"2; читателю подлинника ясно, что речь идет о пьяных, но одного соленого огурца явно недостаточно, чтобы это понял иностранец. "И загрустил оболваненный под нуль и с метлою в руках., хулиган"3. И здесь все непонятно; зарубежному читателю не скажет ничего ни стрижка, ни метла (кстати, в болгарском языке и нет точного соответствия, а метла значит "веник"), если не знать обычного для Советского Союза возмездия за мелкое хулиганство.

Внеязыковым элементом является и язык жестов, или жестовый язык4. У разных народов один и тот же жест может обладать неодинаковым, а иногда и прямо противоположным значением, а это характерный признак реалий, в данном случае -- ситуативных. Так, при приветствиях испанцы и латиноамериканцы похлопывают друг друга по спине; англичане ограничиваются обычно "легким кивком; более южные народы трясут руку, иной раз обеими руками, как бы стараясь оторвать; японцы низко кланяются; французы, принимая у себя знакомого, нередко целуются, даже троекратно и т. д. --что ни город, то норов... Русский кивком выражает согласие, а при несогласии покачивает головой; болгарин покачивает головой, соглашаясь, а отказывая, откидывает голову назад (что иногда принимают за кивок). У нас одобрение выражают аплодисментами, а у американцев -- свистом -и топотом.

От настоящих реалий все это отличается тем, что определенные средства выражения не закреплены за отдельными жестами -- они обозначаются самыми разными словами и словосочетаниями, описаниями ситуации, часто без каких-либо разъяснений: пишущий считает, что его читателю это должно быть ясно. "Во парень! -- прошептала Сонечка, показывая большой палец.."1 (Разрядка наша -- авт.) На Западе поднимают большой палец, когда хотят остановить машину (авто-стоп), а русский -- иллюстрируя фразеологизм на большой палец (или, напротив, жест является референтом ФЕ?).

А вот еще элемент невербального языка. Доктор нашел, что Наташе пошло на пользу последнее его лекарство и что "она очень посвежела"; графиня, услышав это, "посмотрела на ногти и поплевала, с веселым лицом возвращаясь в гостиную"2. "Поплевала" не значит плюнула" (если не через левое плечо) -- плюют с досады, а поплевать можно против сглазу (ср. "--Тьфу, тьфу, не сглазьте,., суеверно сплюнул через плечо адмирал"3).

Как передавать все эти приметы и традиционные для данного народа жесты и реакции? Нос чешется -- в рюмку смотреть (у болгар -- злиться будешь); чешется левая рука -- деньги получать; горят уши -- кто-то сплетничает о тебе; вопрос "в каком ухе звенит?"; забыв что-либо, вернуться -- дурная примета; сидеть в комнате в шляпе -- неприлично; прийти в дом, где есть дети, с пустыми руками -- не принято и т. д.

Будучи элементами традиционного поведения определенного народа, отражающими его национальные черты, такие ситуативные реалии должны найти свое отражение и в переводе: если опустить и/или исказить и/или не разъяснить их, то читатель не сможет получить верного представления о произведении или истолкует его для себя, в своем национальном ключе.

Несмотря на яркий национальный, а иногда и временной колорит, ситуативные реалии, в отличие от лексических, сравнительно легче поддаются переводу, так как их передача не связана с необходимостью сохранять какую-нибудь форму. Трудность заключается, во-первых, в их распознавании (нередко переводчик приписывает

1 X а ч атур я н - N 'Реалия и пёреводимость.--МП, 1972, 9, с. ,57--58. .'.... .. . ..

2 И, 7.XII.1974.

3Моралевич А. Варианты.--Кр., 1975, N 5, с. 7. 4 Его относят к невербальным, <чнемым" языкам; см, Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Указ. еоч. Изд. 2-е. с. 145.

334

'Очеретин В. Указ, соч., с. 22. "Толстой Л. Н. Собр. соч. Т. 6, с. 85.

3 Словарь русского языка под ред. С. И. Ожегова. В 4-х томах. 'М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959 (см. "сглазить").

;335

данному народу привычки и обычаи, которых у него нет) и, во-вторых, в умении подыскать наиболее лаконичную форму, в которую и заключить объяснение или намек на сущность дела. Если сравнительно просто дать читателю понять, что хочет сказать персонаж, глядя с сожалением на собеседника и крутя ладонь с растопыренными пальцами у виска или посвистывая и уперев опять-таки в висок указательный палец, то весьма нелегко несколькими словами рассказать легенду, передать суть приметы, растолковать традиционное поведение, направить мысль читателя к известной каждому носителю языка сказке или произведению литературы. Переводя некрасовских "Коробейников", нужно поведать читателю о том, что в дореволюционной России верующие, зевая, крестили рот, чтобы туда не залетела невзначай нечистая сила -- "Старый Тихоныч, зеваючи, то и дело крестит рот" 1. В болгарском переводе Тихоныч и зевает и крестится, но связи между обоими действиями нет, и это, мы считаем, одна из неизбежных потерь: объяснить (правда, не в двух коротких строках), конечно, можно, но это приведет к неоправданному привлечению внимания читателя к незначительной детали, которая в подлиннике совсем не подчеркнута. Или что делать с тем самым (явно неприличным с точки зрения любого иностранца) "поплевыва-нием" графини Ростовой? -- графиня, а плюет! У одного болгарского переводчика, а также в переводе на английский язык графиня ничтоже сумняшеся сплевывает, прежде чем вернуться в гостиную ("погледна ноктите си и плю", "looked at her nails and spat out"). Но в последнем болгарском переводе уже содержится намек на "сглаз": "плю лекично за уроки"; также приблизительно передано это и во французском переводе: "Pour conjurer le mauvais sort, la comtesse cracha". Или как быть с фольклорными аллюзиями? Сообщая о съезде колдунов в Боготе, автор в скобках сообщает: "По непроверенным сведениям, делегаты прибыли верхом на метлах"2. Каждому русскому известно, что излюбленным транспортом ведьм являются ступа, помело, метла -- в этом вся соль "непроверенных сведений". Ну а если в фольклоре, допустим, англичан, ведьмы и всякая нечисть пользуются иными средствами передвижения? Или если у другого народа и ведьм не наблюдается?

'Некрасовы. А. Сочинения. Т. II, с. 35. 2 Кр., 1976, N 1, с. 12.

336

В отношении всех реалий, в том числе и ситуативных, отражать национальное своеобразие в принципе надо. Скажем, при переводе рассказов Гоголя все ведьмы должны быть переданы с характерными для украинского фольклора атрибутами. Нельзя, переводя с турецкого языка, написать "мой турецкий друг кивнул" в значении "согласия", потому что, выражая согласие, турок не кивает: либо он выразит это характерным для его национальности путем, либо, в худшем случае, нейтрально (мой турецкий друг "согласился", "не возражал", "принял"), либо он не турок.

И тут опять встает вопрос, что делать в случаях, когда у автора гурок кивает? Переделать кирок на покачивание головой? Или передать нейтрально " согласился"? Или оставить как есть? Эти вопросы особенно важны, когда дело касается быта и культуры страны ПЯ. Если автор-- современник переводчика, все вопросы решает он сам. Если же нет, то переводчик, прежде чем принять какое-либо решене, должен учесть: действительно ли это ошибка? А, быть может, наш турок знаком с европейскими обычаями, в частности с обычаями своего собеседника, или подражает ему? Если же это в самом деле промах, а особенно при описании действительности страны ПЯ, то, пожалуй, исправить его можно -- тактично, ненавязчиво, нейтральными средствами, чтобы не подводить автора, себя и, что важнее, чтобы не искажать жизненной правды.

Но и когда промахов нет, не все и не всегда можно передавать как есть. Нередко ситуативная реалия носит такой характер, что у читателя перевода возникают не те ассоциации, которых автор ожидает от читателя подлинника. Цитируя А. Нойберта, А. Д. Швейцер 1 приводит его пример о переводе на арабский язык строки из сонета Шекспира, где "летний день ассоциируется с понятием красоты", и отмечает, что у арабского читателя летний день и красота несовместимы и лето нужно заменить весной: для араба лето связано со зноем и, следовательно, приятных ассоциаций не

вызывает. С этим можно согласиться, но лишь при условии, что речь идет о сравнении, т. е. о понятии, близком к устойчивым единицам. А будь это обычное описание прекрасного летнего дня, каковы бы ни были температурные различия, переводчик не имеет права делать скидок на температуру. Приблизительно

'Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика, с. 243.

337

то же в примере со съездом колдунов, поскольку дается не описание народного быта, а, так сказать, ссылка на него; поэтому ситуативную русскую реалию можно при переводе даже заменить подходящей ситуацией, понятной читателю на ПЯ.

Частным вопросом является передача намеков неизвестные литературные произведения. Эта тема относится скорее к фразеологии -- мы говорили о крылатых словах, цитатах, фразеологических сочетаниях, связанных с бытом и культурой народа, но одетых в точно определен-' ную языковую форму. Однако здесь нужно отметить те случаи, когда самой цитаты или поговорки нет, а есть только аллюзия. "Ты сетовал, дорогой Крокодил, что о твоих собратьях сказано и написано много несправедливого. И нрав-то у вас, мол, зверский, и питаетесь-то вы к а л о ш а м и, и ваша скупая крокодильская слеза (разрядка наша -- авт.) насквозь фальшивая"1. Как переводить "крокодильскую слезу" -- догадаться несложно: фразеологизм крокодиловы слезы принадлежит к интернациональным; но почему крокодил "питается калошами" знает только русский и те из читателей-иностранцев, которые знают русскую детскую литературу ("Телефон" и "Крокодил" К. Чуковского). Или такой текст: "Я хотел посоветовать владельцу [который не мог найти необходимые ему запчасти] насоса печально апробированный в прошлом метод: если нет грузил -- отвинчивай гайки (разрядка наша -- авт.) на железной дороге.."2. Ведь если в переводе не намекнуть на "Злоумышленника" Чехова, апробация лишается смысла. Как поступить с переводом следующего текста: "Жизнь такова, что безоблачного счастья не бывает. Всегда находится кто-то третий, который., подбросит свою ложку дегтя или надушенный платок (разрядка наша-- авт.) с чужими инициалами"3? Выделенные слова делают последнюю фразу намного более емкой, чем если бы за ними не скрывалась связь с известными читателю подлинника мыслями -- о ложке дегтя в бочке меда и эпизоде с платком Дездемоны -- аллюзии, которые должны сохраниться и в переводе.

О том, как "переводить" такие "намеки на факты, общеизвестные там и тогда, где и когда создавался ори-

гинал, но неизвестные читателю перевода", довольно подробно говорит И. Левый, считая подстрочные примечания непригодными и предлагая давать "пояснение в самом тексте"'. Присоединяясь к его мнению, мы все же считаем, что такое пояснение далеко не всегда можно ввести в текст безболезненно, и тогда, конечно, если потеря в противном случае будет слишком велика, придется прибегнуть к сноске -- один из немногих случаев, когда она будет признаком не переводческого бессилия, а заботы о читателе.

В наш век развития точных наук и небывалого информационного потока, казалось бы, возможно существование только узких специалистов. Это не совсем так: если последние энциклопедисты вымерли где-то на рубеже XVIII и XIX веков, то в области художественного перевода в наше время они достигают своего апогея. Говоря об "общей культуре" переводчика, обычно подразумевают, что, в частности, в области художественной литературы он должен иметь универсальные знания. Больше того: эти знания его непременно должны быть в двух планах -- тех языков, с которого и на который он переводит, т. е. он должен иметь совершенно ясное представление о фоновых знаниях носителей ПЯ в отличие от носителей ИЯ. Например, он обязан знать, что средний русский читатель хорошо знаком со многими из понятий естественных наук: русские знают (как из жизни, так и из литературы) больше наименований рыб и камней, зато у болгарского читателя значительный запас названий цветов, но очень мало морских терминов; английский читатель более сведущ в области географии и библейской фразеологии и т. д. Знания эти должны быть как в синхроническом, так и в диахроническом плане, иными словами, одно из ключевых знаний для переводчика -- область истории.

Специалисты утверждают, что существуют более 200 дефиниций понятия культуры -- слишком много, чтобы нам добавлять еще одну. Для наших скромных целей достаточно будет указать на осведомленность переводчика в области интернациональной, региональной и национальной культур, которые не нуждаются в особых дефи-

1 Кр., 1975, N 25, с. 6.
2 И, 28.V.1974.
3 И, 2. IV. 1975.
338
Левый И. Указ, соч., с. 135--137.
339

ницият после того, что было сказано о реалиях. Важно только повторить, что переводчику нужно довольно точно знать, что, скажем, из общей культуры, знает его читатель в отличие от читателя подлинника. Например, если в тексте написано: "Сан-Томе и Принсипи занимают пятое место по выращиванию какао-бобов.. Два других "кита" (разрядка наша -- авт.), на которых зиждется экономика страны, -- кофе и копра" ', то сумеет ли читатель разобраться, при чем здесь киты? Или так: "..я убедился: точность на заводе не ч ья-т о (разрядка наша-- авт.) "вежливость", а привычка, обычай, стиль работы"2-- при чем тут вежливость, да еще чья-то? Если для русских читателей вопросы о "трех китах" и "вежливости королей" покажутся элементарными, то может быть, среднему американскому читателю стоило бы подсказать, в чем дело.

Интересна страноведческая сторона вопроса, часто обозначаемого словами "так говорят" или "так не говорят по-русски (английски, французски и т. д.)". Разбирая сделанный В. М. Топер перевод "Тяжелых времен" Диккенса, М. Лорие останавливается на характерном обозначении англичанами времени -- в неделях, а не месяцах: "The marriage was appointed to be solemnized in eight weeks time"; в переводе -- "через два месяца", потому что "по-русски говорят не "8 недель", а "два месяца"3. Ж-Мунен упоминает, что "араб в Египте предпочитает делить час на три трети, а не на четыре четверти"; а что должен делать переводчик? На наш взгляд, ответ будет такой: если вопрос в тексте ставится "так говорят или не говорят- на таком-то языке", то определенно нужно учесть положение в ПЯ, и тогда будут "два месяца" и деление часа на половинки и четвертинки; если же -- "так гово-рит или не говорит русский (китаец, испанец и т.д.)", то сохраняется обычная для ИЯ форма; например, в прямой речи мы не рекомендовали бы превращать привычные для говорящего (англичанина) недели в не привычные для него месяцы.

Все вышесказанное, мы уверены, не исчерпывает вопрос о "непереводимом", которое все-таки можно и должно перевести, т. е. переложить, перевыразить, передать

читателю. Все наши мнения тоже не претендуют на исчерпывающий характер и окончательность. Это всего лишь попытка примирить практику с теорией и дать возможность теории прийти на помощь практике. Мы глубоко убеждены, что в каждом виде творчества (а перевод -- творчество!) есть или должны быть установленные исходные правила или начала, типичные основные проблемы и способы их разрешения, на почве которых и в рамках общепринятой "технологии" рождается искусство.

1 И, 16.IX.1975.
И, 3.1X.1974.
3 Лорие М. Об одном хорошем переводе. -- МП, 1964, 4, с. НО.
340

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сергей Влахов, Сидер Флорин НЕПЕРЕВОДИМОЕ В ПЕРЕВОДЕ
Редактор М. А. Романова
Издательский редактор Я. Л. Образцова
Оформление художника Н. Манпкало
Художественный редактор В. В. Сурков
Технический редактор И. Г. Макарова
Корректор П. П. Ангелова
ИБ N 392

Сдано в набор 24.10.79. Подписано в печать 18.03.80. Формат 84X108'/32. Бумага тип. N 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 18,90. Тираж 9000 экз. Заказ N 747. Цена 1 р. 90 к. Изд. N 59/78Ф.

Издательство "Международные отношения" 107053 Москва Б-53, Садовая Спасская, 20

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграф-прома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

383